Святой Праведный Иоанн Кронштадтский

ЖИЗНЕОПИСАНИЕ, ЧУДЕСА И НАСТАВЛЕНИЯ

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Жизнеописание, чудеса и наставления

Минск
Лучи Софии
2001

ББК 86.37
С 25
УДК 27

По благословению
Высокопреосвященнейшего
Митрополита Минского и Слуцкого
Патриаршего Экзарха всея Беларуси
ФИЛАРЕТА

С 25 Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Жизнеописание, чудеса и наставления. Сборник/ Сост. И.В.Новиков - Мн.: Лучи Софии. Издание второе, исправленное. - 2001. - 432 с.

ISBN 985-6171-44-х

В сборник вошли наиболее вдохновенные воспоминания об о.Иоанне Кронштадтском его современников и духовных чад, отрывки из повествований И.К.Сурского, митрополита Вениамина (Федченкова), епископа Арсения (Жадановского) и других.

Также в книге приводятся слова о. Иоанна и отдельные наставления для мирян и молитвы из духовного произведения “Моя жизнь во Христе”.

Книга будет интересна любому современному читателю.

УДК 27
ББК 86.37

ISBN 985-6171-44-х

Господи! Имя Тебе — Любовь: не отвергни меня, заблуждающагося человека.

Имя Тебе — Сила: подкрепи меня изнемогающаго и падающаго.

Имя Тебе — Свет: просвети душу мою, омраченную житейскими страстями.

Имя Тебе — Мир: умири мятущуюся душу мою.

Имя Тебе — Милость: не переставай миловать меня.

о. Иоанн Кронштадтский

"В 18-летнем возрасте я впервые поехал в Кронштадт к отцу Иоанну. Там обратился к его псаломщику, которому дал 10 рублей, и он провел меня в алтарь правого придела Андреевского собора, где я ожидал о. Иоанна. Отец Иоанн действительно вошел в этот алтарь, но, увидев меня, обошелся со мною сурово, дал мне несколько наставлений и велел выйти из алтаря...

Когда я был уже взрослым, о. Иоанн неоднократно бывал у моих родителей, где служил молебны.

Со своей стороны, я также нередко ездил в Кронштадт к отцу Иоанну с членами моей семьи и с моими друзьями протоиереями Гронским и Прудниковым, тоже прозорливым старцем и молитвенником, весьма любимым о. Иоанном... Ходили к ранней обедне, причем я постоянно стоял в алтаре. После обедни мы ходили к о. Иоанну в гости и он угощал нас чаем...

При жизни о. Иоанна я многократно получал великие милости Божии по его молитвам. А после преставления его я получал эти милости по молитвам у его гробницы. Когда же прекратилась возможность молиться у гробницы отца Иоанна, я стал молиться ему всюду и везде, продолжая получать великие милости Божии, и чувствую совершенно ясно его личное руководство мною в прославлении Бога в нем...

Господу Богу было угодно сосредоточить в моих руках значительное количество воспоминаний об о. Иоанне и рассказов о его благотворениях, чудесах, прозорливости, пророчествах и других поразительных проявлениях через него силы Духа Святого... Я глубоко убежден, что чтение этой книги доставит величайшее утешение и духовную радость верующим".

И.К.Сурский

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Детство и школьные годы о. Иоанна

Родился он на Крайнем Севере, в бедном селе Суре, Пинежского уезда, Архангельской губернии. Его отец Илья Сергиев был бедный псаломщик этого села, в деревянной церкви которого даже священные сосуды были оловянные. "Мать его звали Феодорой. Насколько можно судить по разным данным, отец был человеком уравновешенного, кроткого нрава, а мать, несомненно, была чрезвычайно энергичной женщиной со взглядом орлицы. Отец обладал тонким каллиграфическим почерком, который передался по наследству и сыну, но от матери перешли в почерк будущего светильника порывы силы. Кроме мальчика были в семье и девочки". *Митрополит Вениамин (Федченков).*

Родители его были люди очень набожные и благочестивые. И вот у этих-то бедняков родился слабенький ребенок, которого, как написано в его метрике, поспешили окрестить, чтобы он не умер без Святого Крещения, и которого Бог сделал величайшим светилом конца XIX и начала XX столетий и даровал ему всю полноту Духа Святого. Не знатное и богатое мира избрал Бог, а худородное, смиренное и кроткое.

Родился отец Иоанн 19 октября 1829 года и наречен Иоанном в честь св. Иоанна Рыльского, подвизавшегося на Балканах, где и почивают его мощи.

Слабенький ребенок быстро окреп и стал здоровым мальчиком. Идя в школу, он постоянно останавливался и молился пред старинной церковью во имя Святителя Николая Чудотворца, построенной еще в XVII веке.

Когда мальчику было 6 лет, он однажды увидел в горнице Ангела, блиставшего небесным светом, и весьма смутился, но небожитель сказал ему, что он его Ангел-хранитель, всегда стоящий окрест его в соблюдение, охранение и спасение от всякой опасности, и будет хранить его всегда на протяжении всей жизни.

Ваня постоянно ходил с отцом в церковь и полюбил церковные службы и богослужебные книги, и сделался набожным и благочес-

тивым. Он был послушен родителям и старался во всем поступать сообразуясь с волей Божией.

О. Иоанн, впоследствии уже прославленный, неоднократно говаривал, что все свое благочестие он почерпнул из чтения богослужебных книг.

Весьма характерно, что односельчане о. Иоанна еще в мальчике Ване прозрели великого молитвенника и в бедах и нуждах своих всегда просили его помолиться за них.

Когда пришло время учиться, родители собрали последние деньги и определили мальчика Ваню в Архангельское приходское училище. Учение давалось ему туго: он плохо понимал и запоминал. Это обстоятельство чрезвычайно огорчало и смущало доброго мальчика, так как он сознавал, как трудно дается родителям его учение.

Больно мучила его мысль о родном доме, о тамошней нищете, и, кажется, в это время он научился с особой болью чувствовать чужую нужду, болеть о чужой бедности и нищете; он больше всего грезил о том, что когда вырастет, то выведет отца и мать из нужды и поможет всем. В Ване развивалась болезненная чуткость к страданию.

Школьная мудрость оказалась для него еще труднее начального учения. Ласковой помощи матери около него не было, учителя мало заботились о том, чтобы помогать ученикам. Школьное дело шло плохо. Он работал целые дни и все-таки не успевал. Поэтому, движимый пламенной верой в Бога, он однажды, ложась спать, особенно горячо помолился Богу, прося Господа просветить его ум к разумению учения. Молитва веры кроткого и смиренного мальчика была услышана, и Господь обильно излил на него дары Святого Духа.

Вот что пишет об этом сам о. Иоанн: "...Ночью я любил вставать на молитву. Все спят... тихо. Не страшно молиться и молился я чаще всего о том, чтобы Бог дал мне свет разума на утешение родителям. И вот, как сейчас помню, однажды был уже вечер, все улеглись спать. Не спалось только мне, я по-прежнему ничего не мог уразуметь из пройденного, по-прежнему плохо читал, не понимал и не запоминал ничего из рассказанного. Такая тоска на меня напала: я упал на колени и принялся горячо молиться. Не знаю, долго ли я пробыл в таком положении, но вдруг точно потрясло меня всего. У меня словно завеса спала с глаз, как будто раскрылся ум в голове и мне ясно представился учитель того дня, его урок; я вспомнил даже, о чем и что он говорил. И легко, радостно так стало на душе. Никогда не спал я так

спокойно, как в ту ночь. Чуть светало, я вскочил с постели, схватил книги и — о счастье — читаю гораздо легче, понимаю все, а то, что прочитал, не только все понял, но хоть сейчас и рассказать могу. В классе мне сиделось уже не так, как раньше, — все понимал, все оставалось в памяти. Дал учитель задачу по арифметике — решил, и учитель похвалил меня даже. Словом, в короткое время я подвинулся настолько, что перестал уже быть последним учеником. Чем дальше, тем лучше и лучше успевал я в науках и в конце курса одним из первых был переведен в семинарию".

Из приходского училища он перешел в семинарию, которую и окончил первым. За блестящие успехи он был принят на казенный счет в С.-Петербургскую Духовную академию.

Во время пребывания его в академии умер его отец, и мать осталась в крайней бедности. Обстоятельство это очень огорчало любящего сына, и он стал искать заработка, что ему и удалось: он получил переписку, за которую зарабатывал 10 рублей в месяц. Деньги эти он отсылал горячо любимой матери и был бесконечно счастлив, что мог помогать ей.

В академии он посвящал много времени богомыслию и понял, что он готовится к борьбе с духами злобы поднебесной, миродержителями тьмы века сего — диаволом и ангелами его.

Сначала он подумывал поступить в монашество и ехать миссионером в далекий Китай, но потом убедился, что и в столице и ее окрестностях очень и очень много работы истинному пастырю стада Христова.

Отец Иоанн — священник

Благий Человеколюбче! Иже тварь единым словом соделавый и из нея человека создавый, посети же неизреченным Твоим человеколюбием падшаго раба Твоего, яко да не погибнет до конца дело руки Твоея...

(О. Иоанн Кронштадтский)

По окончании академии Иоанну Ильичу Сергиеву предложили должность священника в кронштадтском соборе во имя Св. Апостола Андрея Первозванного.

“В это время в Кронштадте скончался протоиерей Андреевского собора отец Константин; и от него осталась взрослая дочь Елизавета, — пишет митрополит Вениамин (Федченков). — По старым обычаям, особенно если после умерших оставались сироты, приход передавался кандидату, который женился на осиротевшей дочери. Обычай тоже добрый. Так Иоанн и Елизавета сочетались браком. Но с самого начала совместной жизни молодой муж упросил жену жить в девстве, как брат с сестрой. Подобные примеры, — хотя и немного, знает история Церкви. Знал о них и Сергиев, но не они решили такой трудный вопрос, а чистая, целомудренная душа и твердая воля будущего пастыря. Ему хотелось всецело отдать себя на служение Богу и ближним. Если уж отклонено было монашество, то нужно сохранить девство при браке. Всякий понимает, какую трудную задачу брал на себя молодой студент. Но он поднял ее с дерзновением”.

...Отец Иоанн “уговорил свою супругу остаться девственниками”. Нам давно было известно, что не вдруг согласилась она на сей великий подвиг тайного девства. По сему поводу она даже обращалась с жалобой к митрополиту Исидору, который, призвав о. Иоанна, долго и с угрозами уговаривал его иметь общение с супругой. Но о. Иоанн не согласился на сие и сказал митрополиту: “В этом есть воля Божия и вы ее узнаете”. И лишь только о. Иоанн вышел от митрополита, как Владыка сразу же ослеп. Он быстро вернул о. Иоанна и стал просить прощения и исцеления, и немедленно получил то и другое. Тогда митрополит призвал супругу о. Иоанна и уговорил ее жить девственно...

Когда кандидат богословия Иоанн Ильич Сергиев впервые вошел в Андреевский собор, то был поражен тем, что внутренний вид собора ему хорошо знаком, так как это был тот храм, который он с необыкновенной ясностью видел в молодые годы во сне. В сновидении этом он, кроме того, видел, будто он вошел в северные и вышел в южные врата алтаря. Тогда он понял, что Сам Бог назначил его священствовать в этом храме.

Посвящен он был в сан священника 12 декабря 1855 года.

Отслужив первую Литургию в Андреевском соборе, о. Иоанн сказал следующее вступительное слово: “Сознаю высоту сана и соединенных с ним обязанностей, чувствую свою немощь и недостоинство, но уповаю на благодать и милость Божию *“немощная врачующую и оскудевающая восполняющую”*. Знаю, что может сделать меня

более или менее достойным этого сана и способным проходить это звание: это любовь ко Христу и к вам, возлюбленные братья мои... Любовь — великая сила; она и немощного делает сильным и малого великим... Таково свойство любви чистой, евангельской. Да даст и мне любвеобильный ко всем Господь искру этой любви, да воспламенит ее во мне Духом Своим Святым".

Господь Вседержитель даровал пророку своему Иоанну беспредельную любовь к Богу и людям. О. Иоанн имел от Духа Святого и дар пророчества.

Отец Иоанн, несомненно, еще от чрева матери своей был предназначен Господом Вседержителем, чтобы показать людям, что Сила Божия не ослабела с веками, но может и в наше время — материализма и безверия — творить великие знамения и чудеса, как в первые века христианства, и чтобы укрепить в избранниках Божиих веру и силу духа на борьбу даже до смерти с дьяволом и ангелами его.

Кронштадт, куда был назначен о. Иоанн, был местом административной высылки из столицы порочных людей (бродяг, не помнящих родства и т.п.). Люди эти ютились на окраинах города в землянках и лачугах, шатались по улицам, попрошайничали и пьянствовали. Кроме того, в Кронштадте было много чернорабочего люда, работавшего в порту, так как в то время морские суда не могли из-за мелководья доходить до Петербурга и товары с них перегружались на мелкие суда, а затем иностранные корабли нагружались русскими товарами.

И вдруг, по повелению Божию, в среде этого мрака блеснул яркий луч Божией любви: вновь посвященный молодой священник Андреевского собора о. Иоанн Ильич Сергиев стал посещать эти лачуги, и землянки, и бедные квартиры. Он утешал брошенных матерей, нянчил их детей, пока мать стирала; помогал деньгами; вразумлял и увещевал пьяниц; раздавал все свое жалованье бедным, а когда не оставалось денег, отдавал свою рясу, сапоги и сам босой возвращался домой.

Сначала эти черствые, грубые люди не понимали святого порыва доброго пастыря, косились на него и относились даже враждебно. Однако, видя его необычайную доброту и материальную помощь, постепенно поняли, что Бог послал им любвеобильного друга, благодетеля.

Сослуживцы о. Иоанна — духовенство Андреевского собора — говорили жене его: "А твой-то сегодня опять босой пришел". Не

нравилось им это, не понимали они святого. И стали они хлопотать, чтобы жалованье отца Иоанна выдавалось не ему, а его жене.

Начало чудотворений

Но не одну только материальную помощь оказывал о. Иоанн страждущим людям; он вразумлял и увещевал нравственно падших людей, он молился об исцелении болящих. Молитву об исцелении о. Иоанн начинал сначала молитвой о прощении грехов болящему. Если его звали к больному ночью, то он тотчас торопливо одевался и ехал. Он посещал всяких больных, не исключая и самых острозаразных. За такие поездки к больным и за молебны об их исцелении о. Иоанн не только ничего не требовал и не просил, но и не думал о получении какой-либо платы.

Он сумел поверить словам Христовым, которым, к сожалению, никто не хочет верить: “туне приясте, туне дадите”, т.е. даром получили благодать Духа Святого — даром и давайте ее. Благодать чудотворения далась о. Иоанну не сразу, а как результат его многолетнего подвижничества.

Один из прозорливых учеников св. Серафима Саровского послал праведную старицу Параскеву Ковригину послужить подвижнику Божию о. Иоанну, тогда еще скрытому от мира. По особому указанию Божию, через эту праведную старицу совершилось прославление о. Иоанна — открытие светильника Христова для всей России.

И стали доходить молитвы о. Иоанна к Богу, и Господь, по молитвам угодника Своего, исцелял больных, восстановлял безнадежных, от лечения которых отказывались доктора.

Сохранилась точная запись рассказа самого о. Иоанна о первом его чуде своим сопастырям-священникам в беседах его с ними: “...У вас, братия, мои сослужители, несомненно является вопрос в душе, как я имею дерзновение так ездить по всей России, молиться за столь многих, кто просит моей молитвы. Быть может, кто-нибудь назовет это дерзостью... Но я не решился бы, братия, на такое великое дело, если бы не был зван к нему свыше... Дело было так. Кто-то в Кронштадте заболел. Просили моей молитвенной помощи. У меня и тогда была уже такая привычка: никому в просьбе не отказывать. Я стал молиться, предавая болящего в руки Божии, прося у Господа исполнения над болящим Его Святой воли. Но неожиданно приходит ко

мне одна старушка (родом костромичка), которую я давно знал. Она была богобоязненная, глубоко верующая женщина, проведшая свою жизнь по-христиански и в страхе Божием кончившая свое земное странствование. Приходит она ко мне и настойчиво требует от меня, чтобы я молился о болящем не иначе, как о его выздоровлении. Помню, тогда я почти испугался: “Как я могу, — думал я, — иметь такое дерзновение?” Однако эта старушка твердо верила в силу моей молитвы и стояла на своем. Тогда я исповедал пред Господом свое ничтожество и свою греховность, увидел волю Божию во всем этом деле и стал просить для болящего исцеления. И Господь послал ему милость Свою — он выздоровел. Я же благодарил Господа за эту милость.

В другой раз по моей молитве исцеление повторилось. Я тогда в этих двух случаях прямо уже усмотрел волю Божию, новое себе послушание от Бога — молиться за тех, кто будет этого просить. И теперь я и сам знаю и другие передают, что исцеления по моей молитве совершаются. Особенно поразительны исцеления бесноватых, всегда страшно страдающих. И бывали случаи, что иногда приводят такого одержимого злым духом, изрыгающего хулы и в то же время говорящего, очевидно, бессознательно и вполне бессвязно. А по прочтении мною над ним молитв больной делается радостным, покойным, принимает покойно Св. Тайны, от которых ранее всеми силами старался уйти. И замечательно, что такие больные ничего почти не помнят из того, что они говорили в состоянии беснования. Ясное дело, что они говорили не по своей воле, а по воле, противной воле Божией — бесовской.

Часто бесы долго удерживают власть над больными, ими одержимыми, долго сопротивляются. Тогда больные произносят слова: “Мы застарелые, мы давно получили над ним (т.е. больным) власть”... Но сила Божия, которой трепещут бесы, их побеждает. О своем душевном состоянии могу я вам сказать, что исполняю древнее великое правило: познай себя самого. Это собственно содержание и всей моей жизни: и доселе я не перестаю “познавать самого себя”. Через это я познаю свою беспомощность во всех отношениях, а это меня заставляет смиряться.

Правда, все, что я делаю доброго, то делаю по милости Божией. А помощь Божию я на себе вижу во всем и считаю себя нерадивейшим, худшим из всех пастырей русских, потому что, если бы эти Божии

дары, мною получаемые, были у кого-нибудь другого, он сделал бы добра гораздо больше, чем я.

Постоянное изучение своей природы заставляет меня быть и постоянно осторожным и постоянно просить у Бога благодатной помощи для очищения от грехов. И это же знание своих человеческих немощей заставляет меня и помогать другим, и молиться за них, сочувствовать, прощать и т.п.... "

Первый в России Дом трудолюбия

Прошло 17 лет пребывания о. Иоанна в священном сане и служения его страждущему человечеству, и он понял, что сколько он ни раздает кронштадтской бедноте, это не изменит коренным образом материального положения этих людей. Поэтому Премудрость Божия вразумила о. Иоанна устроить в Кронштадте Дом трудолюбия, в котором безработные и праздные люди могли бы заработать себе дневное пропитание, ночлег и немного денег.

И написал о. Иоанн в 1872 г. два воззвания к своей кронштадтской пастве, чтобы она помогла ему осуществить эту великую идею.

Вот фрагмент первого воззвания: "...Хотите удостовериться в множестве нищих в Кронштадте? Выйдите по утру, часов в 9 или 10, в субботу, и вы во множестве увидите их в гостином дворе и по всем улицам. В этот день они собирают милостыню, как в день сборный, в который бывает им подача по 1/4 копейки, редко по грошу, и вы уверитесь в справедливости сказанного. Да это еще далеко не все: сколько есть больных, старых и малых, не могущих ходить за подаянием! Хорошо бы для ознакомления с количеством кронштадтских нищих привести в известность их число! А угодно кронштадтской публике видеть непривлекательную картину бедности наших нищих? Вы заранее отказываетесь ее видеть, вы отворачиваете лицо! Не гнушайтесь, ведь это члены наши, ведь это братья наши, хотя и непривлекательные по наружному виду. Вот эта картина: представьте себе сырые, далеко ушедшие в землю, подвалы домов некоторых улиц, в которых по преимуществу помещаются наши нищие; тут помещается по 30, 40 и 50 человек в жилье, иногда положительно как сельди в бочонке; тут старые и взрослые, и малые дети, тут и младенцы, сосущие сосцы, в сырости, в грязи, в духоте, в наготе, а часто и в голоде. Интересующийся сам может проверить истину этих слов. Но к чему

же я утомляю такой картиной воображение читателей, привыкших к изящной обстановке? Не для того, конечно, чтобы читатель только сказал: слава Богу, что я не родился в бедности или не живу в бедности; слава Богу, что у меня есть капиталец и я обеспечен; слава Богу, что я живу с комфортом и во всяком довольстве; или: я свою лепту вношу в богадельню, на приют, до этих нищих мне дела нет. Нет, господа, это дело касается всех жителей города как живущих на жалованье, так и купцов, мещан и прочих, имеющих какое-либо состояние. В чем же дело? — спрашиваете вы. В том дело, чтобы всему кронштадтскому обществу, духовному, военному, чиновничьему, торговому, мещанскому образовать из себя попечительство или братство при разных церквах, по примеру существующих попечительств и братств в некоторых городах, в том числе в С.-Петербурге, и соединенными силами заботиться о приискании для нищих общего жилья, рабочего дома и ремесленного училища.

Не пугайтесь, господа, громадности предпринимаемого дела, доброму делу поможет Бог, — а где Бог, там скоро явится все как бы из ничего. Начальство города, конечно, будет этому содействовать и, если можно, уступит братству одно или два из ненужных казенных зданий, например соляной пустой магазин против дома Касаткина или одно из пустых зданий за канавой близ Летнего сада, так как братство будет содействовать предначертаниям самого правительства о водворении между нищими труда и довольства. Ум хорошо, а два лучше; с миру по нитке — бедному рубашка; кто чем может, тот тем и поможет. Если городу угодно было принять к себе такое множество нищих-мещан, то он, конечно, должен взять на себя и обязанность занять чем-нибудь этих праздных людей, сделать их оседлыми; иначе выйдет и возрастет неизбежное зло, воровство и грабительство, и мирные граждане не будут безопасны везде и всегда. Пора сделать что-либо решительное относительно кронштадтских мещан или устроить для них рабочий дом и для детей ремесленную школу, или же, как крайняя мера, выпроводить часть их куда-нибудь в другое место.

Итак, братья, все, кого интересует благо человечества, пусть соберутся и сплотятся в дружное общество, и будем посвящать свои досуги и собирать нравственные и материальные силы сограждан на приискание Дома трудящихся и на снабжение его потребными вещами, также и на устройство ремесленного училища".

Во втором своем воззвании о. Иоанн говорит нижеследующее: “Муравьи делают муравейники, в которых им бывает зимою тепло и сытно; звери — логовища; пчелы — ульи; птицы — гнезда, пауки — паутины, а люди — дома, магазины хлебные и магазины с разными товарами, церкви, театры, мосты, железные дороги, броненосные суда, пароходы, крепости и проч. Всякому животному дано от Бога, вложено в природу его умение довольствовать себя, защищать себя от вредного действия стихий или от живых неприятелей; а человека, существо богоподобное (в нравственном идеале), царя видимой твари, Бог наделил разумом, с помощью которого он изобрел разные полезные науки и искусства. И так как человек создан для общежития и все множество людей должно, по намерению Божию, составлять одно тело, а порознь — члены, то для благоденствия и довольства, для удовлетворения многочисленных нужд человечества или обществ человеческих Премудрость Божья и наука, от Бога данная, сообщила каждому человеку, кроме общих, особенные таланты, способности и уменье: иному власть, искусство, силу управлять людьми, другому искусство и власть учить и назидать других; иному сочинять, составлять планы и проекты, а другим приводить их в исполнение; иному искусство нападать на неприятеля или защищаться от него, тому умение вести торговлю, этому производить заводское или фабричное мастерство; иному дан талант ковать или отливать; другому владеть долотом, топором и пилою; иному шить сапоги, а другому умение шить одежду; иному прясть, ткать или вязать, иному варить и печь. Что касается кронштадтского общества, то оно так населенно и разнообразно, что в нем, по милости Божией, есть люди всякого рода, всякого дела, всякого умения или искусства: и люди власти и капитала, по желанию и инициативе которых могут делаться всякие добрые дела; есть у нас и инженеры, и архитекторы, и лесовщики, и плотники, и столяры, и портные, и сапожники, и пекари, и кухмистеры. Но рука руку моет: *сильные должны носить немощи немощных* (Рим. 15, 1).

При таком богатом разнообразии сил нашего общества, при такой его талантливости, при таком множестве людей и образованных, и дельных, и искусных, и с состоянием, хотя и не громадным, было бы и пред Богом грешно, и перед людьми стыдно оставлять такое множество наших членов (разумею наших мещан) оторванными, изолированными от общественного тела и от его благосостояния. Отчего

не связать их с общественным организмом, соорудив для них помещение и дав каждому из них дело, и тем более, что многие из них способны к разным мастерствам, — и с делом дав им хлеб и все нужное? Опять я обращаюсь к обществу с покорнейшей просьбой — обратить деятельное внимание на кронштадтских нищих мещан, приписанных Палатою к Кронштадту и не имеющих в нем никакой оседлости, приискать или сделать для них общее помещение и каждому дать соответственно его силам труд, которым он мог бы кормиться или одеваться. Во имя христианства, во имя человеколюбия, гуманности взываю: поможем этим бесприютным беднякам; поддержим их и нравственно, и материально; не откажемся от солидарности с ними как с человеками и собратами и докажем, что чувство человеколюбия в нас еще живуче и себялюбие не заело нас. Так как прежде всего нужна здесь материальная помощь, то я делаю первый почин, вношу ежегодно в кассу общества, которое примет на себя хлопоты по этому делу, семьдесят рублей с тем, чтобы не подавать на улицах и у церкви нищим.

Братья, во имя Христа и Креста возвышаю мой голос: кто еще?.. Ужели муравьям и пчелам мы дадим преимущество пред собою? Теперь многим городам России известна кронштадтская нищета; они ожидают, что мы сделаем что-нибудь к отвращению ее. Посещающие Кронштадт русские и иностранцы удивляются и множеству, и крайней лохмотности, и неопрятности наших нищих; нигде, говорят они, не видали мы нищих в таком множестве и в таком жалком виде, как в Кронштадте.

Как хорошо было бы по всем этим причинам устроить Дом трудолюбия! Тогда многие из них могли бы обращаться в этот дом с требованием сделать нам за известную плату то или другое дело, ту или другую вещь, а мещане наши жили бы, да трудились и благодарили Бога, да своих благодетелей. И нравственно многие поднялись бы. *А если бы кто, будучи здоров, не захотел работать, то из города долой: Кронштадт не рассадник тунеядцев.*

Други и братья! Примите это заявление к своему сердцу, да поближе, как свое собственное дело..."

К тому времени кронштадтская паства о. Иоанна уже хорошо понимала, что в Кронштадте воссиял великий светильник Христов. Кронштадтцы, а в том числе и Кронштадтская городская дума, чтили и горячо любили своего доброго пастыря и широко откликнулись на

его призыв, и "живо дело закипело и поспело в полчаса". В Кронштадте выросло просторное и прекрасно оборудованное 4-этажное здание — первый в России Дом трудолюбия. Закладка была 23 августа 1881 г., а открытие — 12 октября 1882 г. Всякий желающий мог получить в Доме трудолюбия простую работу, например клейку картузов, трепанье пеньки и т.п., и получал за это здоровую, сытную пищу, небольшую плату и ночлег простой, но чистый.

В Доме трудолюбия имелась домовая церковь во имя Св. Александра Невского. Прежде чем устроить эту церковь, о. Иоанн, как и при устройстве Дома трудолюбия, испытал массу всевозможных неприятностей от своих врагов и препятствий с разных сторон, но Господь вознаградил его терпение, и новая церковь вскоре стала чрезвычайно богата ризницей и церковной утварью. И пожертвования постоянно притекали.

В 1888 г. о. Иоанну удалось заложить и отстроить каменный трехэтажный дом для ночлежного приюта.

Дом трудолюбия — это целый город, полный самой кипучей, разносторонней и осмысленной деятельности. Попечительство Дома трудолюбия состояло из лиц, принадлежавших ко всем классам общества, начиная от самого высшего и кончая самым низшим. Между ними не было никакого разделения. Здесь все люди сливались в одну семью и дружно работали вместе. Нужда и горе у всех людей одинаковы. Жена псаломщика о. Иоанна Александра Алексеевна Бабенко рассказала, что, воздвигая Дом трудолюбия, о. Иоанн прежде всего построил странноприимницу, исполняя то, что любил говорить: "Дай неимущему прежде всего крышу".

Благотворительность отца Иоанна

"Строй..."

Н. Н. Животов

Начинается рассвет. Спит еще Кронштадт и только "посадская голь" начала вылезать из своих "щелей" — грязных вонючих углов в низеньких ветхих домишках. "Боже, неужели здесь живут люди", — думал я, обходя в первый раз посадские трущобы, точно вросшие в землю. Оказалось, что не только живут, но живут плотнее и скученнее, чем, например, в богадельнях или казармах. Нары понаделаны рядами, а местами еще в два этажа! Голые доски, полутемная нетопленая изба, смрадная, нестерпимо пахучая атмосфера — вот общие признаки посадских "щелей"...

...Только что пробило пять часов утра, как из убогих посадских избушек начали выскакивать фигуры, мужские и женские, в каких-то "маскарадных" костюмах: кто в кацавейке и больших калошах, кто в зипуне в торчащими клоками ваты; на голове остов цилиндра, соломенная в дырах шляпа и тому подобное. Все торопятся, точно по делу бегут...

— Не опоздать бы, не ушел бы...

Только это у всех и на уме, потому что если "опоздать" или "он" ушел — день голодовки и ночлега под открытым небом.

Конечно, этот "он" — отец Иоанн, "отец" и единственный печальник всей кронштадтской подзаборной нищеты... Без него половина "посадских", вероятно, давно извелась бы от холода и голода.

— Куда же вы так торопитесь? — спросил я одного оборванца, когда первый раз знакомился с "золотой ротой Кронштадта".

— В "строй", — отвечал он, — кто опоздает к раздаче — после не получит.

Я пошел тоже за бежавшими...

На дворе было холодно и совсем еще темно; фонарей на этих улицах в Кронштадте нет, так что ходить приходится почти ощупью. Мы прошли несколько улиц, пока на горизонте обрисовался купол Андреевского собора.

— Где "строиться"? — спрашивали "золоторотцы" друг друга...

— У батюшки, у батюшки... Он сегодня не служит в соборе.

Когда я подошел к дому, в котором живет отец Иоанн, там собралось уже несколько сот оборванцев и народ продолжал стекаться со всех сторон.

— Стройся, стройся, — слышались голоса.

Сотни собравшейся голи начали становиться вдоль забора, начиная от дома отца Иоанна по направлению к Дому трудолюбия. На одной стороне становились мужчины, на противоположной панели — женщины. Меньше чем в пять минут образовалась длинная лента из человеческих фигур, примерно в полверсты. Бедняки стояли в три колонны, то есть по три человека в ряд, так что занимали всю панель, женщин было гораздо меньше мужчин. Все ждали...

Да, такую коллекцию "сирых" трудно подобрать; если каждый из них в отдельности не способен тронуть сердце зрителя, то коллекция этих "детей отца Иоанна" может заставить дрогнуть самое черствое сердце! Пусть большая часть их пьяницы или люди порочные, пусть сами они виноваты в своем положении, но ведь это *люди*... люди страдавшие, страдающие и не имеющие в перспективе ничего, кроме *страданий!..*

Еще не было шести часов, когда из калитки хорошо знакомого "золоторотцам" дома вышел батюшка... Толпа заколыхалась, но все остались на местах, обнажив только головы.

Отец Иоанн снял свою шляпу, сделал поклон своим "детям", перекрестился на виднеющийся вдали храм и пошел по "строю".

— Раз, два, три... десять... двадцать...

Двадцатый получил рубль для раздела с девятнадцатью коллегами. Опять: "раз, два, три... десять... двадцать" и опять рубль. Так до самого конца "строя". Только что кончился счет, вся толпа бросилась со своих мест к батюшке. Кто становился на колени, кто ловил руку батюшки для поцелуя, кто просил благословения, молитвы; некоторые рассказывали свои нужды... И отец Иоанн всех удовлетворил, никому не отказал; видно было, что почтенный пастырь сроднился с этой средой, понимает их без слов, по одному намеку, точно так же, как и толпа понимает его по одним жестам...

"Строй золоторотцев", как я называю нищих отца Иоанна, образовался давно уже, лет тридцать, но дисциплинировался, развился и приумножился за последние годы. По самому умеренному расчету, число бедняков, живущих на счет отца Иоанна, достигает тысячи человек, причем все они ежедневно утром и вечером получают не-

сколько копеек. Независимо от этого, для них устроены на средства кронштадтского пастыря ночлежный приют, рабочий дом и двенадцать благотворительных заведений. Я упоминал прежде, что содержание приютов, лечебниц, мастерских и других заведений при кронштадтском Доме трудолюбия обходится отцу Иоанну в пятьдесят-шестьдесят тысяч рублей ежегодно, не считая утренних и вечерних раздач, а также случайных выдач, более или менее крупных.

Бедняки привыкли смотреть на заботы о них почтенного пастыря как на что-то должное, почти законное. Если иногда случается, что при разделе "строй" получает по две копейки на человека, вместо ожидавшихся трех, то раздаются громкие протестующие голоса:

— Не брать, ребята, ничего не брать, не надо. Этак завтра батюшка по копейке даст. Что ж мы будем на улице ночевать, что ли (в ночлежном приюте взимается по три копейки с человека).

— Митрич, ступай депутатом к батюшке; скажи, что меньше трех мы не берем.

Впрочем, эти голоса никогда не одерживали победы и оставались в ничтожном меньшинстве. Ни "Митрич" и никто другой никогда не решились бы идти с протестом, а так погалдят, пошумят, возьмут, конечно, то, что дают, и разбредутся по домам.

Отец Иоанн и сам смотрит на заботы о кронштадтских бедняках как на свою обязанность. Последние годы он не имеет времени оделять "строя", но поручает это кому-либо из приближенных, а когда уезжает в Москву или на родину, то оставляет на все дни определенную сумму с тем, чтобы бедняки ежедневно утром и вечером получали по три или пять копеек (смотря какими ресурсами располагает пастырь).

"Строй" обожает своего "отца" и "кормильца", нравственное влияние батюшки на него громадно.

Однажды имел место следующий случай. Бывший полицеймейстер Головачев сообщил отцу Иоанну, что его нищие занимаются грабежами и что один из них сорвал с господина Б. дорогую бобровую шапку, когда тот проезжал вечером по одной глухой улице. В тот же день по получении этого известия отец Иоанн собрал свой "строй" и объявил ему неприятную весть. "Строй" молча выслушал батюшку, и десятки голосов отвечали:

— Не наших это, батюшка, рук дело. Сегодня же мы разузнаем и найдем виновника.

Действительно, в тот же день вечером бобровая шапка была доставлена отцу Иоанну...

Вообще, довольно батюшке намекнуть о каком-либо желании, чтобы бедняки немедленно приняли все меры к выполнению воли своего "отца".

"Строй" подвергается довольно частым видоизменениям. Можно назвать несколько десятков (а может быть, и сотен) бедняков, которые под влиянием пастырства отца Иоанна и при его материальной поддержке и помощи сделались теперь если не богатыми, то сравнительно достаточными тружениками: некоторые получили хорошие места, другие сделались торговцами, третьи покинули Кронштадт и Петербург, отправившись на заработки в провинцию. Но прибывающих всегда больше выбывающих, почему численность "строя" растет с каждым годом. Конечно, в массе есть люди порочные, есть и профессиональные нищие, но можно утверждать, что хороших больше, чем худых, и несчастных больше, чем порочных, даже много больше. Отец Иоанн знает про плевелы своей паствы и старается игнорировать их по возможности, но никогда не выделяет их из "строя" при разделе подаяния, руководствуясь общим правилом: "просящему у тебя дай". А если этот "просящий" снесет подаяние в кабак, — это дело его совести, он за это отвечать будет.

Отец Иоанн, как мы видели выше, отправляет в течение долгого тридцатипятилетнего периода все священнические обязанности, до законоучительства включительно, наравне со всеми другими иереями у него есть *свои* прихожане, требы и так далее, как и во всех других церквах с одним или несколькими священниками; но та деятельность, о которой мы будем говорить ниже, выходит из пределов "прихода" кронштадтского Андреевского собора, как вообще она выходит из пределов *обязанностей* духовного отца и пастыря церкви. Эта деятельность "вне-нормальная", если можно так выразиться, или "сверх-нормальная", и она-то дает отцу Иоанну тот нравственный облик, который подобно магниту притягивает к себе сердца людей, заставляя их искать скромного и ничем по внешнему виду или положению не выделяющегося священника.

Мы говорили о необыкновенной популярности отца Иоанна, представляющего собой образец как добродетели, так и скромности чисто христианской, и здесь мы хотим только протестовать против упреков некоторых скептиков, ставящих отцу Иоанну чуть ли не в вину

его популярность. Мы можем засвидетельствовать, что у отца Иоанна Сергиева *постоянно* правая рука не знает, что делает левая. Он избегает всякого проявления благодарности, прячется от разных депутаций или демонстраций, и неоднократно при виде встречающей его тысячной толпы он восклицал:

— Что мне с ними делать? Научите, куда от них укрыться...

Пробовал отец Иоанн просить своих почитателей с церковной кафедры держать себя скромнее и не устраивать ему триумфов, при редких беседах с представителями печати он просто умолял не печатать о случаях исцеления его молитвами и вообще не писать о его деятельности; наконец, придумывал он разные потаенные входы и выходы, но все напрасно! Чем больше избегал он огласки и популярности, тем больше его преследовали, так что, махнув в конце концов на все рукой, он сделался совершенно равнодушен ко всему окружающему и не замечал, кажется, что происходит вокруг. Затрут ли его толпой, он будет стоять и ждать, пока кто-нибудь не высвободит его или сами осаждающие не сделаются снисходительнее; встречают ли, провожают ли его, он раскланивается, терпеливо все выслушивает и, как посторонний свидетель, идет далее своей дорогой. За все тридцать пять лет священнослужения отец Иоанн не только ни разу не вызвал какой-либо демонстрации, но не дал даже малейшего повода заподозрить его в желании стать предметом демонстративного чествования. Мало того, когда он замечал только желание с чьей-либо стороны эксплуатировать его популярность (а таких поползновений было множество), он резко и решительно обрывал свои отношения.

Мы говорим все это, чтобы представить благотворительную деятельность кронштадтского пастыря в надлежащем виде. Человек, который сам спрашивает Дом трудолюбия, сколько он ему прислал или пожертвовал тогда-то; который, получая одной рукой запечатанный пакет с деньгами, тут же передает его просящему, не распечатывая; наконец, который отдает неимущим *все*, что получает с имущих, а это "все" равняется нередко сотням тысяч рублей, такой человек не может искать популярности просто потому, что она ему ни на что не нужна. Человек, который отказывает в посещении предлагающему ему тысячу рублей, а идет в подвал к нищему, которому, кроме посещения, надо еще дать из своего кармана помощь материальную, не может быть заподозрен в какой-нибудь корысти... Здесь нет места мелочным целям земного тленного богатства.

Переходим теперь после этой оговорки к подробностям благотворительности отца Иоанна. Мы видели десятки случаев, когда молитва отца Иоанна совершала даже чудеса, перерождала душу и сердце человека, совершала нравственный подъем упавшего духа, исцеляла телесные недуги и так далее. Легкомысленно было бы думать, что всякий больной, обратившийся в критическую минуту к молитве отца Иоанна, получал непременно исцеление. Тогда это была бы какая-то клиника, в которую обращались бы все "на случай", как теперь обращаются к барону Вревскому и разным знахарям.

— Поможет — хорошо, а не поможет — все равно умирать надо, — доктора отказались лечить...

Если мы знаем сотни случаев, когда молитва отца Иоанна спасала больных и помогала умирающим, то мы знаем также тысячи случаев, когда к нему писали и ездили "на авось", но никакой помощи не получали.

"Молитесь, Господь поможет вам *по вере вашей"*, — говорит всегда отец Иоанн и в этом смысле молится сам.

Очевидно, если к молитве обращаются "на случай", как к соломинке, за которую хватается утопающий, то нечего и ждать от отца Иоанна какой-либо помощи, потому что он прежде всего человек искренно и глубоко верующий, живущий по букве и духу евангельского Писания.

Напротив, те сравнительно немногие, которые находили нравственное или физическое исцеление у отца Иоанна, были все без исключения люди или набожные, или проникшиеся в ту минуту, когда они говорили с отцом Иоанном, твердой и непоколебимой верой в возможность чудесной силы Божией, ниспосылаемой по молитве людей, сильных верой и благочестивой жизни. Правы они или нет, имеем ли мы здесь дело с Промыслом Божиим или простой случайностью — оставим на совести каждого. Наша задача — правдиво передать только одни факты, не пытаясь давать им научного или канонического толкования...

Мы имеем отчеты за все годы существования кронштадтского Дома трудолюбия, и из них особенно характерно видна основная черта деятельности отца Иоанна — поразительная скромность. Отец Иоанн не состоит в правлении "Дома" ни председателем, ни почетным управителем или распорядителем; все почетные звания и должности розданы другим, а между тем участие этих "других" и отца Иоанна

выражается такими цифрами: “другие” полторы, много две тысячи рублей в год вносят в кассу общества, а отец Иоанн пятьдесят-шестьдесят тысяч... Нужно выстроить флигель или здание для помещения ночлежного приюта — “другие” составляют планы, сметы, заведуют постройкой; а отец Иоанн в стороне... он дает деньги на постройку... только!”

1891 г.

Из воспоминаний Н.Т.

Ездил я, будучи пажом, к отцу Иоанну в Кронштадт вместе с одним товарищем. Когда мы садились в Ораниенбауме на пароход, оказалось, что с тем же пароходом возвращается к себе отец Иоанн, к которому мы тотчас же и подошли и имели счастье всю дорогу с ним беседовать и поучаться его наставлениями.

Когда пароход пристал к Кронштадту, отца Иоанна там уже ждали. На улице, прилегающей к пристани, в два ряда стояли шпалерами нищие, человек около двухсот. Отец Иоанн, выйдя на берег, подошел к ним и начал оделять их милостыней. При этом нам посчастливилось быть очевидцами прозорливости отца Иоанна. Кто-то около нас из пассажиров, молодой интеллигент довольно развязного типа, сказал своему соседу студенту вполголоса, указывая на отца Иоанна, раздающего деньги на другом конце улицы: “Поощрение тунеядства!” Когда отец Иоанн окончил раздачу, то вернулся к пристани, где еще стояли те молодые люди, дожидаясь извозчика, и произнес, обращаясь к ним: “Все мы должны быть милостивыми к нищим, ибо сказано в Писании: блажен, кто призирает на нищего и убогого, в день лют избавит его Господь, но мы, священники, обязаны еще более заботиться о бедных, так как там же сказано, тебе оставлен есть нищий!” И, проговорив эти слова, он отошел, оставив молодых людей в большом смущении.

Перед домом отца Иоанна стояла толпа, через которую нельзя было протискаться. Поэтому мы не решились туда проникнуть, тем более, что имели уже счастье видеть отца Иоанна и беседовать с ним, и направились в Андреевский собор, где тоже уже была масса народа, так как ожидали, что отец Иоанн туда придет служить вечерню. Через несколько времени прибыл отец Иоанн, и народ бросился к нему с такой силой, что, не стой тут наряд полиции, батюшку бы смяли.

После вечерни отец Иоанн долгое время благословлял народ. Причем мы были свидетелями таких сцен: подходит прилично одетый господин и сообщает отцу Иоанну, что он разорился и ему грозят позор и тюрьма, так как он растратил чужие деньги. В это время какая-то плохо одетая женщина в платке передает батюшке через головы других какой-то белый узелок. Отец Иоанн берет узелок и, не взглянув на него, передает прилично одетому господину. Женщина вскрикивает: "Батюшка, тут три тысячи!" Отец Иоанн к ней обращается со словами: "Ведь ты жертвуешь Богу? Господь принимает твой дар, и твои деньги спасут человека". А человек с узелком в руках уже стоит на коленях перед иконой Спасителя и сквозь слезы повторяет: "Три тысячи, три тысячи! Как раз та сумма, которую я должен!"

После вечерни отец Иоанн принял нас у себя, благословил и, наскоро напутствовав, так как его ждали многие, обещал за нас молиться. Остаться до другого дня мы не могли, так как должны были вернуться в Красносельский лагерь в тот же вечер, и потому уехали из Кронштадта, унося в душе самые светлые воспоминания...

...Скромность отца Иоанна была поразительная. Он никогда не заботился лично о себе, никогда не старался выдвинуться вперед, никогда не приписывал получаемых милостей Божиих своим молитвам, всегда говорил, что исцеление дается Богом по вере самого страждущего и по молитвам всех, с ним молившихся, а не его одного. Чем более он высказывал христианского смирения и старания стушеваться, тем более Господь выдвигал Своего праведника, прославлял его.

Помню такой случай. Когда он первый раз явился к князю Владимиру Андреевичу Долгорукову, его еще никто не знал из генерал-губернаторской прислуги: его провели в переднюю и там оставили ждать. Никто его не замечал; чиновники проходили мимо него в приемную, не обращая внимания, и никто о нем и не думал доложить князю, и сам он о себе не напоминал, скромно стоя в уголке, в рясе и камилавке. В таком виде я его застал в передней и сейчас же сказал о нем дежурному чиновнику, который поспешил доложить о нем князю, и князь велел его немедленно привести к себе. С этих пор князь постоянно приглашал его к себе и выказывал знаки уважения; помню, раз в присутствии архиепископа Амвросия князь подошел к отцу Иоанну под благословение, и тот не отказался ему его дать, хотя не принято, чтобы священники благословляли в присутствии архиерея. Отношения отца Иоанна к людям, которые к нему обращались за

помощью, были трогательны: он страдал со страждущими и плакал с плачущими, но строго и гневно обличал упорных еретиков и сектантов, вроде Льва Толстого и его последователей. За это последние его ненавидели той непримиримой ненавистью, какой сатана ненавидит ангелов света. А между тем батюшка Иоанн Кронштадтский вовсе не мог быть назван узким фанатиком, так как благотворил одинаково и православным, и иноверцам, причем мне известен такой случай как раз в Крыму, когда отец Иоанн посоветовал одному позвавшему его больному — поляку, который долго не был на исповеди, исповедаться и причаститься Святых Таин у своего священника, и когда тот исполнил совет батюшки, то выздоровел.

Я знаю, что отец Иоанн благотворил даже евреям, и знал евреев, которые его высоко уважали и почитали святым.

За границей слава отца Иоанна возросла с тех пор, как Ванутелли написал о нем в своей книге о России, причем сравнил его с тезоименитым ему жившим в эпоху Наполеона Арским приходским священником Иоанном Вианней, причисленным католической церковью к лику святых. Лев XIII тоже очень интересовался личностью отца Иоанна и много меня расспрашивал о нем. Точно так же интересовались им и французское духовенство, и английское (протестантское), и мне в бытность мою за границей и в Париже, и в Лондоне, и в Америке постоянно приходилось говорить о кронштадтском пастыре как об идеале священника.

Один раз, по просьбе пассажиров, прочел об отце Иоанне целую лекцию на пароходе в Тихом океане, и его имя нередко фигурировало в моих проповедях среди иноверцев.

Должен, к сожалению, сказать, что даже в России встречались люди, относившиеся к отцу Иоанну отрицательно. Так, один почитаемый иеромонах одного пригородного монастыря, который я намеренно не называю, выразился в разговоре об Иоанне Кронштадтском: “Он у нас не в ходу”. Мне кажется, это говорила известного рода монашеская ревность, что такой подвижник не принадлежал к монашеству, а украшал собой ряды белого духовенства.

Мне часто приходилось выступать в защиту отца Иоанна, особенно когда его упрекали как раз в таких вещах, которых он всего более избегал. Ему ставили в упрек его дорогие бархатные рясы, которых он никогда себе не заказывал, а носил потому, что ему их дарили почитатели, чтобы их не обидеть, — раз, а во-вторых, потому, что

сыновне помнил преподанный ему покойным митрополитом Исидором урок, когда он явился к нему в простой шерстяной рясе. “Неужели, — сказал митрополит, — вы и во дворец показываетесь в такой рясе?” На ответ, что это его лучшая выходная ряса, митрополит заметил отцу Иоанну, что являться в таких простых одеждах к высоким особам показывает признак недостаточного уважения. Как раз после этого отцу Иоанну подарили новую рясу, и он стал ее носить, когда ему приходилось посещать высокопоставленных особ.

Точно так же отец Иоанн не мог считаться ответственным и за то, что его тесным кольцом окружали и опекали его почитательницы, почитание которых выразилось впоследствии в уродливой форме особого обожания сектантского характера. В сущности, это было то же чувство, которое окружает каждого уважаемого в приходе священника, но доведенное до апогея ввиду обаятельности самой личности отца Иоанна и его все возраставшей популярности. Ни один монарх в мире не получал столько писем и приношений, как отец Иоанн: эти кипы писем и телеграмм сортировались окружавшими отца Иоанна, и только наиболее важные, по их мнению, передавались батюшке. Здесь, конечно, были злоупотребления, но сам отец Иоанн тут был ни при чем, так как не мог лично, при массе дел, перечитывать в день по несколько сот писем. Впоследствии он завел себе секретаря, и тогда дело пошло глаже, и злоупотребления прекратились.

В заключение скажу, что я видел отца Иоанна в последний раз уже после моего возвращения из-за границы незадолго перед его праведной и мирной кончиной. Он отнесся ко мне так же сочувственно и доброжелательно, как и прежде, подарил мне на память свою “Жизнь во Христе” и благословил мои труды, которые я ему почтительнейше поднес. Отец Иоанн всегда был моим идеалом доброго пастыря, и, когда я служил на приходе, как и многие мои товарищи в то время по служению, такие же почитатели отца Иоанна, как и я, мы старались ему подражать и всегда ставили его перед собой образцом всех пастырских добродетелей и нередко в затруднительных случаях спрашивали себя, как бы отец Иоанн поступил в данном случае, и старались поступать так же.

О. Иоанн хорошо помнил Первое послание Собора св. апостолов в Иерусалиме, в коем они писали обращенным из язычников, чтобы помнили нищих. Поэтому он не ленился ежедневно заходить в ме-

лочную лавку Петрова менять 10—15 рублей на копейки и раздавал их нищим. Так продолжалось лет 6—7. Торговля у Петрова была необычайно бойкая, вдвое больше, чем у других, лавки которых были на людных местах. Однажды, когда о. Иоанн опять зашел к нему и попросил разменять на медные деньги 20 рублей, в лавке была масса покупателей и хозяин Петров внутренне раздосадовался на отца Иоанна. И сам потом рассказывал: "Такая взяла меня досада! Мелочь самим нужна, народу — хоть разорвись, а тут пересчитывай полчаса копейки на целых 20 рублей. Я исполнил просьбу батюшки, но подумал: *"Хоть бы ты убрался куда-нибудь в другую лавку со своими копейками. Надоел, право"*.

О. Иоанн поблагодарил, взял мешочек с медяками и вышел. Проходит день, другой, третий — батюшка не идет менять. Я на это внимания не обратил, даже доволен был. Прошло около месяца... Замечаю я, что почти с каждым днем торговля у меня идет все хуже и хуже; покупателей не только нет толпы, но частенько и никого нет. А тут, как на грех, капуста скисла, хлеб, что ни спечешь, — мякина одна, просто выбрасывай, огурцов целая бочка пропала. Словом, через два месяца моя торговля стала неузнаваемой; точно руку кто наложил. Покупатели стали заходить редко. И начал я призадумываться о причинах падения торговли: улица та же, жителей как будто прибавилось вследствие постройки новых домов, приезжих из Петербурга в Дом трудолюбия стало больше, а торговля такая, что хоть лавку закрывай. Что за притча?! Убытки между тем все растут не по дням, а по часам.

И пошел однажды я к приятелю и рассказал ему об этом. А приятель спросил меня: "Что это не видать у тебя больше о. Иоанна, что это он перестал к тебе заходить менять копейки для нищих, уж не обидел ли ты его чем-нибудь?" Эти слова как громом поразили Петрова, ему ясно вспомнилось последнее посещение его лавки о. Иоанном и слова, которые он в досаде мысленно сказал по адресу о. Иоанна. И вспомнил он также, что в тот же вечер ему пришлось выбросить 12 пудов скисшей капусты.

Раскаяние охватило его душу, он заплакал и чуть свет отправился просить прощения у доброго пастыря. О. Иоанн встретил его словами: "Я больше не тревожу тебя". Петров со слезами бросился к ногам отца Иоанна и стал просить прощения у святого. О. Иоанн ласково сказал: "Встань, встань. Господь милостив, простит, ты больше

бедняков-то люби; ведь братья они тебе, Христос и для них пострадал на кресте... Не отворачивайся от просящего, если можешь помочь ему чем-нибудь, а то и Господь от тебя отвернется". О. Иоанн отслужил по просьбе Петрова молебен, а Петров стал каждый день подавать нищим: кому хлеба, кому грошик. А батюшка опять стал заходить к нему менять копейки и... о чудо! Покупатели опять стали приходить к Петрову и его торговля вскоре пошла лучше прежнего.

Это поразительный случай прозорливости угодника Божия, который Духом Святым уразумел мысли Петрова, точь-в-точь как Христос разумел мысли учеников.

Однажды во время путешествия о. Иоанна на родину подошел к нему односельчанин и говорит: "Иван, дай 25 рублей, у меня кобыла больна лежит". О. Иоанн молча вынул 25 рублей и дал ему. Крестьянин этот выманил у о. Иоанна деньги с целью покутить — лошадь у него была здорова. Каковы же были удивление и ужас этого крестьянина, когда он вернулся домой и узнал, что лошадь его сдохла.

Он горько раскаялся, видя карающую руку Божью, и тотчас вернулся к о. Иоанну и сказал ему: "Отец Иван, я тебе соврал, когда просил деньги, кобыла моя была здорова, а теперь сдохла". Отец Иоанн, поучив и наставив его, простил его.

Здесь о. Иоанн, подобно апостолу Петру, покаравшему Ананию за попытку обмануть Духа Святого, карает за попытку обмануть обитавшего в нем Духа Святого, прозрев обман и силой Божией наказав обманщика. Увидав же раскаяние его, назидает и обращает на путь истины.

Вот еще несколько случаев прозорливости о. Иоанна. "В моей семье был такой случай, — вспоминает адмирал Д.В. Никитин (Фокагитов) в книге "На берегу и в море". — В 1888 году поступал в морское училище мой брат. Отец нашел случай попросить о. Иоанна:

— Батюшка, благословите нового моряка на службу Царю и Отечеству.

О. Иоанн сначала глубоко задумался, затем сразу как бы очнулся и, обратившись к кадету, сказал: "Да благословит тебя Господь Всемогущий и да охранит тебя святая Десница Его как на водах, так и под водою".

За о. Иоанном уже установилась тогда слава провидения будущего. Поэтому сказанное батюшкой даже несколько обеспокоило моего отца.

— Что это значит — “под водою”? Тонуть моему сыну придется, что ли? — говорил он, придя домой.

Слова о. Иоанна были прочно забыты. Вспомнили о них только через четверть века, когда брат плавал на подводных лодках и был назначен командиром подводной лодки (1909—1914 гг.). В то время, когда о. Иоанн произносил свои вещие слова, еще и разговора не было о судах, плавающих под водой”.

Другой случай произошел в семье одного священника. Этот священник (о. Михаил) служил дьяконом в Андреевском соборе в Кронштадте. Однажды, это было на страстной неделе в Великий четверг, около 9 часов утра, о. Михаил, собиравшийся идти в церковь, услышал на парадной лестнице звонок и пошел сам отворить дверь. Увидав перед собой о. Иоанна, он был очень обрадован, но и удивлен видеть его в такой день и такой ранний час у себя, и спросил его, как это случилось. О. Иоанн ответил ему, что приехал проститься с его тестем. Старичок-священник в это время не был болен, но слаб, как всегда, ввиду его преклонного возраста. Пробыв короткое время, о. Иоанн уехал, а вечером, придя от всенощной, после чтения 12 Святых Евангелий, о. Михаил нашел своего тестя мертвым. Он умер во время всенощной.

Совершенно ясно, что о. Иоанн был извещаем Господом Богом о предстоящей судьбе тех или других лиц, о разных предстоящих событиях, о том, что происходит вдали от о. Иоанна, о том, что думает или что говорил, или что сделал тот или другой человек. Какими способами Господь все это открывал о. Иоанну, нам, грешным людям, не дано знать, но факты налицо, и остаются фактами. Дух Святой постоянно открывал о. Иоанну, что молитва его услышана, и это давало о. Иоанну возможность пророчески говорить, телеграфировать и писать про больных, о коих его просили помолиться: “Будет здоров”.

Поэтому единственное, что мы можем сделать и должны сделать, это смиренно прославлять Господа Бога, давшего такую власть человеку, и всемерно чтить этого Божиего угодника о. Иоанна Кронштадтского — пророка Бога Вышнего.

Однако не все почитали отца Иоанна. Были и такие, которые осуждали его благотворительность, говорили, например, что он раздает деньги без разбора, кому попало. Правда, так могло казаться со стороны, так как люди видели, что о. Иоанн сует деньги, не задумыва-

ясь и не расспрашивая, то тому, то другому. На самом же деле и в раздаче милостыни о. Иоанном руководил Дух Святой. Он подавал по велениям Божиим именно тем, которые больше всего нуждались, а не тем, которые выпрашивали.

Один купец из Центральной России приехал к отцу Иоанну в Кронштадт и после обедни в Андреевском соборе подходил ко кресту. Рядом с о. Иоанном держали блюдо, куда клали деньги на бедных. Неожиданно о. Иоанн сгреб с этого блюда деньги и дает купцу. Купец отнекивается, говоря, что он сам человек состоятельный и может положить для бедных на блюдо. Но о. Иоанн настаивает, говоря: "Возьми, тебе пригодятся". Тот не посмел ослушаться и взял. Когда же он вернулся домой, то узнал, что его склады с товарами сгорели, и если бы у него не было тех денег, которые дал ему о. Иоанн, то он оказался бы нищим.

Рассказ как будто простой. Но вы вникните в него и вам станет страшно от величия и силы Божией. Подумайте: священник служит в Кронштадте, к нему подходит совершенно ему неизвестный человек среди многотысячной толпы (Андреевский собор вмещал 7 тысяч человек) и Бог дает этому священнику видеть то, что происходит за тысячи верст, и дает ему знать, что это происшествие — пожар относится именно к этому человеку. Воистину, в этом священнике обитала Всесвятая Троица.

"Однажды своей семьей мы поехали в Кронштадт к отцу Иоанну, — рассказывает Е.А.Шепелева-Воронович, проживающая в Югославии, в г. Белграде в собственной вилле № 34 по ул. Сане Живановича, — присутствовали в Андреевском соборе на общей исповеди, которая произвела на нас потрясающее впечатление. Когда мы подходили ко кресту, то какая-то женщина подала о. Иоанну конверт с деньгами. Не раскрывая конверт, он передал его другой женщине, стоявшей тут же. Жертвовательница сделала движение, чтобы схватить о. Иоанна за руку, и вскричала: "Батюшка, да ведь тут три тысячи рублей!"

На это он ответил: "Вот ей-то они и нужны".

Это один из случаев, доказывающих полное отречение о. Иоанна от земных благ.

Вот еще знаменательное событие.

Когда о. Иоанн отслужил молебен в одном доме и уходил, то хозяйка дома хотела передать ему в конверте деньги, но он не взял,

сказал ей, чтобы она отдала эти деньги тому, кого она завтра *первого встретит на улице.*

На следующий день эта женщина вышла нарочно рано на улицу, рассчитывая встретить кого-нибудь из рабочего люда, но навстречу ей шел офицер. Поравнявшись с ним, женщина не решилась подойти к нему и прошла мимо, но потом, сделав над собою усилие, вернулась, догнала офицера и скороговоркой объяснила ему, в чем дело. И что же? Офицер с благодарностью взял деньги, сказав ей, что находится в критическом положении, что у него серьезно больна жена, на лечение которой нет денег, и что он шел заложить последнюю вещь, чтобы на полученные деньги спасти жену.

Генерал Иванов-Луцевин был свидетелем, как к о. Иоанну подошла бедная женщина, прося у него помощи. Отец Иоанн ответил, что денег у него нет, но что он помолится и Бог ей пошлет. В это время передали ему пакет, который о. Иоанн вскрыл; там была записка с именами для поминовения и деньги, которые не считая он дал бедной, их было 5000 рублей.

Здесь, кроме бессребренности о. Иоанна, проявились необычайная сила молитвы его, твердая уверенность в том, что молитва будет услышана, и горячая любовь к страждущему человечеству.

“Рука дающего не оскудеет”, сказал Господь Вседержитель, чему тоже никто не хочет верить. О. Иоанн поверил Христу и Христос исполнил Свое обещание. “Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут и ни одна йота или ни одна черта из писаний не прейдет”.

О. Иоанн пламенно веровал и всю жизнь беспрерывно с детства творил волю Божию — проявлял величайшую евангельскую любовь к Богу и людям, совершенно не заботясь о себе и не щадя себя.

Поэтому Господь и исполнил на отце Иоанне все эти обещания Свои *полностью*: обитал в нем и даровал ему величайшие и разнообразнейшие силы Духа Святого.

Люди стали считать за счастье удостоиться молитв о. Иоанна и давали ему в конвертах деньги и часто крупные суммы, говоря: “Вот, батюшка, на ваших бедных”.

Заканчивая описание благотворительности о. Иоанна, необходимо сказать, что он жертвовал все полученные деньги, не оставляя себе ничего, подобно евангельской вдовице, которая положила в сокровищницу церковную все, что имела, но обещания Христовы неложны и рука о. Иоанна не оскудевала, напротив, материальные сред-

ства лились к нему непрерывно широким потоком. По сведениям, почерпнутым из книги Холмушина, о. Иоанн ежегодно раздавал около 150 тысяч рублей.

Особенно горячо и часто проповедовал о. Иоанн о милосердии и благотворении ближним. Вот вкратце его поучения об этом: "Важным побуждением к милосердию должно служить то, что оно весьма полезно для самих благотворителей, — оно укрепляет в них чувство человеколюбия и возвращается дающему с приращением.

Бедность или неимение средств не служит отговоркой для не желающих благотворить.

Вместо великого дара, принеси усердие. Ничего не имеешь — утешь слезою. Великое врачевство злополучному, когда кто от души пожалеет о нем; несчастье много облегчается искренним соболезнованием..."

Литургия и общая исповедь

Отец Иоанн ежедневно в 6 часов утра служил раннюю обедню. Войдя в алтарь, он радушно приветствовал сначала своих сослуживцев, а потом остальных присутствовавших в алтаре: "Здравствуйте, братцы, здравствуйте".

Все он делал спешно и быстро. Молился порывисто, вдохновенно. За утренней всегда сам читал канон. Усиление, восторженность, радость, твердое упование, глубокое благоговение — все чувствовалось в этом потрясающем душу чтении, оно врезывалось в память навсегда.

Отец Иоанн подошел к жертвеннику, стал перед ним на колени, руки сложил крестообразно на жертвеннике и голову положил на них.

Каноны, акафисты и молитвы о. Иоанн читал, как бы беседуя с присутствующими около него Христом, Божией Матерью и святыми. Возгласы произносил он громко, резко, как бы отрывая каждое слово от своего сердца, и от этих звуков, раздававшихся в тишине многолюдного храма, веяло чем-то святым, высшим. Все чувствовали, что тут не простое чтение пред иконой, а именно живая беседа с Существом видимым и сущим.

Ни одно слово не читалось без смысла и толка. Более важные по содержанию слова о. Иоанн произносил, обратясь даже к народу, чтобы люди могли глубже постигнуть читаемое. Сам он был всецело

сосредоточен на читаемом. Ничто не могло отвлечь его мысли в это время. Он как бы переживал все, что читал. Переживал победы над грехом и злом, совершенные святыми людьми, переживал человеческие немощи и падения, переживал времена благоволения и милости Бога к людям падшим и заблудшим. Многое из читаемого относил непосредственно к самому себе. О том, что совершалось в это время в его душе, можно судить даже и по его наружности. Душа о. Иоанна настолько проникалась мыслями, какие содержатся в читаемых им священных песнопениях, что он не мог удержаться от самых разнообразных жестов. То блаженная улыбка сияла на лице его, когда он читал о небесной славе Бога, Богородицы и св. угодников Божиих; то глубокая мольба слышалась в его устах, когда он читал о немощи, грехе и падениях человеческих; то слышишь как бы праведный гнев, когда встречаются в каноне слова “сатана”, “диавол”; то умиление, глубокий восторг, когда он читал о великих подвигах, победах над грехом, какие совершили св. мученики, подвижники.

Следует быть на проскомидии, совершаемой о. Иоанном, чтобы понять огромную важность этой части Литургии.

О. Иоанн подходил к жертвеннику. Он полон торжественной радости. Уже в это время его охватывает какой-то ликующий пророческий экстаз. Он вынимает Агнца. Посмотрите, с какой любовной внимательностью он равняет Его, обрезывает со всех сторон и благоговейно ставит на дискос. Потом отец Иоанн начинает вынимать частицы. На проскомидии просфор бывало так много, что их приносили целыми большими корзинами. Господь сподобил меня многократно подавать о. Иоанну просфоры из корзин, которые ставили на табуретки с левой стороны жертвенника. О. Иоанн быстро вынимал частицы и бросал просфоры в пустую корзину, стоявшую с правой стороны.

Многие во время проскомидии лично подходили к отцу Иоанну и просили его помянуть своих родственников, вынуть хотя одну просфору, так, что он не имел ни одной свободной минуты.

Сослужащих с о. Иоанном всегда было много (священники, протоиереи, иеромонах). Когда о. Иоанн служил обедню, то молитвенное напряжение его было столь велико, что он обливался потом, подобно тому как Христос во время молитвы в Гефсиманском саду. Я неоднократно видел, что подрясник его на спине был промокшим от пота и тогда он переодевался и менял рубашку. Многие священно-

служители местные и приезжие стремились отслужить с о. Иоанном Литургию, а причащающихся после общей исповеди было много тысяч. Поэтому нередко служили 12 священников и на Престоле стояли 12 огромных чаш и 12 дискосов.

“Смотрите, смотрите, — неожиданно восклицал он среди проскомидии, — о. Николай, смотрите, о. Павел, где есть что-нибудь такое, как у нас?.. Смотрите. Вот Он, Христос. Здесь Он, здесь среди нас и мы около Него, кругом Его, как апостолы”. Становилось благоговейно страшно от вдохновенного возгласа. Чувствуется, как ангелы реют крылами. Священники собираются около о. Иоанна и уже не отходят от него до конца проскомидии.

Каждый день отец Иоанн получал до 1000 писем и телеграмм, преимущественно с просьбами помолиться об исцелении больных, признанных врачами безнадежными. Но были и другие просьбы, вызываемые разнообразными случаями человеческого безысходного горя. С просьбами обращались не только православные, но и инославные христиане, евреи, магометане и язычники. Обращались из всех концов Руси великой и из других стран, из Азии и из Америки. Когда войска наши были в Маньчжурии, то китайцы просили наших посылать святому бонзе Иоанну, как они называли о. Иоанна, телеграммы с просьбами помолиться об исцелении безнадежно больных китайцев.

У о. Иоанна были секретари для прочтения этих писем и телеграмм и для ответа на них.

Спрашивается, как же получали исцеления по молитвам о. Иоанна те больные, о которых просили в означенных письмах и телеграммах, когда о. Иоанн даже не мог успеть прочитать эти письма? А вот как. Во время совершения о. Иоанном проскомидии я лично неоднократно видел, что кипы писем и телеграмм лежали пред о. Иоанном, и слышал, как о. Иоанн, вынимая из просфор частицы, молился громко: “Помяни, Господи, всех заповедавших мне молиться о них!” И эта краткая молитва Великого Угодника Божия была достаточна, чтобы обитавшая в о. Иоанне Всесвятая Троица совершала величайшие и разнообразнейшие чудеса во всех концах Вселенной.

Но вот кончилась и проскомидия. Со светлым от внутреннего молитвенного возбуждения лицом о. Иоанн становится во главе собора священнослужителей. “Помолитесь, братия сослужители, да даст Господь нам богоугодне совершить мироспасительную Литургию”, — начинает отец Иоанн.

Литургия началась, о. Иоанн еще более преображается.

Отверсты Царские врата. Произнесен первый возглас. О. Иоанн неожиданно, порывисто берет напрестольный крест и с любовью целует его, обнимает его руками, восторженно смотрит, уста его шепчут слова молитвы. Потом он раза три-четыре подряд лобызает его, прикладывает его к своему челу... Уста снова что-то шепчут.

Возгласы о. Иоанн произносит так же, как читает канон на утрени. В голосе слышится и твердая вера, и надежда, и умиление. Взор обращен на Горнее место. Иногда он произносит возглас, закрывши глаза и углубившись в себя. Как сосредоточен, собран во время богослужения отец Иоанн, трудно даже и передать. Все время он погружен в такие глубины души, что как будто ничего не видит, ничего не слышит, ничего не замечает, что кругом его совершается. Он в своем особом мире. Он в это время один и не похож на другого. Служебника отец Иоанн почти не раскрывает, так как все молитвы знает на память. Читает часто вполголоса.

Первая часть Литургии у о. Иоанна — преимущественно часть молебная. Он в это время больше всего сознает себя как молитвенника "за люди". Он постоянно помнит, что все эти люди, эти плененные во власть греха и суеты — эти больные и телесно и духовно — ждут его предстательства, надеются, молят, через него ждут великие и богатые милости.

О. Иоанн весь охвачен сознанием огромной ответственности пред этими немощными, вверившими ему себя, благо своих и души и тела, и точно спешит молиться за них; молится порывисто, настойчиво, не просит, а требует от Бога исполнения просьбы этих несчастных, с властностью священника, поставленного Христом; он хватается за край ризы Господней, требуя милости душам, вверенным ему от Господа. Молитва необычайная, непобедимая, захватывающая!

С великого входа начинается второй момент Литургии.

О. Иоанн берет Святую чашу и относит ее, прибавляя от себя: "Изведоша Его вон из винограда и ту убиша Его". Этой глубокой по мысли вставкой о. Иоанн вводит себя, как он говорил, "в священные воспоминания последних дней Христа Господа".

Всю вторую часть до пресуществления Даров он отдается переживанию святых картин евангельского прошлого. С этого момента, главным образом после "Верую", он в Гефсимании, в Сионской горнице, около Голгофы. В этой части Литургии о. Иоанн очень много

вставляет от себя, иногда тайно, иногда вслух. Все эти моления собраны им самим в его книге: “Моя жизнь во Христе”.

По поставлении Святых Даров на Престол, о. Иоанн читает обычную молитву, прибавляя к церковным словам о ниспослании благодати на людей следующие глубокосодержательные слова: “На всех разсадницех юношеских и отроческих, духовных и мирских, мужских и женских, градских и сельских, и на всем неучащемся юношестве; на всех разсадницех духовных, монашеских — мужских и женских; на нищих людях Твоих, вдовицах, сирых и убогих; на пострадавших от запаления огненного, наводнения, бури и труса, от недорода хлеба и глада; на всех заповедавших мне, недостойному, молиться о них и на всех людях Твоих”.

Лобызая после возгласа “возлюбим друг друга” сослужащих священнослужителей в оба плеча, говорил:

— Христос посреде нас живый и действуяй.

Эти слова производят огромное впечатление.

“Я, — говорит один свидетель, — стоял, пораженный этими словами, и невольно думал. Да, вот среди нас, а не там, где-то вдали, находится Христос Спаситель, находится не как отвлеченная доктрина, а Живой, “живый и действуяй”. Он среди нас. И даже “действуяй”. Жутко становилось, трепетом великим наполнилась невольно душа. Я готов был упасть перед Престолом. Я унес с собой навсегда впечатление этих слов как какое-то сокровище, и думаю, многих заставило всколыхнуться святым чувством это “Христос посреде”.”

По прочтении Символа веры о. Иоанн прибавляет следующую молитву: “Утверди в вере сей и верою сею сердце мое и сердце всех православных христиан; сея веры и сего чаяния жити достойно вразуми; соедини в вере сей вся великия христианския общества, бедственно отпадшия от единства св. Православныя Кафолическия и Апостольския Церкви, яже есть тело Твое и ея же Глава еси Ты и Спаситель тела, — низложи гордыню и противление учителей их и последующих им, даруй им сердцем уразуметь истину и спасительность Церкви Твоея и неленостно ей соединитися; совокупи Твоей Святей Церкви и недугующих невежеством, заблуждением и упорством раскола, сломив силою благодати Духа Твоего упорство их и противление истине Твоей, да не погибнут люте в своем противлении, якоже Корей, Дафан и Авирон, противившиеся Моисею и Аарону, рабам Твоим. К сей вере привлецы вся языки, населяющие зем-

лю, да единым сердцем и едиными усты вси языцы прославляют Тебя, единаго всех Бога и благодетеля; в сей вере и нас всех соедини духом кротости, смирения, незлобия, простоты, бесстрастия, терпения и долготерпения, милосердия, соболезнования и сорадования”.

Но вот приближаются священнейшие минуты Литургии и о. Иоанн опять новый!

Благодать Господа нашего Иисуса Христа, — восторженно восклицает отец Иоанн. Что он переживает в эти минуты? В своем дневнике отец Иоанн пишет: “Как нельзя более благовременно это благожелание апостольское произносится священнодействующим, именно в это время, то есть перед совершением Таин. Благодать Иисуса Христа — милующая, очищающая, спасающая, просвещающая, укрепляющая душу нашу, нужна во всякое время, а теперь, в эти страшные, небесные минуты, когда с нами служит множество воинов небесных, с трепетом окружающих Престол Божий, — благодать Божия, просвещающая и укрепляющая слабые, рассеянные силы духа, особенно нужна нам для возможного понимания высоты и важности предстоящего Таинства.

Любы Бога и Отца. В эти минуты всем надо восчувствовать беспредельную любовь к нам, грешным, Бога и Отца, Который так возлюбил мир, что *отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3, 16); и самим возлюбить Его, со Единородным Сыном и Духом Святым, отвергнув все житейские пристрастия.

Причастие Святаго Духа — необходимо нам наипаче в это время, потому что без сего Причастия не можем возлюбить Бога-Отца; ибо только Духом Святым можем взывать к Богу с искренней любовью: “Авва Отче” (Рим. 8, 15). Ибо только благодать Святого Духа предочищает, освящает, просвещает, умиротворяет и укрепляет нас к достойному и благоплодному предстоянию во время Святейшего Таинства”.

Горé имеем сердца, — восклицает отец Иоанна, обратившись к народу и поднявши руки горе. Взор устремлен к небу, дух его витает там, где стоит Престол вечной истины и любви. Тайно при этом отец Иоанн произносит: “Возвыси Духом Твоим Святым всех предстоящих зде Тебе, Богу живота нашего, и отрини от сердец наших все страсти плотские и душевные. И как не молиться в эти минуты за народ? Народ отвечает: *имамы ко Господу*. Но искренно ли мы отве-

чаем? Нет, или весьма немногие, потому что сердца большинства людей прикованы к земле разными житейскими пристрастиями. Нелегко и не вдруг сердце вознесется к небу, ко Господу. Для того чтобы искренно возноситься сердцем к Богу, нужно христианину непрестанно жить в Боге, размышлять глубоко о делах Его Промысла, давать им истинную, спасительную цену, душой и сердцем усвоить их себе и быть на земле небесным гражданином. А мы приходим в храм с рассеянием, с различными житейскими страстями и похотями, пригвождающими нас к земле. Где же тут *горе* сердца? Но го́ре нам, если мы не горе́ имеем сердца в такие минуты величайших чудес милости Божией к нам! Значит, мы бесчувственны и несмысленны. В это время требуется от нас совершенная преданность Господу Иисусу Христу, Пречистой Его Матери, полная доверенность (вера), совершенное упование во всех обстоятельствах жизни, во всех прошениях, благодарениях, восхвалениях; при этом чистое сердце, ненависть ко греху во всевозможных его видах и горячая любовь к правде во всех ее проявлениях".

Благодарим Господа, — снова восклицает отец Иоанн. Первые два слова молитвы: "Достойно и праведно поклонятися" произносит громко, а последние тише, смолкая совершенно под конец. При тайном чтении молитвы после слов: "Ты от небытия в бытие нас привел еси" отец Иоанн добавляет для усиления благодарного чувства: в разумное бытие и по душе бессмертное, то есть привел еси; после слов "падших нас восставил еси паки" — прибавляет: "и стократно на каждый день восставляевши согрешающих и кающихся". После слов: "Дондеже нас на небо возвел еси, и царство даровал еси будущее", прибавляет: "Ты и в самом Причащении нашем Животворящих Твоих Таин уже возводишь нас на небо: ибо где Ты, там небо и небо небесе, и даровав Себя Самого верным, Ты вместе с Собой уже даруеши и Царство Небесное, Царство будущее, в залоге Пречистого Тела и Крови Твоей".

При чтении молитвы "С сими блаженными силами" при словах: "Сам себе предаяше за мирский живот" батюшка прибавляет от себя, для усугубления чувств благодарности и умиления, слова: "Паче же всех за меня грешнаго, да избавлюсь смертоносного греха и да живу во веки". О. Иоанн отдается воспоминаниям. Он видит Христа Бога в Сионской горнице, кругом Его апостолы. Любимый Иоанн на персях Его. Он, светлый и скорбный, делит хлеб, поднимает чашу. О. Иоанн спе-

шит; его голос спешит радостно возгласить народу слова обетования: "Здесь нужно кричать, — говорил он всем вслух громко, — разве можно прятать такие слова?"

Примите, ядите, сие есть тело Мое. Произнося эти слова, он делает особенное ударение на слове *тело* и на словах: *за вы ломимое.* Последние слова он произносит, обратившись лицом к народу.

Пийте от нея вси, — с глубокой верой восклицает отец Иоанн. Произнося эти слова, он не раз прикасается перстом к чаше, как бы даже с силой ударяет по ней. Снова подчеркнуты слова: *за вы и за многие изливаемые.* Так и слышится в эти минуты в голосе батюшки: за нас пролита Кровь, за вас, за тех самых, что вот стоите здесь в данную минуту, а не за тех только, что стояли у креста. Она пролита не за отвлеченное какое-то человечество, а за живых людей, за каждого бедняка, убогого, богатого, знатного, мужчину и женщину. Твоя грудь едва прикрыта рубищем, и за тебя пролита Кровь. Ты забыл и отверг Бога, и за тебя пролита эта Святейшая Кровь. За ваши грехи, стоящие здесь, страдал Христос.

По произнесении слов установления отец Иоанн в каком-то необыкновенном восторге читает: *О Божественного, о любезного, о сладчайшего Твоего гласа!* А что чувствует он в эти минуты? Здесь бездна любви, говорит он, любви Божества к роду человеческому. Есть о чем подумать каждому беспристрастно углубляющемуся в судьбы Божии касательно рода человеческого и в себя самого. Священный трепет пробегает по всем членам, по всему существу всякого непредубежденного, не связанного житейскими сластями и похотями человека, когда он сердечным ухом слушает сии слова из уст священнослужителя.

О, любовь совершеннейшая, любовь всеобъемлющая, любовь крепчайшая! "Господь Сый всех и Зиждитель Бог, созданное Бесстрастный обнищав Себе соедини, и пасха, за яже хотяше умрети, Сам Сый Себе предпожре: ядите, вопия, тело Мое и верой утвердитеся". Что мы приносим в благодарность Богу за эту любовь к нам? Питаем ли алчущих, напоим ли жаждущих? Одеваем ли нагих? Посещаем ли больных и в темнице заключенных? А ведь в лице их, как членов своих, требует нашей помощи Сам Христос, Спаситель наш, Себе пожерший за нас".

Твоя от Твоих, — возглашает отец Иоанн, делая особенное ударение на слове *о всех,* произнося его более протяжно, чем другие. Чув-

ствует его душа, как люди, собравшиеся во множестве в этом храме, нуждаются в небесной помощи, и он горячо молится за всех.

"Когда произношу слова: *Твоя от Твоих*, — пишет он, — то представляю торжественность и величие данной минуты, когда архиерей или священник, стоя лицом к лицу с вечной, совершенной, неизменной правдой Отца Небесного, карающего грех, — приносит от лица всех и за всех единую безмерную, преправедную, умилостивительную жертву Христа Сына Божия, единую могущую преклонить на милость Бога-Отца, искупить весь мир от праведного проклятия и исходатайствовать всем верующим прощение грехов и благословение, а усопшим в вере и надежде воскресения и жизни вечной — оставление согрешений и покой со святыми, — Жертву, которой оправдались все святые, Богу угодившие от века, и в благодарение за коих она также приносится".

Преложив духом Твоим Святым. Аминь, — искренне верующим тоном возглашает отец Иоанн и, как бы еще для большего уверения в этой истине находящихся в алтаре, дополняет: *Бог явися во плоти. Слово плоть бысть и вселися в ны*. И еще что-то шептали уста его, но я успел разобрать только "окружаемый ангельскими воинствами". Но и без слов, по выражению лица, было видно, что мысль отца Иоанна всецело занята Святыми Тайнами. Да и было, и есть о чем подумать здесь. "Кто постигнет величие благодеяния, подаваемого нам Господом нашим Иисусом Христом в Таинстве Евхаристии, или Причащения? Вполне — никто, ни даже ум ангельский. Ибо благодеяние это беспредельно и необъятно, как и Сам Бог, Его Благость, Премудрость и Всемогущество. Какая любовь к нам, грешным, ежедневно сказуется в Литургии! Какая близость Божия к нам! Вот Он тут, на Престоле, ежедневно, существенно, всем Божеством и человечеством предлагается и вкушается верными или вносится иереем в дома верных и предлагается болящим. Какое чудное общение, какое растворение Божества с нашим падшим, немощным, греховным человечеством, но не с грехом, который сжигается огнем благодати. Какое счастье, блаженство нашей природы, приемлющей в себя Божество и человечество Христа Бога и соединяющейся с Ним. В этом принятии внутрь себя с верой — наше очищение, освящение, избавление от грехов и врагов наших, обновление наше, сила наша, утверждение сердца нашего, мир наш, свобода наша, слава наша, жизнь и бессмертие наше. О, сколько благодеяний подается нам от Бога через Литур-

гию! Как же к ней христиане относятся? Большей частью с обыкновенной холодностью, невниманием, равнодушием. Причащаются Святых Таин весьма редко, как бы по необходимости и заведенной привычке, раз в год. Чего же они лишают себя, какого Божественного сокровища бесценного, какого бессмертного, животворящего дарования Божия, какой помощи Божией! Вот отчего нет ныне истинной жизни в православных христианах, жизни по духу Христову. Вот почему умножились пороки и бедствия. Вот почему вооружилась против нас вся тварь в месть врагам Божиим; все стихии: и вода, и огонь, и воздух, и смерть во всех видах".

Глубокие чувства переживает отец Иоанн в эти минуты. Его великое благоговение к Святым Таинствам обнаруживается и в том, что он много раз, неспешно, без крестного даже знамения, преклоняет главу свою перед ними. Слезы обильно лились из его глаз. То один, то другой платок вынимал он из кармана и отирал их. О чем плакал этот дивный муж? Не бывает слез без глубокого душевного волнения. Нет слез без чувства любви и живой мысли. Если бы кому-нибудь удалось, так сказать, анализировать слезу отца Иоанна, то какое бы богатейшее содержание можно было найти в ней. Настроение отца Иоанна так высоко в эти минуты, что невольно передается другим и повышает в значительной мере настроение всех здесь присутствующих в это время. Многие почти в экзальтированное состояние приходят в эти минуты. Мне рассказывали, что некоторые не раз видели над Престолом в момент пресуществления Святых Даров ангелов. Небожители как бы сослужители земножителю при совершении им Таинства.

Строгий по отношению к себе, отец Иоанн в данном случае весьма строго относится и к мирянам. "Во время *Тебе поем* вся церковь, все предстоящие в храме должны молиться со священнодействующими, чтобы Отец Небесный ниспослал Духа Своего Святого на нас и на предлежащие Дары, — и читать про себя молитву: *Господи, Иже Пресвятого Твоего Духа*. В это время ни одна душа не должна оставаться хладной, но всякая душа должна быть воспламенена любовью к Богу. В это время да будут души наши, как светильники горящие, как кадило горящее и благоухающее, как дым фимиама, восходящий *горé*: ибо в эту минуту совершается страшное, Животворящее Таинство — претворение Духом Божиим хлеба и вина в Пречистое Тело и Кровь Христову, и на Престоле является Бог во плоти".

После возгласа: *Изрядно о Пресвятой*, поминая всякое епископство православных, отец Иоанн добавляет: “Помяни, Господи, всех православных епископов, носителей Духа Твоего, звания и сана Твоего, правды Твоей, власти Твоей и суда Твоего, святыни Твоей, бессмертия Твоего, новотворения Твоего, светлости и великолепия Твоего, — *всякое пресвитерство,* — и прибавляет тайно: ему же вверил еси служение примирения человеков с Богом, покаяния, пакибытия, обновления, просвещения, благословения, умножения рода через таинство брака, освящения и обожения и все пренебесные таинства, кроме рукоположения, — да будет оно достойно своего звания, и да право жительствует и священнодействует и богоугодно приносит молитвы Тебе Владыце о всех и за вся; *помяни во Христе дьяконство*, вспомоществующее священству и служащее пренебесным тайнам, и всякий священнический чин. Еще приносим Ти словесную сию службу о Вселенной, — о Святой, Соборной и Апостольстей Церкви, из всех народов составленной, и в бури мира сего и князя тьмы сущие Церкви умири и твердое благочестие в них насади; о благочестивейшем Государе нашем, о супруге его, о наследнике его, — надежде Церкви Твоей, и о всем царствующем Доме...” Не говорю о его пламенной молитве за умерших. Она отличается необыкновенным дерзновением и глубиной.

Дьякон начал ектению перед “Отче наш”. При тайном чтении молитвы, положенной на этой ектении: *Тебе предлагаем живот наш... сподоби нас причаститься... с чистой совестью*, отец Иоанн прибавляет следующее: “В дерзновение перед всеми людьми твоими, в искоренение тлетворных, льстивых, досаждающих, насилующих, омрачающих, посрамляющих, от Тебе разлучающих и душу умерщвляющих страстей, — в насаждение, возвращение, утверждение в душах всякие истинные, живоносные добродетели, — во исполнение премудрости — во еже научити вся люди вере и заповедем Твоим, — в просвещение света моего перед людьми Твоими, яко да видят моя добрая дела и прославят тебе, Отца нашего, иже на небесех, на не вотще ношу толикий — горний, ангельский, боготворящий, владычественный сан священства, — не в суд или осуждение”.

Не забыть никогда еще одного момента из этого времени: во время ектении, по прочтении тайной молитвы, отец Иоанн склонился над Престолом и в глубоком благоговении молился. Затем он взял в свои руки дискос со Святым Телом, поднял его немного над Престо-

лом и, вперив свой взор, сосредоточенно молился перед ним. Потом он взял в свои руки потир со Святой Кровью, прильнул к нему челом и долго горячо молился. Не произнес он в это время ни одного слова, не сделал ни одного движения, и глаза его были почти постоянно закрыты. Какая глубина воодушевления, мистического погружения в тайны нашей жизни во Христе, какое проникновенное созерцание этих тайн! Какая трогательная, умилительная, незабвенная картина. Как она трогает, возвышает, возбуждает, очищает, просветляет самое черствое, загрубелое, окаменелое сердце. Я не раз впоследствии падал духом. Но стоило мне только вспомнить эти минуты, как в меня вливалась откуда-то незримо новая, живая струя, и я снова оживал духом.

Возглас: *и сподоби нас, Владыко*, заканчивает словами *и глаголати: Отче наш*. Нельзя не видеть глубокой мысли и в этом прибавлении. От лица всех предстоящих в храме он исповедует, что Бог — Отец всех нас и что мы все есть родные братья друг другу. Как важно хоть одно мгновение пережить эти часто забываемые нами слова о всеобщем братстве нашем, братстве не на бумаге и в мыслях только, а в самой действительности.

По прочтении молитвы: *Верую и исповедую*, отец Иоанн тайно говорит следующие слова: "Господь во мне лично, Бог и человек, ипостасно, существенно, непреложно, очистительно, освятительно, победотворно, обновительно, обожительно, чудотворительно, что я и ощущаю в себе". Итак, для отца Иоанна в эти минуты Христос Спаситель не только с ним, но и в нем самом, Христос не как отвлеченное понятие, а как действительная, живая Личность, не как только одно представление о Христе, мысль о Христе, но и живое действование Христа в нем, ощущаемое реальным образом сердцем благочестивого пастыря. Многие ли из нас переживают такие думы и чувства в эти минуты?

Вот приобщился отец Иоанн Тела и Крови Христовых. Лицо его изменилось. Нет более на нем и следа той утомленности и какой-то скорби или грусти, какие можно было видеть, когда он только что входил сегодня утром в храм. Необыкновенная духовная радость, необыкновенный мир и небесный покой, необыкновенная сила и мощь отображались теперь в каждой черте его лица. Его лицо как бы светилось, как бы издавало какое сияние. Теперь я хорошо понимаю, что означает нимб, изображаемый на иконах около головы святых

угодников. Отец Иоанн теперь готов был снова трудиться без всякой устали с утра до самой поздней ночи; он запасся теперь силами на все предстоящие ему дневные труды и заботы. Лица, близко стоявшие к нему, говорили мне, что такая перемена бывает с ним каждый раз, когда он приступает к Святым Тайнам. Еще говорили мне, что он в Святых Тайнах черпает силы для несения того труда, который, несомненно, превышает всякие человеческие силы.

О. Иоанн пишет: "Во время Литургии, когда я совершаю ее, я, по преложении Святых Даров в пречистое Тело и Кровь, держу иногда в руках св. дискос с Агнцем и Чашу с пречистою Кровию и молюсь Господу за себя и за всех, держу поочередно дискос и Чашу, как блудница держалась за ноги Господа Иисуса Христа, плача о грехах своих и моля Его о прощении. Дивно, как Господь приблизился к нам в Святых Тайнах, как снизошел к нашему оскверненному и растленному естеству, Самого Себя дав нам в пищу и питие.

Когда причащаюсь Святых Таин по прочтении положенных молитв: "*Верую, Господи, и исповедую...*" и "*Вечери Твоея тайныя...*" и проч., тогда говорю тайно: Господь во мне лично, Бог и человек, ипостасно, существенно, непреложно, очистительно, освятительно, победотворно, обновительно, обожительно, *чудотворительно* (что я и ощущаю в себе)."

Когда причастились все сослужащие, отец Иоанн приступил к раздроблению Святого Агнца для причащения мирян. Раздроблял Агнца он с необыкновенной быстротой. В служебнике не положено никаких молитв в данном случае. Но чтобы во время такого святого дела не смущали душу его какие-либо праздные мысли, отец Иоанн снова шепчет молитвы. До моего слуха доносились отрывочные выражения из канона Симеона Логофета "О распятии Господни и на плач Пресвятыя Богородицы".

Наконец, настало время общей исповеди. Мы все вышли из алтаря на солею и стали около отца Иоанна. Необыкновенно величественная картина развернулась перед нами. С довольно высокой солеи можно было видеть самые отдаленные уголки обширного храма. Перед нами было море голов. В храме было, — говорили, — не менее пяти тысяч человек. Как волнуется море, так волновалось и это море людей. Достаточно было небольшого толчка с той или другой стороны, как вся масса людей отклонялась в противоположную сторону, потом совершенно естественно, сама собой, для сохранения равнове-

сия, направлялась в другую сторону. В эти минуты перед нами была уже не масса отдельных людей, а как бы один человек, единое тело, один живой организм, двигавшийся туда и сюда.

Отец Иоанн вышел из алтаря на амвон в смиренном виде без митры и начал говорить поучение перед исповедью. Он начал его без обычных наших слов “во имя Отца и Сына и Святаго Духа”.

— Грешники и грешницы, подобные мне! Вы пришли в храм сей, чтобы принести Господу Иисусу Христу Спасителю нашему покаяние в грехах и потом приступить к Святым Тайнам, — так начал свое поучение отец Иоанн. — Приготовились ли к воспринятию столь великого Таинства? Знаете ли, что великий ответ несу я перед Престолом Всевышнего, если вы приступите, не приготовившись. Знайте, что вы каетесь не мне, а Самому Господу, Который невидимо присутствует здесь, Тело и Кровь Которого в настоящую минуту находятся на жертвеннике.

Сказавши еще несколько прочувствованных слов, отец Иоанн продолжал:

— Слушайте... буду читать покаянные молитвы. — И тотчас же начал читать их, обратясь лицом к народу. — “Боже, Спасителю наш, — читает восторженно, громогласно и умилительно отец Иоанн, — прости рабов твоих сих”. — Слова “твоих сих” читает протяжно, разбивая их по слогам. При этом своей раскрытой десницей проводит над главами внизу стоящих и молящихся, как бы отдельно указывая каждого милосердному Судии. Тогда невольно дрогнуло у каждого сердце. Каждый чувствовал, что вот он именно, а не кто-либо другой, сейчас должен дать отчет Богу за прожитое время, за все свои дела. Не укрыться ему теперь за другими от этого Судии.

Продолжается чтение молитвы. Голос пастыря все возвышается и возвышается. Иногда, во время чтения, он еще выразительнее, как пророк грозного и праведного Судии, указует перстом в толпу, в ту или другую сторону храма... Все эти и подобные этим жесты весьма трогательны, чрезвычайно поясняют смысл читаемого и производят на массу сильное впечатление. Прочитавши первую покаянную молитву, отец Иоанн заявляет, что ее нужно “протолковать”, и продолжает свое поучение. Говорит, конечно, без тетрадки. Говорит просто, без всяких ораторских приемов. В одном месте ему никак не удавалось правильно построить фразу. Проповедник остановился на несколько мгновений и потом, заявив, что он “не так сказал”, спо-

койно продолжал свою речь. Слово его отличалось внутренней силой, властностью (1 Кор. 2, 4; 4, 20) и нисколько не напоминало чтения мальчиком хорошо вызубренного урока. Говорил он с глубокой верой в каждое свое слово, готовый за каждое слово даже пострадать, потому что все говорил от сердца, говорил то, что сам своим личным опытом хорошо изведал. Это не были только “хорошие фразы”, тщательно собранные из всевозможных сборников и книжек. Вот что он говорил народу.

— В этой молитве к Богу-Отцу, Первому Лицу Пресвятой Троицы, Господу Всеблагому, Всесвятому, Вездесущему, Премудрому, Всесоздавшему, Всемогущему, Всеправящему, Страшному всякой твари, Святая Церковь молит Господа, чтобы Он даровал помилование грешникам и грешницам, простил бы им прегрешения, всякие беззакония, совершенные или по легкомыслию, или по необдуманности вольно или невольно, простил бы и помиловал бы, как некогда помиловал пророка и царя Давида, тяжко согрешившего пред Богом.

Прогуливаясь однажды на террасе своего дворца, он увидел купающуюся очень красивую женщину, молодую еврейку, пленился ее красотой и пожелал сделать ее своей женой. Но эта еврейка была замужем. Чтобы исполнить свое греховное желание, Давид отправил ее мужа на войну и приказал поставить его на опасное место, где и сразили его неприятельские стрелы. Таким образом Давид достиг своей преступной цели и, упоенный греховной страстью, не хотел думать о том, какое тяжкое прегрешение совершил пред Богом. Но Господь Бог умилосердился над грешником и послал к нему пророка Нафана для вразумления и наставления. Пророк обличил царя в беззаконии и убеждал его раскаяться. Тогда царь сознал свой тяжкий грех и ужаснулся его.

Посыпав главу свою пеплом в знак смирения, начал горько плакать и искренно, горячо каяться пред Господом. И Господь услышал его скорбную мольбу и простил его грех. Святой Дух, Который оставил его после согрешения, снова вселился в него после его раскаяния и не оставлял его до конца дней его. Царь Давид свое искреннее и сердечное сокрушение о грехах выразил в псалмах, в которых благодарил и прославлял Бога. Он оставил после себя книгу Псалтирь, употребительнейшую в православной церкви. Его 50-й псалом: “Помилуй мя, Боже” представляет собой прекрасный и ничем не заменимый образец сердечного покаяния.

Братья, царь Давид был человек благочестивый, кроткий, незлобивый, мудрый, имевший дар пророчества, хороший был человек, и то согрешил, не уследил за собой, украл единственную жену! Царь, пророк, святой муж — и пал так глубоко! О, как легко согрешить человеку. Нужно быть бдительным к своей душе, нужно всегда следить за собой, обуздывать свои чувства. Нужно каждый день и час, каждую минуту следить за собой и предвидеть заранее греховные желания свои и оберегать себя от искушений, ибо дьявол, как лев рыкающий, бегает за нами и ищет, кого бы поглотить. Для этого нужно обдумывать и взвешивать каждый свой шаг и всякий свой поступок.

Другой царь Манассия отпал от Бога и впал в идолопоклонство, занимался волхвованиями, вызыванием духов, был спирит по-нынешнему и детей своих учил тому же. Неблагодарный, гордый, он презирал народ, любивший Бога, а себялюбивых, подобных себе, ласкал и приближал. Своими беззакониями он прогневал Бога; долготерпение Господне истощилось. Во время войны Иудеев с Ассириянами Манассия был взят в плен, руки и ноги его были закованы в колодки, а в нос было продето кольцо. В таком позорном виде, как зверя, его провели по Вавилону и бросили в смрадную темницу, где и держали три месяца. Братья, человек не может жить без наказаний, этих истинно посещений Божиих, за которые мы всегда должны благодарить Бога. Иногда только наказания могут отрезвить человека, просветить его духовное око, указать ему его действительное, а не им самим вымышленное, положение. И Манассия, только находясь в тяжком плену, опомнился, осознал свои грехи пред Господом и сознал свое ничтожество и бессилие. Теперь он понял, что он червь, что гордиться ему нечем, потому что пред Господом все равны. Всех Бог создал одинаково, создал из одной персти и в перст всех обратит. И начал Манассия усердно молиться, каяться, день и ночь плакать о своих заблуждениях. Господь услышал его мольбы и простил его. Царь Манассия составил покаянную молитву, которая читается теперь великим постом на повечерии.

В лице этих двух царей, Давида и Манассии, тяжко согрешивших, Святая Церковь представляет нам, братья, образцы искреннего и глубоко-сердечного покаяния. Господь Бог — страшный Судия всей земли. Он не посмотрит ни на чье лицо: мужчина или женщина, отрок или отроковица, царь или простолюдин, барин или мужик, генерал или солдат, богатый или бедняк — пред Ним все равны. Он смотрит

на сердца, смотрит, каково упование человека, какова его вера, каковы его дела. С людей высоко стоящих, образованных Господь больше взыщет, чем с простолюдинов, когда они грешат, пьянствуют или прелюбодействуют. Братья, ах как силен грех! Грехи — это воры, разбойники, которые постоянно обкрадывают нас. Они облекаются обыкновенно в благородные, заманчивые одежды и делают нас бедняками пред Богом и даже врагами Его. Кто из нас без грехов? Кто не горд? Кто не честолюбив? Кто не обижал друг друга? Кто не оболгал ближнего своего?

Поучение, по-видимому, простенькое, не хитровитиеватое, — такое поучение, которое может составить и произнести без особенного затруднения всякий сельский священник. Я много слыхал об отце Иоанне как проповеднике и с нетерпением ожидал его проповеди. Но начало его проповеди — да простит мне великий пастырь — я слушал с довольно большим холодом в душе и даже разочарованием. Равнодушно, по-видимому, относился к проповеди и народ. Но далее я не знаю, что случилось со мной и с этой доселе безмолвной массой людей. Какое-то особенное настроение, незримо откуда-то сходившее в души слушателей, начало овладевать толпой. Сначала слышались то там, то здесь лишь легкие вздохи; то там, то здесь можно было наблюдать слезу, медленно катившуюся по лицу умиленного слушателя. Но чем дальше шло время, тем больше можно было слышать глубоких вздохов и видеть слез. А отец Иоанн, видя их, о них-то больше всего и напоминал в своем поучении. И я что-то необыкновенное начал ощущать в себе. Откуда-то, из какой-то недоведомой глубины души, что-то начало подниматься во мне, охватывая все существо мое. Сзади меня и напротив, на правом клиросе, стояли доселе, по-видимому, равнодушные, более любопытствующие лица. Но вот и они преклоняют колена и проливают слезы. И у меня растеплилось сердце черствое, огрубелое. Скатилась слеза и у меня из глаз, слеза чистая, покаянная, слеза святая, слеза благодатная, слеза живительная, слеза спасительная. А что творилось в это время в народе! Из всех сторон кричали:

— Батюшка, прости, батюшка, помилуй; все мы грешники; помолись, помолись за нас.

Бушевало море. Стало так шумно, что больше ничего не было слышно из речи отца Иоанна.

— Тише, тише, слушайте, — громко кричал отец Иоанн, властно

призывая рукой всех к молчанию. На несколько мгновений смолкал этот великий шум, но потом с новой силой он раздавался опять, начинаясь сначала где-либо в одном месте, а потом постепенно охватывая всех молящихся. Как сильный гром перекатывается по необъятному небу, так перекатывались из края в край по громадному храму народные вопли о молитве, прощении и помиловании. С немалым трудом пришлось водворить в храме тишину. Отец Иоанн начинает читать далее вторую молитву перед покаянием. Читает ее также с глубоким чувством и выразительностью. Прочитавши молитву, он снова начал "толковать" ее.

— В этой молитве, которую я сейчас произнес, Святая Церковь молит Первопастыря, чтобы Он, Многомилостивый, простил наши неправды, наши грехи, помиловал, избавил нас от вечной муки, простил беззаконные намерения, мысли наши и беззаконные поступки. Святая Церковь молит Иисуса Христа, Сына Божия, взявшего на Себя грехи всего мира и своей Пречистой Кровью омывшего нечистоту душ наших, помиловать нас, как двух евангельских должников, которые сами не могли заплатить большой долг заимодавцам, как блудницу, которая своими слезами омывала ноги Христа и отирала их своими волосами. Господь Бог видел ее истинное раскаяние, желание загладить свои грехи и, даровав ей прощение, отпустил ее с миром. Точно так же и все кающиеся искренно сегодня в грехах своих получат прощение и избавление от вечной муки. Нам дано в жизни очень много времени одуматься, чтобы мы поскорбели, погоревали, поплакали о душе своей. Но люди ленятся, не хотят заботиться о своей душе, не хотят бороться с грехами, которые, как тати и разбойники, врываются в их души, не хотят воевать с ними, отгонять их. Господь Бог делает все для любящих Его, а которые дерзко отталкивают десницу Божию — не желают сами себе добра, сами идут на погибель. А без Бога мы и одной секунды существовать не можем: своей жизнью, дыханием, воздухом, которым дышим, светом солнечным, пищей, питьем — всем обязаны мы Христу. Мы должны Ему без конца, мы Его — неоплатные должники. Мы призываемся быть "народом святым", "людьми обновления", "царским священием". Ведь нам сказано: "Святи будите, якоже свят есмь Аз".

При этом снова в народе поднялся прежний шум.

— Батюшка, батюшка, — кричали отовсюду, — прости, помолись. — И снова нельзя стало разобрать ничего.

— Тише, тише, слушайте, тише, — говорил отец Иоанн. Мало-помалу снова в храме водворяется тишина, прерываемая по временам только глубокими вздохами да слезой, безмолвно катящейся по лицу слушателя.

— Господь Бог, страшный и праведный Судия, — продолжает отец Иоанн свою прерванную речь. — Он не помиловал падших ангелов, возгордившихся против Самого Бога, но осудил их на вечную муку. Мы, грешники, грешим каждую минуту и своими грехами прогневляем Господа. Отчего же нам такое снисхождение? Бог-Отец послал в мир Сына Своего возлюбленного, Который принял на Себя грехи всего мира, пострадал за грехи людей, снял с людей проклятье, тяготевшее над ними со времени грехопадения первых людей. Господь Иисус Христос своими крестными страданиями избавил нас от вечной муки. Это мог сделать только Сын Божий, а не человек. Бог-Отец отдал всю власть суда над людьми Иисусу Христу. Господь Иисус Христос дал власть апостолам, а те — архиереям и священникам, в том числе и мне, грешному иерею Иоанну, — разрешать кающихся, прощать или не прощать грехи их, судя по тому, как люди каются. Если человек искренне кается, с сокрушением сердечным, то священник разрешает его от грехов. Наоборот, если человек кается не искренне, то священник не отпускает ему грехи, чтобы он опомнился. Итак, чтобы получить прощение грехов, необходимо каяться искренне, горячо, сердечно. А у нас что за покаяние? Все мы только верхушечки, стебельки грехов срываем. Нет, корни, корни грехов нужно вырывать...

Что же такое покаяние? Покаяние есть дар Божий, дарованный Богом ради заслуг Сына Своего возлюбленного, исполнившего всю правду Божию. Покаяние есть дар, данный для самоосуждения, самообличения, самоукорения. Покаяние есть твердое и неуклонное намерение оставить свою прежнюю греховную жизнь, исправиться, обновиться, возлюбить Господа всей душой, примириться с Богом, со своей совестью. Покаяние есть твердое упование, надежда, что милосердный Господь простит все наши прегрешения. Кто не кается, тот делается врагом церкви. Как гнилые сучки или ветки отпадают от дерева, так и грешники нераскаянные отпадают от Главы церкви Христа. Сам Христос есть Лоза виноградная, а мы веточки, питающиеся жизнью, соками этой Лозы. Кто не будет питаться соками этой дивной Лозы, тот непременно погибнет. Раскольники погибают в за-

блуждении, пашковцы тоже погибают, погибают и толстовцы. Все они грешники нераскаянные. Сами гибнут и других влекут на погибель.

Братья и сестры, каетесь ли вы? Желаете ли исправить свою жизнь? Сознаете ли грехи свои? Ленились вы Богу молиться? Пьянствовали, прелюбодействовали, обманывали, клятвопреступничали, богохульствовали, завидовали, хитрили, злобствовали, злословили, воровали? Да, много, много грехов у нас, братья и сестры, всех их и не перечесть...

Слово кончено. Обращаясь к народу, отец Иоанн властно и громко теперь говорит:

— Кайтесь, кайтесь, в чем согрешили!

Что произошло в эти минуты, невозможно передать. Напряжение достигло самой высшей степени и одинаково захватило всю массу. Это был уже не тихий и спокойный народ, а море бушующее. Пламя огня, охватившее внутренность здания, дает о себе знать сначала незначительными огненными языками, вырывающимися изнутри то там, то здесь, и густыми облаками дыма. Потом, пробившись наружу, оно со страшной силой поднимается вверх и почти мгновенно распространяется по всему зданию, перелетает быстро на соседние дома. В эти минуты человеку остается только безмолвно почти смотреть на совершающееся перед ним. Нечто подобное представляла собой и толпа в данный момент. Стоял страшный, невообразимый шум. Кто плакал, кто громко рыдал, кто падал на пол, кто стоял в безмолвном оцепенении. Многие вслух перед всеми исповедовали свои грехи, нисколько не стесняясь тем, что их все слышали:

— Не молимся, ругаемся, сердимся, гневливы, злы, — и тому подобное доносилось из всех частей храма.

Трогательно было смотреть в это время на отца Иоанна.

Он стоял, глубоко растроганный и потрясенный всем. Уста его шептали молитву, взор был обращен к небу. Стоял он молча, скрестивши руки на груди, стоял как посредник между небесным Судией и кающимися грешниками, как земной судия совестей человеческих. По лицу его катились крупные слезы. Он закрыл свое лицо руками, но и из-под них капали на холодный церковный пол крупные слезы. О чем же он плакал? Кто может изобразить его душевное состояние в эти минуты? Отец Иоанн плакал, соединяя свои слезы со слезами народа как истинный пастырь стада Христова, скорбел и радовался душой за своих пасомых. А эти овцы заблудшие, грешные, увидя сле-

зы на лице своего любимого пастыря и поняв состояние его души в настоящие минуты, устыдились еще больше самих себя и разразились еще большими рыданиями, воплями, стонами, и чистая река слез покаяния потекла еще обильнее к Престолу Божию, омывая в своих струях загрязненные души. Громадный собор наполнился стонами, криками и рыданиями: казалось, весь храм дрожал от потрясающих воплей людей.

— Кайтесь, кайтесь, — повторял от времени до времени отец Иоанн.

Иногда он обращался своим взором в какую-либо одну часть храма и там все чувствовали на себе его взор. Тотчас в этом месте начинали громче раздаваться голоса, заметно выделяясь в общем хоре голосов и заражая еще более толпу. Потом опять везде царил один тон, чтобы усилиться снова там, куда обратится своими взорами отец Иоанн. Как могуче владел он всей этой массой народа — он был как бы какой маг или чародей. Скажи отец Иоанн народу, чтобы он шел за ним в эти минуты, и он всюду пошел бы за своим пастырем... В таком состоянии кающиеся находились не менее пяти минут. Наконец, отец Иоанн отер свои слезы красненьким платком, перекрестился в знак благодарности за слезы покаянные народные.

— Тише, тише, братья, — слышится его голос. Не скоро в храме водворяется желательная тишина. Но мало-помалу все смолкает. Слышны одни только вздохи, да слезы струятся по щекам молящихся то там, то здесь.

— Слушайте, — говорит протяжно отец Иоанн. — Мне, как и всем священникам, Бог даровал власть вязать и разрешать грехи человека... Слушайте, прочитаю молитву разрешительную. Наклоните головы свои: я накрою вас епитрахилью, благословлю, и получите от Господа прощение грехов.

Тысячи голов смиренно преклоняются, читается разрешительная молитва. Берет отец Иоанн конец своей епитрахили, проводит им по воздуху на все четыре стороны и благословляет народ. Какая торжественная и таинственная минута! Примиряется небо с землей; грешники с Безгрешным.

После разрешительной молитвы всем чувствовалось как-то особенно легко. Как будто бы громадное какое бремя у каждого свалилось с груди. Эти минуты живо напомнили мне минуты счастливого, радостного, чистого и беззаботного, святого детства. Радостный, осво-

божденный от тяжкого бремени греховного, народ вздохнул свободно и со слезами благодарности смотрел на кроткое, сияющее духовным торжеством лицо своего доброго батюшки пастыря, который вывел так благодетельно своих овец из мрачных дебрей греха на светлый путь добродетели, к лучезарному дому Отца Небесного.

Люди, заслуживающие всякого внимания и доверия, нам рассказывали нечто весьма любопытное относительно общей исповеди отца Иоанна. В то время когда народ приносит искреннее и глубокое покаяние в своих грехах, некоторые из богомольцев видят на солее Спасителя, благословляющим народ и разрешающим его от всех грехов. Об этом недавно сообщалось даже и в печати. Вот каков религиозный подъем духа народа в эти минуты, вот каких размеров достигает его напряжение!

Имеется запись самого о. Иоанна следующего содержания: "Замечательно видение одного мирянина в храме во имя Св. Апостола Андрея Первозванного, именно видение Спасителя, простирающего на всех предстоящих во время общей исповеди и разрешения грехов мною — Божественные руки Свои и объемлющего всех. Благодарю Господа за сие видение, за сию милость, извествующую, что дело общей исповеди Ему приятно и делается согласно с Его Божественною волею".

Затем последовал вынос Пречистых и Животворящих Таин Христовых. После громогласного прочтения всеми молитвы "Верую, Господи, и исповедую" началось причащение Тела и Крови Христовых, благодатно приемлемых очищенными и примиренными с Богом душами. Что делалось кругом в это время? Народ устремился волной к Святой чаше. Сколько благоговения, восторга, тихой радости можно было видеть и читать на лицах всех. Какие сцены, нигде даже не виданные мной, постоянно повторялись здесь.

Вот что я видел и слышал:

— Господи, сподоби причаститься Святых Таин.

— Дорогой, золотой батюшка, причасти.

— Батюшка-голубчик, причасти.

— Батюшка, причасти. Я больная. Почки болят. Умираю.

— Батюшка, причасти; две недели не причащалась.

Вот стоит старушка на коленях в стороне, недалеко от отца Иоанна, и просит необыкновенно жалобным старушечьим голосом, едва произнося слова своим беззубым ртом:

— Батюшка, причасти.

Она как бы замерла, застыла в этом положении. И кажется, никто не услышит ее в этом всеобщем почти смятении и шуме. Но вот услышана и она.

— Боженька, причасти, — вдруг я слышу недалеко от себя.

— Я не Боженька, а простой человек, — спокойно, без всякого волнения и смущения, но твердо и решительно отвечает отец Иоанн.

Вся окружающая атмосфера была наполнена ласковыми словами, обращенными к отцу Иоанну. Она как бы была вся соткана из этих одних слов. Приносят детей причащать. Там вдали где-то раздается вдруг шум, напоминающий собой почти штурм или баталию. Это посадские хотят пробраться через всякие решетки и через ряды полиции, чтобы причаститься. Некоторые, более дерзновенные и храбрые, оттеснивши простых, робких деревенских мужичков, успевают уже пробраться к самым ногам отца Иоанна.. Но, увы, батюшка их не только не причастил, но и еще пригрозил, что, в случае нового шума с их стороны, он даже отлучит их от Святого Причастия на три месяца.

— Целуй Чашу-то, благодари Бога, — многим говорил отец Иоанн, причащая их. — Благодари Бога! А как часто, действительно, мы забываем делать это...

У отца Иоанна

Митрополит Вениамин (Федченков)

Вероятно, уже во второй, а не в первый год моего студенчества (то есть в 1904 году) мне удалось поехать к батюшке. Почему же не в первый, естественно, спросит читатель? Да, стоит спросить об этом. Объясняется это общим духовным, точнее, недуховным состоянием России. Теперь, после потрясений революции, принято у многих хвалить прошлое. Да, было много прекрасного. Но вот беда: мы сами не хотели замечать его. Так было и с отцом Иоанном. По всему миру славилось имя его. И мы, студенты, знали об этом. А теперь мы и живем рядом с Кронштадтом: через час-два можно было быть в гостях у отца Иоанна... Но у нас, студентов, и мысли не было об этом. Что за загадка? Нужно сознаться, что внешность религиозная у нас продолжала быть еще блестящей, но дух очень ослабел. И “духовные” сделались мирскими. Чем, например, интересовались сначала мы, новые студенты? Неделями ходили по музеям, забира-

лись под самый верх купола "Исаакия", посещали театры, заводили знакомства с семейными домами, где умеющие танцевали. Лекциями интересовались очень мало: ходили лишь по два-три "дежурных" для записи за профессорами и чтобы не было полной пустоты в аудиториях. Службы тоже посещали по желанию. И лишь небольшая группочка покупала себе столики и керосиновые лампы с абажурами, ставили мы их не в "занятных", где не было тишины, а в аудиториях, по стенам.

По крепко установившейся традиции здесь уже не разрешалось говорить. В этой тишине всякий занимался любимым предметом: кто святыми отцами, кто вавилонскими раскопками, кто политической литературой (таких было очень мало). А еще образовалась группочка богомолов, эти ходили и на будничные богослужения утром — Литургии, а вечером — на вечерню с утреней. Во главе этой группы стояли сам ректор академии, тогда — епископ Сергий (впоследствии Патриарх), и инспектор архимандрит Феофан (скончавшийся во Франции беженцем). Но здесь были буквально единицы. А общестуденческая жизнь шла мимо религиозных интересов. Совершенно не нужно думать, что духовные школы были питомниками отступников, безбожников, ренегатов. Таких были тоже единицы. И они опасались даже перед товарищами показывать свой атеизм, ибо все мы хорошо знали друг друга и не придавали никакой серьезной цены этим атеистам.

Но гораздо опаснее был внутренний враг: религиозное равнодушие. Большинство из нас учились не для священства, а чтобы получить места преподавателей, иногда — чиновников, и лишь десять процентов шли в пастырство, то есть на пятьдесят-шестьдесят человек курса каких-то пять-шесть человек.

При таком равнодушии вообще, к пастырству в частности, должно быть понятным и равнодушие студентов к всероссийскому светильнику, отцу Иоанну. А тут еще подошли революционные времена: студенты интересовались политикой, забастовками; а отец Иоанн попал на "доску" правых: не по времени уже был он.

И даже профессора, более ответственные люди, чем мы, молодежь, ничуть не интересовались отцом Кронштадтским. Однажды мне как регенту хора пришлось завести разговор с ученейшим профессором, протоиереем Орловым, о богословии. Я сослался на отца Иоанна. А он иронически сказал мне:

— Ну какой же это богослов?!

Пришлось прекратить разговор.

Была некоторая часть столичного духовенства, которая, вместе с паствами своими, почитала отца Иоанна. Еще более почитало его духовенство в провинции.

Но самым главным почитателем — как всегда — был наш так называемый простой народ. Не обращая никакого внимания на высших, он тысячами и за тысячи верст и шел, и ехал, и плыл в Кронштадт. К тому времени уже вполне определилось разделение между народом и интеллигенцией, а отчасти — и духовенством, которое, скорее, можно было отнести к интеллигенции, чем к простонародью. Это разделение было и в наших школах... Мало того: даже архиереи не проявляли особого интереса к отцу Иоанну. Мне, впрочем, известно несколько имен, которые почитали его и старались быть с ним в общении... Но в глубине души и архиереи, и иереи чувствовали высоту батюшки. Очевидцы рассказывали мне, как огромная зала Дворянского Собрания, во главе с тремя митрополитами, ждала обещавшего приехать на духовный концерт отца Иоанна. И когда он вошел туда, то тысячи людей встали, в потрясающем до слез благоговении, как один человек. Архиереи облобызались с ним, предложили сесть рядом на приготовленное ему место... И концерт начался.

Среди глубоких почитателей отца Иоанна был и архиепископ Финляндский Сергий, впоследствии — Патриарх всея Руси. Я в то время (1908—1910) был у него личным секретарем. И помню, что он завел у себя и в Выборге, и на Ярославском подворье обычай: читать ежедневно вместо всяких поучений слова батюшки. И один из монахов, отец В-фий, читал нам его простые, но православные беседы. Это уже было начало прославления. А другой богослов, архимандрит Феофан, ставил его творения в один ряд со святыми отцами и советовал их изучать так же серьезно, как и древних отцов.

А мы, студенты и профессора, не интересовались. Боже, как горько! Как стыдно теперь! И сейчас вот плачется от нашей нищеты и от окамененного нечувствия.

Нет, далеко не все было благополучно и в Церкви. Мы становились теми, о коих сказано в Апокалипсисе: “Так как ты ни холоден, ни горяч, то изблюю тебя из уст Моих...” Пришли скоро времена, и мы, многие, были изблеваны даже из Родины... Не ценили мы святынь ее. Что посеяли, то и пожали.

Вот почему и я не на первый год поехал в Кронштадт, а уже на второй, вместе с двумя другими товарищами, младшими по курсу.

То был холодный ноябрь. Но снегу почти не было. Извозчики ездили еще на пролетках.

Приехали в гостиницу Дома трудолюбия, созданного отцом Иоанном. Там нас как студентов академии приняли со вниманием. Утром нужно было встать рано, чтобы в четыре часа уже быть в храме. Нас провели в алтарь собора. Андреевский собор вмещал, вероятно, пять тысяч человек. И он уже был полон. В алтаре, кроме нас, было еще несколько человек духовных и несколько светских лиц.

Утреню начал один из помощников отца Иоанна. А скоро через узкую правую боковую дверь алтаря вошел и батюшка в меховой шубе — дар почитателей. Отдавши ее на руки одному из сторожей (их было много в соборе, как увидим), он, ни на кого не глядя, ни с кем не здороваясь, быстро и решительно подошел к Престолу и также быстро пал на колени пред ним... Не помню: перекрестился ли он на этот раз? После я заметил, что он не раз падал ниц, не крестясь: очевидно, так требовала его пламенная душа. Иногда, вместо креста, всплескивал руками, а иногда и крестился. Ясно, что для него форма не имела связывающего значения, как и должно быть у людей, горящих духом: "не человек для субботы, а суббота для человека", — говорил Господь. Конечно, это право принадлежит не нам, рядовым и слабым людям, а окрепшим в благодати Божией; поэтому никому нельзя искусственно подражать таким великанам...

После этого батюшка обратился уже к присутствовавшим в алтаре и со всеми нами весьма ласково поздоровался, преподав мирянам благословение.

Потом быстро оторвался от нас и энергично пошел к жертвеннику. Там уже лежала целая стопка телеграмм, полученных за день и за ночь со всех концов Руси. Батюшка не мог их сразу и прочитать здесь. Поэтому он с тою же горячностью упал перед жертвенником, возложил на все эти телеграммы свои святые руки, припал к ним головою и начал тайно молиться Всевидящему Господу о даровании милостей просителям... Что потом делалось с этими телеграммами, я лично не знаю: вероятно, секретарствующие лица посылали ответы по адресам, согласно общим указаниям, данным батюшкой. В особых случаях им самим составлялись тексты для телеграмм. Да ведь, собственно, и не в этих ответах было главное дело, а в той пламенной

молитве, которая возносилась им перед жертвенником или в других местах, где захватывали его просьбы...

Между тем утреня продолжала идти своим порядком.

После шестопсалмия, во время великой ектении, батюшка в одной епитрахили быстро вышел на правый клирос. На этот раз ему показалось, что недостаточно света. И он, подозвав одного из церковных служителей, вынул из кармана какую-то денежную бумажку и вслух сказал:

— Света мало! Света!

Очевидно, сумрак храма не соответствовал его пламенному духу: Бог есть Бог светов! Бог славы и блаженства! И потому отец Иоанн послал за свечами...

Подошло время чтения канонов. По уставу полагается читать два очередных канона дня недели, а сверх этого третий канон — в честь святого, память которого совершалась в тот день. Была среда. А праздновалась, как сейчас помню, память преподобного Алипия, 26 ноября. И как читал батюшка! Совсем не так, как читаем мы, обыкновенные священнослужители: т.е. ровно, без выражений, певучим речитативом. И это мы делаем совершенно правильно, по церковному учению с древних времен: благоговение наше пред Господом и сознание собственного недостоинства не позволяют нам быть дерзновенными и в чтении; бесстрастность ровного, спокойного, благоговейного совершения богослужения — более пристойна для нашей скромности. Не случайно же подчиненные вообще разговаривают с начальствующими не развязно, не вольно, а “почтительно докладывают” ровным тоном. Особенно это заметно в военной среде, где воины отвечают начальникам подобно церковному речитативу — на “одних нотах”.

“...Закон положен, — говорит апостол Павел, — не для праведника...”

И отцу Иоанну — при его горящей энергии, гремящей вере; при тысячах людей, жаждущих его дерзновенной молитвы; при сознании им нужд, горя, скорбей, грехов этих простых чад Божиих; даже при огромности самого храма, требующего сильного голоса, — отцу Иоанну нельзя было молиться так, как мы молимся. И он молился чрезвычайно громко, а главное — дерзновенно. Он беседовал с Господом, Божией Матерью и святыми, беседовал со смелостью отца, просившего за детей, просил с несомненной верой в то, что Бог не только

всемогущ, но без меры и милосерд. Бог есть Любовь! А святые богоподобны. Вот почему отец Иоанн взывал к ним с твердым упованием. Как именно — этого на бумаге не передашь. Можно себе лишь отчасти представить, как это было:

— Слава, Господи, Кресту Твоему честному!

— Пресвята-ая Богородице!!! Спаси-и нас!

— Преподобне отче Алипие! Моли-и Бога о нас!

И потом следовало чтение тропарей канона с тою же громкостью, выразительностью, страшной силой.

Да, я никогда в жизни еще не слышал подобной силы молитвы! И у батюшки все это выходило совершенно естественно.

Народ при этих возглашениях крестился. А отец Иоанн взывал и взывал: "Спаси!.. Моли Бога!" Немедленно после утрени начались часы и Божественная Литургия. Тысячи просфор вынимались другими священниками в левом приделе. Начинается Литургия. Отец Иоанн громогласно, дерзновенно и величественно возглашает славу Царству Троицы:

— Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа ныне и присно и во веки веков!

...И так вдохновенно шла вся Литургия! Даже больше того: чем дальше она шла, тем все больший подъем охватывал отца Иоанна. Даже такие короткие слова, как "Мир всем", произносились им внушительно, отрывисто:

— Мир!.. всем!..

При этом лицо его становилось все возбужденнее и розовее; очи светились. Это было не служение, а именно священнодействие с начала до конца.

Но своей вершины эти дерзновение, восторг и вдохновение достигали во время пресуществления Святых Даров. Совершив таинство по чину, он сначала падал ниц перед Престолом. А потом брал Святую Чашу и целовал ее; прикладывал к своему челу и снова целовал... Нигде в мире никто так не совершал этого таинства!

Но вот приходило время причащать верующих. А их были тысячи... Это было просто физически невозможно для одного лица, ибо заняло бы несколько часов. А ведь у отца Иоанна каждый день был заранее расписан по часам как в Кронштадте, так и в Петербурге. На этот раз лишь немногих причащал он сам. Всякий может понять, что каждому из богомольцев хотелось причаститься "у батюшки". Для

этого перед главным амвоном сделано было особое ограждение, куда служители и впускали группами по несколько человек; затем еще и еще... Но привычные почитатели знали, что скоро эти "счастливые" десятки кончатся; а они останутся не в ряду их. И что же тогда начинало твориться? Люди — как мужчины, так и женщины — подходили с боков к свободным местам амвона, отделенным высокой железной оградой, и старались перелезать через нее. Тотчас сюда подбегали служители и начинали лезших отбрасывать назад. Раздавались протесты, крики, жалобы, вопли; но иного способа остановить хаос не было... Конечно, даже смотреть на все это было больно. А с другой стороны, как осудить такое стремление простых душ к чтимому и любимому батюшке?! Ведь перед ними был пастырь, единственный на всю Россию, был великий молитвенник, чудотворец, был огонь, зажигавший всех! Потому и стремились к нему... К нам вот не стремятся так.

Батюшка иногда отказывал в Причастии некоторым, попавшим в оградку. Помню, как он одной женщине почему-то резко сказал:

— Отойди-и! Недостойна!

Ее отвели и выпустили за ограду, подошли другие. Чем это объясняется, для меня тайна; но нужно думать, что его прозорливому взору было видно, почему ее не следовало допускать до Причащения.

Затем он быстро кончил на этот раз причащение и унес Святые Дары в алтарь, где потом сам и потреблял часть их.

Кончив Литургию, он никого уже не подпускал к целованию креста, как это делается обыкновенно... Быстро разоблачился, оделся, благословил нас. Некоторые в алтаре спрашивали его о чем-то, он кратко тут же отвечал. И через ту же правую дверь алтаря вышел в сад, окруженный высокой оградой.

Батюшка не мог ни войти, ни выйти через храм, как это делаем мы все — и священники, и архиереи. Нам это можно, а ему было нельзя. Народ тогда бросился бы к нему массою и в порыве мог затоптать его. Мне пришлось слышать о подобном случае, когда толпа сбила его с ног, разорвала в клочки "на благословение" его рясу и едва оставила его живым.

И потому нужно было избрать иной путь: его из дома привозили на извозчике (а не в карете, как пишут иные) до сада, хотя тут было всего каких-то пять минут ходу. И на извозчике увозили. В саду не было ни души: высокие ворота были заперты. Батюшка быстро са-

дился на пролетку; извозчик сразу мчался по саду к воротам. А там уже стояли служители, они сразу открывали выезд, и лошадь мчалась прямо, хотя там стоял народ, ждавший батюшку "хоть еще разок взглянуть". И лишь от страху попасть под копыта или под колеса люди невольно раздвигались, и батюшка вылетал "на свободу".

Но и тут не обошлось без инцидента. На моих глазах — мы из алтаря вышли за ним по саду — какой-то крестьянин бросился прямо в середину пролетки, желая, видимо, получить личное благословение. Но быстрой ездой он был мгновенно сбит с ног и упал на землю. Я испугался за него и, закрыв лицо руками, закричал инстинктивно:

— Ай, задавили, задавили!

И вдруг на мой испуг слышу совершенно спокойный ответ:

— Не бойся, не бойся! Батюшкины колеса не давят, а исцеляют!

Я открыл глаза: это сказала худенькая старушечка, действительно спокойная.

Поднялся и смельчак невредимым, отряхнул с себя пыль и пошел своим путем, а люди — своим: точно ничего и не случилось.

В древности исповедь бывала открытой: грешник каялся перед всей Церковью. Но потом этот обычай был заменен теперешней тайной исповедью. Причина этого заключалась в том, что не у всякого хватало силы смирения бичевать себя публично пред всеми; а кроме того, подобная исповедь вводила в соблазн невинные души. Но вот бывают такие обстоятельства, что они вынуждают иногда пользоваться и общими исповедями. Главной причиной тут является громадное количество причастников, когда невозможно справиться не только одному, но даже и нескольким священникам. Остается одно из двух: или не допускать желающих до Причащения, а это болезненно и неспасительно; или же сделать общую исповедь для всех. Что избрать? В древние времена христиане причащались вообще без исповеди, жили свято, за исключением особых случаев. И эта практика существует доселе в Греческой, Сербской, Сирийской церквах. Я лично наблюдал это в некоторых приходах Югославии; видел в Крыму, когда азиатские беженцы от турок молились в приделе Симферопольского собора, и в свое время священник мерно обходил их стройные ряды и причащал всех подряд, без исповеди. Слышал от очевидцев, как греческий смиренный священник после Литургии шел еще со Святой Чашей по селу и причащал тех, кто по хозяйственным препятствиям не был в церкви: и они — большей частью женщины —

выбегали из своих хижин на улицу в чем были, кланялись в землю и с детскою верою причащались Святых Божественных Таин. Картина такой первобытной чистой веры была умилительна. Эти и другие примеры показывают, что Церковь допускает возможность причащения и без исповеди, и даже считает это нормальным порядком для добрых христиан; поэтому на всякой Литургии она приглашает всех "верных":

— "Со страхом Божиим и верою приступите" к Причащению...

Прежде и приступали. Святитель Василий Великий говорит, что в его время люди причащались по три и по четыре раза в неделю. А Златоуст отвечает:

— Не спрашивай: сколько раз; а скажи: как ты приступаешь?

Конечно, и теперешний способ говения и Причащения один раз в году тоже имеет свой смысл, чтобы верующие с большим страхом, благоговением, приготовлением, очищением, покаянием, ответственностью приступали ко Святому Причащению, именно со страхом Божиим. Но этот обычай совсем не есть закон, обязательный на все случаи. Во время трудного периода последних тридцати лет Церковь наша разрешала желающим и еженедельное Причащение при условии, если это благословляет местный духовник для желающих. И нормально — перед каждым причащением нужно исповедоваться каждому. А если таких желающих оказывалось бы много, тогда дозволялось духовнику делать и общую исповедь. Но при этом внушалось, что имеющий какие-либо особые нужды духовные должен подойти после к духовнику и раскрыть ему душу, чтобы получить и особое разрешение.

Так иногда делалось в разных приходах. Но я хочу рассказать, как при мне происходила общая исповедь у отца Иоанна.

Мы с юношеской простотою обратились к нему в алтаре:

— Батюшка! Нам бы хотелось видеть вашу общую исповедь.

Он с простотой и любовью ответил:

— Я только вчера совершил ее. Но ради вас я и ныне покажу вам, как она делается мною.

Перед Причащением отец Иоанн вышел через Царские врата на амвон и сказал приблизительно следующую проповедь. Привожу ее в извлечении.

"Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь! — с силой начал он. — Царь и псалмопевец Давид сказал: "Бог с небесе приниче на сыны

человеческия, видети, аще есть разумеваяй или взыскаяй Бога? Вси уклонишася, вкупе непотребни быша, несть творяй благое, несть до единаго" (Пс. 52; 3, 4).

По-русски: "Господь посмотрел с неба..." и т.д. Батюшка перевел псалом на русский язык. Затем обратился ко всем с указанием, что и в наше время — все уклонились в грехи... И он начал перечислять их. В храме стали раздаваться всхлипывания, рыдания, потом восклицания:

— Батюшка! Помолись за нас!

Тогда батюшка на весь храм воскликнул:

— Кайтесь!

В храме поднялся всеобщий вопль покаяния: каждый вслух кричал о своих грехах; никто не думал о своем соседе; все смотрели только на батюшку и в свою душу... И плакали, и кричали, и рыдали... Так продолжалось не одну минуту... Затем отец Иоанн дал рукою знак, чтобы верующие стихли. Довольно скоро шум утих. И батюшка продолжал свою проповедь:

"Видите: как мы все грешны. Но Отец наш Небесный не хочет погибели чад Своих. И ради нашего спасения Он не пожалел Сына Своего Единородного, послал Его в мир для нашего искупления, чтобы ради Него простить все наши грехи. И не только — простить нас, но даже позвать нас на Свой Божественный пир! Для этого Он даровал нам великое чудо, даровал нам в пищу и питие Святое Тело и Святую Кровь Самого Сына Своего, Господа нашего Иисуса Христа. Этот чудесный пир совершается на каждой Литургии, по слову Самого Господа: "Приимите, ядите. Сие есть Тело Мое!" и: "Пийте от нея (Чаши) вси, сия есть Кровь Моя".

Как в притче отец с любовью принимает своего прегрешившего, но покаявшегося блудного сына и устраивает ему богатый пир, радуясь его спасению, так и ныне Отец Небесный ежедневно и каждому кающемуся учреждает Божественную трапезу — Святое Причащение.

Приходите же с полною верою и надеждой на милосердие нашего Отца, ради ходатайства Сына Его! Приходите и приступайте со страхом и верою к Святому Причащению.

А теперь все наклоните свои главы; и я, как священнослужитель, властью Божией, данной нам, прочитаю над вами отпущение грехов".

Все в благоговейной тишине склонили головы; и отец Иоанн поднял на воздух над всеми свою епитрахиль и прочитал обычную раз-

решительную молитву, совершая над всею церковью знамение креста при словах "прощаю и разрешаю"... "во имя Отца и Сына и Святаго Духа"... Затем началось Причащение.

Чтобы закончить об "общей исповеди", я вспомню о нескольких подробностях и случаях в связи с ней. Когда я уже был иеромонахом, приходит ко мне один знакомый старый богомолец и почитатель отца Иоанна и сообщает мне следующее:

— Стоял я у батюшки в соборе: и он велел нам каяться. Я вслух рассказывал ему свои грехи. И вдруг мой сосед ударил меня, в какой-то злобе, по щеке. Я вспомнил Евангелие Христово, чтобы подставить ударившему и другую мою щеку. А он ударил меня и по другой.

— Зачем вы рассказываете мне об этом?

Он замешался в ответе. Я подумал: "Вероятно, ему хотелось похвалиться своим мнимым смирением". И тогда становилось несколько понятным, почему Бог попустил ему потерпеть дважды посрамление.

Оказалось все же, что он пришел ко мне с вопросом:

— Хорошо ли я сделал, что подставил ему и вторую щеку?

— Не думаю, — ответил я. — Смиреннее было бы подумать вам о том, что вы не доросли еще до такой высоты. А еще лучше, если бы вы чем-то не задели вашего соседа и не довели его до раздражения и до первой пощечины.

— Как так? — не ожидал он этого поворота.

— Мы, несовершенные, можем расстроить наших ближних даже своим благочестием. Бесы хорошо умеют различать истинную святость от неистинной. Первой они боятся, а над второй издеваются. Помните, в книге Деяний рассказывается, как бес поступил с семью сынами иудейского первосвященника Скевы, которые заклинали бесноватых именем Господа Иисуса: "Злой дух сказал: "Иисуса знаю, и Павел мне известен, а вы кто?" И бросился на них человек, в котором был злой дух, и, одолев их, взял над ними такую силу, что они, нагие и избитые, выбежали из того дома" (Деян. 19, 13—16). А апостолу Павлу духи повиновались. Поэтому я думаю, — говорю ему, — нам, грешникам, лучше скрывать свое доброе, если оно и есть. Вот — мое мнение вам.

Потерпевший замолчал, но я не был уверен, согласился ли он со мною. Ему, по-видимому, хотелось лучше оставаться с хорошим мнением о себе и "пострадать" за правду, чем сознать себя недостойным ни того, ни другого.

Да, и в “добрых делах” каждому нужно ведать свою меру. Без меры и добро не есть добро, — учит святой Исаак Сирин.

Когда мы возвращались в тот же вечер из Кронштадта в Петроград, то ко мне на пароходе обратился с вопросом какой-то простец из богомольцев, бывший на той же Литургии у отца Иоанна:

— Что-то я слышал, батюшка звал нас всех на обед, а обеда-то не было?! А-а?

Я понял наивность души этого посетителя и спокойно разъяснил ему, что под “пиром” батюшка разумел Святое Причащение. И повторил поселянину мысль поучения. Он понял и успокоился:

— Вот оно что! А я-то думал, он обедать позвал.

Много лет спустя, уже за границей, мне привелось самому быть участником подобной исповеди. Но должен откровенно сознаться, что она на меня не произвела такого действия, силы и мира, какие почти всегда сопровождают отдельную, личную, тайную, обычную исповедь. А у отца Иоанна была особая сила Божия.

Поездка в Кронштадт к отцу Иоанну

Священник Иоанн Попов

Новый день. Я во второй раз служил Литургию вместе с отцом Иоанном. Сегодня отец Иоанн отнесся ко мне настолько внимательно, что, по окончании Литургии, дал просфору, и я осмелился просить о посещении им квартиры моей; обещался быть, чем и порадовал я своих сокквартирантов, и вот ждем дорогого гостя. Желалось бы принять его с подобающей ему честью. Сегодня отец Иоанн не приобщал; через день он приобщает; а потому рано окончил дела в церкви и скоро будет к нам...

Ах, редкое счастье! До доски моей гробовой не изглаждайся из сердца моего и памяти моей, ты, отрадное впечатление! Был в квартире отец Иоанн, был, только что ушел плотью своей, но духом своим еще вот-вот, здесь, около меня отец Иоанн!

Начну по порядку описание сего посещения.

В четырех-шести саженях от нашей квартиры стоит подвода отца Иоанна... Он там! Он скоро, скоро будет и здесь!.. Будет, несомненно будет... Все мы в притрепетно-благоговейном ожидании!.. Несколько раз выходил и я встречать у порога приближающегося дорогого гостя; выходили и другие лица... Уже толпа около саней собирается,

подходят и к нашей квартире... "Едет!" Спешу я навстречу. Сходит наш дорогой гость с саней; встречаем его у входа; немного поддерживаю его под руку, ограждая от натиска толпы; с другой стороны то же делает псаломщик. Поднялась суета в квартире. Сняли с батюшки теплую рясу, а он молчит и только благословляет на все стороны. Входит отец Иоанн в ближайшую комнату, и двери запираются; меня, впрочем, пропускают. Облачается отец Иоанн в епитрахиль и начинает краткое молебствие: "Благословен Бог наш", а молодой псаломщик поспешно и отчетливо запел баритоном прямо "Бог Господь", тропари Спасителю и Божией Матери, два раза запев: "Слава Тебе, Боже наш, Слава Тебе" (вместо "Иисусе сладчайший, спаси нас" — в нашем крае) и "Пресвятая Богородице, спаси нас"; отец Иоанн читает Евангелие; вскоре же отец Иоанн погружает святой крест в воду, псаломщик поет "Спаси, Господи" и отец Иоанн говорит краткую заздравную ектению, на которой с псаломщиком прочитывают записочки; делает отпуст, кропит святой водой молящихся и приготовленные для освящения овощи (яблоки, виноград и прочее). Благословленные и освященные овощи, как и сама вода, разбираются молящимися и долго берегутся ими.

Предупреждая батюшкину поспешность, во время самого молебствия, особенно же перед концом его, раздаются слезные мольбы: "Батюшка! Болящая! Благослови!" Батюшка оборачивается в разные стороны и возлагает руку свою, причем утешает: "Надейся!.. будешь здорова" и что-нибудь вроде этого. При переходе в другую комнату выслушивает отец Иоанн разные просьбы и обещает исполнить или отклоняет их. Особенно поразило меня обстоятельство, бывшее в "общей" комнате, где был более бедный люд.

Была тут крестьянка из дальней губернии, сильно больная, муж водил ее, и она едва передвигала ноги; ходили и они за батюшкой, не смея обратиться с просьбой, и всегда оставаясь сзади толпы... Только вдруг отец Иоанн делает крутой поворот назад, подходит прямо к этой крестьянке и, возложив руку свою ей на голову и потом на плечо, утешил ее, а нас всех умилил словами: "Бог благословит! Бог благословит!.. Будешь здорова..." На одном из таких переходов из комнаты в комнату встречаю и я отца Иоанна и прошу зайти в мою комнатку!..

Вошел он, и тут наедине мы побеседовали довольно продолжительно. Много утешил меня отец Иоанн своей беседой!..

Здесь, между прочим, когда увиделся я с отцом Иоанном, так сказать, лицом к лицу, нелишне сказать о его внешности. Глядя, бывало, дома на портрет отца Иоанна — премию "Русского Паломника", я представлял его более или менее физически крупным человеком; на самом же деле, когда я впервые увидел отца Иоанна в соборе, то он показался мне вовсе небольшого роста человеком; теперь, уже присмотревшись, все же нахожу его человеком среднего роста; лицо его, хотя и худощавое, но приятное по правильности своего очертания, легкому румянцу, разлитому по щекам; а сколько добра светится в голубых глазах его! Немного русые волосы головы редки и коротки: обсекаются они, вероятно, но нельзя и в мысли допустить, чтобы отец Иоанн занимался подстрижкой головных волос; а что он изредка причесывает их и прямым рядом раздваивает их — это я сам видел в соборе. Борода у отца Иоанна тоже недлинная, и в середине начинает пробиваться седина: шестьдесят два года уже. Ряса на отце Иоанне приличная, но не щегольская. Походка у отца Иоанна, как уже не раз приходилось описывать, быстрая, порывистая, хотя, например, во время великого входа со Святыми Дарами отец Иоанн идет прямо, стройно, спокойно, твердой поступью, как будто каждый шаг отсчитывая. Вот, кажется, и все, что можно сказать о внешности отца Иоанна.

Отслуживши еще один молебен в моей квартире, отец Иоанн распростился с нами и уехал в Петербург.

1894 года, 24 июня

Два дня в Кронштадте

(Из дневника студента)

Отец Иоанн поразил меня с первого раза. Среднего роста, подвижный, бойкий, лицо озабоченное и строгое, показалось мне. Видно было, что это не обыкновенный человек, похожий на многих людей, которых мы встречаем почти на каждом шагу. Слушая его распоряжения, можно было назвать его человеком резким и, пожалуй, грубым. Войдя в алтарь, он начал радушно приветствовать сначала своих сослуживцев, а потом "счастливцев", имевших возможность видеть его так близко. В числе последних были и мы.

— А, здравствуйте, братцы, здравствуйте! — так говорил он, обращаясь к нам.

Подходя к нему под благословение со страхом и смущением, мы и не думали о лобзании.

— Давайте по-братски, давайте по-братски, по-братски лучше, — говорил добрый батюшка и, благословляя нас, целовал каждого.

Все делал он спешно и быстро. Поздоровавшись с нами, он облачился в ризы красного цвета и начал утреню. Говорят, красный цвет — его любимый цвет. Все с большим вниманием следили за каждым его движением. Всё находили в нем необыкновенным. Всех поражали прежде всего его возгласы. Он произносил их отрывисто, резко, громко, подчеркивая известные слова и придавая каждому из них особенный смысл и значение. Это не наше обыкновенное произношение — монотонное, певучее, мертвенное, а живое, глубокое, полное смысла и одушевления. Видно по всему, что это слово льется из глубины чистой, глубоко верующей души, полно непоколебимой уверенности, силы и внутренней мощи. Это слово-плоть, слово-жизнь, слово-действие. И молился он также необыкновенно. В пылу религиозного увлечения и восторга он иногда совершенно оставлял крестное знамение. Отец Иоанн или только кланялся, или, сложа руки на груди, устремлял свои взоры к небу, или коленопреклоненный стоял подолгу без всякого движения. Меня поразил особенно один момент во время его молитвы. Однажды во время утрени он подошел к жертвеннику, стал перед ним на колени, руки сложил крестообразно на жертвеннике, голову склонил на них. Под руками у него были, кажется, всевозможные записки с просьбой помянуть больных, умерших. Я смотрел на него из-за колонн. Волосы прядями ниспадали на плечи; весь он был освещен слабым утренним светом, едва-едва пробивающимся сквозь толщу утреннего северного тумана. Он находился в таком положении около десяти минут. Казалось со стороны, что он как бы умер и перед нами было только его тело, оставленное, сброшенное его душой, как бы какая одежда. Мне живо вспомнились в эти минуты те картины, на которых изображено, как душа по разлучении с телом с неба созерцает его. Тело там действительно представляется как бы одеждой, оставленной, сброшенной душой. О, какая это молитва, какой священнейший момент... Человек оставляет землю и возносится душой на небо, житель земной проникает в Горние миры, ограниченный разумеет тайны неба, плотской становится духовным, немощный укрепляется, скорбящий утешается, сильный становится еще более сильным. Глядя на молящегося отца Иоанна, я

невольно переносился мыслью даже в Гефсиманский сад и представлял молящегося там за нас Спасителя.

И в алтаре, этом великом христианском святилище, не давали отцу Иоанну покоя. То один, то другой в удобную минуту подходили к нему с различными просьбами и нуждами. Хорошо зная, что каждый из находившихся в алтаре пришел сюда, имея какую-либо горячую, неотложную нужду, отец Иоанн и сам иногда подходил то к одному, то к другому. Расспросит о нужде, горе, даст добрый совет. Давал, кажется, некоторым и деньги. Одного обласкает, другого потреплет по плечу.

...Жизнь отца Иоанна не делится на общественную и частную, как у всех вообще людей. У него нет частной, *своей* жизни. Он весь и всецело принадлежит народу. Генерал, инженер, ученый, оратор, министр, возвратившись домой, перестает быть генералом, ученым, оратором, министром. Каждый из них в это время отдается семье, знакомым, невинным развлечениям, часам отдыха. У отца Иоанна этого не случалось, говорят, в течение тридцати пяти лет ни разу. Возвращаясь домой после продолжительного и утомительного труда, он находит у себя множество народа, желающего его видеть, десятки новых неотложных приглашений, сотни писем и просьб.

У каждого из нас, имеющих свой уголок и домашний очаг, есть определенный час для подкрепления себя пищей. Имеет ли такое время отец Иоанн? — спрашивал я некоторых в Кронштадте. Говорят, завтракать или обедать он попадает домой в году всего, может быть, несколько раз. Где же он обедает? Везде и нигде, всегда и, можно сказать, никогда. По причине множества посетителей он никогда не может назначить часа посещения и никогда почти не может попасть ни на какую вечерю. Поэтому ему приходится терпеливо довольствоваться малым. Там съест что-либо из фруктов, здесь выпьет стакан чая, тут скушает кусок булки или несколько штучек печений. Нередко случается, что в течение целого дня ему не приходится подкрепиться надлежащим образом. Но он и не ищет этого, довольствуясь вполне тем немногим, что Бог пошлет ему там или здесь во время дня.

Удивительно мало и спит отец Иоанн. Далеко даже не всегда тричетыре часа глубокой ночи в сутки всецело принадлежат отцу Иоанну. Весьма часто он проводит их в вагоне железной дороги, в карете, а иногда и совершенно не спит. Какой гигантский труд! И этот труд ему приходится нести не в течение какого-либо одного дня или не-

скольких дней, а в течение целых месяцев, годов, десятилетий. Невольно мне вспомнились в эти минуты наши постоянные жалобы на нервы, недосыпание, недоедание, на пресловутое переутомление. Если бы каждый из нас так трудился, как трудится отец Иоанн, я не знаю, что было бы с нами и каких бы историй еще не повыдумали бы мы в свое оправдание и извинение. Может быть, некоторые от одного представления такого труда не выдержали и заболели бы.

Говорят немало о чудесах отца Иоанн. Я их не видел своими глазами, но рассказам о них вполне верю. По моему глубокому убеждению, уже одна эта многотрудная жизнь отца Иоанна сама по себе представляет собой величайшее чудо. Только человек благодатный может выносить в течение стольких лет такую массу непрерывного труда, напряжения, столь много всевозможных лишений. О, если бы нам в течение всей своей жизни сделать хотя бы сотую часть того, что делает отец Иоанн без всяких, по-видимому, труда и усилий. О, как мы были бы счастливы тогда!...

В.М.

Отец Иоанн как педагог

Описание педагогической деятельности о. Иоанна есть у Николая Васильевича Суровецкого, бывшего в трех младших классах кронштадтской гимназии учеником о. Иоанна.

“Еще весной, перейдя в 1-й класс, мы узнали, что законоучителем у нас будет о. Иоанн Сергиев. С большой радостью мы встретили эту весть. Первый урок Закона Божия мы ждали с нетерпением. Дежурный ученик выходил за дверь класса и смотрел, когда в длинном и широком рекреационном зале появится о. Иоанн.

— Идет! — громко шепнул, наконец, дежурный.

Мы насторожились. В дверях класса показался батюшка. В темно-лиловой рясе с наперсным крестом, блестевшим на груди, о. Иоанн вошел в класс. Необычайная доброта его лица и ласковая улыбка сразу располагали к нему. Многие из нас сошли со своих мест и подошли под благословение, целуя с чувством радости его руку.

— На молитву, дети! — сказал он и повернулся к иконе.

Дежурный прочитал молитву. Тут же вспомнились церковные службы в Андреевском соборе и его отчетливые и звучные возгласы в молитвах, проникновенные, с силой горячей веры.

И здесь он тепло помолился и, неторопливо подойдя к кафедре, сел на стул и раскрыл журнал. Внимательным взором оглядел он каждого из нас. И этот взгляд в то же время согрел нас и обласкал.

Начался урок. Ясно и с сердечной убедительностью говорил он о важности для нас, детей, уроков Закона Божия для сохранения веры, чистоты сердца и влечения к молитве.

С первого же дня о. Иоанн внушил всем нам серьезное отношение к Закону Божию, и дома я всегда приготовление уроков начинал с его предмета.

Поучения батюшки дышали силой такой веры, что каждое его слово глубоко проникало в душу. Его наставления, полные отеческой любви, принимались сразу, с сердечной готовностью следовать им. Пламенная вера и трепетная восторженность рассказа передавались нам. И такими недавними казались нам жизнь Спасителя, Его проповедь и общение с народом.

Желающих отвечать урок обыкновенно было много. Учеников 5-6 стояло около его кафедры и наперерыв просились отвечать. Протягивались нетерпеливые руки и слышались умоляющие возгласы: “Батюшка, позвольте мне!”

Тогда батюшка сам назначал нам очередь. Он внимательно выслушивал ответ, иногда поправлял, кивал одобрительно головой, говоря: “Хорошо, хорошо, так, так!” Потом гладил счастливца по голове и ставил полный балл. Счастливец, весь сияющий, отходил, садился на свое место и, вынув Жития святых, начинал читать. Не знавших урока не было: было бы невыносимо стыдно получить неполный балл.

Объясняя жизнь Христа Спасителя, Его заповеди и чудеса, о. Иоанн преисполнялся весь духовным подъемом; вдохновенным взором он смотрел на нас, слова его умиляли и несказанно трогали, согревали той теплотой, которой была полна его душа. Румянец оживления на лице его становился ярче.

Слезы выступали на глазах батюшки во время рассказа о крестных страданиях Спасителя. Грусть проникала и в наши сердца. Мы сидели потрясенные, притихшие. А когда учили это и рассказывали, мы глубоко, по-детски, это переживали.

И это осталось на всю жизнь!”

Как педагог о. Иоанн никогда не прибегал к тем приемам преподавания, которые сплошь да рядом имели место в наших учебных

заведениях, — т.е. к чрезмерной строгости, а порою и к нравственному принижению неспособных. У отца Иоанна к возбуждению усердия учеников служили не наказания, не насмешки, а теплое задушевное отношение к делу и к ученикам.

В своих речах, обращенных к педагогам перед началом учения, он объяснял такой способ преподавания необходимостью дать государству прежде всего человека и христианина, отодвигая вопрос о науках на второй план.

Бывали случаи, когда педагогический совет гимназии, потеряв надежду на исправление какого-нибудь воспитанника, приговаривал его к исключению. Тогда о. Иоанн являлся его заступником перед начальством, упрашивал не подвергать несчастного такому жестокому наказанию, ручался за его исправление и всегда успевал склонить совет в пользу виновного, а потом уже сам принимался за его исправление, увещевая и наставляя на добрый путь. Проходило несколько лет и из ребенка, не подававшего никаких надежд, вырабатывался полезный член общества.

Вторую половину своих уроков батюшка уделял чтению Житий святых или Библии. Эти чтения настолько нас заинтересовывали и занимали, что мы просили обыкновенно эти книги с собой на дом. Мальчик бережно прятал такую книжку в ранец, а вечером, выучив свои уроки, он собирал своих домашних и читал ее вслух. “Батюшка, я прочел Житие св. мученицы Параскевы, — говорил через день или два мальчик, — дайте мне теперь другую книжку”.

Безмятежно-радостны были уроки отца Иоанна, полные послушания, восторженной детской любви и боязни чем-либо огорчить дорогого батюшку.

О бесконечной доброте его и участии к чужому горю, к бедным мы хорошо знали.

С осени 1887 года о. Иоанн оставил службу в кронштадтской гимназии, так как труды его по приходу были слишком велики и сочетать их с деятельностью законоучителя он не мог.

Вот выдержки из адреса, поднесенного о. Иоанну в день 25-летия законоучительства его в кронштадтской гимназии.

“Не сухую схоластику Ты детям преподавал, не мертвую формулу — тексты и изречения — Ты им излагал; не заученных только на память уроков Ты требовал от них; на восприимчивых душах Ты сеял семена животворящего Глагола Божия.

Множество детей прошло через Твою святую школу. Многие Твои ученики стоят на различных степенях и званиях на службе Царю и Отечеству, и все они, вдохновленные Тобою и Твоим святым общением с ними, вспоминают Твою любовь, наставления, Твои уроки, и все, благословляя Тебя, с благоговением вспоминают те незабвенные часы, которые они проводили с Тобою.

Ты сам, не замечая того, своею пламенною любовью к Богу и бесконечным милосердием к людям зажигал своим живым словом в учениках светоч истинного Богопознания, а своим святым примером и милосердием наполнял их юные сердца страхом Божиим, верою, упованием на Бога и любовью к Нему и к своим братьям...

Да будет наша, отцов и матерей, благодарность, как мирная молитва к Богу за Тебя, да изольет Он на Тебя от Всесвятого Своего Престола столько же духовной радости, сколь Ты подал утешения нам в наших детях, в их благонравии и успехах".

Говоря о воспитании юношества, о. Иоанн дает совет: "Дети пусть чаще вспоминают о Сыне Божием, который не знает другой воли, кроме воли Отца; пусть и они научатся во всем повиноваться родителям и всегда почитать их как посредников в Божественном даре жизни".

Полковник артиллерии Михаил Димитриевич Тимофеев сообщил свои воспоминания об о. Иоанне за время между 1887—1889 гг.

"О. Иоанн был законоучителем в Кронштадтском реальном училище и я состоял в числе его учеников, в бытность мою в 7-м классе.

Мы, семиклассники, были освобождены от принудительного хождения в церковь, но благодаря именно проникновенной молитве о. Иоанна и какому-то особенному чувству мы очень аккуратно посещали службы в Андреевском соборе, когда служил наш о. Иоанн.

Я не помню, чтобы он принуждал нас ходить в церковь, не было даже разговоров на эту тему, зато твердо помню, что на последнем уроке текущей недели кто-либо из нас спрашивал у о. Иоанна: будет ли он служить всенощную? И если ответ был положительный, то можно было наперед сказать, что 7-й класс будет весь (за исключением 2 учеников — евреев) на этой всенощной, а значит, и у обедни на другой день.

В самом способе службы не было ничего театрального, актерского, как, к сожалению, можно нередко наблюдать и теперь и прежде. Во время службы чувствовалась искренность, глубокая вера, а потому каждое слово, каждый возглас проникали в нашу душу и в дале-

ких тайниках ее находился отклик еще чистых, но не окрепших мыслей и дум нашего сознания.

Очень трудно выразить пером то, что переживалось тогда, во время службы о. Иоанна, всеми нашими чувствами. Именно непринужденное посещение храма во время его службы является прямым и неоспоримым доказательством силы слова о. Иоанна, правдивости и искренности чувств, когда он говорит с вами. Вы чувствуете, что дело у него вяжется со словом. Он являл собою пример и многие из нас старались хотя приблизительно идти по его пути".

Отец Иоанн — наставник пастырей

В творениях своих о. Иоанн, обращаясь к священнослужителям, убеждает их служить искренне и истово, предупреждая, что неискренность и притворство будут быстро замечены прихожанами.

Выписка о непослушании Евангелию из дневника о. Иоанна "Моя жизнь во Христе".

"Даром получили, даром давайте". Всегда ли мы, пастыри, в сердце или фактически даем "даром"? Один из самых болезненных вопросов моей пастырской практики — это желание мирянина меня непременно "отблагодарить" кредитной бумажкой, даже в храме, даже когда я в облачении стою перед Крестом и Евангелием, а он пришел положить у ног Распятого свою душу. И тут шелестит та ужасная бумажка, которая столько зла причинила в мире, будучи как будто самой безобидной. Нет, положительно надо иметь не ближе притвора церковного кружку, куда тайно от глаз человеческих клали бы свою вещественную благодарность пастырю миряне, те, кто хотел бы, даже вне всяких треб, — от чистого и доброго сердца. А то, во что обращается наша великая благодать пастырства? Во что обращается то, что не имеет никакой цены (молитва)? Если молитва платная, она ничего не стоит (ноль), а сердечная, бескорыстная, по заповеди апостола Петра (1 Пет. 5, 2), стоит миллионы миллионов золота и даже больше... Такса за молитву — дело вопиюще нехристианское (деньги никак не могут быть условием молитвы). Звякание монеты у Святых Царских врат, перед Святой чашей ("на теплоту" — косвенный налог) глубоко вредное явление. Господи, помоги отцам и братьям святой и истинной веры православной искоренить это пагубное зло, де-

лающее нас духовно бессильными, духовно мертвыми.., даруй, чтобы перестала в храме нашем звякать монета, заглушая ангельское пение Твоей Церкви".

Беседа с Сарапульскими пастырями

В бытность преосвященного Михея епископом Сарапульским, викарием Вятской епархии, по его приглашению в г. Сарапул 20 июня 1904 г. прибыл ныне в Бозе почивший протоиерей отец Иоанн Ильич Сергиев, духовный отец и друг преосвященного. Пробыв здесь три дня, батюшка большую часть времени посвятил своему обычному молитвенному подвигу: утром ежедневно совершая Божественную Литургию, а после нее — до вечера совершая молебствия в домах боголюбивых сарапульских граждан. Постоянное пребывание отца Иоанна в молитвенных подвигах, притом в разных местах, скрывало его от взоров многочисленной братии, жаждущей видеть и слышать слово великого молитвенника. Между тем всеми, и в особенности духовенством, ощущалась насущная потребность в живом обмене мыслей с досточтимым пастырем. Идя навстречу этой потребности и желая показать сарапульским пастырям живое и тесное общение с ними отца Иоанна как близкого их соработника на ниве Божией, Владыка попросил батюшку уделить несколько времени на собеседование с сарапульским духовенством. С любовью и полною готовностью изъявил отец Иоанн свое согласие на просьбу Владыки и назначил для беседы вечер 21 июня.

* * *

Беседа происходила в зале местного духовного училища, где собралось многочисленное духовенство. При появлении дорогого всем батюшки в сопровождении владыки сонм присутствующих пропел стихиру: "Днесь благодать Святаго Духа нас собра...", во время пения которой отец Иоанн прошел в училищный храм; вернувшись в зал, он пригласил всех присутствующих сесть к столу.

— Мне весьма приятно видеть вас здесь, — начал батюшка беседу, — и побеседовать с вами. Приятно потому, что ваше многочисленное собрание явно показывает, что между нами существует общение, взаимная любовь, а, по словам псалмопевца, "добро жити братии вкупе". При взаимном общении даже трудная работа делается легче и идет успешнее. Благодарю вас за это взаимное общение;

особо благодарю тех, кто сослужил мне сегодня при совершении Литургии. Вероятно, очень многие из вас задают себе вопрос, как я имею дерзновение обращаться к Богу за такое множество людей, особенно страждущих, и ездить по всей России. Без сомнения, дорогие отцы и братия, я не решился бы на такое важное и великое дело без особого на то указания Божия. Вот послушайте, что я вам расскажу о себе.

Всем вам, вероятно, известно, что родился я в Архангельской губернии, а курс окончил в Петербургской духовной академии. Непосредственно по окончании академии я поступил на настоящее место, в город Кронштадт, священником к Андреевскому собору. Город этот военный: здесь на каждом шагу встречаешь военных, матросов, мастеровых из гавани и прочих. Матросы, большую часть времени проводящие в море, на своих судах, попав на берег, стараются использовать свое свободное время во всю ширь, получить как можно больше удовольствий. Поэтому здесь всегда можно было встретить на улицах пьяных и слышать о многих безобразиях. С первых же дней своего служения мое сердце стало болеть при виде такой нехорошей, греховной жизни, и, естественно, явилось твердое намерение как-нибудь исправить этот пьяный, но хороший по своей душе, народ. Особенно тяжело было видеть пьяных утром при возвращении домой после Литургии. Поэтому я начал как можно чаще обращаться к ним со словом обличения, увещания и вразумления, убеждая их бороться со своей страстью и для этого как можно чаще посещать храм Божий, чтобы хоть утро проводить в трезвости. На первых порах, конечно, пришлось перенести мне много горя и неприятностей, но это не приводило в упадок мой дух, а, напротив, еще сильнее укрепляло и закаляло для новой борьбы со злом. В это время я боролся со злом обычными в пастырском делании мерами и не только не выступал как общий молитвенник и предстатель пред Богом, но даже и в глубине своей души такого желания и намерения не имел. Господу Богу угодно было поставить меня на другой путь. Случилось это таким образом. В Кронштадте жила благочестивая, прекрасной души женщина Параскева Ивановна Ковригина (родом костромичка), отдавшая себя на служение ближним. Она стала убедительно просить меня помолиться за того или иного страждущего, уверяя меня, что молитва моя за них будет действенна и для них полезна. Я же все время отказывался, совершенно не считая себя достойным быть осо-

бенным посредником между людьми, нуждающимися в помощи Божией, и Богом. Но неотступные просьбы и уверения Параскевы Ивановны в помощи Божией, наконец, победили меня, и я с твердым упованием и надеждой стал обращаться с мольбой к Богу об исцелении болящих и расслабленных душой и телом. Господь слышал мои, хотя и недостойные, молитвы и исполнял их: больные и расслабленные исцелялись. Это меня ободрило и укрепило. Я все чаще и чаще стал обращаться к Богу по просьбе тех или других лиц, и Господь за молитвы наши общие творил и творит доселе многие дивные дела. Много чудес очевидных совершилось и ныне совершается. В этом я вижу указание Божие мне, особое послушание от Бога — молиться за всех, просящих себе от Бога милости. Поэтому я никому не отказываю в своей молитве и для посещения болящих езжу по просьбам их по всей России. Бывали случаи, когда просили меня изгонять бесов, и бесы повиновались и выходили из людей по моей молитве. Но были и такие случаи, когда мои старания не увенчивались успехом: бесы не выходили. Правда, бесы эти заявляли о себе, что они самые жестокие, самые упорные... И мои усилия в этих случаях потому не увенчались успехом, что я сам был недостаточно подготовлен, не держал строгого поста, а, по словам Самого Иисуса Христа, "сей род ничимже исходит, токмо молитвою и постом", или недостаточно времени уделял данному лицу. При моих разнообразных и многочисленных трудах мне не приходится уделять много времени одному лицу, так как ожидающих моей молитвы и благословения было всегда множество. А так как при настоящей моей жизни мне постоянно приходится быть в мире, посещая дома людей всякого звания и состояния, где предлагается угощение, которое мне часто приходится принимать, чтобы отказом не огорчать предлагающих с любовию, то, естественно, мне не представляется возможности держать строгий пост. Вообще в своей жизни я не брал на себя никаких особенных подвигов. Не потому, конечно, что я не считаю их нужными, а потому, что условия моей жизни не позволяют мне этого, и я никогда не показывал себя ни постником, ни подвижником и т.д., хотя ем и пью я умеренно и живу воздержно.

Относительно того как создалась моя настоящая известность, я должен сказать, что для этого я не принимал со своей стороны никаких мер и никаких усилий: все произошло само собой, помимо меня. С тех пор как случаи исцеления через меня стали умножаться, свиде-

тели и очевидцы этого или же сами лица, испытавшие на себе благодать Божию, не желая оставаться неблагодарными пред Богом, объявляли о происшедшем в повременной прессе. Через это случаи исцелений делались известными читающей публике и привлекали ко мне новые массы людей, жаждущих Христова утешения и милости Божией[1].

Излишне говорить, что все случаи чудесных исцелений опубликованы не мною, а самими испытавшими, и я не только не считаю себя сколько-нибудь лучше других иереев, но справедливо полагаю себя худшим, самым последним из вас и вообще всех иереев Русской Православной Церкви, потому что все, что есть во мне доброго, — это от благодати Божией, а все, что несовершенно и худо, то все мое, и если бы богатство благодати Божией, данное мне Богом, было бы у кого-нибудь другого, достойнейшего, он сделал бы добра много больше, чем я.

Враг рода человеческого с первых же дней моего пастырского служения стал подвергать меня разного рода искушениям. Прежде всего он стал внушать мне какой-то безотчетный страх при совершении молитвословий и Таинств, особенно при совершении Таинства Крещения и Божественной Литургии, а потом стал колебать меня борьбою мыслей. Тогда я понял, что лишь постоянным и непрестанным наблюдением за собой и непрестанной молитвой я могу бороться с этим тайным и неусыпающим врагом. Я стал стараться сколь можно глубже познать самого себя, то есть познать свою душу, свою природу, свои немощи и недостатки. Чтобы это наблюдение за собою было постоянным, я с первых же дней своего служения начал вести дневник. До сего времени я поставляю себе за правило записывать все выдающееся в моей духовной жизни: и ту внутреннюю борьбу, которую я веду сам с собою, и горечь поражения со стороны князя власти воздушной, и сладость победы, и ту благодатную помощь, которую подает мне Господь в борьбе. По временам, перечитывая

---

[1] Насколько отец Иоанн не искал известности, видно из того, что Параскева Ивановна Ковригина, распространявшая слухи об исцелениях через отца Иоанна и посылавшая к нему лиц, нуждающихся в особенной помощи Божией, получала строгие выговоры его за огласку, и некоторое время он не хотел иметь с нею общение и беседу *(Примеч. редакции "Архангельских епархиальных ведомостей").*

свой дневник и как бы оглядываясь назад на себя, видишь отчетливо: вперед ли идешь, или же остановился в своем движении, или даже назад подался. Поэтому ведение дневника я считаю настолько важным, что стараюсь ни одного дня не пропустить без записи хотя бы самой краткой заметки. Всегда следя за собою и все более и более познавая себя, познаешь и свою беспомощность во всех отношениях без помощи благодати Божией, особенно в побеждении зла, а через это приходишь к смирению, к покорности воле Божией, всегда и во всем благой и совершенной, а также поучаешься смотреть и на других людей с любовью, сочувственно, с готовностью всегда и во всем помочь им.

Чтобы подавить в себе все нечистое, худое и быть всегда готовым обращаться к Богу, я стараюсь всегда усиленно следить за своим сердцем и подавлять все нечистые желания сейчас же, как только замечу их. Главное здесь не давать греховному помыслу или чувству укрепиться в душе, овладеть умом, сердцем и всем существом своим и поставить их на камне веры и заповедей Божиих. Когда нечистое желание или чувство только зарождается, тогда гораздо легче вырвать его и победить в себе, чем после того, как оно глубоко укоренится. Дело непрестанной внутренней борьбы с собой вначале крайне трудно, так как эта борьба с хитрым, коварным и опытным врагом — диаволом. Он употребляет всевозможные способы овладеть человеком и, пораженный в одном случае, сейчас же употребляет другой способ, более тонкий. Вот почему нужно непрестанно и весьма внимательно бодрствовать над собой.

Здесь речь отца Иоанна была прервана одним из слушателей-пастырей.

— Научите нас, многоуважаемый батюшка, как поступать в тех случаях, когда все усилия отогнать от себя врага, победить его в себе не приводят ни к чему. Тогда невольно рождается уныние, воля слабеет и руки опускаются при работе. Верный ли будет способ борьбы в этом случае, если стараться не обращать внимания на внушение врага, так сказать, плевать на него?

Отец Иоанн с живостью ответил:

— Да, да, так и следует поступать: именно, нужно усердным призыванием имени Иисуса Христа, с тайным, глубоким покаянием низлагать тайных врагов, не обращать на них внимания, не заниматься ими, и все, внушаемое ими, считать за вредную мечту. Унывать же при сильных искушениях никогда не следует. Господь всегда близок

к нам и готов по первому же призыванию имени Его защищать и прогонять борющих нас врагов невидимых. “Призови Мя в день скорби твоея, — говорит Он чрез пророка, — и Я избавлю тебя, и ты прославишь Меня”.

— Позвольте еще спросить вас, батюшка: часто приходится переживать чрезвычайно тяжелое чувство при виде торжествующего зла. Как и чем побеждать в себе этого рода уныние?

— Действительно, чрезвычайно тяжелое чувство испытываешь при виде торжествующего зла; подобное состояние и мне приходится переживать часто. И всего больнее здесь сознание, что и пастырская ревность здесь бессильна, часто приходится мириться... Утешение себе в этих случаях можно найти в сознании, что это явление лишь временное, допускаемое Промыслом Божиим с особыми, известными лишь Богу, целями, и что рано или поздно зло будет побеждено и будет торжествовать добро. И в этих случаях нужно подкрепить себя молитвою. Но ни на одну минуту не забывайте, как Господь многомилостив и скоропослушлив, что Он всегда приклоняет ухо Свое к молитве нашей и весьма быстро исполняет просьбы наши и помогает нам, если мы всецело предаемся Его Святой и совершенной воле.

Обратившись к слушателям, отец Иоанн продолжал свою беседу:

— Скажу вам всем, возлюбленные отцы, что молитва должна быть постоянным спутником нашим. И я всегда поддерживаю в себе постоянное молитвенное настроение: благодарю, хвалю и прославляю Благодетеля Бога на всяком месте владычества Его. Молитва — это жизнь моей души; без молитвы я не могу быть. Для поддержания в себе постоянного молитвенного настроения и общения с благодатию Божиею я стараюсь как можно чаще служить, по возможности ежедневно, и причащаться Святых Тела и Крови Христовых, каждый раз черпая в этом святейшем источнике богатые и могучие силы для разнообразных пастырских трудов.

При своих молитвенных обращениях к Богу я употребляю молитвы, положенные в требнике. Эта книга представляет такое богатство, из которого каждый человек может почерпнуть все нужное при своих многоразличных нуждах и молитвенных воздыханиях к Богу. Здесь Святая Церковь, как человеколюбивая мать, старательно собрала все, что необходимо нам в разных случаях жизни.

Во время, свободное от богослужений и пастырской деятельности, я читаю Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, особенно

же Святое Евангелие, это драгоценнейшее для нас благовестие о нашем спасении. При чтении я стараюсь вдумываться в каждый стих, в каждую фразу, даже в отдельные слова и выражения. И тогда, при таком внимательном отношении к Святой книге, как бы приподнимается покрывало: даже в отдельных выражениях Священного Писания открывается богатство мыслей, такое богатство основоположений для проповедей, что никакому проповеднику не исчерпать этой глубины Божией. И когда приходится говорить проповедь, например на дневное чтение Священного Писания, то иногда не знаешь, какую мысль выбрать, которую предпочесть: так они назидательны. А как дивно раскрыта в Писании душа человеческая: кажется, нет ни одного душевного состояния, которое бы не нашло здесь себе отклика. При беглом же и недостаточно вдумчивом чтении Священного Писания это необъятное богатство его ускользает.

Чтобы не отставать от текущей жизни, я в свободные минуты прочитываю по выбору современные периодические издания.

Один из присутствующих обратился к отцу Иоанну:

— Вам, батюшка, при ваших постоянных разъездах по России и дома почти постоянно приходится служить все с новыми лицами, причем случаются часто ошибки, замешательства среди сослужащих вам. И вы как будто не замечаете их; посмотришь — через минуту вы уже снова в глубокой и сосредоточенной молитве. Скажите, пожалуйста, как и чем достигли вы этого?[2]

— Только привычкою, — ответил отец Иоанн, — привычкою всегда молиться. Когда какое-нибудь состояние человека делается для него обычным, он очень быстро переходит в это состояние. Так и я, усвоив себе привычку быть в постоянном молитвенном настроении, могу очень быстро сосредоточиваться в молитве.

Собеседник продолжал:

— Скажите, батюшка, какое молитвенное правило исполняете вы перед совершением Литургии при своих многоразличных трудах, требующих от вас времени и большого напряжения сил?

---

[2] Вопрошавшему очень хорошо известно, что отец Иоанн в первое время священства вследствие своей необыкновенной нервности совершенно не мог быстро сосредоточиваться после того, как был отвлекаем чем-нибудь от своей глубокой молитвы *(Примеч. редакции "Архангельских епархиальных ведомостей").*

— В данном случае я выполняю обыкновенное молитвенное правило, положенное Церковью для приступающих ко Святому Причащению, в случае же совершенной невозможности выполнить правило, по недостатку ли времени или по другим причинам, я правило сокращаю, но молитвы перед Святым Причащением прочитываю всегда неизменно. При этом я руковожусь тем соображением, что Богу от нас нужны и приятны не многочисленные слова и молитвы, а внимательное и усердное, от всей души приносимое моление. Поэтому лучше малое количество молитв прочесть с полным вниманием и сердечным умилением, чем много с поспешностью и рассеянно. Но особенно сильно возвышает меня и молитвенно настраивает перед совершением Божественной Литургии чтение канонов на утрени. Каноны на утрени я всегда читаю сам. Какое богатство содержится здесь, какое глубокое содержание, какие чудные примеры горячей веры в Бога, терпения в скорбях, верности долгу в самых лютых мучениях предлагает нам здесь Церковь ежедневно! Через чтение канонов душа мало-помалу сама проникается высокими чувствами и настроением тех праведников, которых прославляет Церковь, живет среди церковных воспоминаний и через то привыкает к церковной жизни. И я, можно сказать, воспитался в церковной жизни на этом чтении, почему и другим, кто искренне желает приобрести духовное богатство, советую обращать серьезное внимание на чтение канонов по Октоиху, Минее и Триоди. И вам, дорогие отцы, скажу: стоит кому-либо из вас положить за правило ежедневное чтение канона, как он на себе испытает все, что я сказал сейчас; при внимательном отношении к сему чтению он будет ежедневно подниматься в духовной жизни и расположит себя к подражанию тому угоднику или великому сонму угодников Божиих, которые будут ежедневно проходить пред его духовным взором.

Вот, дорогие отцы и братия, я раскрыл перед вами свою душу, так сказать, показал физиономию своей души, чтобы вы видели, каким способом я достиг того, что вы во мне видите. Жизнь моя — это долгая, упорная и непрестанная борьба с самим собою, борьба, которую я веду и в настоящее время при постоянном подкреплении благодати Божией. И каждый из вас может достигнуть таких же результатов, если постоянно и упорно будет следить за собою с целью борьбы с своим ветхим человеком и с духами злобы, чтобы при помощи благодати Божией быть светильником, не под спудом горящим, но на

свещнице. Искренне, от всей души желаю всем вам этого. Все, что я сказал вам, сказал, не приготовившись заранее, а говорил лишь то, что мне Господь на душу положил.

Благодарю вас за то любовное отношение ко мне, которое вы проявили во время кратковременного пребывания моего здесь, в вашем городе, и я очень доволен, что с благосклонного разрешения владыки мне представилась возможность побеседовать с вами.

Отец Иоанн кончил, но слушатели просили его еще высказаться по некоторым животрепещущим вопросам. Прежде всего речь зашла о задачах современного пастырства. Отец Иоанн сказал, что выполнение дела Христова в современном обществе все более и более осложняется, так как, с одной стороны, осложняется жизнь народная, ее требования, а с другой — и враги Церкви, стремясь поколебать этот вечный столп и утверждение истины, прибегают к новым, более утонченным, способам борьбы. Поэтому-то современным пастырям как строителям дела Христова на земле, кроме обширного и разностороннего образования, необходимы великая и мудрая осторожность и твердость с верностью своему долгу, чтобы достойно стоять на страже вверенной им Богом паствы.

Высказывая свой взгляд на разные стороны современной жизни, батюшка особенно остановился на стремлении лиц, самовольно взявших на себя роль народных руководителей, развлекать народ театрами и прочим. Самое стремление к развлечениям отец Иоанн назвал "общественною болезнию". Это очевидный признак оскудения духа, извращенное понимание жизни, отсутствие других, более серьезных и ценных, интересов. И всего более удивительно здесь то, что, утратив сами истинный смысл жизни и разменяв глубокое и серьезное содержание духовной жизни на блестящие пустяки, так называемые интеллигенты стремятся привить свои взгляды и народу, который и понятия не имеет об излюбленном ими времяпрепровождении. Народу нашему нужно просвещение, а не игрушки. Вот где для пастырей широкое поле для деятельности — приучить народ к серьезному, здоровому и согласному с христианским настроением времяпрепровождению.

На этом беседа с отцом Иоанном окончилась. Все присутствующие, глубоко взволнованные, дружно благодарили отца Иоанна за отеческое внимание к ним и назидательную и полезную беседу, а Владыку за доставленную всем возможность так близко побыть с дорогим всем отцом Иоанном и насладиться беседою с ним.

Беседы о. протоиерея Иоанна с настоятельницей Иоанно-Предтеченского Леушинского монастыря игуменьей Таисией (Солоповой)

Имев счастье состоять в течение более 35 лет в самых близких духовных отношениях к незабвенному, в Бозе почившему, о. протоиерею Иоанну Сергиеву (Кронштадтскому), я нередко беседовала с ним, иногда подолгу и обстоятельно, о предметах духовного, возвышенного характера. Пользуясь такими случаями, я старалась предлагать ему вопросы, относящиеся к моей лично духовной, иноческой многотрудной жизни, и, слагая в сердце своем все ответы батюшки, уединяясь вечером в своей келье, тщательно записывала, стараясь упомнить каждое его слово. Из таких записей составилась целая тетрадь. В последние годы (в точности указать год не могу) я сказала об этом батюшке, и он пожелал сам проверить записи, нашел их правильными, сделал в некоторых местах поправки, где вписал своей рукой прибавления, а затем сказал мне: "Хорошо, что ты запоминаешь мои слова. *Хвалю вас*, говорит апостол, *яко слово мое помните и предания моя держите* (ср.: 1 Кор. 11, 2). Значит, семя падает на добрую землю и принесет плод, довольный к насыщению и других". Вот эти записи, начиная с 1891 года, т.е. с первого года, как о. Иоанн стал ездить на свою родину, в село Суру, для постройки в нем приходского каменного храма.

Когда батюшка обратным путем с родины по Мариинской системе вступил в реку Шексну для следования по ней до г. Рыбинска, его ожидал в г. Череповце большой пассажирский пароход, арендованный г-ми Л., приглашавшими батюшку в Рыбинск. Я накануне этого дня, 17 июля, по своему монастырскому делу прибыла в Череповец, но о предстоящем посещении его о. Иоанном ничего не знала и не помышляла. К вечеру, уже в Череповце, я узнала об этом, а поутру следующего дня стало известно, что батюшка уже приехал и находится у соборного старосты купца Крохина. Я направилась туда, едва пробираясь через огромную толпу народа, и стала убедительно просить батюшку заехать в нашу обитель, находящуюся невдалеке от берега реки Шексны. Батюшка отказывался за неудобством задерживать пароход, арендованный хозяевами для доставления его к ним, а не для заездов. При этом он прибавил: "Если хочешь

побеседовать, так лучше поедем с нами на пароходе и поговорим". И таким образом мы отправились. Но и тут я снова повторила ему свою просьбу, заручившись согласием на то хозяев парохода, и он согласился. На пристани (нашей монастырской) Борки мы сошли на берег и поехали в экипаже в обитель.

Первое слово батюшки, обращенное ко мне, было:

Отец Иоанн. Что ты так просила меня заехать? Вот мы с тобой виделись, побеседовали, не довольно ли?

Игуменья Таисия. Оттого-то, батюшка, я и прошу вас, что имела счастие побеседовать с вами и видеть вас. Получив это счастие для себя, я не могу не желать, чтобы и сестры мои удостоились того же. Если не употреблю для сего всех зависящих от меня мер, то это будет у меня на совести; если же сделаю все со своей стороны, но вы сами не соизволите на это, то я уже не подлежу ответу пред Богом за то, что сестры не получат сего блага.

Батюшка внимательно взглянул на меня и сказал: "Вот как ты говоришь! Ну вот мы и едем".

По пути мы начали беседовать.

Игуменья Таисия. Желала бы я, батюшка, открыть перед вами всю мою душу; я и всегда старалась это делать, чтобы вы видели ее, как внешнюю вещь, и могли указать, что ей на пользу, ибо это и есть цель моих с вами бесед. Ведь мы часто себя сами не познаем, снисходя к своим немощам. Впрочем, я вижу, что вы человек облагодатствованный и сами видите присущим вам Духом Святым.

Отец Иоанн. Нам, пастырям, дана благодать особенная на дело спасения вверенных нам душ, а благодать сообщает и видение по мере надобности.

И.Т. Да, батюшка, но не всем одинаково; думаю — по мере личной способности воспринять ее. Вы-то особенно облагодатствованы и духом видите собеседника; я давно замечала это.

О.И. А если замечала и понимаешь духовность в человеке, то нечего и сомневаться, а надобно верить. Это враг смущает нашу душу неверием и сомнением, чтобы не дать ей мира.

И.Т. Много приходится вам, батюшка, видеть людей, выслушивать их разнообразные нужды, грехи, недуги, и чего-чего вам не открывают, не поверяют люди!

О.И. Да, родная; многое и многих приходится выслушивать! (И батюшка тяжело вздохнул.)

И.Т. И тяжело же вам, дорогой батюшка?

О.И. Нелегко, но в том-то и заключается исполнение нами заповеди апостольской: *Мы, сильнии, должни есмы немощи немощных носити* (ср.: Рим. 15, 1). Нелегка и широка эта заповедь и относится она преимущественно к нам, пастырям.

И.Т. А ведь встречаются души чистые, святые, совершенные?

О.И. Совершенство наше там (сказал батюшка, указывая на небо), и "един Свят, Господь Иисус Христос".

И.Т. Батюшка, доколе человек во плоти, он не может быть свободен от страстей и искушений и от соблазнов, которые отовсюду окружают его в мире?

О.И. Разумеется, не свободен, потому-то и надобно глубоко и неослабно внимать себе. Человек в минуты искушений подобен лежащему на весах: куда его перетянет? Враг тянет его в гибель, а ангел и сама совесть человека удерживают его. В это время следует вооружиться страхом Божиим, представив себе ужас адских мучений. Необходимо присоединить и тайную молитву сердца, ибо без помощи Божией мы несильны бороться с искушениями.

И.Т. Когда человек внимает себе и следит за собою, то и малейшее уклонение от Бога, волею или неволею допущенное, тяготит душу и нарушает ее мирное состояние (говорю, впрочем, из собственного опыта). С потерею мира рождается тревога, смущение, теснота. О, как тяжело бывает душе и как трудно ей снова восстановиться!

О.И. Потребно немедленное тайное покаяние: *Воззовет ко Мне, и услышу его* (Пс. 90, 15). Господь знает наши немощи. Он готов простить нам все, если мы каемся и просим прощения. Не надобно коснеть, т.е. останавливаться на мысли о совершенном грехе, а тотчас же каяться, памятуя милосердие Божие, тогда породится не тревога и рассеянность, а сокрушение и смирение сердца, которое *Бог не уничижит* (Пс. 50, 19), т.е. не презрит.

И.Т. Как сохранить в душе мир с Богом, восстановленный в ней через таинства, или через тайное покаяние, или милосердием Божиим?

О.И. Ничем так не сохранишь мир, состоящий в общении с Богом, как вниманием к себе. Вообще человек, проходящий жизнь духовную и ревнующий о спасении, должен неослабно внимать себе, т.е. замечать все движения своего сердца и ума. За ними сильно назирает враг и ищет уловить их; и когда найдет скважинку, т.е. минуту, не

занятую вниманием самого домохозяина, тотчас же вторгается и сам начинает хозяйничать в его душе, и много может навредить ей.

И.Т. А как тяжело чувствует себя душа, когда, очистившись и восстановив свое общение с Богом, опять нарушит его!

О.И. На чистом и белом виднее пятнышко и самомалейшее; так и на душе чистой, а в черном и грязном они и незаметны за общей чернотой и грязью. Опять так и выходит, что надобно внимать себе и иметь непрестанное памятование о Боге и внутреннюю молитву.

И.Т. Да, батюшка, невольно приходишь к сознанию, как трудно человеку, особенно поставленному жизнью среди суеты, хотя бы и невинной, например начальственной, но хранящему самовнимание, устоять на этом пути.

О.И. Пожалуй и трудно, но какое же доброе дело и дается без труда? А с другой стороны, ведь в труде-то и спасение наше, ведь Царствие Божие нудится (ср.: Мф. 11, 12), т.е. самопринуждением, силою, старанием берется, и только усиленные искатели достигают его. Потребна молитва.

И.Т. Батюшка, научите меня молиться.

О.И. Самое простое дело — молиться, а вместе и самое мудрое. Дитя малое умеет по-своему молить, просить своего отца или мать о том, чего ему хочется. Мы — дети Отца Небесного; неужели детям ухищряться просить отца? Как чувствуешь, так и говори Ему свои нужды, так и открывай свое сердце. *Близ Господь всем призывающим Его во истине... и молитву их услышит* (Пс. 144, 18, 19). *Еще глаголющу тебе, речет: "Се приидох!"* О, как велико милосердие Божие к нам! Но вместе и будь мудра и осторожна, береги ум от рассеянности и скитания или суетности.

И.Т. Иногда, батюшка, я действительно молюсь всем существом, точно бы я стояла пред лицем Самого Господа. Все существо мое исчезает в молитве, и сладка и горяча бывает молитва та. Но это бывает нечасто, да я и не допускаю себе иногда такового состояния, боюсь, чтобы не прельстил меня враг такою молитвою как неискусную, еще не могущую понести высоты ее; это дело преуспевших более меня в духовной жизни. Ведь я почти все аскетические книги перечитала, и все подвижники предостерегают новоначальных, неискусных, таких как я, от созерцательной молитвы; т.е. ее необходимо достигать, но с осторожностью, как высшего дара Божия.

О.И. Что же и я тебе говорю: будь мудра, осторожна, но избегать

созерцательной молитвы не следует. Такая молитва есть посещение благодати Божией, ее надо усиленно просить и дорожить ею, а не избегать ни по какой причине. Враг не любит такой молитвы, вот он и пугает тебя, обманывает. Молитва усмиряет душу, вселяет в нее тишину и спокойствие.

И.Т. С принятием сана начальственного я мало молюсь, батюшка: вечером не знаешь, как до подушки добраться, так умаешься от дневных дел и забот, а утром, прежде еще чем я встану, дела встанут, и лишь отворить дверь, то едва ли вернешься для молитвы.

О.И. Не *во многоглаголании* (Мф. 6, 7) молитва и спасение. Читай хотя и немного молитв, но с сознанием и с теплотою в сердце. А главное, в течение целого дня имей память о Боге, т.е. тайную, внутреннюю молитву. Я и сам не имею времени выстаивать продолжительные монастырские службы, но везде и всегда — иду ли я, еду ли, сижу или лежу — мысль о Боге никогда не покидает меня, я молюсь Ему духом, мысленно предстою Ему и созерцаю Его пред собою. *Предзрех Господа предо мною выну... да не подвижуся* (Пс. 15, 8); мысль о близости Его ко мне никогда не покидает меня. Старайся и ты так поступать.

И.Т. А близким к себе вы Его ощущаете, батюшка?

О.И. Да, родная, близким, весьма близким: Он всегда со мной, по слову Его: *И вселюся в них, и похожду, и буду им Бог* (2 Кор. 6, 16). Иначе как бы я мог так действовать по целым дням, если бы не благодать Божия?

И.Т. Да, батюшка, трудитесь вы изумительно, вы всецело приносите себя в жертву на служение людям, забывая о себе.

О.И. Пожалуй, ты и слишком уже сказала, но действительно, я стараюсь по мере сил моих, с помощию Божиею, служить спасению душ человеческих. Я готовил себя к этому с самого начала своего священствования. Пастыри, преемники апостолов, должны жить для паствы своей, а не для себя; мы — соль земли: аще же соль обуяет, чим осолится (ср.: Мф. 5, 13).

И.Т. Ведь вы, батюшка, давно священствуете, а открыто явились людям не так давно?

О.И. То было время искуса. Можно ли исходить на брань, не приготовив себя и не искусившись?

И.Т. Да, нелегко вам было, батюшка, но зато теперь вы стоите выше всех искушений и страстей, а что приразилось бы к вам — сокрушит-

ся о камень веры и благодати, присущей вам.

Перекрестился батюшка и сказал, вздохнув:

О.И. Много сказать — выше всех искушений и страстей; я не бесстрастен. Но Божия благодать, *яже во мне, не тща бысть* (1 Кор. 15, 100), всегда подкрепляла и ободряла меня. Наши ведь — одне немощи и грехи, а способность наша к служению — от Бога.

И.Т. Велика в вас вера, батюшка, а во мне недостаточна — поделитесь со мною.

Батюшка улыбнулся и сказал:

О.И. Бери, сколько хочешь, сколько можешь понести. Господь богат милостию.

И.Т. Вы шутите, батюшка, а я часто колеблюсь, не в вере, конечно, в Бога. О, нет! Я в Него верую всегда твердо и несомненно, а вот, например, в том, могу ли я надеяться на спасение избранным мною путем? От Бога ли было мое призвание и все видения мои, о которых вы знаете? Да и во многих других вопросах, которые мне хотелось бы проверить более духовным, облагодатствованным взглядом и укрепиться верою и упованием.

О.И. Напрасно смущаешься; первое твое видение Спасителя было тебе еще в детстве, какая же прелесть могла тут быть? Он этим призвал тебя на служение Ему и дал тебе как бы залог спасения.

И.Т. Он сказал мне в конце видения: "Прежде потрудись!" Я и тружусь изо всех сил, но так ли, как Ему угодно, тружусь, и примет ли Он мои труды, приятны ли они Ему — я не могу быть уверена, ведь *ин суд Божий.*

О.И. Как не примет, когда уже венчал их успехом? Смотри, какой собор воздвигла ты без всяких средств и в какое короткое время; не Господь ли венчал твои труды таким успехом? А за всю-то обитель, за сестер-девственниц, которыми ты руководишь ко спасению, Господь воздаст тебе сторицею, потому что Он праведен и милостив.

И.Т. Да ведь все это внешнее, родной мой батюшка. Ну, построила я собор чужими, т.е. сборными грошами, чужими руками; да и за это меня все хвалят — ну, вот и воздаяние внешнее за внешнее. А о душе своей говоря, что я приобрела для нее в течение многолетней жизни в монастыре?

О.И. Для души, говорит, не приобрела ничего? Об этом судить Богу Сердцеведцу. Пока мы на земле, Таисия, душа неразрывно соединена с внешностью, и труды, хотя и вещественные, подъемлемые

ради Господа и во славу Его, бесспорно приемлются Им. Говоришь, "чужими грошами построила"; да своими-то легче гораздо было бы, чем путем тяжелых сборов добывать эти гроши. А что хвалят тебя за собор, то как же не хвалить за такое великое дело? Ведь тут до скончания века Имя Божие будет славословиться тысячами уст, и твоя память как храмосоздательницы не перестанет поминаться Церковью.

И.Т. Я зато ныне с этими строительными и вообще начальственными заботами и трудами не имею ни молитвы, ни поста, ни подвигов монашеских.

О.И. Подвиги твои не для твоей одной души, а для общего блага, поэтому они и велики, и выше частных, собственно для себя. Что же касается поста, ты лжешь сама себе: ведь пища твоя скудная, простая, а совсем не вкушать невозможно трудящемуся.

И.Т. А греха-то сколько в начальственной должности!

О.И. А на что же Агнец Божий вземляй грехи мира? Проси у Бога веры и упования. *Совершенне уповайте на приносимую вам благодать* (1 Пет. 1, 13), — говорит апостол Петр.

И.Т. Помолитесь за меня, дорогой батюшка, вашими многомощными молитвами, да поможет и мне Господь.

О.И. Молюсь и буду молиться. И ты молись за меня, и твоя молитва имеет дерзновение.

И.Т. Какая моя молитва? Я молюсь за вас, отец мой, но только потому, с одной стороны, что хочется за вас помолиться, как за любимого отца, которому желаешь всякого блага; а с другой — стыдно мне и страшно молиться за вас, ибо кто я пред Богом сравнительно с вами?

О.И. Что ты, Таисия, неправедно возвышаешь меня? Я первый из грешников. Сам апостол просит верующих молиться о нем: *молитеся о мне* (ср.: 1 Фес. 5, 25). И другой апостол пишет: *молитеся друг за друга* (Иак. 5, 16). Да нам и легче молиться за тех, кто за нас молится.

И.Т. Я однажды писала вам, батюшка, просила помолиться об исцелении меня от болезни; получила лишь облегчение, а не совершенное исцеление.

О.И. И не надобно, значит. Не ищи избавиться от болезней, надо же и поболеть, и потерпеть, все на пользу, на спасение наше.

Эта беседа наша с батюшкой в первое наше с ним путешествие в 1891 году июля 18-го дня записана мною почти дословно вечером того же дня; продолжалась она на пути от пристани до монастыря,

где батюшка побыл весьма недолго вследствие просьбы хозяев парохода не задерживать его, и на обратном пути из обители на пароход.

Когда уже оставалось недалеко до пристани и приближалась минута расстаться с дорогим отцем, мне стало грустно, и я сказала ему:

И.Т. Вот мы сейчас и расстанемся с вами, дорогой батюшка, а как сладко мне было с вами беседовать! А теперь, Бог знает, когда придется свидеться.

О.И. Будем благодарить Бога и за то, что получили. Сама ты говоришь, что все это устроилось неожиданно, непредвиденно для тебя, так вот и гляди сама; а разве Господь-то не такой же милостивый будет и всегда? *Иисус Христос вчера и днесь Тойже, и во веки* (Евр. 13, 8). Что вперед заглядывать? Будем надеяться!

И.Т. Вы очень спешили, батюшка, и даже не покушали ничего; мне очень совестно, что вы совсем голодны.

О.И. Напротив, я сыт больше, чем нужно. Я хотел бы быть голодным; когда голоден телом, то душа сытее, свободнее, легче можешь возноситься горе, а сытое тело и душу может пригнетать, порабощает, да и *не о хлебе единем жив будет человек* (Мф. 4, 4).

И.Т. Удивляться надобно, батюшка, как это вы всякий и самый простой, заурядный случай и даже каждое слово обращаете в назидание, в урок. Вот хотя бы и из этого слова какой высокий смысл выносите!

О.И. Христианин должен весьма осторожно относиться к каждому слову и стараться обратить его в пользу себе и собеседнику.

И.Т. Ну вот, родной батюшка, подъезжаем к пристани, сейчас разлучимся. (И я заплакала.)

О.И. Кто ны разлучит от любве Божия (Рим. 8, 35)? И нас с тобой, матушка, любящих Господа, ничто не разлучит ни в сей жизни, ни в будущей — веруй и надейся. *Держи, еже имаши, да никтоже восхитит венца твоего* (Откр. 3, 11).

И.Т. Чем могу я выразить вам мою искреннюю, глубокую благодарность за посещение нашей обители? О, если бы я могла чем-нибудь послужить вам или угодить!

О.И. Угождай Господу, больше мне ничего не надо, и ничто не может быть для меня более приятного.

И.Т. Если бы за ваши святые молитвы и помог мне Господь преуспевать в духовной жизни, то все-таки это будет не вам угождение, а прямая обязанность моя и польза для моей души; притом же как вы

узнаете об этом, чтобы порадовалось ваше отеческое сердце? Ведь мы с вами нечасто видимся и живем довольно далеко друг от друга.

О.И. А я говорю тебе, что узнаю; верь этому, отныне мы будем часто видеться. Я ежегодно буду ездить на родину и обратным путем, может быть, буду заезжать в твою обитель.

С такою радостною надеждою оставил меня батюшка, сев на пароход; а я, вернувшись в обитель, тотчас же записала всю эту нашу беседу.

Эти слова батюшки Иоанна вполне сбылись. Хлопоты мои о приобретении места в Петербурге для постройки подворья с целью материальной поддержки нашей обители, не имеющей ни капитала, ни обеспечения, начавшиеся еще при митрополите Исидоре, требовали иногда моего некратковременного пребывания в столице, где я нередко виделась с батюшкой, хотя вести с ним духовную беседу никогда не приходилось. Но зато во время заездов его к нам в монастырь летом на обратном пути с родины мы получали поистине неземное наслаждение, находясь в непрерывном общении с этим благодатным пастырем в течение нескольких дней и даже недель. Он обыкновенно писал мне с родины из с. Суры или из Архангельска о том, куда предполагает заехать, сколько где пробыть и когда приблизительно быть у нас и на своем ли пароходе или на арендованном, и мое дело было встретить его на назначенном месте. Вот тут-то начинался мой праздник, мой отдых, т.е. буквально отдых душевный, обновление сил и подъем духа. Едем с ним, бывало, от пристани нашей Борки до монастыря; дорога все идет лесом, а версты за три до монастыря, пересекая дорогу, проходит полоса монастырского леса; и станет батюшка благословлять его на обе стороны: “Возрасти, сохрани, Господи, все сие на пользу обители Твоей, в ней же Имя Твое святое славословится непрестанно”. Дорогою расспрашивает о состоянии сестер, о здоровье их и т.п. Подъезжаем к деревне, расположенной за одну версту от обители и составляющей весь ее приход, а там по обеим сторонам пестреет народ, вышедший на благословение к великому гостю: мужички с обнаженными головами кланяются в пояс; женщины с младенцами на руках спешат наперерыв поднести своих деток, хоть бы ручкой-то коснулся их батюшка; только и слышно: “батюшка-кормилец”, “родимый ты наш”, “красное солнышко”. А батюшка на обе стороны кланяется, благословля-

ет, говоря: “Здравствуйте, братцы! Здравствуйте, матери! Здравствуйте, крошечки Божии! Да благословит вас всех Отец наш Небесный! Христос с вами! Христос с вами!”

А как только пойдут монастырские постройки — дома причта, гостиницы и пр., тут встречают сестры с громким стройным пением: “Благословен грядый во имя Господне!” — и далее с пением же провожают до самого соборного храма, где встречают священнослужители, а звон в большой колокол давно уже гудит. Похоже на что-то пасхальное, прерадостное: общий подъем духа, общее торжество! После Литургии, за которой всегда бывает много причастников, батюшка проходит прямо в сад, куда приглашаются и все сослужившие ему священнослужители, гости, приехавшие к нему; туда же является и самоварчик со всеми своими атрибутами, и дорогой батюшка, зная, что всякому приятно получить чаек из его рук, старается всех утешить. Потом пойдет гулять по аллеям сада или один, или с собеседником, но никто не беспокоит его. Как только батюшка проходит через террасу в дом — сад пустеет, так как все расходятся. Но ведь батюшка слишком любит чистый воздух: не только днем проводит все время или в саду, или катаясь со мною по полям и лесам, но иногда в теплые сухие ночи и спит на террасе. Иногда в саду соберет более близких знакомых своих и некоторых сестер обители и, сам выбрав где-нибудь местечко, станет читать нам книгу, им же самим выбранную, но чаще всего читал Евангелие, Апокалипсис или Книгу пророков и все читаемое тут же объяснял. Иногда чтение прерывалось и беседами на объясняемую тему. Когда устанет сидеть или утомится чтением, скажет мне: “А что, матушка, не худо бы и прокатиться нам в Пустыньку твою”. И, конечно, это моментально исполняется, и мы едем. Катались мы всегда небыстро, медленно, потому что в это время батюшка или молился тайно, или беседовал со мною, или просто дремал; да и нужды не было скоро ехать: народ, как бы много его ни было, никогда у нас не бросался к нему, не беспокоил его на дороге. О “пустыньке”, этом излюбленном местечке батюшки, я сообщу после подробно, а теперь возвращусь к его назидательным беседам.

Как-то, между прочим, зашел разговор о вере, и я, со своей стороны, сказала, что вера наша не так темна и слепа, как иные выражаются — “вера слепая”.

И.Т. Я нахожу, что тайны веры доступны пониманию, не скажу —

ума, а — души и сердца. Не слепо, не безотчетно я верую, а сознательно, так сказать осязательно, понимая, во что, почему и как верую.

О.И. Так сказать могут только люди духовные, а мирские, не упражняющиеся в предметах веры, не могут так сознавать тайн веры. Да и, во всяком случае, есть тайны вполне непостижимые, недоступные пониманию: например, тайна Святой Троицы — кто постигнет ее? Один — а Три. Три — а Один...

И.Т. Это объясняется различием лишь свойств Триипостасного Божества. Богословие объясняет это так: Бог-Отец — первичный Ум, Бог-Сын — первичное Слово, Бог-Дух — животворная, умная, ипостасная, всемогущая святыня, живот от живота и т.п. Вы сами подобно сему в "Дневнике" пишете: "Я мыслю Отцем, говорю Словом, дышу Духом Святым". Следовательно, эта непостижимость тайны упрощается, уясняется и подобиями, и непроницаемость ее сглаживается.

О.И. Да, для верующих, просвещенных духовно, а все ли могут вместить это понятие? Впрочем, в том и состоит величие нашей веры, что она не так ясна, как познание; иначе она бы превратилась в знание и утратила бы свое величие. Могу ли я благоговеть перед тем, что мое всестороннее понимание уступает моему знанию, становится как бы ниже меня? Нет, там, в будущем веке, "познаем" более полно, а теперь довольно нам "разуметь отчасти", как апостол о вере пишет: *Ныне разумею отчасти, тогда же познаю, якоже и познан бых* (1 Кор. 13, 12).

И.Т. Видим убо ныне якоже зерцалом в гадании, тогда же лицем к лицу, — добавила я и продолжала. — Неужели, батюшка, мы увидим Господа лицом к лицу? Уж, кажется, и не выдержать человеческому бренному естеству.

О.И. Не выдержать, пока человек во плоти, пока живет на земле, вращается в земной суете; помнишь, что Бог сказал Моисею: *Не возможеши видети лица Моего, не бо узрит человек лице Мое и жив будет* (Исх. 33, 20). А в будущем веке, когда и сам человек одухотворится, Господь явит ему Себя, насколько он может вместить; уж это дело Божие. Чтобы не быть отверженными от Божественного неба, от пресветлых селений святых, во веки неветшающих и всегда живых, светлых, благоухающих, всерадостных, надобно здесь приуготовлять себя хранением заповедей Божиих, покаянием и упражнени-

ем в добрых делах, нужно ведать и посещать на земле дом Божий, знать великое его воспитательное назначение для душ христианских и заранее приучиться здесь дышать небесным воздухом облагоуханным, духовными ароматами христианских добродетелей, коими благоухает все небо, все собрание святых, ибо в храме непрестанно восхваляют добродетели и доблестные подвиги всех святых Христовой Церкви.

Безмерно много дано людям благодати и милости Божией в воплощении Сына Божия; много требуется взаимно от них: требуется непрестанное и внимательное размышление о делах домостроительства Божия, благодарность, выражающаяся исполнением заповедей Божиих, послушание, взаимная любовь и снисходительность друг к другу, правда, святость, а для этого необходимо внимание к самому себе, как сказано: *Аще бо быхом себе разсуждали, не быхом осуждени были* (1 Кор. 11, 31). О, как враг двоит душу человека, отвращая ее от Бога пристрастиями и любовию к плоти и всему плотскому, к миру и его благам: славе земной, красоте плотской, к богатству и ко всяким земным удовольствиям, по большей части греховным! Любовь к Богу погашается греховною любовию, поэтому как зорко надобно следить за всеми изгибами своего сердца, чтобы оно не отпало от Бога, этого единственного Источника всякого блага!

И.Т. Не знаю, родной батюшка, может быть, я и ошибаюсь, но, часто проверяя свое сердце, я не нахожу в нем пристрастия ни к чему земному. Не могу не сознавать, не ощущать, что мне как бы отвлеченно от земного живется, лишь по обязанности принимаешь во всем участие и вращаешься *всюду*.

О.И. Благодари Господа, что Он даровал тебе это бесстрастие. Это — не твое. Только Его святая сила может держать так человека.

И.Т. Главное подкрепление нахожу я в частом приобщении Святых Таин, в чтении Евангелия, которое, право, иногда отвечает на мои мысли и дает вразумление. А также прибегаю нередко и к вашему "Дневнику". Какие там светлые, чудные мысли! Например: "Как реки текут в море, так души людей к Богу". Или еще: "Я мыслю Отцем, говорю Словом, дышу Духом Святым". Какая высота!

О.И. Это не мое, а озарение свыше. Я чувствовал на себе это озарение, и под влиянием его являвшиеся мысли считал грехом не записывать и не предавать памяти; десятки лет я вел эти записи, и составились целые книги.

И.Т. Они имеют, батюшка, какой-то особый характер. Они невольно восторгают читателя и переносят его как бы в глубину чистого боговедения и света. Не сумею я лишь высказать: на мой взгляд, вы как будто разрушаете ими средостение между Богом и человеком, объединяете их. Например: "Я живу Богом, в Боге и с Богом, а Бог живет во мне!" Что же может быть выше этого? Ведь это Иоанново богословие: *Бог вселися в ны... и от исполнения Его мы вси прияхом и благодать возблагодать* (1 Ин. 14, 16)! Только оборот речи другой. Если только смею я так выразиться, это есть по отношению ко всему нашему православному учению как бы продолжение его, изъяснение не постигнутого еще, усовершенствование недоконченного. Вы как бы предвкушаете будущую блаженную жизнь Церкви торжествующей, и недостижимость будущей тайны упрощаете до близости и объединения.

О.И. Понимаю, что ты хочешь сказать. Однако не лишена и ты духовного разумения. Действительно, он с этой целью, для этого и писан. Какое средостение между образом и первообразом? Это грех! Но грех разорен Богочеловеком, завеса греха — раздрана; кто мешает или что преграждает нам путь?

И.Т. При такой мысли о близости единения Бога с человеком невольно прихожу к вопросу: к чему же такие наши подвиги, лишения, труды ради Царствия Небесного, если оно, как и дарующий его Бог, есть только любовь, мир и радость? Тысячи древних подвижников сияли подвигами; и нам, нынешним монахам, предписываются подвиги, а между тем Бог, эта вечная Любовь, для Своего воцарения в сердце человека требует лишь любви: *Сыне, даждь Ми сердце твое* (Притч. 23, 26), — говорит Он. Подвиги изнуряют, убивают, гнетут; я иногда сравниваю их с буквою по отношению к закону: *писмя бо убивает, а дух животворит* (2 Кор. 3, 6).

О.И. Ты смешиваешь одно с другим, между тем как всему свое время и место. Подвиги нужны и необходимы для воспитания своего внутреннего человека, для умерщвления в нем гнездящихся страстей, для выработки себя в ту *меру возраста исполнения Христова* (Еф. 4, 13), когда сделаемся способными принять и носить в своем сердце Царствие Божие. Бог всегда с нами, у дверей сердца нашего, как сказано: *се, стою при дверех и толку* (Откр. 3, 20); да сердце-то всегда ли способно принять Его? Вот и указаны нам и книгами, и примерами подвиги как сила вспомогательная для нашего усовершен-

ствования, чтобы путем их очистить свое сердце для принятия внутрь его Царствия Божия, т.е. Самого Христа.

Знаешь ты тропарь св. великомученику Феодору Тирону: "Яко хлеб сладкий Троице принесеся"? Что это значит? Как ты понимаешь эти слова?

Для того чтобы хлеб был сладкий, приятный, надобно прежде всего хорошенько просеять муку, очистить ее от всякой примеси, от всего негодного, чтобы хлеб был чистый, вкусный. Так и сердце наше, чтобы было приятною Богу жертвой, надо прежде очистить от страстей, в нем находящихся, высеять их, тогда и будет оно приятно.

И.Т. Дорогой батюшка, как понимать заповедь о "добрых делах"? Их ведь необходимо утаивать?

О.И. А я так это понимаю: *Тако да просветится свет ваш пред человеки, яко да видят ваша добрая дела и прославлят Отца вашего, Иже на небесех* (Мф. 5, 16). Пусть люди видят твои добрые дела, и чрез то Господа славят, и для себя имеют живой пример, живое побуждение к деланию добра. Вот от кого надобно скрывать (и при этом батюшка показал пальцем на свое сердце) добрые дела! От него утаивай все, *да не увесть шуйца твоя, что творит десница твоя* (Мф. 6, 3). Шуйцей называется свое личное самомнение, тщеславие.

Как известно, батюшка имел обыкновение читать канон, а вместе и седальны на кафизмах и антифоны. Был 3-й глас, и, прочитав антифоны: *В юг сеющии слезами Божественными, жнут класы радостию присноживотия*, батюшка, обратясь ко мне, сказал: "Вот это тебе на утешение, Таисия, "сеющии слезами радостию пожнут в будущем веке". Как много утешения Господь возвещает скорбящим и труждающимся Его ради! Помни, что труды для Господа и скорби ради Его — выше всего".

На утрени Евангелие читалось о явлении Господа Марии Магдалине. По прочтении Евангелия батюшка обратился ко мне и сказал: "Слышала ты, матушка, как Господь-то утешил Марию Магдалину: Марие, *что плачеши, кого ищеши* (Ин. 20, 15)? Вот и тебе Он говорит: "Таисия, что плачеши, кого ищеши?" Ищи, ищи Иисуса, и Он предстанет тебе. Много утешений у верующего! Вот, например, за Божественною Литургиею бывает такое утешение, озарение души, откровение таин!

И.Т. Батюшка, вы во время литургисания точно сами переживаете все совершающееся, так возноситесь душою!

О.И. Верно, действительно, я все совершаемое стараюсь перечувствовать душой, переносясь мыслию и всею душою к совершаемому.

И.Т. Как я счастлива, батюшка, что вы у нас совершаете Литургию!

О.И. Легко и служить в твоем соборе. Дух сестер-певчих дышит чистотою, усердием, благоговением; вообще у тебя хорошие сестры, хорошая обитель, и не оскудеет она милосердием Божиим.

Эти слова: "легко здесь служить, чудный собор" батюшка сказал мне еще и в алтаре, как только приобщился сам; он подошел ко мне и, видимо от избытка сердца, сказал: "Как мне хорошо здесь, легко служить! Чудный храм!" Мне это было тем более отрадно, что храм этот от первой и до последней копейки строился моими слезными трудами и сборами.

И.Т. Да и быть с вами, батюшка, так легко; от вас, как от одушевленного храма Божия, веет миром, спокойствием и радостию. С вами все забудешь, кроме Бога. Да еще умоляю вас, напишите мне хотя словечко, когда вам Господь внушит. Не забудьте меня, грешную, ведь я Ваша дочь духовная; не оставьте, не забудьте меня, родной мой.

О.И. Вот как я тебе скажу на это: Господь сказал чрез пророка: *Если и забудет сих жена (мать), Аз не забуду тебе*. И я по силам буду помнить тебя и сестер твоих.

Однажды батюшка сидел углубленный в свои мысли, а я думала о нем: "Господи, что это за человек?" Вдруг он обратился ко мне, устремил на меня свои полные кротости и мира глаза и говорит: "Пытай!" Я, в свою очередь, не смутилась этим, ибо не новостью было для меня то, что он отвечает на мысли, и сказала ему, тоже глядя ему в глаза прямо: "Я не пытаю, батюшка; могу смотреть в глаза вам прямо, потому что не фальшивлю перед вами; но не задумываться о вас не может человек мыслящий и имеющий духовное настроение жизни; вот и я часто о вас думаю, батюшка: что вы за человек и чем все это кончится?"

О.И. Ишь ты, куда заглядываешь: "чем кончится?". Начало и конец — милость Божия. Смотри и суди по плодам, как указано в Евангелии: *от плод их познаете их* (Мф. 7, 16). И в себе ищи плодов, и в тебе они будут и быть должны. Помни между тем, что мир от Бога;

враг не может дать мира душевного; его дело — смущать, а не умирять.

И.Т. Батюшка, я хотела бы и еще вас спросить: вот я все стараюсь отдаляться от своих родных; редко, очень редко пишу им; вот уже 14 лет как не была у них; они все зовут, все стараются сблизиться со мною; и другие меня уговаривают, что и грех будто бы оставлять своих; если и посторонним делаешь добро, то своим и подавно надобно. А я все стараюсь отдаляться от них, ведь сказано: *Врази человеку домашнии его* (Мф. 10, 36). Да и что у нас общего? Они только отвлекут меня от моих обязанностей; да я и боюсь, греха с ними много. Как ваш взгляд на это?

О.И. И прекрасно делаешь! Остерегайся, отдаляйся от них. Помни: *Нельзя служить двум господам* (ср.: Мф. 6, 24). У тебя теперь другие родные — твои сестры о Христе, ты за них *ответишь пред Богом; а родных раз уже оставила, не* озирайся вспять. Нет сильнее войны духовному человеку, как с родными его: *врази человеку домашнии его*. Так было при Христе, так и теперь, так и всегда будет.

Однажды я исповедовалась у батюшки, говоря по порядку заповеди. Выслушав, он сказал:

О.И. Все это грехи как бы неизбежные, вседневные, в коих мы должны непрестанно каяться мысленно и исправляться. А вот ты мне что скажи: каково твое сердце, нет ли в нем чего греховного: злобы, вражды, неприязни, ненависти, зависти, лести, мстительности, подозрительности, мнительности, недоброжелательства? Вот яд, от которого да избавит нас Господь! Вот что важно!

Я отвечала, что не ощущаю в себе ни злобы, ни вражды, ни мести, ничего подобного, а только могу обвинить себя в подозрительности, или, вернее, в недоверии к людям, образовавшемся во мне вследствие многих людских несправедливостей и неправд.

О.И. И в этом не оправдишься; помни: *любы... не мыслит зла* (1 Кор. 13, 5) и *доброе око не узрит зла* даже и там, где оно есть. Покрывай все любовию, не останавливайся на земной грязи, достигай совершенства любви Христовой; впрочем, и Христос *не вдаяше Себе в веру их, зане Сам ведяше вся* (Ин. 2, 24).

И.Т. Батюшка, как же доверять и верить вполне людям, когда так много от них приходилось терпеть незаслуженно, безвинно? Иногда, из предосторожности для будущего, относишься недоверчиво и подозрительно.

О.И. Зачем нам заглядывать в будущее? *Довлеет дневи злоба его* (Мф. 6, 34). Предадимся, как дети, Отцу нашему Небесному, Он *не оставит нас искуситися паче, нежели можем* (ср.: 1 Кор. 10, 13). Подозрительностью лишь себя измучишь, да и делу не поможешь, еще повредишь, заранее представив себе зло там, где, может быть, его и не будет. Лишь бы мы не делали зла, а нам пусть делают, если попустит Господь.

Однажды я сказала батюшке, что иногда повергаюсь сильнейшему духовному искушению, которое изобразить словом не могу; это как бы уныние, но в самой ужасной степени, едва не отчаяние, — точно туча черная нависнет над головой и точно нет из-под нее выхода; все представляется так мрачно, так тяжко на душе, что я называю это искушение "адским", и если бы оно было продолжительно, то причинило бы смерть или исступление.

Батюшка отвечал:

О.И. Это искушение попускается более сильным, более опытным в духовной брани. Его наносит тебе враг, потому что видит, что подвиги твои подходят к концу, что тебе готовится воздаяние на небе, и хочет сильным толчком сразить тебя и лишить тебя венца. Многих он губит унынием. Крепись и мужайся, борись против козней врага, не поддавайся. Неси со смирением и в терпении и этот крест. Считай, что он послан тебе для твоего смирения, и Господь поможет тебе. Чья храмина души основана на камне, ту никакие ветры не поколеблют, ибо твердо основание ее; а у кого нет в основании камня, Христа, и основана душевная храмина его на песке, та легко разрушается и малейшею бурею. Восходи по лестнице духовной вверх, а не вниз. Возвышайся духом, возвышайся умом. Ты призвана пасти свое малое стадо девственниц, избранных Господом на житие иноческое; не считай это дело маловажным или меньшим тех добродетелей и подвигов, какие ты могла бы понести в уединении, спасая лишь свою душу. Ты теперь не имеешь покоя ради служения ближним; твои труды, заботы и скорби — скорби и страдания мученицы, ибо ты распинаешься за всех по любви к Богу и ближним, а что выше этого?

На следующее утро, когда мы с батюшкой пошли в храм, в котором престол мраморный, батюшка вдруг, указывая на него, спросил меня: "Это какой престол?" Я с удивлением посмотрела на него и отвечала : "Мраморный". Он продолжал: "Следовательно, каменный; да будет же твое сердце, как этот камень, — мужайся!"

И.Т. Иногда, батюшка, готовишься к принятию Святых Таин, а ночью совсем не можешь бодрствовать: или от дневных трудов утомишься до крайности, или от чего-либо другого, но так и клонит ко сну; потом и смущаешься этим в церкви.

О.И. Неужели ты думаешь, что наше неспание или какие-либо подвиги сильны и достаточны дать на дерзновение пред Святою Чашею? Помнишь разбойника? Один вздох искреннего раскаяния, одна вера в заслуги Распятого — вот наше оправдание, а не мнимые наши подвиги. Конечно, надо и подвизаться, но не с тем, чтобы в этих подвигах видеть и полагать свое оправдание и достоинство. *Сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

Я многократно просила батюшку принять наш монастырь под его духовное водительство, его покров, отнюдь не разумея тут какой-либо материальной помощи, о чем решительно никогда не беспокоила батюшку, а просила исключительно его духовного, благодатного наблюдения над нашей обителью, веруя и по опыту зная, что ему Господь открывает состояние сердец человеческих.

Батюшка отвечал:

О.И. Много ты мне, матушка, приписываешь, слишком высоко обо мне думаешь. Если я что и имею, то лишь по благодати Божией. Конечно, *вся возможна верующему* (Мк. 9, 23). По вере твоей, если будет на то Его Святая воля, не отказываюсь содействовать вам в деле спасения, буду, как уже и говорил, молиться за вас; и сам я люблю вашу обитель.

Этот наш разговор происходил во время пребывания батюшки в нашей обители. Дня через два или три после сего поехали мы с батюшкой кататься, и, по обычаю, прежде всего в Пустыньку. Когда батюшка предполагал там уединиться для молитвы или для отдыха, он приказывал запереть входные ворота оградки, чтобы никто не входил, не беспокоил его. На этот раз он распорядился так же. Нелишне здесь пояснить, что все место, огражденное здесь деревянным забором (скиток "Пустынька"), представляет собой ровный квадрат, посредине которого расположен одноэтажный деревянный дом, на восточной половине коего — храм во имя Св. апостола Иоанна Богослова. С этой стороны от ограды до храма — кельи сестер, а по ту сторону церковного домика — садик с аллеями, где и любил всегда прохаживаться о. Иоанна, совершая свои тайные молитвы.

Из предосторожности, чтобы кто не побеспокоил его, я во время

таких его прогулок всегда почти сидела на ступеньках крыльца, и если батюшке было что-либо нужно, он обращался ко мне. В описываемый мною случай батюшка недолго погулял по садику, но, видимо, он молился, нередко останавливался, скрестив на груди руки и устремив взор на небо. Затем быстрым движением подошел к стоявшему на одной аллее стулу и потащил его за собой к алтарной стене с юго-востока. Я, от неожиданности такого поступка, растерялась, не успела да и не посмела помочь ему. Смотрю — батюшка уже и второй стул тащит за собой, подобно первому. Я поспешила к нему, но он поставил его рядом с первым и говорит мне: “Садись, я почитаю тебе”. С этими словами он достал из кармана довольно большую книгу, открыл ее, где было заложено, и стал читать. Расскажу вкратце прочитанную историю. В Киево-Печерской лавре, основателем коей, как известно, был преподобный Антоний, один из старцев, занимавший высокий пост и пользовавшийся всеобщим почтением, скончался. Авва, т.е. настоятель, особенно сокрушался о нем, так как имел в нем себе ближайшего и верного помощника по управлению. К немалому его огорчению, усопший в первый же день своей кончины так разложился, что невозможно было ни читать по нем Евангелия, ни петь панихиды не только у гроба, но даже и в соседней келье; зловоние наполнило всю (тогда еще небольшую) обитель, и все считали это за наказание Божие. Когда авва в полночь стоял на своем правиле и молился об упокоении новопреставленного, он услышал от иконы Спасителя глас, возвещавший ему о том, что почивший имел многие тайные грехи, не раскаявшись в которых и умер, поэтому не может быть помилован от правосудия Божия. Наутро авва собрал всю братию, объявил им извещение Спасителя о старце и предложил всем в течение сорока дней особенно усиленно молиться за него и поститься. Все с усердием стали подвизаться за душу собрата. На 40-й день авва, опять в полунощной молитве пред тою же иконою Спасителя, слышит глас: “Не ради ваших постов и молитв за связанного грехами брата, а ради раба Моего Антония, молившего Меня еще на земле, да не погибнут души подвизающихся в сей обители, созданной им, Я прощаю усопшего имярек”. Прочитав это повествование, батюшка сложил книгу, спрятал ее в боковой карман своего подрясника и, быстро встав, сказал: “Ну, поедем, матушка!” И мы тотчас же тронулись. Долго сидели мы оба молча. Зная, что батюшка никогда и ничего не делает без цели, я раздумывала, чем бы объяснить этот его по-

ступок. Наконец, батюшка начал сам: “Что ж ты, матушка, призадумалась?”

И.Т. Да как не призадуматься, батюшка, ведь вы мне словно загадку загадали. Ведь я понимаю, что вы не без цели это мне прочитали, так вот и хочу додуматься, найти эту цель; а может быть, вы сами мне скажете?

О.И. Нет, если нужно, Господь откроет тебе, а сам я ничего не скажу.

И.Т. Я пришла только к одному заключению, а иного никакого мне на ум не приходит: как преподобный Антоний умолял Господа, чтобы все, подвизавшиеся в его обители, не были отринуты Им, а спаслись, так и вашими святыми молитвами Господь спасет всех живущих в этой обители. Об этом ведь я вас и просила на днях, да и всегда прошу.

О.И. Да, Господь даровал мне эту обитель твою, и я ваш молитвенник всегдашний.

От избытка сильных ощущений, вызванных этим событием, я не могла разобраться в мыслях. Я сознавала, что сказанное мне батюшкой после чтения было делом слишком большой важности, слишком радостным для меня и для всей обители. Я сидела, углубившись в свои мысли, и даже забыла поблагодарить батюшку за его такой бесценный дар. Наконец я опомнилась и сказала ему: “Батюшка, конечно, я бессильна благодарить вас, да и какое слово благодарности может соответствовать такому великому дару”.

О.И. Богу благодарение, а не мне, недостойному. Помнишь слова апостола: *лишше подобает нам внимати писанным, да не когда отпадем* (ср.: Евр. 2, 1)?

И.Т. Помню, батюшка, но этот текст мне не очень знаком, а вы редко его повторяете, запишите мне его для памяти.

О.И. Не хочется, Таисия, я устал.

Но, помолчав немного, он продолжал: “Ну, давай, напишу!”

И.Т. Нет, батюшка, если устали, так зачем же утруждать себя? Я и так запомню или сама запишу. И я повторила текст.

О.И. Давай, давай — напишу! Надо нудить себя, слышишь: *надо нудить себя* на пользу ближних во славу Божию.

Я поняла урок для себя. “Спаси вас Господи, — отвечала я, — да мне каждое ваше слово дорого, я внимательно слушаю ваши речи и после дома записываю все, о чем говорила с вами. Это служит и для

меня самой утешением и пользою, да и как отрадно прочесть хотя речи ваши, когда, расставшись с вами, скучаешь о вас. Кроме того, думаю, и другим полезно слышать (т.е. прочитать) ваши благодатные беседы".

О.И. Что ж? Можешь давать и другим, но прежде дай мне самому просмотреть, что ты там записала.

Я показала батюшке эту самую тетрадку; он прочитал несколько страничек, кое-что поправил и, отдавая мне ее обратно, сказал:

О.И. Я просмотрел бы ее в более свободное время, там после подашь мне. Хорошо, что ты запоминаешь мои слова. *Хвалю вас*, — говорит апостол, — *яко слово мое помните и предания моя держите* (ср.: 1 Кор. 11, 2). Значит, семя мое падает на добрую землю и приносит плод, довольный к насыщению и других.

И.Т. Мне думается, батюшка, что рассеянность, хотя сама по себе и не есть особый вид греха, но едва ли не более других грехов мешает присутствию благодати Божией и заглушает ее.

О.И. А разве ты не считаешь рассеянность за грех? Она есть потеря внимания, о ней и Спаситель упоминал, когда говорил о семени, падшем при пути, и когда сказал апостолу Петру: *Симоне, Симоне, се, сатана просит вас, дабы сеял, яко пшеницу* (Лк. 22, 31) (сеял, т.е. рассеивал).

И.Т. А разве это о рассеянности, батюшка?

О.И. Как же, о рассеянности.

Батюшка очень любил цветы и вообще природу; ему беспрестанно подносили цветы или из сада, или полевые. Бывало, возьмет в ручку розу или пион, какие расцветут к его приезду, и поцелует цветок, говоря: "Лобызаю Десницу, создавшую тебя столь дивно, столь прекрасно, благоуханно! О, Творец, Творец! Сколь дивен Ты и в самомалейшей травке, в каждом лепестке!" Подержит, бывало, батюшка в руке своей цветочек и отдаст кому-нибудь из присутствующих; и сколько радости получает с этим цветочком обладатель его! А батюшка продолжает восхвалять Творца за Его благодеяния к людям. Подадут ли ему ягод из саду, какие поспеют, он говорит: "Какой Господь-то, Отец наш Небесный, милостивый, добрый, щедрый, всеблагой! Посмотрите, поймите: Он не только дает нам насущное, необходимое пропитание, а и услаждает нас, лакомит ягодками, фруктами, и какими разнообразными по вкусу — одни лучше других! Заметьте, вот у каждого сорта ягод свой вкус, своя сладость, свой аромат".

Кто-то из приезжих заметил при этом ему однажды, что ныне культура усовершенствована и дает лучшие сорта продуктов. Батюшка, не глядя на говорившего, а продолжая смотреть на ягоды, ответил: "Культура — культурой, а Творец — Творцом. На то и дан человеку разум, чтобы он работал им, возделывал, совершенствовал, или, как ныне выражаются, культивировал прежде всего самого себя, а затем и другие творения Божии, хотя бы и дерево, и плоды, и все, что предано в его руки Творцом. Из готового-то семени легко выращать, доводить до высшего качества; а семя-то самое создать, если его нет, одну каплю воды создать так, где ее нет, — попробуйте-ка с вашей культурой! Из готовой воды можно и водопады устраивать; из готовых веществ — земли, песка, глины — можно какие угодно громады воздвигать; а при отсутствии этих веществ что вы сделали бы? О, Творче всеблагий, Отче Небесный, доколь создание Твое не познает Тебя и не падает в прах пред величием Твоим?!"

Любил также батюшка и сам собирать в саду ягоды и кушать их прямо с веточки. Бывало, заберется в кусты малины или в грядки клубники, кушает да и позовет: "Матушка, у тебя в садике-то воры; что плохо следишь за своим добром?" Любил он наш садик и всякий раз перед отъездом из обители заходил в него и, как бы жалея его, прощался с ним: "Прощай, садик! Спасибо тебе за то удовольствие, которое ты доставляешь мне всегда! Сколько светлых минут проводил я в твоем уединении!" — и тому подобное. Бывало, скажешь ему на это: "Родной наш батюшка, да разве вы уже на будущий год к нам не приедете?" Он ответит: "Будущее в руках Божиих; жив буду — приеду".

Если случалось, что батюшка приезжал к нам во время сенокоса, то мы с ним ездили и на покос к сестрам, всегда приноравливая к тому времени, когда они там пьют чай. Вот радость-то сестрам! Подъезжаем, бывало, и издали уже виднеются черные фигуры в белых фартуках и белых платочках. Поодаль дымятся и самоварчики; тут же на траве разостлана большая простая деревенская (бранная) скатерть, пригнетенная по краям камушками, чтобы не поднимало ее ветром, на ней около сотни чашек чайных, сахар, подле стоят мешки с кренделями (баранками). Как только подъедет батюшка, певчие сестры грянут любимый батюшкин задостойник: "Радуйся, Царице". Батюшка идет к приготовленному для него столику, но иногда прежде погуляет по покосу, посидит на сене, побеседует с сенокосница-

ми, и затем начинается чаепитие. Все собираются к кипящим кубам и самоварчикам, садятся на траву, а батюшка сам раздает им из мешка баранки, многим дает чай из своего стакана и вообще старается всех утешить. Когда он уезжает с покоса, все бегут провожать его, певчие поют ему “многолетие”, пока экипаж не скроется из вида. Вообще батюшка любил наше пение и ежедневно призывал клирошанок петь, по большей части в саду, иногда и в Пустыньке, а при дождливой погоде и в кельях. Ежедневно после обеда подходила к нему регентша, которой он назначал, какие пьесы петь ему. Иногда он слушал их молча, сосредоточенно, в молитвенном настроении; иногда стоял или даже ходил среди них и объяснял им смысл поемого, особенно ирмосов; иногда же с увлечением сам пел с ними и регентовал рукою. Когда случалось нам с ним кататься по Волге, по его благословению я брала с собою на пароход от 4 до 6 певчих, которые пели ему на пароходе, также и в побережных церквах, где он останавливался для совершения Литургии, без чего не мог провести ни одного дня.

Когда мы с ним катались по нашим лесам и полям, он всегда благословлял поля с молитвою о их плодоносии и изобильном урожае на пропитание обители. Бывало, когда увидит, что нет близко народа, велит остановить лошадей, снимет с себя рясу, положит на свое место и пойдет немножко пройтись в поле. По дорогам между монастырем и скитами у нас поставлено немало скамеечек, так как по этим уединенным дорожкам гуляют монашенки и садятся иногда со своим рукоделием или отдыхают, когда ходят в лес за ягодами или за грибами. Во время пребывания у нас батюшки все таковые скамеечки служили местом для богомольцев, прибывавших к батюшке; зная, что мы с ним ежедневно, иногда и по несколько раз, проезжаем тут мимо, они поджидали нас и, завидев издали экипаж, тихо, в полном порядке подходили к батюшке на благословение; иные девушки подносили ему полевые цветы, особенно часто фиалки, белые и лиловые, которые батюшка очень любил. Так однажды, приняв эти букеты, он держал в руках одни из них и, рассматривая его, сказал евангельское слово:

О.И. И Соломон во всей славе своей не одевался так, как каждая из полевых лилий. Если Отец Небесный так одевает цветок, который сегодня есть, а завтра брошен будет в печь, не много ли паче вас, маловерные. Как очевидна истина слова Божия: *Ищите прежде*

Царствия Божия и правды Его, а все остальное приложится вам (ср.: Мф. 6, 29—30, 33). Это я испытываю на себе: с тех пор как я начал усиленно искать и исключительно заботиться о благоугождении Господу молитвою и делами милосердия ближним и другим, я почти не имею надобности заботиться о себе, т.е. о своих внешних нуждах; меня, по милости Божией, одевают, обувают, угощают добрые люди и сочтут за обиду, если бы я не принял их усердия.

Я на это отвечала ему: "А если бы вы знали, батюшка, как приятно что-либо сделать для вас, хотя чем-нибудь послужить вам. Да и поверите ли, батюшка, что за все, что для вас сделаешь, так скоро воздается сторицею! Я это и на себе лично испытала, да и от многих слышала".

О.И. Верю, и сам вижу на деле; да это и в порядке вещей; за все воздает нам Господь, даже за чашу холодной воды, поданную во имя Его.

И.Т. А я в этом отношении часто припоминаю слова: *Приемляй праведника во имя праведничо, мзду праведничу приимет* (Мф. 10, 41). Я знаю, что это сказано к апостолам и не в том отношении, о каком мы теперь говорим, а вообще о вере и усердии к праведникам, т.е. к людям, всецело отдавшимся Богу.

О.И. А помнишь апостольское слово: *Не обидлив бо Бог, забыти дела вашего и труда любве, юже показасте во имя Его, послуживше святым* (Евр. 6, 10). Конечно, не святых, на небесах живущих, надлежит разуметь, а служителей Его, которые трудятся для Него ради спасения людей. А строго же Он и судит тех, кто дерзает злословить их, особенно клеветать безвинно! Как Он чрез пророка Захарию говорит: *Касаяйся вас* (т.е. избранников Божиих), *яко касаяйся зеницы ока Его* (Божия) (Зах. 2, 8). Видишь, своим "оком" называет их Господь! Да и святые-то как любили Господа! Несмотря на немощное плотское свое естество, ужасающееся и мысли о мучениях и пытках, ради любви Христовой охотно шли на всякое страдание и смерть, лишь бы в вечности не быть отринутым от Него. Вот, святой Игнатий Богоносец и лично просил, и писал в своем послании к римлянам-христианам, когда они хотели освободить его от предстоящей ему мученической смерти: *Не возбраняйте ми* (т.е. не мешайте мне прийти ко Господу), *хощу быти измолен* (т.е. измолот) *зубами зверей, да буду в жертву благоприятну Господу моему!* Вот высокая, святая любовь!

В 1903 году, в бытность свою у нас, о. протоиерей Иоанн совершил закладку зимнего Троицкого храма при громадном стечении народа, так как в этом году здесь были учительские курсы, в коих принимали участие свыше 70 учительниц.

Грешно было бы умолчать об одном слишком большой важности событии, совершившемся по молитвам о. Иоанна на глазах целой деревни и известном всей окрестности, о котором в свое время все говорили и писали, а теперь, уже после кончины батюшки, упоминал в газетах случившийся в то время у нас в монастыре г-н М.П.Гольтисон. Это было также в 1903 году, еще в начале июня месяца. Во всей здешней местности появилась сибирская язва. Коровы и лошади падали ежедневно по нескольку голов. Со всех сторон были поставлены карантины, и я с ужасом помышляла о том, как выеду за батюшкой и как привезу его в обитель, ибо всем приезжавшим к нам на пароходе из более отдаленных местностей приходилось идти пешком все 10 верст от пристани до нас. В монастыре, собственно, скот не падал, не было никакой эпизоотии; но из него-то, окруженного карантинами, никуда нельзя было попасть иначе, как пешком. Наконец необходимо стало решить вопрос, т.е. или предупредить батюшку о невозможности посетить наше Леушино, или же, презрев опасность, подвергнуть эпизоотии весь наш скот, решиться ехать; и я, помолившись с верою, избрала последнее. Со всякими предосторожностями, ночью, во избежание дневного жара, на легком простом тарантасе в одну лошадку, я поехала на пристань. Версты за 2 до нее, на карантине, мы едва пробрались, и то лишь потому, что все знали, что в обители пока все благополучно. Едва проехали эту заставу, как на беду нам пересекают дорогу двое дрог, везущих павших лошадей для закопки их в отведенном месте. Ужас мой и опасение удвоились, и я почти уверена была, что должна лишиться своей лошадки. Кое-как, наконец, добрались до пристани и со всеми предосторожностями, опрыскав и окурив, убрали лошадь в конюшню. Утром я отправилась навстречу батюшке и еще на пароходе рассказала ему все. Выслушав меня молча, батюшка встал со своего места и стал ходить по трапу парохода и молиться. Через полчаса времени он снова сел подле меня и сказал: “Какое сокровище — молитва! Ею все можно выпросить от Господа, все получить, всякое благо, победить всякое искушение, всякую беду, всякое горе”. Я уже начинала смекать по

этим словам, что и наша беда — сибирская язва — победится его молитвами, что и высказала ему. Батюшка ответил: “Что же — *вся возможна верующим!*” (Мк. 9, 23).

Когда пароход подошел к пристани Борки, то на ней уже собралась не одна сотня домохозяев и хозяек, намеревавшихся просить батюшку помолиться об избавлении их от такого тяжелого наказания, как потеря скота. “Что мы будем делать без скотинки-то, кормилец? Ведь ни земли вспахать, ничего, хоть по миру иди! Уж и без того-то бедно, а тут еще такая беда”. — “За грехи ваши Господь попустил на вас такую беду; ведь вы Бога-то забываете. Вот, например, праздники нам даны, чтобы в церковь сходить, Богу помолиться, а вы пьянствуете; а уж при пьянстве чего хорошего, сами знаете!” — “Вестимо, батюшка-кормилец, чего уж в пьянстве хорошего, одно зло”. — “Так вы сознаетесь ли, друзья мои, что по грехам получаете возмездие?” — “Как не сознаться, кормилец! Помолись за нас, за грешных!” И все пали в ноги. Батюшка приказал принести ушат и тут же из реки почерпнуть воды. Совершив краткое водоосвящение, он сказал: “Возьмите каждый домохозяин себе этой воды, покропите ею скотинку и с Богом поезжайте, работайте; Господь помиловал вас”. Затем батюшка вышел на берег, где уже стояли наши лошади, которых он сам окропил, равно и привезшую меня на пристань лошадку, и мы безбоязненно поехали в обитель. В тот же день все мужички поехали куда кому было надо, все карантины были сняты, о язве осталось лишь одно воспоминание, соединенное с благоговейным удивлением к великому молитвеннику земли Русской. Хотя у нас в обители и не было падежа скота, но мы, тем не менее, просили батюшку окропить его и помолиться о сохранении его на общую пользу. И бесценный наш молитвенник, совершив водоосвящение, приказал проводить мимо него весь рогатый скот поодиночке, причем каждого отдельно окроплял святой водою, также и лошадей.

Вообще батюшка любил животных; в пример этому могу привести случай, коему и я и все бывшие на пароходе были очевидцами.

Однажды мы с батюшкой ехали на пароходе по Волге вверх, против течения, около 5 часов пополудни, в сенокосное время. Все были на трапе, где батюшка читал нам книгу, а мы окружали его, сидя кто на стульях, кто на скамьях, а кто и на полу. Прекратив чтение, батюшка обратился к бывшему тут же капитану парохода А.А.М. и сказал: “Пойдем, друг, помедленнее: чудный вечер, а аромат-то какой

от свежего сена — наслаждение!" Идя тихим ходом, мы подходили к большой, широко раскинувшейся по берегу Волги деревне, а на противоположном берегу находился покос, где еще убирали сено: иные метали стоги, иные накладывали его на воза, чтобы увезти через реку в деревню на пароме, стоявшем у того берега. Вдруг одна лошадь с огромным возом сена, скативши его на паром, не могла остановиться и ринулась прямо в воду, увлекая за собой и воз и державшего ее хозяина-крестьянина. На пароме произошел невообразимый переполох: и лошадь и сено были обречены на верную гибель. Крестьянин, бросив вожжи в реку, моментально сел в лодочку и направился по течению, куда должно было нести и лошадь с возом. Наш пароход совсем остановился. В ужасе мы все смотрели на погибающее, как мы думали, животное. Но что же вышло? Батюшка, стоявший у самого борта на трапе, все время крестился, молился, произнося вслух: "Господи, пощади создание Твое, ни в чем неповинную лошадку! Господи, Ты создал ее на службу человеку, не погуби, пощади, всеблагий Творец!" Он часто изображал крестное знамение в воздухе по направлению к лошади, которая плыла с возом, как будто шла по дну. Когда она доплыла до самой середины реки, где было очень глубоко, — просто сердце замерло, глядя на нее: вот-вот, думалось, скроется под водой, но она продолжала плыть и вот уже была недалеко от другого берега. Крестьянин, плывший за нею в лодке, тоже подплывал к берегу; он подобрал волочившиеся по воде вожжи, опередил лошадь и помог ей поднять воз на берег. Из селения прибежали другие мужички и общими силами стали помогать потерпевшему. Сначала выпрягли лошадь, и она, почувствовав себя вне опасности, стала отряхиваться, кататься, т.е. валяться по траве, и потом бодро встала на ноги. Сено подмокло, но и то не до самого верха, хотя нам и казалось, что уже только верхушка его не в воде. Так как это было у всех на глазах и все видели, как о. Иоанн молился о спасении животного, то много народа собралось на берегу, во главе с хозяином лошади, чтобы благодарить дорогого молитвенника и общего отца-печальника, но он, избегая этого, тотчас же приказал капитану парохода идти дальше.

Много, весьма много назидательного и отрадного удостоил меня Господь видеть и слышать во время моего пребывания с о. Иоанном. Он имел удивительный навык и самомалейшие случаи, по-видимому и незаметные, заурядные, не стоящие и внимания, обращать в полез-

ное назидание окружающим. Вот пример. Все мы однажды были с ним на трапе парохода, где, по обыкновению, батюшка нам читал. Окончив чтение, он сидел молча, приказав лишь убрать столик, на котором лежали книги. Был сильный ветер; опасаясь, чтобы он не смахнул книги в реку, я стала собирать книги, чтобы снести их в каюту. Батюшка, пристально смотревший на пол, окликнул меня и говорит: "Матушка, смотри, как бьется бедная муха! Видишь, вот, вот она! Пришибло ее, бедную, к полу, не может подняться, а все-таки не теряет надежды, борется с ветром: он ее относит назад, а она опять ползет, экая ведь умница! Вот так и враг-диавол борет душу, относит ее, как вихрь, от пути спасительного, коим она идет, а она борется, не уступает ему. Вот и муха нас учит, урок нам дает".

Бывало, любуется на закат солнца в ясный летний вечер и скажет: "Как дивен Творец в Своем творении! Смотри хотя бы на это солнышко, какая дивная красота! А если творение так величественно, то что же Сам Творец, каков Он-тò!"

Да и не счесть таких и подобных бесед и отрывочных фраз батюшки, которыми он услаждал дух своих спутников.

О том, сколько на глазах наших совершилось исцелений, поразительных, разнообразных, я не стану описывать, потому что они и бесчисленны и всем известны; но не менее достойно предать памяти и случаи, говорящие о его проницательности и предвидении и вообще о близости его к миру духовному. Он во время своей тайной молитвы как бы созерцал Бога пред очами и беседовал с Ним, как с близким себе существом. Он как бы вопрошал Бога и получал от Него извещения. Пример сего могу привести следующий.

Однажды батюшка сидел на трапе парохода один, читая свое дорожное маленькое Евангелие, которое держал в руках. Я тоже была на трапе, но далеко от него. Вдруг батюшка, увидев меня, сделал знак рукою, чтобы я подошла к нему, что, конечно, я охотно исполнила. "Послушай, матушка, — обратился он ко мне, усаживая меня подле себя, — какой неправильный перевод: *Аз рех во изступлении моем* (Пс. 115, 2). Переведено — "я сказал в безумии моем". Ведь это совсем не то? Я ответила, что надлежало перевести: "Я сказал в восхищении, в восторге чувств", с чем и дальнейшие слова согласуются: *что воздам Господеви о всех, яже воздаде ми.* Батюшка одобрил мои слова и, опустив книжечку, сидел молча. Пользуясь его спокойным настроением и свободными минутами, я решилась высказать ему свои

тревожные мысли о загробной участи моей матери, которая, будучи вполне религиозной христианкой, в то же время сильно противилась моему уходу в монастырь и не хотела дать мне на это своего благословения. Меня тревожила мысль: не вменит ли ей Господь во грех это ее упорство? И вот я, в описанную минуту, спросила о сем батюшку. Он сказал мне: “Молись за нее” — и, продолжая сидеть неподвижно с Евангелием в руках, сосредоточенно смотрел куда-то вдаль. Я уже более не повторяла вопроса, и мы сидели с ним молча около четверти часа. Вдруг батюшка, обернувшись ко мне, произнес твердо: “Она помилована!” Я никак не дерзала понять эти слова, как ответ на мой вопрос, считая его уже оконченным, и, в недоумении взглянув на батюшку, спросила: “Кто помилована! О ком вы это сказали?” — “Да ты о ком спрашивала меня? О своей матери? — возразил он. — Ну, так вот я и говорю тебе, что она помилована.” — “Батюшка, дорогой, — продолжала я, — вы говорите как получивший извещение свыше”. — “А то как же иначе? Ведь о подобных вещах нельзя говорить без извещения — этим не шутят”.

Могу привести примеры не только проницательности батюшки, но и того, что он именем Божиим властно запрещал бесам, козни которых он, очевидно, видел; приведу лишь немногие из них. Однажды мне довелось ехать с батюшкой по Балтийской ж.д. только вдвоем с ним, в отдельном купе. Мне хотелось поговорить с ним наедине о каком-то нужном деле. Началась беседа сердечная, духовная, откровенная. Вдруг батюшка порывисто, быстро поднялся на ноги (не отходя от места, где сидел) и, подняв правую руку вверх, потряс ею в воздухе, как бы грозя кому-то, и, устремив взор вдаль прямо (не в сторону), громко произнес: “Да запретит вам Господь Бог!” Сказав эти слова, он перекрестился, сел на свое место и с обычной своей кроткой улыбкой посмотрел на меня и, положив свою руку на мое плечо, произнес: “Что, матушка, ты не испугалась ли?” — “Испугалась, батюшка, — отвечала я, — но я сразу же поняла, что вы запрещали бесам; неужели вы их видите?” — “Да, матушка, да! Но что об этом говорить? Лучше продолжим нашу сладкую беседу”. Таким образом, в этой беседе мы доехали до Ораниенбаума; батюшка направился на пароход, идущий в Кронштадт, а я с тем же поездом, не выходя из вагона, вернулась в Петербург, утешенная и ободренная беседою с великим человеком, имеющим власть на *духов злобы поднебесных* (ср.: Еф. 6, 12).

Второй, подобный сему, случай могу привести следующий. В день храмового нашей подворской церкви праздника св. апостола Иоанна Богослова всегда служил у нас батюшка; для этого он приезжал накануне ко всеношной, выходил на величание, сам читал акафист и канон. Затем оставался у нас ночевать и в самый праздник совершал соборне с другими священниками позднюю Литургию в 10 часов. Вставал он всегда рано, иногда часа в 4 или 5, писал проповедь или свои заметки, а часов около 7—8 ехал освежиться на воздухе, причем брал всегда с собою меня. Ездили мы обычно на острова, где поутру бывает всегда пусто, уединенно, что при чистом свежем воздухе действительно составляло отдых и отраду пастырю, окруженному в течение целого дня людьми и суетою. Эти часы батюшка употреблял для тайной созерцательной молитвы, и я, зная это, никогда не нарушала ее никакими разговорами, кроме тех случаев, когда он сам заговорит со мною. Однажды ехали мы по Николаевскому мосту, откуда заранее кучеру приказано было повернуть по набережной налево. Когда карета наша поравнялась с часовней на мосту, мимо, вдоль набережной, с левой стороны, везли покойника; дроги с гробом везла одна лошадь, а провожающих было не более 8 или 10 человек, почему каждый из них был ясно видим. Батюшка вдруг изменился в лице: он пристально глядел на погребальное шествие, и так как оно шло по набережной параллельно с нашей каретой с моей (левой) стороны, то ему приходилось наклоняться на мою сторону, причем я не могла не видеть перемены в лице его. Наконец шествие свернуло на 1-ю линию, а батюшка, несколько успокоившись, стал креститься. Потом, обращаясь ко мне, произнес: “Как страшно умирать пьяницам!” Предположив, что батюшка говорит о покойном потому, что узнал провожающих его гроб, я спросила: “А вы знаете его, батюшка?” Он ответил мне: “Так же, как и ты”. Все еще не понимая ничего, я пояснила ему свое предположение, прибавив, что я никого из провожающих не знаю. “И я тоже, — сказал он, — но вижу бесов, радующихся о погибели души пьяницы”.

Не могу умолчать о времени пребывания этого праведника у нас в обители в 1908 году. Это было уже последнее его посещение; он был уже очень слаб, почти ничего не мог кушать, мало разговаривал, все больше читал, уединялся, но служил ежедневно в соборном храме, который он всегда так хвалил и о котором говорил неоднократно, что ему легко в нем служить, о чем я уже упоминала. Пробыл он у

нас в обители 9 дней, и в день отъезда спросил меня: "Сколько дней я пробыл у вас, матушка?" Когда я ответила, то он продолжал: "Девятины справил по себе, уже больше не бывать мне у тебя. Спасибо тебе, спасибо за твое усердие, за любовь, за все!" Сестры провожали его, как и обычно, с пением и со слезами — всем было ясно, что бесценный светильник догорает. Когда мы с ним выехали из обители и, миновав деревню Леушино, свернули налево в поля, батюшка стал все оборачиваться назад и глядел на обитель. Предполагая, что он забыл что-нибудь или хочет сказать едущим позади нас, я спросила его об этом, но он отвечал: "Любуюсь еще раз на твою обитель: тихая, святая обитель! Да хранит ее Господь; поистине, с вами Бог!" Теперь эти чудные, отрадные слова служат нам великим, высоким утешением. С пристани Борки мы поехали на пароходе к Рыбинску и вниз по Волге на далекую Каму, куда приглашали батюшку. С нами было 5 сестер-певчих, которые по распоряжению батюшки отправляли на пароходе богослужения и в течение дня пели ему по его желанию. Это оставалось уже единственным утешением из обычного препровождения времени на пароходе. Накануне того дня, когда мы должны были расстаться с батюшкой, он попросил сестер-певчих пропеть все номера Херувимских песней, которые они знают. Таковых набралось очень много (так как ноты были с собою), и сестры, став подле батюшки, начали петь. Когда дошла очередь до Симоновской Херувимской, батюшка сказал: "Это моя любимая песнь, я сам ее пел еще будучи мальчиком", и попросил ее повторить. Затем попели по назначению же батюшки: "О Тебе радуется" и "Высшую небес". Батюшка во все время пения сидел в кресле у борта парохода, закутанный в теплую рясу, и, сидя, регентовал правой рукой своей и подпевал. Когда пропели "Высшую небес", он заметил: "Это хорошо, но уже новый напев, а я певал иначе", и он своим мелодичным, но уже старческим, дрожащим голосом пропел всю эту песнь до конца, т.е. "во еже спастися нам". Все прослезились, да и могло ли быть иначе? Пропев, батюшка встал и, обратясь к певчим, произнес: "Ну, дай Бог и нам всем спастися! Спасибо вам, сестры, за ваше прекрасное сладкопение, которым вы и всегда утешали меня". На следующий день мы с батюшкой расстались. Это было 6 июля 1908 года.

Заканчивая эти записи бесед моих с незабвенным батюшкой Иоанном, я считаю нелишним прибавить, что цель издания настоящих записей — единственно поделиться с верующими людьми этим духов-

ным сокровищем, так как и они могут почерпнуть из них немало назидательного. Я здесь открывала перед батюшкой свою душу, что не стеснилась передать и читателям; но ведь и они — люди, на земле живущие и тоже обложенные немощами, потому будут снисходительны и к моим недостаткам. Прошу верить всему здесь написанному, принимая во внимание, что у меня не могло быть никаких побуждений говорить неправду на усопшего, уже предстоящего лику Божию. Если бы я написала это при жизни его, то еще можно было бы заподозрить меня как сторонницу и почитательницу батюшки, но и это было бы несообразно с моими воззрениями, ибо я не могу не понимать важности данного вопроса, и в мои преклонные годы это было бы непростительно. Мне уже 70, я готовлюсь последовать за батюшкой в вечность.

О, дорогой батюшка! Как много утешал ты меня при жизни, услаждал мне горечь житейского моря! Но и по отшествии твоем немало сладких воспоминаний оставил ты мне.

Малый скит Пустынька, или Крестик, с церковью во имя Св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова

Название Пустынька, или Крестик, носит небольшой скиток с церковью Св. апостола Иоанна Богослова. Второе наименование его Крестик может показаться несоответствующим названию скита, но и самое происхождение его несколько необычно и тесно связано с именем досточтимого пастыря, о. протоиерея Иоанна Кронштадтского, для которого это было излюбленное местечко.

В 1892 году на обратном пути с родины он посетил нашу обитель 15 июня, предполагая погостить в ней несколько дней. Конечно, все пустынное гостеприимство обители было направлено к успокоению высокого гостя, но чем могла она выразить свое радушие? Между прочим, я предложила батюшке покататься по полям и лесам монастырским и благословить их, на что он охотно согласился. В то время обитель еще не имела рессорных экипажей, не держала и кучера, обязанность эту исполняла одна из сестер. Долго ехали мы по лесу и не заметили, как колесная дорога стала сокращаться, сменяясь одной лишь тропинкой для пешеходов. Сестра, правившая лошадью, обра-

тила на это наше внимание, сказав, что ехать дальше опасно — можно заехать в такую чащу, что нельзя будет поворота сделать, что и теперь, для того чтобы повернуть, нам придется сойти с тарантаса и подождать, пока она повернет, выбрав для сего более удобное место.

Мы тотчас же вышли, и батюшка сказал мне: “Поищем пока мы с тобой землянички”. На это я ответила: “Какая земляничка, батюшка, в такую пору! У нас она на Петров день редко поспевает, да еще в такой глуши: тут только сосны да мох”. Батюшка ничего не ответил, а сам наклонился, как бы ища чего на земле. Через несколько минут монахиня, повернув лошадь, подъехала к этому месту, а батюшка подошел ко мне с букетиком сорванной со стебельками земляники и, подавая его, улыбаясь, сказал: “Вот я и ягодок принес”. Я и глазам своим не поверила и, обратясь к монахине, сказала: “Надо заметить это место; неужели здесь так рано поспевает земляника?” Монахиня тоже выразила сомнение. Впрочем, место мы заметили, и я решила, как только приедем в монастырь, послать сюда сестер поискать земляники, что и было исполнено; но, конечно, никакой земляники по раннему времени и по характеру грунта земли не могли здесь найти. Тем не менее, место это стало предметом всеобщего внимания, даже все приходящие считали как бы обязанностью побывать на нем, что и заставило вместо вбитого колышка поставить крест. Отсюда и ведет свое начало наименование этого скита Крестик, так как вошло в употребление говорить: “Были у Крестика, пойдем ко Крестику”. Перед этим Крестиком нередко читались акафисты и каноны, особенно людьми, имевшими какую-либо скорбь, которые потом заявляли, что, помолившись там, находили облегчение. Никакая непогода, даже в зимнее время, не мешала желающим посещать это место. Это обстоятельство вынудило меня обратиться к бывшему тогда архиепископу Новгородскому Феогносту с просьбою разрешить поставить маленькую часовенку с кельей не для жительства там кого-либо, а часовню — для случайных посетителей, келью же — в качестве места отдыха для меня, утружденной начальственною суетой, где бы я могла предаться молитвенному средоточию и безмолвию среди лесной тишины. В 1893 году к приезду о. Иоанна были уже готовы часовня с кельей, куда досточтимый пастырь и уединялся для своих молитвенных подвигов, проводя иногда здесь большую часть дня.

В 1898 году архиепископ Феогност, обозревая Леушинскую обитель, посетил и эту часовенку. Вошед в келью, чуждую всякого, даже

скромного убранства, он сел в ней на простую деревянную скамью перед таким же некрашеным столом, глубоко вздохнул, и слезы заблестели на его глазах. Затем он произнес: “Матушка, какое у тебя здесь блаженство! Как легко вздохнулось здесь!” На это я отвечала, что и у него есть близ Новгорода мыза архиерейская, в которой он может уединяться. Но он возразил: “Ах, ты не знаешь: я — на дачу, а дела вперед уж меня туда прибежали”. Посидев несколько, он вдруг стал планировать: “Вот бы эти два окна превратить в арку да пристроить маленький алтарек — вот бы и церковка была, блаженство какое!” Не веря своим ушам от радости, ибо это было и моей заветной мечтой, я ответила ему: “Владыка святый! Уж очень бы это было хорошо! Да я не смела и просить об этом, ведь для церкви надобен священник. Штатному здесь нельзя быть, а заштатного старца вот и для скита с трудом подыскиваем”. На это Владыка сказал: “Зачем, зачем отдельного священника? Ведь в праздник ты всегда должна быть в монастырском храме с сестрами, а в будень, когда вздумаешь, может отслужить здесь и свободный священник из двух ваших. Если хочешь, подай прошение — я разрешу; начерти хоть сама маленький планчик этой часовни и как предполагаешь пристроить к ней алтарь. Я сам вижу все на месте и на этом основании могу разрешить”. Я не знала, как и благодарить Владыку, и поспешила исполнить предложенное. Это было в мае месяце. Когда в июле того же года по обычаю приехал о. Иоанн, я передала ему о результате посещения архиепископом Феогностом Пустыньки. Отец Иоанн перекрестился и несколько раз повторил: “Слава Тебе, Господи!” Когда я спросила у него, почему он ранее никогда не выражал своего желания, чтобы здесь была церковь, он ответил: “Я положился на Господа, да будет воля Его, а не моя; и вот Он Сам благоволит осуществить Свою Святую волю”.

Вот как возникла Пустынька с храмом во имя Св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова!

В том же году стали запасать лес и весь нужный материал для пристройки и других приспособлений, необходимых для церкви. Так как дело было несложное, пристройка небольшая, то к следующему июлю месяцу, ко времени прибытия о. Иоанна, храм был уже готов и с благословения архиепископа освящен о. Иоанном во имя св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Одна близкая моя знакомая, институтская подруга Елизавета Пасмурова поусердствовала сделать мраморный престол; она же, равно и другие знакомые и благодете-

ли, доставили для храма всю нужную утварь, так что ничем не пришлось обременять монастырь, равно как и на все расходы по пристройке не пришлось тратить монастырские средства, так как петербургская купчиха У. Сорокина пожертвовала на это 500 рублей.

По сие время Пустынька эта составляет излюбленное местечко всей обители и ее богомольцев, а теперь, со времени кончины о. Иоанна, она сделается еще дороже и приятнее для всех, ценивших этого великого и незабвенного пастыря. Церковь в ней маленькая, смежная с такой же небольшой комнатой, где стоят богомольцы в зимнее время; а летом они размещаются вокруг нее на открытом воздухе, где при открытых окнах прекрасно слышно все богослужение. Колокольни нет, да не имеется и колоколов, кроме одного 6-фунтового, за неимением средств.

Находится Пустынька с южной стороны от монастыря, на расстоянии около одной версты. Туда теперь проложена прекрасная дорога".

Воспоминания об отце Иоанне его духовных дочерей

В. Верховцева

В наше печальное время все понятия перепутались, трудно становится разобраться, где белое, а где черное, где высокое, где низменное. Бред сумасшедшего выдают за мысли здравомыслящего, и мир, кажется, при своем конце сходится со своим началом, вступая в тот же хаос, который существовал при его созидании. Число несчастных, страдающих растет не по дням, а по часам, и не только в смысле нужды голодной или холодной, такие никогда не переводились, но и при наиболее благоприятных условиях, в общепринятом понятии о счастье. Все наиболее утонченные изобретения культуры, прогресса, всякого удобства внешней жизни не помогают. Внутренний человек все более беднеет и слабеет...

Религия утратила свой вековечный, высокий смысл; всеми путями ее вытравили из души человеческой; в ее целебную, могущественную силу больше не верят; современные христиане, по ошибке себя за таковых выдающие, часто стыдятся себя осенить крестным знамением, боясь прослыть за людей некультурных, отрекаясь таким обра-

зом от единственного спасительного орудия — Креста; поучаясь мудрости житейской не в Церкви, а в театре, не в Евангелии, а в писаниях наших горе-мыслителей, прославленных не умением мудро жить, а только красиво говорить, забираются в беспросветный тупик жизни, из которого только и есть у них один выход — насильственная смерть. А между тем, в действительности, нет такой путаницы в жизни, из которой нельзя было бы выйти вполне очищенным, и нет такого грешника и преступника, который бы не мог себе вернуть уважения и доверия людей. Но путь их лежит через религию, только одна она и выводит запутавшуюся душу из самых сложных преступных падений, лишь бы душа эта не угасила в себе веры и упования, лишь бы среди наслоившейся грязи и нечистоты мерцал, еще вспыхивая хотя бы и последними уже вспышками, тот огонь, который Христос, по Его собственным словам, пришел возжечь. Встречаются люди по виду безупречные, целомудренные, гуманные, отвечающие требованиям самой строгой морали, но опытный духовно глаз видит, что у этих людей, безупречных с внешней стороны, внутри давно уже все безнадежно мертво; вулкан души их потух, и постепенными разрушениями или внезапным стихийным бедствием человек этот выбрасывается за борт жизни, тогда как наряду с подобным случаем последний из последних нравственных отбросов возрождается к новой жизни, являя иногда облик высокой нравственной красоты. Такие примеры служат камнем преткновения для многих, камнем соблазна. Тайна единения души человеческой с Богом не открыта их опыту; их возмущает, что идеальный человек погибает, а негодяй продолжает жить; они не ведают разницы в суде человеческом и Божеском. Внутреннего человека видит и ценит только Око Божие, и только одно Оно и может правильно и безошибочно определить достоинство, качество и жизнеспособность души. Бывает необходимо иногда и “безгрешного” остановить в его пути, и грешнику предоставить себя сквернить до времени. Одному Богу ведомо, ибо Ему все души одинаково дороги, — лицеприятия Он не ведает. На спасение всякой души пошлет Господь Свою помощь, и восстановит она в себе Тот светлый образ и подобие, по которому она создана и который в себе ежечасно сквернила, не ведая, что творит, лишь бы не потухла в ней искра священного пламени — этого исключительного дара Неба человеку. Обратный путь грешника тяжел. Своих пленников князь мира сего дешево не отпускает; дорогой выкуп требует он с тех, кто пожелает

освободить себя от его ига. Без Божией помощи нечего и думать совершить этот обратный путь. Горе тем, кто на свои силы понадеется и не призовет своевременно Бога, он падет в еще худшее и уже безвозвратное рабство.

Без Бога в сердце человек жить не может; он может лишь временно прозябать на земле. Бог — солнце души. И как тело, удаленное от влияния солнечных лучей, увядает, теряет гибкость, красоту и даже гноится, так и душа вдали от Бога, духовного солнца своего, гибнет. Физический закон мы знаем, нас научили понимать, что на земле без солнца жизнь должна прекратиться. Законами же духа мало кто интересуется, а то знали бы, что с утратой духовного солнца человек или умирает, или приобретает звериный образ.

Современная эпидемия самоубийства, самоистребления, чудовищных преступлений как нельзя более свидетельствует о том, что невещественное наше Солнце скрывает от нас Свои лучи и что мир погружается во мрак.

Лично моя жизнь была одною из тех, которым люди завидуют. Высокое общественное положение, большие средства, почет, уважение, вечные праздники и удовольствия — все, казалось бы, способствовало тому, чтобы назвать себя счастливой, а между тем червь неудовлетворенности и безысходной тоски разъедал мою душу. С раннего детства, оставшись круглой сиротой, я познала цену всей этой светской мишуре, а также дружбе людей, их любви; я слишком рано во всех и во всем изверилась. Я знала, что до меня лично и до внутреннего моего мира, как бы ни был богат он содержанием, никому в сущности дела нет, что пока я молода, интересна — нужна, к моим слабостям будут снисходительны, выгоды ради им станут даже потакать, но как только я потеряю общественное значение или личный интерес, вряд ли кто из вчерашних друзей останется на высоте своих уверений и обещаний. Зная цену чувствам людей, я глубоко их презирала, а не умея любить и прощать, почувствовала себя вскоре безнадежно одинокой среди мира, тоска все злее терзала сердце, а тучи над головой сгущались. Я начала метаться в поисках выхода, и вскоре последнее, единственно святое, дорогое — дети — утратили значение и интерес. Из всех признаков то был наиболее зловещий. Доктора определяли черную меланхолию, а профессор психиатр Корсаков решительно предсказал паралич или нервное помешательство. Тогда я вспомнила о Боге. К большому моему счастью, мать моя была

глубоко верующей женщиной, и обрывки ее наставлений, ее примера мелькали иногда в воспоминаниях моих, и хотя все последующие впечатления, полученные от учебного заведения и личной жизни, носили характер чего-то только формального и казенного, посеянное семя не заглохло. Много слышать приходится нападок на форму, говорят о ее вреде, неосмысленности. Это ошибочно. В любую минуту она может заполниться, одухотвориться, но утративший и форму теряет уже все.

Так было и со мной. Я сохранила форму преемственно с детских лет, но за отсутствием в ней содержимого она не питала моего духа и не согревала. Около пяти лет я не причащалась Святых Таин, соблазняясь несовершенством и недостатками нашего духовенства; много вредила мне и литература Толстого, которым одно время увлекалась. Не будучи духовно образованной, духовно развитой, я не умела отделять форму от сущности, я не постигала силы и могущества таинства в самой себе, я не могла тогда понять, что недостойный священник вредит лишь самому себе, что люди, в простоте сердца ищущие его благословения, идущие к нему на исповедь, получают по вере своей непосредственно все от Самого Бога через таинство Священства, врученное пастырям. Духовное благополучие этих верующих не зависит от недостатка лиц, не умеющих носить и уважать своего священного сана. Чего бы стоила религия, могла ли бы она существовать на протяжении веков, если бы ее таинственная сила и могущество были в зависимости от совершенства или несовершенства приставленных к ней слуг. Им дана власть быть лишь свидетелями, проводниками или охранителями этой величайшей святыни, ведать ее формальной, чисто внешней, неизбежно необходимой стороной, но самая сила ее — таинственная, всегда живая, от глаз людских скрытая, открывается людям лишь по мере их духовного роста, духовно-умственного развития; нельзя ведь постичь высшей математики без должной подготовки, так нельзя постичь и религии и ее силы без внимательного ее изучении и усвоения.

Печально бывает наблюдать, что люди, носящие духовную одежду, не умеют уберечь ее чистоты, эксплуатируют, профанируют ее, — тем хуже для них; не менее печально видеть и в других земных учреждениях небрежное отношение к своим обязанностям судей, докторов, адвокатов; а если принять во внимание степень интеллигентности, высокое образование последних и зачастую крайнее убоже-

ство первых, то будет ли справедливым предъявленное к ним требование всегда стоять на высоте и твердой рукой держать свое могущественное "знамя". Отчего, видя измену идеям правды, добра, гуманности в правосудии, медицине, адвокатуре, продолжают верить и идеям этим, и носителям, и представителям этих идей; отчего же, видя немощных монахов, священников, перестают верить идее религии и Богу. Где логика? Где последовательность?

Несовершенство духовенства, столь критикуемая внешняя обрядовая сторона религии служат лишь придиркой, самооправданием, внутренней ложью нападающих. Религия, Бог, духовная жизнь требуют подвигов самообуздания, борьбы с собой; вот что не нравится, что тяжело и ненавистно нам; мы жаждем свободы для своих прихотей и страстей, мы ненавидим все, что так или иначе напоминает нам об ответе, что вызывает в памяти страшный призрак Суда Божия над ними, так называемыми христианами. Но не по плечу, малым и ничтожным, это высокое "звание", мы умышленно грязним его, позорим и думаем, что, заплевывая его, уничижая, сокрушим Его величие и могущество. Но этого нам не удастся, даже если мы самих себя в зверей обратим, по призыву апостолов новой формации, все это не помешает Богу создать новых людей, обновить старую, износившуюся в грехах и преступлениях людских землю. Мой личный опыт умудрил меня и открыл внутреннему взору спасительные горизонты.

Так вот, вспомнив о религии, я решила принять Святые Тайны, и началось тогда мое внутреннее мучение в выборе духовника.

Все казались мне недостойными этого моего доверия. В своем самомнении и гордости я хотя и не считала себя праведницей, но все же была уверена, что на мой призыв Господь должен будет послать Своего светлейшего ангела, который бережно и нежно станет утешать мою скорбящую душу. Но в Своей правде Господь рассудил иначе и послал мне духовника, вполне мной заслуженного.

Случайно ли, или чудесно, однажды, когда я даже в молитве просила Бога указать мне достойного священника, я увидели во сне духовника своей матери, о котором никогда не вспоминала.

Воскресли картины забытого детства, и памяти моей предстала фигура молодого серьезного священника с красивым лицом, каштановыми кудрями по плечам; какой-то очень большой храм, и я, маленькая семилетняя девочка, у первой исповеди и причастия, более или менее сознательного. Очень страшно было, особенно когда стро-

гий священник не позволил даже сидеть в церкви: “Кающиеся грешники на коленях должны стоять, а не сидеть”, — выслал он мне сказать из алтаря. Все это вспомнила я, кроме имени и фамилии.

Заволновалась страшно, понимая, что сон этот был вещим. В старых молитвенниках и книгах моей матери нашла я наконец и имя заветное.

В тот же день телеграммой снеслась с дружески знакомым мне губернатором города Т., где протекало мое почти забытое детство; узнала, что интересующий меня священник жив, и в ту же ночь мчалась по направлению к Т., окрыленная какой-то внутренней надеждой. Не отдыхая, отправилась отыскивать чудом воскресшего в памяти человека и нашла его в стенах гимназии, где он законоучительствовал. Вышел ко мне высокого роста очень худой священник, со следами былой красоты, но теперь уже седой старик. Мое появление его разволновало.

“Дочь Надежды Федоровны, — очень помню, чем могу служить вам?” — “Да вот хочу у вас поговеть, исповедаться”.

“Пожалуйста, ко мне на дом в пять часов. Теперь я занят”, — сказал он, прощаясь. В указанное время я звонила у парадного входа, и дверь мне открыл сам батюшка; в руках у него была карточка моей матери, и он, вводя меня в свой кабинет и указывая на эту карточку, сказал: “Бог, мать ваша и я — мы вас слушаем!” Боже мой, что сделалось со мной! От охватившего меня волнения я утратила способность видеть, наблюдать, соображать; как сноп подкошенный, упала я к ногам его, положила голову на колени его, выплакала и высказала всю душу свою.

То была исповедь всей жизни моей; как на ладони представилась она мне, жалкая, одинокая, какая-то темная; все, что обмануло меня, чему изменила я, — все это представилось открывшемуся внутреннему взору моему в новом освещении, в новой оценке; помню, с какой горячей искренностью обнажала я всю свою изболевшую, исстрадавшуюся душу пред темным ликом Христа, глядевшего на меня из угла.., и ничего, в сущности, кроме этого взора, я не видела.

Когда я окончила свою исповедь и обернулась в сторону священника, сидевшего в кресле спиной к свету, то увидела его спящим со страшным красным лицом, и вся поза его изобличала совершенно пьяного человека... Меня он не слушал, да и ему ли я открывала душу свою? Он был свидетелем, изменившим долгу своему, клятве своей,

недостойным слугой невидимого Господа, я же исповедовалась Богу, и слушал меня Бог!

Если бы тогда я имела свой теперешний опыт и знание, я бы не смутилась представшим моему взору зрелищем, я бы, вероятно, с колен встала здоровой, оправданной; но тогда... я зашаталась на ногах, и не понимаю, как не сошла с ума от столь неожиданного, так безгранично меня потрясшего впечатления. Да полно! И вправду существует ли Бог, а если существует, то, вероятно, подобно людям, издевается над доверившейся Ему душой... Да! Он существует! Только сила благодати Его, неисповедимый Его Промысл и охранил эту, Ему одному дорогую душу, а если бы не так, то земная мудрость профессора Корсакова должна была бы восторжествовать. Более удобный случай для помешательства вряд ли и мог еще представиться... Впечатлительная, измученная жизнью, обессиленная страшной болезнью души, могла ли без Божией помощи выдержать я такое ошеломляющее впечатление? Где логика, смысл, могла ли речь зайти, казалось, о Промысле и Премудрости Божией: так должен был путаться среди неразрешимых догадок гордый и вместе такой бессильный человеческий ум, а между тем и смысл глубокий, логика и значение той минуты уяснились впоследствии; теперь же она была роковая.

От резкого моего движения очнулся батюшка и заплетающимся языком велел приехать исповедаться (?) в пять часов утра в церковь, к ранней обедне.

Не знаю я, как одолела мой внутренний хаос благодать Божия, но к пяти утра я уже была в церкви. Хотела ли я видеть и знать, чем все это кончится, а может быть, просто от полученной встряски у меня утратилась способность соображать — не знаю.

Войдя в церковь, увидела я своего духовника едва державшимся на ногах, сторожа его поддерживали, он, видимо, был в полном изнеможении. “Сердечные припадки у меня, я умираю”, — сказал он, здороваясь со мной. Обедню служил другой, наемный священник, у которого я и причащалась, а по окончании службы помчалась навестить больного батюшку. Жена его сказала, что доктора опасаются за его жизнь, и что это встреча со мной так его разволновала, и что вряд ли даже он выживет. Душа моя до того изнемогла от переживаемых ощущений, что я перестала понимать совершающееся. “Может, он и пьян не был, это я его оклеветала, больного от пьяного не могла отличить”, — проносилось бессвязными отрывками в моих мыслях;

виной всему моя подозрительность, мое недоверие, мое злое к людям отношение.

С этой новой мукой в сердце вернулась я в Москву, поручив надежному доброму другу разузнать всю подноготную о батюшке и мне сообщить. Письмо не замедлило: "Трудно найти священника хуже, — писал мой знакомый, — не стоило по белу свету разыскивать, такого, верно, и в Москве бы нашли. Никогда трезв не бывает, а пьяный творит всякие непотребства".

Мысль, что я сама-то не стоила лучшего священника, мне тогда в голову не приходила; к себе я была снисходительна, а к нему требовательна, себе я прощала свою греховную нечистоту, а от него требовала кристальной чистоты. Впоследствии обнаружилось, что его ужасная душевная нечистоплотность не мешала прихожанам любить в нем доброго, хорошего человека, не мешала и ему всех любить, много добра делать, тогда как я, сохраняя внешний вид опрятным и изящным, скрывая в клочья изодранные покровы души своей, опустошив эту душу, расточив все ее сокровища и богатства, не простила батюшке слабому его болезни, оклеветала Бога в жестокости и немилосердии и посылала Небу хулу и ропот.

После этого случая здоровье мое пошло совсем на убыль. Доктора послали за границу, оттуда отправили обратно, находя положение безнадежным. Становилось очевидным, что медицинская помощь оказывалась несостоятельной. Учебные интересы детей потребовали моего переезда в Петербург, и здесь уже моя болезнь приняла колоссальные размеры. Еще молодая по возрасту, я совсем состарилась, поседела, и становилось ясно всем, что катастрофа надвигается. Страдания моей души возросли до апогея. Я не могла сидеть дома, мне казалось, что потолок должен рухнуть и меня задавит, я бросалась на улицу и там пугалась чего-то, на меня надвигавшегося. Я видела вокруг себя как бы вздымавшиеся волны, среди которых бедственно погибали мои дети, а к семи часам вечера я теряла способность двигаться, меня охватывала неудержимая мучительная дрожь, и я вполне ясно сознавала, что на меня надвигается извне какая-то сила, которая неминуемо меня уничтожит и раздавит, и что мое внутреннее бессилие не может этому противостоять. Люди духовного опыта знают, что такая болезнь не что иное, как "одержание", или приражение злой силы, победить которую может только Господь. В это время кто-то из близких посоветовал обратиться к отцу Иоанну Крон-

штадтскому, известному своей молитвенной силой. Много чудесного о нем рассказывали, и мне указаны были близкие ему два лица, могущие по моей просьбе его привести. Обе эти личности, повидав меня, впоследствии сознались, что не решались даже привести ко мне батюшку, боялись с моей стороны каких-либо безумных выходок.

Об отце Иоанне я знала давно; в моей семье даже заочная его молитва подняла с постели к смерти приговоренного ребенка, страдавшего безнадежной формой дифтерита. "Если врачи бессильны, — сказала я в порыве безысходного горя, — то силен Бог помочь, и Он мне вернет мое дитя". Была послана срочная телеграмма о. Иоанну с слезной мольбой о спасении, и ребенок был спасен вопреки приговору врачей. Воспоминание об этом случае и благодарность к лично мне незнакомому молитвеннику не угасла в моем сердце, и я остаток веры и упования вложила в возможность и для себя от него получить облегчение. "Если откажется батюшка приехать, значит, проклята я Богом, больше спасения нет, и я должна тогда уже насильственно прервать свое мучительное существование". Огонь веры и надежды все еще не потухал. Два раза тщетно мы прождали в назначенные дни батюшку: он не приехал; настал третий, в моем внутреннем решении — последний. Если не приедет — ждать нечего, все кончено. За полчаса до назначенного срока явилась сконфуженная И.О. и объявила, что неожиданно вызвали батюшку к очень высокопоставленному лицу и что, кроме того, ему спешно надо вернуться в Кронштадт. Прочла ли она нечто очень зловещее в лице моем, но только, стремительно обняв меня, она стала уверять, что следующий раз уж непременно батюшка заедет.

"Будет уже поздно", — ответила я, но мои слова были прерваны звонком из швейцарской и возгласом швейцара: "Отец Иоанн Кронштадтский..."

Помню, что кубарем слетела я с лестницы и, упав к ногам входившего в прихожую батюшки, кричала, задыхаясь: "Не сто́ю, я не сто́ю, чтобы вы перешагнули порог жилища моего".

"За такое смирение и веру — все хорошо будет", — раздался его звонкий, светлый, ласковый голос.

Потеряла ли я затем сознание или притупилось оно во мне, но дальше я уже себя помню лежащей около молящегося перед образами на коленях батюшки, ни слов его, ни молитвы — ничего не помню, кро-

ме внутреннего своего вопля к Богу: "Спаси, спаси, ведь я же все-таки создание твое".

С колен я поднялась совершенно здоровой и вполне ясно ощутила, как что-то вошло в меня благодатное, светлое, святое...

"В пятницу 26-го вы у меня причаститесь в Леушинском подворье, в день Иоанна Богослова — апостола любви и веры, — сказал, прощаясь со мной, батюшка. — Приготовьтесь". А это случилось 21 сентября 1899 года.

О вечно памятный, счастливый день!

Возвращаясь иногда к прошедшей своей жизни, перебирая в памяти своей отжитое, понимаю: только этот один день и светит, его бы только и хотела вернуть.

На другой день проснулась я обновленной и возрожденной, сама на себя дивясь. Я ли это? Ни страха, ни тоски, ни смятения, ни страдания — все исчезло при свете одного только луча Божия милосердия к грешнику. Я стала радостно готовиться к великому дню. Накануне 26-го по приказанию батюшки я пошла на исповедь к его племяннику о. Иоанну Орнатскому. Если моя исповедь в городе Т. была огромного значения как подведенный итог жизни, как оценка самой себя, то эта, вторая исповедь совершенно отделила прошедшее от будущего, вырыла непроходимую между ними пропасть. Я себя беспощадно осудила, обнаружила все язвы своей души, отреклась от себя и предала себя Промыслу Божию, Его спасительному обо мне попечению. Я Ему волю свою вручила! Господи! Вот какая я, смотри на меня, хуже и найти нельзя, но в Твоей власти меня очистить, возродить, сделать из грязной и черной светлую и прозрачную.

Я поверила Богу, а Он никого не обманет!

Тяжел путь возрождения; прошедшие его знают, что весь он залит слезами покаяния, кровью сердечной молитвы; но только один он может вывести душу из рабства греху, внутреннего бессилья — к свободе и свету. Блаженны, стократ блаженны те, кто с начала жизни идут путем заповедей Божиих, их души не коснется подобная мука. После причастия я подошла ко кресту. Пристально вгляделся в меня батюшка, мне одной дал три раза поцеловать крест с каким-то особенно проникновенным взором. "Хорошо теперь тебе, голубушка моя. Ну вот и береги теперь душу свою". Я получила такое впечатление тогда, будто он какую-то печать на меня наложил, и что много крестов придется поднять по его благословению. Так, воистину, и случи-

лось. Князь мира сего за временное пользование его благами берет Шейлока. Дешево не откупишься! Либо ему служи, либо расплачивайся. Я сознательно предпочла расплатиться, и не прошло и года, как, будто из рога изобилия, посыпались на меня всевозможные бедствия.

Умер внезапно муж, с его смертью утратилось все внешнее благополучие, исчезли мнимые друзья, на бирже благодаря крушению дел Алчевского лопнуло большое состояние, дела запутались в такой мере, что после роскошной жизни стало грозить нищенское существование. Учебные годы подрастающих детей совпали с годами революционного движения и были чреваты крупными недоразумениями и даже опасностью для их жизни, и, наконец, стряслось самое величайшее горе: погиб сын мой, юноша 19 лет, в страшном Цусимском бою, и я целый год не могла узнать об его участи.

Избалованная комфортом жизни, едва окрепшая от перенесенной болезни, во всем неопытная, кто бы мог поверить из прежде меня знавших, как стойко, мужественно перенесла я все эти невзгоды, сама и от всего защитила всецело на моем попечении оставшихся детей. С Богом все возможно, а дорогой отец Иоанн поддерживал, ободрял и укреплял меня все время силой своего духа. Так, незадолго до смерти мужа он настойчиво требовал, чтобы я купила имение, даже и губернию сам указал. “Дольше проживешь и счастливее будешь”, — говорил он, и для большего поощрения обещал сам приехать на новоселье. Всегда ему послушная, я вопреки видимым невозможностям имение купила, и только это и помогло нам впоследствии выйти сравнительно благополучно из всех осложнений и бедствий и сохранить телесное и душевное здоровье детей. Исполнил он и обещание свое, приехал освятить нашу покупку, и его благословение принесло плоды воистину чудесные не только мне лично, но и храму нашему, округе всей.

По мере того как расширялось мое внутренне духовное благосостояние, крепла и кристаллизовалась моя душа, все внешнее, материальное суживалось; иногда мне казалось, что мир меня вытесняет, выбрасывает из своей среды, уж очень все сузилось вокруг меня. Внутренняя свобода еще не наступила, но путь к ней уже определялся.

Вскоре после моего возрождения и знакомства с батюшкой, еще задолго до смерти мужа, как-то неожиданно для меня самой воскрес-

ла в памяти фигура немощного священника из Т. “Вот бы свесть его с батюшкой, — пришло мне на ум, — авось и его исцелит Господь за праведные молитвы своего слуги. Может, только для этого и скрестились на мгновенье пути наши”. Мысли эти все чаще и неотступнее меня преследовали, и я наконец решилась написать без всяких обиняков. “Вы свет мира и соль земли, — писала я, — а как-то светите Вы? В какой соблазн вводите Вашу паству, оскорбляя Бога, пренебрегая интересами вверенного Вам стада; приезжайте непременно, доверьте Вашу немощную душу батюшке о. Иоанну, за его молитвы исцелеете”. “Не могу обращаться к другим в деле, где сам себе помочь должен”, — ответил он.

Но я не унималась; внутренний голос убеждал меня настаивать, и я снова написала и назначила даже день приезда, что служить он будет совместно с батюшкой, которого уже просила усердно молиться о погибающей его душе. И когда наступил день, мною назначенный для его приезда, я впала в безграничное волнение. Конечно, мне не приходила в голову мысль, как много беру я на себя в стремлении спасать других, сама еще едва окрепшая; не знала я тогда, как мстит враг за подобные подвиги, да оно и лучше, что не знала, не удалось бы тогда, быть может, это святое дело до конца довесть.

Много лет спустя, имея уже духовный опыт, я оценила мудрый совет одного старика иеромонаха: “Не дразните врага, — советовал он, — лучше пусть поменьше он вас замечает; не выдержать вам борьбы с ним, не только доброго поступка, и молитвы-то горячей он не прощает”. Воистину, правду говорил монах этот, и если при помощи Божией, и приходится что-либо брать на себя, то уже сознательно и заранее надо готовиться к его мести. Но тогда я шла напролом, вверяя себя защите Бога.

Прошло все утро в ожидании тщетном, и я разочарованная ушла из дома по делам. Каков же был мой восторг, когда по возвращении узнала от швейцара, что приезжий священник меня ждет. На крыльях радости влетела я в квартиру.

Навстречу мне поднялась знакомая фигура о. Сергия, но до того зловещая, мрачная, что от страха сжалось сердце мое.

“Ну вот я приехал, сам не знаю зачем”, — начал он, не здороваясь и не благословляя.

“Ну и слава Богу, — воскликнула я, — сейчас поедем разыскивать о. Иоанна”.

“Да нет, не надо, — перебил он меня, — чего спешить, может, и не стоит никого тревожить, и так обойдется дело. А все же странные вещи случились с тех пор, как получил я ваше письмо. Прежде всего, то была первая ночь за 25 лет, что я заснул и не просыпался, а то и не поверите, какая мука. Проснешься с двух часов ночи и тянет пить, а я уж как ни грешен, а пьяный не служил, не оскорблял хоть этим Бога. Бывало, едва уж и службу дотягиваю и начинаю-то что ни есть раньше, либо за себя найму, а пьяный никогда не служил, а тут утром трезвый встал, прямо самому себе на удивленье. А затем думаю: как же ехать, денег нет даже ни копейки лишней. Взмолилась тут жена, говорит: “Достанем!” Нет, говорю, в долги не полезу, а сам рад, что помеха нашлась. Да вдруг, откуда ни возьмись, пришли жене деньги после покойного митрополита Московского — 200 рублей; он ей был родственник, отговорки и нет. Смотрю — на счастье новая помеха. Юбилей 200-летний город справляет, меня архиерей как заслуженного протоиерея назначает в сослужение. Вот, думаю, и не пустят, опять слава Богу! А все для очистки совести пошел проситься. “Хочу, мол, в Кронштадт ехать, такого-то числа служить буду с о. Иоанном”, а сам внутри себя посмеиваюсь: “Как же, пустит тебя!” А архиерей-то был почитателем батюшки. А тут уж и последнее чудо совершилось. “Такого счастья вас лишать, — сказал он, — поезжайте с Богом, да за меня, грешного, вместе с ним помолитесь”. Меня обыкновенно всегда провожают, один я ездить не могу, непременно напьюсь, ну и берегли от сраму-то, а тут некому было провожать, да и дорога стала бы в два раза дороже, вот и пустили меня на волю Божию. И что ж? Доехал, хоть бы единую... за дорогу-то выпил, но уж дольше, пожалуй, не стерпеть. Я ведь пью много, — понизил он голос до шепота, и лицо его стало ужасным, — мне ведь и бочки мало!”

Я почувствовала, как дрожь меня всю охватила. “Тогда, помнишь, ты-то была, сказали, больной... Пьяный был, замертво пьяный, а не больной; а напьюсь — не помню, что и делаю; низко я, очень низко пал!”

“Да знаешь ли, — вскрикнул он вдруг, до боли сжимая мне руку, и глаза его точно кровью налились, — случалось и заболевать, чувствую, что околеваю, ну и что ж? За попом, что ли, посылать, над Богом смеяться; каяться, чтобы завтра сызнова начать? Нет, думаешь, собаке собачья и смерть”.

Больше я уж не в силах была выдерживать этой страшной исповеди. Мою всю внутренность трясло, зубы стучали, как в лихорадке, и

я не могла глядеть больше в его сразу как бы охмелевшее, ужасное лицо. "Едемте скорее, Бог поможет, я верю, верю, верю", — твердила я в каком-то исступлении и больше всего боялась, чтобы как-нибудь он не отвертелся.

Был ноябрь, на улице гололед. Пронзительный холодный ветер продувал насквозь. В легкой кофточке, почти замерзая, я о себе перестала думать, лишь бы удалось его сдать попечению родного батюшки, лишь бы до него дотащить. Отец Сергий сидел и упорно молчал, изредка вздыхая, что-то бормоча. "Господи! Сподоби узреть достойного слугу Твоего", — удалось мне расслышать. Молилась я внутренне горячо и пламенно. На пристани нам сказали, что по случаю ветра и непогоды отец Иоанн поедет на Ораниенбаум.

По приезде на вокзал я взяла билет для отца Сергия и, имея крайнюю необходимость вернуться домой в интересах детей, а главное и себя чувствуя от холода и волнения совсем изнемогшей, я тем не менее страшно боялась, что труд пропадет даром. Подвела я его к стоявшему на платформе образу и сказала: "Клянитесь мне высоким достоинством священника, что вы не убежите, что дождетесь батюшку, иначе я останусь, рискуя совсем заболеть". — "Даю вам страшную клятву пред лицом Бога, что не уйду; я уже поборол в себе желание бежать, ступайте с миром", — сказал он твердо и покойно. Прошло целых три томительных дня, волнение мое возрастало, мне все мерещилось: либо он умер, либо убежал, невзирая на клятву.

Наконец на третий день вечером раздался звонок, мое сердце затрепетало, и я, опередив прислугу, бросилась к входной двери, у ней стоял весь сияющий, лучезарный о. Сергий. Истово помолившись на образ, благословив меня, он глубоко посмотрел мне в глаза: "Если бы я не был священник и протоиерей, поклонился бы я тебе в ноги и целовал бы их за то, что ты для меня сделала..."

Дорогие, святые слова эти сохраняю я в сердце моем, уповая, что за его благодарные молитвы и меня Господь помянет в час моей смерти.

И рассказал он мне, как ехал с батюшкой в купе, как тот вспомнил, что уже о нем молился. Картина отбытия поезда, толпа бегущих сзади людей, бросание записок с мольбой помолиться, — все это уже с самого начала поразило своей необычайностью впечатление его; он сразу понял и взвесил, какую силу имеет истинный священник Господа Бога и каким он должен быть.

Отец Иоанн молчал: молился или дремал; на пароходе он неожиданно взял отца Сергия за руку и повел его к носу парохода. Публика попряталась в каютах, так как необычайной силы ветер бушевал и грозил сбросить в море смельчака, который бы решился с ним побороться. Палуба была пуста. Отец Сергий, ухватившись за протянутый канат и нахлобучив шапку, едва пробирался за батюшкой, который шел впереди свободно, без шапки, с развевающимися волосами, в распахнутой шубе. "Ну вот, отец протоиерей, — сказал он, останавливаясь, — Бог, очистительная стихия и я — мы слушаем тебя". И упал к его ногам бедный грешник, имея только одно желание в сердце — умереть у ног его. И припомнилось мне, слушая его, как когда-то, по странному совпадению, и он мне сказал те же слова: "Бог, мать ваша и я — мы вас слушаем". Думал ли и он, в свою очередь, услышать те же слова, к нему обращенные. Случайное ли это явление или звенья неразрывной цепи, объединяющей всех грешников пред лицом Бога, на какой бы ступени общественной лестницы они ни стояли, какого бы звания ни были? Пред Богом все равны. Всякий несет тяжесть креста и тяжесть греха своего пред Богом и только от Его нелицеприятного суда и примет свой приговор.

Вскоре после этого события отец Сергий заболел гнойным плевритом, и случилось, что в это самое время проезжал отец Иоанн город Т. ко мне в имение; я усердно просила его навестить болящего, и вдвоем с Владыкой они исполнили мою просьбу, и оба на коленях у его постели молились о его спасении. "Болезнь твоя очистительная, — сказал батюшка, — ею Господь и немощь твою всю очистит". И встал отец Сергий после болезни духовно здоровым, прожил после того еще 10 лет, возрастая и укрепляясь духом, и умер, горячо оплаканный безгранично его любившим приходом и семьей.

Почти одновременно с описанным случаем пришлось мне по воле Божией пережить еще значительное событие. Жил тогда в Петербурге старинный знакомый матери моей — сенатор С., очень богатый, но анекдотически скупой старик. Поддерживая давние отношения, я его иногда навещала, унося всегда впечатление чего-то холодного, жуткого от его обстановки старого скряги. Давно не видев его, я почему-то о нем вспомнила и заехала его навестить. На выраженное им удивление, что я до неузнаваемости поздоровела и помолодела, я ему рассказала о своем знакомстве с отцом Иоанном и моем чудесном воскресении из мертвых и сама для себя неожиданно добавила: "Вот

вам бы батюшке помочь в его постройке монастыря на Карповке, вот уж дешево бы душу спасли за его святое пред Богом предстательство. Хотели же своему дворянству пожертвовать 100 тысяч ради славы собственного имени, а что толку, не только дворянство, да и наследники-то, пожалуй, не вспомнят вас, а уж батюшка не забудет о вас в вечности".

На мое предложение он, к великому моему удивлению, даже не запротестовал, а сказал: "Что ж, надо подумать", — и вечером того же дня, нигде не бывая, никуда почти не выезжая, приехал ко мне, сам затронул поднятый вопрос, и вся беседа его вместо обычно ироничного брюзжания или насмешливого тона носила характер чуть не исповеди. Коснулся он и личной жизни, и своих колебаний в вере, своего смущения перед фактами, казавшимися ему вопиющими по несправедливости и отсутствию логики в случаях, когда лучшие люди караются Богом, а мошенники торжествуют, и много в том же духе, на что я, тогда и сама еще духовно малограмотная, не могла дать ему разъяснений, а только чувствовала и понимала, что его душа, закоренелая в эгоизме и сребролюбии, как бы пред чем-то дрогнула.

На другой день в Леушинском подворье служил о. Иоанн, и я, всегда посещавшая эти службы, сообщила ему, что имею доброго знакомого, очень богатого, и надеюсь, что он примет участие в постройке интересовавшей батюшку обители. "Я об этом знаю, — ответил батюшка, — и напишу письмо, а ты лично свези ему".

Письмо это, мне врученное, показалось до того странного и таинственного смысла, что какое-то зловещее предчувствие вошло мне в сердце, но я немедленно же поехала и вручила его адресату. Вначале это неожиданное послание, казалось, и не удивило и не смутило С., но на другой день я уже застала его в ином настроении, и раздражению его против меня не было границ. "Что вы наделали, — кричал он, — ведь не поп же это простой; ведь это Иоанн Кронштадтский, с этим ведь считаться надо". — "Ну и слава Богу, радуйтесь такой чести; страшно слушать, что вы колеблетесь, за горло вас не берут, суммы не назначают. Дайте сколько можете, ну десять, пять, одну или хоть просто позовите его, помолитесь с ним, тогда и уясните, что вам делать". Но ничего не помогало, и меня он едва не вытолкал из квартиры, грозя, что наследники его меня отравят, когда узнают, что я под их наследство подкапываюсь. Дня через два я снова встретила батюшку, и, увидев меня, он уже сам спросил: "Ну, что твой С., ко-

леблется? Скажи ему, что мне денег-то не нужно, а вот о душе своей ему подумать время настало. Пора, мол, время о душе подумать. Так и скажи, да не замедли". С тяжелым сердцем, едва передвигая ноги, входила я в знакомую переднюю. Легко ли было такое поручение исполнить — видел Бог, действительно мне казалось, что я в ад попала. Лакей, отворивший мне дверь, смотрел на меня с ненавистью: обогащаясь на счет своего барина, он боялся постороннего влияния, а сам хозяин впал в неистовство.

"Ваш о. Иоанн думает, что моя душа погибнет, если я ему денег не дам, пусть же погибнет, не дам, ничего не дам; вон ступайте", — кричал он вне себя.

"Не знаю и не смею знать, что думает о. Иоанн, но я лично отрясаю прах от ног своих, предоставляю вас самому себе, — ответила я покойно и действительно при этих словах отрясла подол своего платья, — а вы... предстанете на суд Божий, облепленный вашими купонами, тогда, быть может, и пожалеете, да раскаяние-то будет бесполезным уже. Прощайте". Ушла я с твердой решимостью больше не возвращаться и об этом категорически объявить батюшке.

Это была среда, а в пятницу снова назначена была служба отца Иоанна в Леушинском. Пошла и я к обедне. Ровно неделя прошла с того дня, как впервые я говорила с С. об отце Иоанне. После службы в игуменской я видела батюшку за письменным столом, он что-то писал. Я подошла к нему, стала около него на колени и передала ему свое впечатление об С. и свое решение больше его не посещать. "Я прямо настрадалась, дорогой батюшка, за эту неделю, больная стала, не могу больше!" Батюшка взглянул на меня каким-то особенным взглядом, который в редкие минуты мне удавалось наблюдать у него, какой-то, если можно выразиться, потусторонний взгляд.

Зрачки исчезли, и точно голубое небо смотрело из глаз, казалось, что и батюшка исчезал, и только один этот взгляд оставался. "Милая моя, — сказал он, глядя на меня этим взглядом, — да и не нужно больше, уже поздно", и снова, наклонившись, продолжал писать. Меня ошпарили слова эти, и я прямо из подворья помчалась к С., влекомая неудержимой силой.

"Сейчас будет первая панихида, — объявил отворивший слуга, — два часа назад скончались". Не знаю, как не лишилась я чувств при этом ошеломившем меня известии. Жутким холодом повеяло на меня от всей обстановки, представшей моему взору. Одинокий скряга, всем

чужой, ненужный, лежал на столе; съехавшиеся наследники, счастливые получить в свои руки его миллионы, горсточка приятелей, наскоро оповещенных, более любопытства ради прибывших, несколько сослуживцев, довольных, что вот, мол, умер, а они еще живы, да лакей, на руках которого таким одиноким, беспомощным умер этот богач... Вся эта картина до того поразила мое воображение, что я залилась слезами горькими, прося у Бога милосердия для этой несчастной, грешной души. Впоследствии я узнала, что в среду, тотчас после моего ухода, С. позвал лакея и, волнуясь, сказал ему: “А ведь нехорошо, надо бы дать” — но, не окончив слова, вскрикнул: “Скорее Казанскую!” — и упал, лишившись речи и движения, пораженный ударом. Два дня сознание его не покидало, и он силился сказать два слова: “Боже” и “привези” и в пятницу утром скончался, так и не понятый окружавшими его.

Я положительно заболела от пережитого впечатления. Вечером и ночью мне все мерещилось, что кто-то около меня вздыхает, я чувствовала чье-то постоянное присутствие около себя и просила батюшку ко мне приехать. На выраженное мною опасение, что я своими руками убила С., что я виновница его смерти, о. Иоанн меня побранил: “Кто же ты, чтобы иметь власть сократить или продлить чью-то жизнь, это власть Бога, а ты, несомненно, подняла всю муть души его и, кто знает, может, этим спасла его от вечной муки; три дня огромного страдания и внутреннего, быть может, покаяния могли многое искупить. Молись о нем — это твой долг”.

С того времени образ С. перестал меня тревожить. Трудно вспомнить, еще труднее описать все случаи, свидетельствовать могущие о силе благодати, таинственно почивавшей на о. Иоанне, о его проницательности, им неосознанной, как бы машинальной, в случаях, когда в ней нуждались люди, но не тогда, когда ему приходилось ограждать себя. Однажды, глубоко негодуя на лицемерие столь близких ему людей, я имела дерзновение его упрекнуть в отсутствии прозорливости.

“Бога благодарю, что не прозорлив я, а то перестал бы людям верить и не оправдался бы пред Богом, — каждый ведь за себя ответит Господу”, — сказал он мне. А между тем сколько раз пришлось мне же самой поражаться этой его прозорливости. Так, у меня в имении, благословляя народ, он резко оттолкнул женщину и ее сына, не благословил моего пастуха, и впоследствии обнаружилось, что эта жен-

щина и вся ее семья занимались поджогами, но, не будучи до времени уличенной, продолжала благоденствовать, тут же скоро была приговорена к ссылке; а пастух и сам потом всенародно покаялся, поняв, за что был лишен благословения. На местного священника личность о. Иоанна произвела такое потрясающее впечатление, что он сознавал себя по сравнению с ним недостойнейшим слугой Господа, заболел душевной болезнью, которая и очистила его перед смертью от многого порочного и греховного.

Еще на моей памяти, хотя и без личного моего участия, в Петербурге был случай, рассказанный мне братом моего мужа, с его приятелем, неким А., крупным известным коммерсантом. Однажды летом в отсутствие семьи у этого господина А. пошла носом кровь и в течение суток, несмотря на принятые меры, не прекращалась. Созванный консилиум докторов признал неизбежным очень серьезную операцию, могущую иметь печальный исход.

Трое суток кровь не унималась, больной изнемог и дал согласие на операцию. Накануне этого дня приехал управляющий господина А., человек верующий и преданный хозяину. “Позвольте съездить к о. Иоанну, доверьтесь его молитвам”, — молил он своего доверителя.

“Ступай куда хочешь”, — ответил больной, человек совсем индифферентный к религии.

На другой день в час, назначенный для операции, съехались врачи, надели фартуки, разложили целый арсенал инструментов, подняли больного, чтобы его омыть перед операцией. Кровь лила неудержимо. Поддерживаемый с двух сторон врачами, больной стоял около умывальника, когда в комнату быстро вошел управляющий с радостным лицом: “Я лично видел батюшку, — поспешно сказал он, — шлет свое благословение, сказал, что у Бога милости много, без операции обойдетесь”. Его слова остались без ответа как ничего не стоящие и никому не интересные; вряд ли кто и слушал их, кроме глубоко заинтересованного исходом дела брата моего мужа.

“Мне как-то жутко стало, я жалел, что этот управляющий их произнес, — говорил мне он, — я предвидел, что они станут предлогом для насмешек, как вдруг больной, подергав носом, сказал: “Господин профессор, кровь как будто перестала идти”.

“Этого не может быть, временная закупорка, — ответил тот самоуверенно, — снова пойдет”.

Но кровь не шла, и доктора, прождав около часа, разъехались, оставив ассистента и отложив операцию до другого дня. Но в ней нужды не оказалось — кровотечение не возобновлялось.

Прошло более полугода, но А. не забыл происшедшего и, побуждаемый управляющим, решил ехать в Кронштадт повидать лично дотоле никогда не виданного батюшку и его поблагодарить. Приехал он к обедне, отстоял и молебен и затем, подходя к кресту, хотел было выразить свою благодарность, как вдруг сам батюшка, предупредив его, сказал: “Ну что же, кровь-то по милости Божией ведь остановилась? Обошлись и без операции?”

Гром без тучи не ошеломил бы так его, как эти слова, сказанные ему человеком, которого он впервые видел.

“Это совсем удивительный человек, этот кронштадтский батюшка”, — рассказывал он впоследствии о своем впечатлении, и его неверие значительно поколебалось. И сколько благодарных, вечно помнящих батюшку людей могли бы подтвердить, насколько воистину он был человек удивительный.

Через полтора года после моей первой встречи с батюшкой я вернулась из имения в Петербург, куда и муж мой должен был вскоре приехать из города Е., где он служил. Устраиваясь на новой квартире, я ждала приезда мужа, чтобы пригласить батюшку освятить наше жилище. Знавшие деятельность о. Иоанна помнят, как трудно было и вообще-то добиться его приезда, но чтобы это могло быть неожиданным, случайным, нежданным, казалось, и во сне бы не приснилось. Была суббота, все дети собрались домой из учебных заведений, зашел случайно с женой и сыном брат мужа; ничто, казалось, не предвещало удара из безоблачного неба, когда была подана срочная телеграмма, извещавшая о внезапной и безнадежной болезни мужа. С ним случился удар, присутствие мое требовалось немедленно. Трудно описать растерянность, подавленность всей семьи; зловещее молчание сразу воцарилось, мы еще не опомнились от неожиданного потрясения, когда раздался в передней звонок и вошел о. Иоанн Кронштадтский. И это в субботу, в час всенощной, нежданно и негаданно!”

“Узнал, что ты приехала, ехал мимо...” — раздался его дорогой ласковый голос. Боже мой! Не сон ли это? Через минуту я уже была у ног его; спасительные, облегчающие душу слезы лились из глаз, когда я подавала ему только что полученную телеграмму. “Успокой-

ся, вот и я с тобой в твоей скорби; будем молиться". И в спальне моей перед образами, окруженный так случайно собравшейся во всем своем составе семьей мужа, горячо молился отец Иоанн о болящем страдальце, одиноко умиравшем за тысячу верст от семьи. Как бы отходную прочел ему в молитве своей столь нами всеми чтимый, обожаемый батюшка, и верю я, к облегчению моему бедному мужу в страшную минуту исхода его души. "Молитва батюшки заменила отцу исповедь и причастие", — сказал мой второй сын, моряк и, по странному совпадению, в свою очередь получил ту же милость от Бога, ибо в день и час его гибели в Цусимском бою и о нем молился батюшка, и ему, вероятно, также облегчил страшный час его смерти. "Не проси для него жизни, — сказал мне батюшка, — а благой и промыслительной о нем воли Божией".

Теперь и я уже своим опытом знаю, что не следует своей воли и своего желания противопоставлять Промыслу Божию. Этого самого сына и выпросила я у Бога своей материнской скорбью, когда после приговора врачей обратилась телеграфно к о. Иоанну с мольбой о его спасении. Тогда он был спасен, а для чего? Чтобы спустя 15 лет, пройдя через горнило учебной страды и много других страданий детской души, в расцвете сил и жизни умереть самой страшной смертью, выпавшей на долю броненосца "Наварин".

Трудно, конечно, не понять и не поверить, читая эти воспоминания, как беспредельно дорога, священна для всей нашей семьи память отца Иоанна Кронштадтского, этого светлого доброго гения скорбящих, безнадежных и унывающих. Сколько же людей и семей, подобно нашей, хранят в благодарном сердце своем его лучезарный образ, и какой мучительной болью отзываются эти сердца всякий раз, когда это священное имя обливается грязью, помоями безосновательно, неизвестно даже какой цели ради!

Какое страшное неуважение эти жалкие люди проявляют к чувствам народным, как унижают и позорят самих себя! Более полувека имя отца Иоанна было популярно, уважаемо не только в России, но и за границей; прославился он своей глубокой верой в Бога, любовью к страждущему народу, которому до конца остается верен, не ища ни почести, ни славы. Его многотрудная, многострадальная жизнь протекала на глазах у всех, среди народа, вечной толпы, за ним бегущей, его искавшей, в суете и сутолоке ее разнородных интересов, не имея для себя месяцами, годами отдыха. Всюду нес он помощь, утешение,

отраду, от высоких вельмож до последнего нищего — все спешили к нему и черпали из сокровищницы сердца его всякий по своей нужде. Величайший из величайших людей был отец Иоанн Кронштадтский, в немом удивлении следует остановиться перед выполненной им задачей жизни, и горе тем, кто, не умея этого понять, из маленького, злобного, пустого своего сердца несет ему хулу и поношение, кто, смешивая его с толпой, его окружавшей, немощи, слабости, грехи этой толпы видит в светлом лице о. Иоанна. Все великие подвижники духа спасались в пустыне, бежали от людей. Отец Иоанн был обречен никогда не иметь часа отдыха и покоя.

Когда он был в моем имении и мне, в силу чуда какого-то, удалось изолировать его от вечно и всюду за ним следующих, и когда он мог свободно читать, гулять и молиться один в течение трех дней, он выражал прямо детскую радость и все благодарил Бога и меня. "Да воздаст тебе Господь за отдых мой!" Каждый, кто, как я, подходил к нему только с духовной стороны, обогащал душу свою ценными сокровищами его духа; но, к сожалению, большинство ему близких, его окружавших, эксплуатировали его безмерную доброту, мягкость чувств души его, не берегли, досаждали, обременяли и, главное, давали повод злым людям оскорбить, поносить его имя; преследуя свои мелкие ничтожные интересы, сами они темными пятнами ложились на светлую его личность, а он верил и льстецам, и обманщикам, и хищникам, потому что, не имея в сердце своем коварства, лжи и зла, не подозревал их и в других людях, не мог и не хотел подозревать. Это общая участь светлых и чистых людей.

Оканчивая свои воспоминания о дорогом батюшке, я думаю, что священной обязанностью нас всех, ему близких, но не умевших беречь и дорожить сокровищами его великой, любвеобильной души, нас, омрачавших покой его болевшего за грешных людей сердца, утруждавших его своими личными мелкими интересами, нам следует, наконец, очистить священную память его от "нашей тени". Не сумела я, быть может, выполнить этой задачи, этой священной перед ним обязанности, слабы моя речь и перо, но Бог, видящий намерение, поможет мне, и Сам уже в сердцах читающих эти строки доскажет недосказанное, осветит затемненное, а дорогой батюшка отец Иоанн, меня возродивший к новой, сознательной жизни, светивший мне в пути моем, помянет мое грешное имя пред Господом и поможет до могилы нести крест моей жизни и исполнить по мере слабых

сил моих заветы нашего Божественного Учителя, достойным учеником и последователем Которого он сам воистину был".

О почитании родителей

Отец Иоанн явил собою величайший образец почитания родителей. Вот что рассказал мне епископ Иоасаф Американский.

Однажды в Великом посту о. Иоанн был серьезно болен и врачи настоятельно советовали ему пить молоко для поддержания сил. На это о. Иоанн ответил, что он согласится пить молоко, если мать его даст ему на то свое родительское благословение, и что он спросит ее об этом письмом. По поручению больного письмо было написано.

Мать отца Иоанна, Феодора Власьевна, жила на родине в селе Суре Архангельской губернии. При отсутствии железнодорожных и пароходных сообщений письма шли долго. Поэтому отец Иоанн не скоро получил ответ от матери своей.

Мать же его ответила, что родительское свое благословение она посылает сыну, разрешить же есть в посту скоромное не может.

Вот как тверда была вера той женщины, которая дала миру такого великого светильника Церкви Христовой, каким был отец Иоанн. Всякая другая мать, опасаясь за жизнь и здоровье больного сына, сказала бы: "Пей молоко, если доктора велят для поправления здоровья". Она помнила слова Писания: "Праведный верою жив будет" и не побоялась за здоровье сына, нарушив предписание врачей, но исполнив повеление Божие о посте.

Узнав об этом ответе, врачи сказали больному, что без питания он умрет. На это он ответил: "Воля Божья. Неужели вы думаете, что променяю благословение матери и заповедь Господа: "чти отца твоего и матерь твою" на жизнь?" Однако предсказание врачей не исполнилось и отец Иоанн вскоре совсем выздоровел.

Обитавшая в отце Иоанне благодать Духа Святого передавалась окружающим его

Когда бывало чаепитие, о. Иоанн угощал присутствовавших чаем со своего блюдечка. Очевидно, он сознавал, что преизобилующая в нем благодать Всесвятой Троицы передавалась другим через него и его предметы.

Основную видимую черту характера о. Иоанна составляют смирение, кротость и величайшая любовь к человеку; с этими качествами неразлучно связана ласковость в отношениях к людям и обязательность, превосходящая всякие ожидания. Всех приводило к отцу. Иоанну одно и то же чувство. Оно заставляло людей, приезжавших в каретах, выходить из экипажей и становиться рядом с обыкновенными серыми людьми; оно поднимало падшую женщину из грязи и делало ее человеком.

Отец Иоанн — это не просто пастырь Кронштадтский, но общий молитвенник, целитель, народный герой, общий патрон и советник, общий отец — батюшка ("он для всех батюшка" — слова одного крестьянина). Он самый известный и популярный человек в России.

Отец Иоанн именно тем и велик, что он своею жизнью утверждает нашу жизнь, являясь истинным Апостолом любви.

Привожу стихотворение неизвестного автора, правдиво и прекрасно характеризующее о. Иоанна:

Во дни сомнения, и лжи, и святотатства,
Когда безумный мир купается в крови,
Он проповедует разноплеменных братство,
И речь его полна евангельской любви.
Не склонный к прениям тщеславным и ненужным,
Идет он — ученик распятого Христа —
Ко всем надломленным, скорбящим и недужным,
Ко всем слабеющим под тяжестью креста.
И проникая вглубь души пытливым оком,
Скорбит с печальными, спешит больным помочь...
Он нам является подвижником-пророком,
Светящим, как маяк, в глухую эту ночь!

Обитавшая в о. Иоанне благодать Божья была столь сильна, что проникала в души лиц, находившихся около него. Самые грубые, одичалые люди в присутствии о. Иоанна становились кроткими и смиренными.

Церковное строительство отца Иоанна

Отец Иоанн сооружал храмы Божьи и целые монастыри, иногда миллионные сооружения, так, например, Иоанновский монастырь в Санкт-Петербурге стоил около 1,5 миллиона рублей. Он сооружен был во имя 12 Апостолов, образа которых на стекле помещались в куполе. Но народ прозвал его "Иоанновским".

Постройки эти отец Иоанн производил, можно сказать, без денег, одною силою любви. Люди так любили своего доброго пастыря, бескорыстно с полным самозабвением служившего страждущему человечеству, что рады были случаю и со своей стороны послужить ему, сделать ему приятное.

Отец Иоанн мало спал, мало ел, не знал отдыха и целиком всего себя отдавал ближнему. Где болезнь и страдания, где слезы и вздохи, где нужда и голод, стон и воздыхания, где горе и печаль — там непременно был отец Иоанн со своею горячею молитвой, со своею кроткою душой, со своей любовью и утешением. Поэтому стоило отцу Иоанну только сказать своим почитателям, подрядчикам разных строительных работ, чтобы они, во славу Божию, помогли ему соорудить такой-то храм или монастырь, и работы быстро начинались и кипели.

Вот случай, который рассказывала мне игуменья Леушинского женского монастыря Таисия.

Когда она надумала строить в Петербурге подворье Леушинского монастыря, находящегося в Череповецком уезде, Новгородской губ., то обратилась к о. Иоанну за благословением, надеясь получить от него и материальную помощь.

О. Иоанн благословил это начинание и дал игуменье Таисии *два гривенника*.

Благочестивая старица хотя и смутилась, однако с благоговением завернула 2 гривенника в платок, веруя, что Господь поможет ее начинанию, которое благословил отец Иоанн.

И что же, нашлось подходящее место для подворья на Бассейной улице в Петербурге; нашлись добрые люди, которые помогли ей приобрести место для подворья; нашлись подрядчики, которые взялись безвозмездно произвести, кто каменные, кто штукатурные, кто малярные, кровельные, плотницкие и прочие работы. И скоро на Бассейной улице выросло трехэтажное здание, возглавляемое церковью с дивным резным иконостасом из грушевого дерева.

И очень любил о. Иоанн служить в этой церкви, сооруженной во имя Св. апостола, евангелиста и наперсника Христова, тайновидца Иоанна Богослова. Настоятелем этой церкви сделался глубоко религиозный священник, горячий почитатель о. Иоанна.

Каждой новой строящейся церковью о. Иоанн очень интересовался и участвовал в ее постройке своим взносом. Помню, как в Архангельской губернии встречали его жители одной деревни, которым на постройку храма он пожертвовал крупную сумму. Для него летом запрягли лошадь в сани и в них повезли его на постройку храма. Так в Древней Руси возили архиереев.

И как радовался о. Иоанн, когда видел, как вырастают на его глазах, при его помощи, храмы, монастыри, подворья и скиты.

Отец Иоанн — покровитель девства и честного супружества

Отец Иоанн соорудил, расширил и поддерживал многие девичьи монастыри, благословлял поступление в них, любил посещать их и служить в их храмах, и вообще принимал живейшее участие в жизни монастырей и отдельных сестер.

Монахиня Иоанновского монастыря Евсевия, несшая послушание на кухне игуменьи, в день какого-то большого праздника, в который ожидали приезд отца Иоанна, почувствовала себя настолько плохо, что не могла даже встать с постели. Приезжает о. Иоанн. Ему говорят о болезни монахини Евсевии. Он тотчас идет к ней и говорит: “Мать Евсевия, ведь сегодня большой праздник, что же это ты лежишь?” Она отвечает, что не может подняться, так голова болит. О. Иоанн положил ей руку на голову и боли сразу утихли. Мать Евсевия почувствовала себя совсем здоровой и пошла готовить обед.

Инокиня Иоанновского монастыря Мария рассказала про себя следующее. Часто, когда она готовилась к причащению, о. Иоанн говорил ей: “Ты сегодня причащаться не будешь”. В другой же раз, когда она совершенно не готовилась к причащению, о. Иоанн неожиданно говорит ей: “Мария, ты должна сегодня причаститься”. И к великому удивлению, у нее появлялось вдруг такое сокрушение о грехах, какого ей не удавалось вызвать долгой подготовкой.

Отсюда видно, что о. Иоанн имел от Бога благодать и власть внушать людям святые чувства.

На родине своей в селе Суре о. Иоанн соорудил каменный монастырь, собор с двумя приделами и школу. Монастырь этот получил название Сурского девичьего монастыря. В г. Архангельске на набережной реки Северной Двины о. Иоанн соорудил каменное здание с церковью — подворье Сурского монастыря.

Очень любил о. Иоанн Леушинский женский монастырь Череповецкого уезда Новгородской губернии, где помощью его было 12 престолов и девичье училище, чуть ли не с гимназическим курсом.

В Леушинском монастыре не было хорошей воды. Игуменья, престарелая Таисия, просила о. Иоанна благословить место для рытья нового колодца. О. Иоанн сказал: "Хорошо, завтра после обедни я тебе укажу место".

После обедни о. Иоанн указал игуменье место для колодца недалеко от алтаря церкви. Колодец был вырыт и дал отличную воду в большом количестве.

Подобный случай — часто повторяющийся с о. Иоанном. Когда он о чем-либо просил Бога, то получал от Святого Духа ответ, что молитва его услышана, или указание, как поступить. Подобные случаи были часто со святыми апостолами.

***

"Всю жизнь я мечтал о честном супружестве с хорошей барышней и о верности друг другу. Поэтому в юные годы я просил Господа в молитвах дать мне в жены красивейшую из девиц, которая была бы лучшею из жен и матерей. Чтобы осуществить эту мечту, я ходил по балам, дирижировал танцами 3 года, будучи в Императорском училище правоведения и пять лет чиновником Министерства юстиции, и старался найти предмет моих мечтаний.

Так продолжалось восемь лет, но нигде я не видел того бесценного сокровища, которое искал.

Наконец я попросил отца моего пригласить к нам о. Иоанна. О. Иоанн приехал, я отвел его в свою комнату и сказал: "Батюшка, я не хочу жить распутною жизнью. Мне 25 лет, я чувствую, что мне пора жениться, но я хочу жениться по любви, а между тем никого не люблю". Отец Иоанн ответил: "Помолимся, Бог тебе поможет".

Он стал со мною к иконам и кратко помолился, после чего благословил меня. Я дал ему в конверте мое первое жалованье столоначальника Министерства юстиции, сказав: "Вот, батюшка, на ваших бедных".

После этого мы вместе вошли в зал, где о. Иоанн отслужил водосвятный молебен, потом в столовой попил чаю и уехал.

На 3-й день я пошел в гости к родственнику моему, генералу Николаю Кассиановичу Шевцову, дочь которого, моя троюродная сестра, окончила с первым шифром николаевскую половину Смольного института.

Придя к Шевцовым, я увидел за пианино писаную красавицу, сразу обомлел и влюбился. Как оказалось, она была известна своею красотою на весь Смольный.

Смелая троюродная сестра, указывая на подругу, говорит мне: "Ты хочешь иметь такую жену?" Я ответил: "Конечно, хочу".

Троюродная сестра моя рассказала мне, что барышня эта в нравственном отношении самая лучшая из ее подруг и на самом лучшем счету у начальства за благонравие.

Спрашивается, почему же 8 лет я не мог найти себе невесты по сердцу, а на 3-й день после молитвы о. Иоанна нашел? Да потому, конечно, что дохожи были молитвы великого праведника до Бога.

Барышня эта из скромности и рассудительности не сразу согласилась на сделанное мною ей предложение, а сказала, что подумает. Наконец, пригласила меня съездить в часовню над могилой блаженной Ксении на Смоленском кладбище. Там мы отслужили панихиду.

Убедившись, что я человек набожный, она на обратном пути дала мне свое согласие.

Выйдя замуж, она всецело отдалась семейной жизни. Сама кормила грудью своих шестерых детей, их купала и пеленала, не доверяя нянькам, которые всегда были. Никуда она не ходила и никого не принимала. Она была кроткая и невозмутимо спокойного характера, чрезвычайно умная и имела крепкую веру в Бога. Когда умер мой отец, она сказала мне: "Я заменю тебе папу", а когда умерла моя мать, то она опять сказала, утешая меня: "Не горюй, я заменю тебе и маму".

Она помогала мне и в служебной работе. Дома у меня был рай. Стоило мне вернуться домой, чтобы сразу были забыты все интриги, раздражавшие меня в министерстве. Стойко переносила она со мною все ужасы Совдепии. Она представляла образец верности и целомудрия.

17 марта 1932 г. она умерла в г. Белграде в Югославии. Духовник мой и жены моей, батюшка праведной жизни и глубоко верующий,

сказал мне, что умерла она потому, что была праведная и готова к наследованию Царства Небесного. Господь и взял ее из земной юдоли, а мне дает время покаяться, чтобы удостоиться свидеться с ней.

До смерти жены я считал, что смерть — что-то очень ужасное, и старался не думать о ней. Теперь же я ясно понял ту истину, что вечное блаженство в Царствии Небесном несравненно лучше всякого земного счастья, которое всегда несовершенно и так быстро минует.

О. Иоанн краткой молитвой своей сделал меня счастливейшим человеком из смертных, а после смерти жены властно ведет меня в Царствие Небесное".

Приблизительно около 1894 г. девицу Марию Владимировну Ган, жившую в Петербурге, родители хотели выдать замуж за военного инженера, которого она не любила. Однажды она видит во сне о. Иоанна, который говорит ей: "Приезжай ко мне в Кронштадт и приходи к ранней обедне". Тогда Мария Владимировна решила съездить к отцу Иоанну и поведать ему свое горе.

Ее приятельница Надежда Васильевна Эгер, урожденная Лысенко, была больна падучею болезнью и тяжело страдала.

Они сговорились и вместе поехали в Кронштадт, остановились в маленьком номере в гостинице, где с грустью узнали, что о. Иоанн в Петербурге и завтра раннюю обедню служить не будет. Однако, помня приказание о. Иоанна в сновидении идти к ранней обедне, они пошли. Оказалось, что, сверх ожидания, о. Иоанн вернулся и служил раннюю обедню. Подруги исповедались и причастились Св. Таин у о. Иоанна, который их сам подозвал из толпы. Они просили его приехать к ним в номер. Отец Иоанн обещал. В гостинице остановившаяся в соседнем большом номере богатая и важная купчиха просила их, чтобы они приняли о. Иоанна в ее номере, где она все приготовила для приема. Ган не хотелось идти к купчихе, а Эгер соглашалась. Наконец обе согласились. Приезжает о. Иоанн, купчиха встречает его и говорит: "Пожалуйте, батюшка, сюда, здесь все приготовлено". Но о. Иоанн сказал: "Нет, я буду служить здесь" — и вошел к подругам. Дал свою шапку Ган, сказав: "Держи", а Эгер — пальто, сказав: "Повесь". Ган поведала о. Иоанну про свое горе и сказала, что если о. Иоанн благословит, то она покорится воле родителей. О. Иоанн ничего не ответил и стал служить молебен. Вдруг, посреди молебна повернулся круто и, сказав девице Ган: "Не ходи за него", продолжал молебен. Окончив молебен, о. Иоанн обратился к Ган: "Господь бла-

гословит, выйдешь замуж, будешь жить в Петербурге, приезжай ко мне; а карточка моя у тебя есть?" Ган ответила: "Нет".

О. Иоанн сказал: "А у меня она для тебя есть", вынул свою фотографию и подписал. Затем спросил: "Ты немка?" — "Нет, православная", — отвечала она.

После этого о. Иоанн обратился к Эгер со словами: "Что, ты все валяешься "мамка", ничего будешь здорова". Эгер еще не успела сказать о. Иоанну про свою падучую болезнь. Он раньше не знал ее и не мог знать, что в семье ее называли ласкательным именем "мамка".

Ган действительно вышла замуж за Имшенецкого, с которым и сейчас живет в Югославии в Белграде, а у Эгер больше никогда не повторялись припадки падучей болезни.

Во время молебна стояла какая-то грустная женщина. О. Иоанн вынул из кармана 2000 руб. и сказал: "Это тебе нужно". Оказалось, что ей предстояла операция.

Другому о. Иоанн дал небольшую сумму. Оказалось, что у этого человека не было сапог и этой суммы как раз хватало ему на сапоги. Важная купчиха опять просила о. Иоанна к себе, но он ответил, что ему некогда, и не пошел.

Рассказ г-жи Имшенецкой указывает не только на покровительство о. Иоанна честному супружеству.

Здесь целое необъяснимое сцепление чудесного. Отец Иоанн Духом Святым прозрел душевные терзания благочестивой девицы Ган в Петербурге, явился ей во сне и пригласил к себе, вызвал ее с подругою из толпы, получил во время молебна от Святого Духа указание о будущей судьбе Ган, прозрел, чем больна Эгер, уразумел ее ласкательное имя "мамка" и затем единым словом исцелил ее от тяжкой болезни. И, наконец, посрамил надеявшуюся на богатство купчиху. Сверх того проявил чрезвычайное милосердие к страждущим, дав одной больной женщине 2000 руб.

Самое поразительное из всего то, что о. Иоанн явился девице Ган во сне, т.е. о. Иоанн имел от Бога власть являться на расстояния от места своего пребывания — такую власть, какую имел святитель Николай Чудотворец.

В Петербурге жила благочестивая девушка, полюбившая хорошего молодого человека, но небогатого и не имевшего еще положения. Отец этой девушки был человек суровый, желавший выдать дочь за человека богатого и с положением.

Видя суровость и непреклонность отца, девушка отправилась на Балтийский вокзал, откуда о. Иоанн обыкновенно уезжал в Ораниенбаум и Кронштадт, и, когда он приехал, протискалась к нему и со слезами объяснила ему свое горе. О. Иоанн обласкал ее и сказал: "Не горюй, будешь за своим Михаилом".

Когда она вернулась домой, суровый отец сделал ей выговор за долгое отсутствие.

Утром, однако, отец сказал ей: "Можешь выходить за своего Михаила — о. Иоанн Кронштадтский сегодня всю ночь не давал мне покоя из-за тебя".

Здесь опять не только покровительство о. Иоанна честному супружеству, но и проявление необычайной власти, данной ему от Бога, — являться на расстоянии от места своего пребывания.

Поездки отца Иоанна

Отслужив в Андреевском соборе раннюю обедню, отец Иоанн ехал в Петербург навещать больных, к которым был приглашен.

Если жители Петербурга замечали о. Иоанна едущим в карете по улицам столицы, то за каретой его бежали, у дома, куда он входил, тотчас собиралась толпа. Люди бросались к нему, чтобы, если возможно, получить от него благословение, попросить помолиться и т.п. Так поступали люди всех званий и положений потому, что чувствовали великую силу Божью, исходившую из о. Иоанна, и знали лично или слышали от достоверных людей про ежедневно творимые им чудеса. Толпа собиралась такая, что каждый раз, т.е. многократно каждый день, казалось, что о. Иоанна раздавят, но так продолжалось полвека и сила Божья хранила угодника Своего.

А вот что сообщает в газетной статье А. Плещеев о возвращении о. Иоанна в Кронштадт из Петербурга, после трудового дня:

"Как-то под вечер ехал я из Петербурга в Кронштадт. Я вошел в каюту первого класса парохода "Котлин". Кто-то из знакомых окликнул меня, потеснился и дал мне местечко на диване, тянувшемся вдоль каюты.

Не прислушиваясь к разговорам, я догадался, что был какой-то общий интерес. На мой вопрос у знакомого, о чем говорят, он ответил:

— Отец Иоанн едет на пароходе,.. его окружили и едва в воду не попадали...

— А где же он? — спрашиваю.

— Буфетчик Василий Федотович силою раздвинул толпу пассажиров и втиснул о. Иоанна в верхнюю каюту посредине парохода, поставил у каюты стражу из своей прислуги, запретив пропускать кого бы то ни было.

О. Иоанн так утомился за день в Петербурге, что немедленно заснул в каюте.

Я услышал рассказ соседа: "У моего отца рука отнялась. О. Иоанн был на прошлой неделе. Он любил его и, узнав, что у моего отца отнялась рука, сам навестил его. Долго сидел у кровати, молился и потихоньку, почти незаметно, гладил руку. Рука начала действовать... Сам я был тому свидетелем".

Одна дама спросила о. Иоанна:

— Батюшка, что значит, что вас всюду так ищут, так ждут?

— Это значит, что велика у них вера, — ответил он, — не меня они ждут, а благодати Божией, которая им дается через меня.

Батюшка из С. должен был ехать по Волге до Рыбинска, направляясь на родину в Архангельск. Капитану было сказано, чтобы каждое утро пароход приставал к какому-нибудь селу на берегу Волги (от Нижнего Новгорода до Рыбинска очень населенные берега). Часов в 6—7 пароход подходил к пристани, посылался гонец к местному священнику сказать, что отец Иоанн Кронштадтский будет служить Литургию. И вот тут начиналось сильное движение: ехали верховые оповещать крестьян, помещиков, народ бежал, ехали на лошадях и собиралось столько народу, что не только церковь и ограда, но и вся площадь перед церковью полны были собравшегося народа. Пройти обратно на пароход было очень трудно.

В Ярославле, на вокзале при отъезде в Москву, весь перрон настолько был запружен народом, что о. Иоанну, казалось, не было прямо физической возможности протиснуться в вагон. Однако он, так сказать, ринулся в гущу народную. Но и та, в свою очередь, ринулась на него, хватая за края одежды, целуя его руки и одежду и жадно ища благословения.

Нас обуял страх за батюшку, что его замнут, задавят насмерть... К счастью, он был приподнят стиснувшей его толпой и так над всею толпой, на ее плечах, и был благополучно пронесен до вагона. Блед-

ный, почти задыхавшийся от изнеможения, батюшка, как сноп, повалился на диван... И невольно подумалось тогда: как иногда бывает тяжела для человека вполне заслуженная слава!..

Отец Иоанн Кронштадтский

Отец Василий Шустин

Наша семья познакомилась с отцом Иоанном при вступлении моего отца во второй брак, когда мне было семь лет. Молодая невеста очень хотела, чтобы брак был благословлен отцом Иоанном; отец Иоанн приехал и с тех пор стал бывать у нас каждый год на квартире в Петербурге...

Когда я был еще совсем юным, отец мой серьезно заболел горлом. Профессор по горловым болезням Симановский определил, что у него горловая чахотка. Все горло покрылось язвами, и голос у отца совершенно пропал. Я помню, на Рождество, по случаю такой болезни отца, не делали нам и елки. В доме царил как бы траур, все говорили шепотом, царило уныние; нас, детей, не пускали к отцу. Только в первый день Рождества нас подвели к нему, и он, скорбно и молча, раздал нам подарки. Симановский заявил, что ему осталось жить дней десять, а если увезти, с большими предосторожностями, теперь же немедленно в Крым, то он, может быть, еще протянет месяца два. В это время как раз вернулся в Кронштадт из одной своей поездки отец Иоанн. Послали ему телеграмму. Дней через пять он приехал к нам. Прошел к отцу в спальню, взглянул на него и сразу воскликнул: “Что же вы мне не сообщили, что он так серьезно болен?! Я бы привез Святые Дары и приобщил бы его”. Мой отец умоляюще смотрел на батюшку и хрипел. Тогда батюшка углубился в себя и, обращаясь к отцу, спрашивает: “Веришь ли ты, что я силой Божией могу помочь тебе?!” Отец сделал знак головой. Тогда отец Иоанн велел открыть ему рот и трижды крестообразно дунул. Потом, размахнувшись, ударил по маленькому столику, на котором стояли разные полоскания и прижигания. Столик опрокинулся, и все склянки разбились. “Брось все это, — резко сказал отец Иоанн, — больше ничего не нужно. Приезжай завтра ко мне в Кронштадт — и я тебя приобщу Святых Таин. Слышишь, я буду ждать”. И батюшка уехал. Вечером приехал Симановский, а вместе с ним доктор Окунев, тоже специалист по горловым болезням. Им сказали об отце Иоанне и что завтра повезут

моего отца в Кронштадт. Симановский сказал, что это безумие, что он умрет дорогой. (Нужно было из Ораниенбаума ехать на санях по морю, а была ветреная морозная погода.) Но отец верил батюшке, и на следующий день закутали его хорошенько и повезли в Кронштадт.

Батюшка приехал на квартиру, где остановился отец, и приобщил его Святых Таин. Еще два дня прожил отец в Кронштадте, каждый день видясь с батюшкой. Когда он вернулся домой, Симановский был поражен: в горле все раны оказались затянуты; только голос отца был еще слаб. Симановский во всеуслышание заявил: "Это невиданно, это прямо чудо!" Так совершилось дивное исцеление моего отца по молитвам батюшки. Отец прожил после этого двадцать пять лет.

Через три года после исцеления моего отца родилась у моей второй матери дочь. Еще заранее просили отца Иоанна быть крестным отцом ребенка. Батюшка согласился. Сестра родилась летом, когда мы жили на нашей даче в Финляндии. Отец Иоанн, по нашим сведениям, в то время должен был быть у себя на родине. Решили крестить сестру и записать, как это в некоторых случаях делается, крестным отцом отца Иоанна, так как он дал на это свое согласие. Крещение было назначено на воскресенье после обедни. Вдруг накануне, в субботу, к нашей даче подъезжает извозчик-чухонец, из экипажа легко спрыгивает священник. Мы смотрим — это отец Иоанн. "Вот и я на крестины", — заявляет он, распахивая двери. Мы были поражены, началась, конечно, суматоха. Батюшка велел послать за местным, дачным священником и принести из церкви купель. Сам же он пошел по нашему саду и восторгался лесом, который окружал нашу дачу. Через час все уже было готово к крестинам. Началось Таинство, которое совершал местный священник отец Симеон Налимов. Отец Иоанн сам держал мою сестру на руках, отрекался сатаны, читал, дерзновенно читал Символ веры, — все исполнил, что полагалось крестному отцу. После Таинства он сел на балконе в кресло и говорил: "Ну, теперь радуйтесь. Поздравляю вас с новорожденным младенцем... Теперь я ваш родственник, сроднился с вами. И посмотрите, как я нарядно одет, точно к царю приехал..." И, действительно, батюшка был при звездах и крестах. Со всеми нами он перецеловался и радовался вместе с нами. В это время в саду уже собралась толпа народа, и батюшка с верхнего балкона благословлял эту толпу. Потом он пообедал вместе с нами. Я снял его своим фотографическим

аппаратом. И он стал спешить в Петербург, чтобы в этот же день попасть в Кронштадт. Местный помещик прислал ему свой экипаж, и мы его проводили на вокзал, где дачники и финны уже теснились, прося его благословения. Когда подошел поезд, кондуктора взяли его на руки и поместили в отдельное купе. Впоследствии дьякон моей гимназической церкви рассказывал, что он, тот раз, ехал в том же поезде, в котором отец Иоанн ехал к нам. Дьякон, увидав батюшку совсем одного, удивился очень и, сев рядом, спросил, куда он едет. "К Ш. На крестины. Они просили меня, и теперь время ехать". Батюшке никто не говорил, что у нас родился ребенок, да и не мог сказать, потому что сестра родилась ранее предполагаемого срока.

Впоследствии эта сестра Аня семилетним ребенком заболела черной оспой. Отец Иоанн безбоязненно провел по ее лицу своей рукой и погладил ее. А лицо ее в это время все было покрыто язвами, девочка очень страдала. По ее выздоровлении не осталось никакого следа от этих язв. Одна только маленькая яминка около глаза.

Один раз мой отец предложил мне проехаться в Кронштадт вместе с ним, так как он захотел исповедаться и причаститься у отца Иоанна. Я поехал с ним. Батюшка приехал в Кронштадт к нам, отслужил молебен, выслал всех из комнаты и исповедал отца. После исповеди мне отец говорит: "Исповедуйся и ты у отца Иоанна" — и просит об этом батюшку. Но я не готовился к Причастию и ел в этот день мясо; поэтому я сказал батюшке, что и хотел бы приобщиться, да не могу. Тогда батюшка мне говорит: "Значит, ты не хочешь". А я опять отвечаю: "Батюшка, я не подготовлен", — он же, не слушая меня, спрашивает категорически: "Хочешь или не хочешь?" Я, конечно, хотел и сказал ему это. Тогда он опять выслал всех из комнаты и сказал: "Маловер, что ты сомневаешься" — и исповедал меня.

На следующий день я приобщился в храме у него и с легкой душой вернулся домой.

Другой раз мне пришлось приобщаться у отца Иоанна в Великий пост. Я приехал и пробыл в Кронштадте несколько дней. Батюшку трудно было залучить к себе, и мне пришлось исповедаться на общей исповеди. Пришел я с отцом к Андреевскому собору еще до звона. Было темно — только четыре часа тридцать минут. Собор был заперт, а народу стояло около него уже порядочно. И нам удалось накануне достать от старосты билет в алтарь. Алтарь в соборе был большой, и туда впускали до ста человек. Полчаса пришлось простоять

на улице, и мы прошли через особый вход, прямо в алтарь. Скоро приехал батюшка и начал служить утреню. К его приезду собор был уже полон. А он вмещал в себя несколько тысяч человек. Около амвона стояла довольно высокая решетка, чтобы сдерживать напор. В соборе уже была давка. Во время утрени канон батюшка читал сам. После утрени началась общая исповедь. Сначала батюшка прочел молитвы перед исповедью. Затем сказал несколько слов о покаянии и громко на весь собор крикнул: "Кайтесь!" Тут стало твориться что-то невероятное. Вопли, крики, устное исповедание тайных грехов. Некоторые стремились, особенно женщины, кричать как можно громче, чтобы батюшка услышал и помолился за них. А батюшка в это время преклонил колени пред Престолом и положил голову на Престол и молился. Постепенно крики превратились в плач и рыдания. Продолжалось так минут пятнадцать. Потом батюшка поднялся — пот катился по его лицу — и вышел на амвон. Поднялись просьбы помолиться, но другие голоса стали унимать эти голоса — собор стих. А батюшка поднял одной рукой епитрахиль, прочитал разрешительную молитву и обвел епитрахилью сначала полукругом на амвоне, а потом в алтаре, и — началась Литургия.

За Престолом служило двенадцать священников и на Престоле стояло двенадцать огромных чаш и дискосов. Батюшка служил нервно, как бы выкрикивая некоторые слова, являя как бы особое дерзновение. Ведь сколько душ кающихся он брал на себя! Долго читал предпричастные молитвы — надо было много приготовить частиц. Для чаши поставили особую подставку около решетки. Батюшка вышел приблизительно около десяти часов утра и стал приобщать. Сначала подходили те, которые были в алтаре. Среди них подошел и я. Батюшка поднял лжицу, чтобы меня приобщить, поднес ко рту и вдруг отвел и опять опустил в чашу. Меня захолонуло и я застыл: значит, я не достоин Святого Причастия, недостаточно каялся на этой общей исповеди (меня действительно все оглушило)... Я стою пред чашей, и батюшка мне ничего не говорит, а смотрит внутрь чаши и как бы мешает что-то, потом поднял лжицу, уже с двумя частицами Тела Спасителя, и приобщил.

Когда я стал студентом, все глубже и глубже я начал понимать отца Иоанна и духовно привязываться к нему. Стали мне вдруг труднее даваться науки, ослабела память, — приезжаю в Кронштадт, говорю об этом батюшке; батюшка объясняет мое состояние чрезмер-

ными моими занятиями в гимназии и велит дать отдых мозгу. Я начал духовно привязываться к батюшке, но это были уже последние годы его жизни. Нас он уже стал принимать на своей квартире, как родственников. Однажды я приехал к нему, а он был очень болен. Матушка, жена его, говорит, что завезли его в какую-то трущобу и там жестоко избили. Матушка вообще мало рассказывала нам про жизнь отца Иоанна. Называла она его "брат Иван", так как и в действительности он никогда не был ее мужем. Она хотела даже разводиться с ним и подавала на него в суд. Но он был непреклонен, и она смирилась. Теперь она также состарилась, у нее болели ноги, она не могла самостоятельно передвигаться, но о себе не заботилась, — а только о "брате Иване".

Она меня просила, если сделается отцу Иоанну хуже, привезти к нему доктора. "Ведь брат Иван докторов не любит, и трудно заставить его принять доктора. Но один доктор Александров ему понравился; когда я вас извещу телеграммой, вы его привезите. Адреса, где он живет, я не знаю, но вы так узнайте..." И, действительно, спустя недели три получаем мы от матушки телеграмму с просьбой привезти доктора. Я уже заранее просмотрел по книге "Весь Петербург" адреса всех докторов Александровых, съездил к ним и узнал, кто из них был у отца Иоанна. После телеграммы я отправился по определенному адресу. Но оказалось, что доктор уехал на Кавказ. Что тут делать? Сейчас же послал ему телеграмму с просьбой указать заместителя. Тотчас же он нам ответил телеграммой и указал другого доктора. Я отправился по новому адресу, тот согласился ехать в Кронштадт, но так как было уже одиннадцать часов вечера, то мы решили выехать уже утром, и утром же были в Кронштадте. Батюшка чувствовал себя немного лучше, как сообщила нам встретившая нас матушка. Доктор присел, чтобы обогреться. Вдруг дверь из комнаты батюшки открывается, батюшка выходит и идет прямо к нам, подходит к доктору и неожиданно говорит: "Христос воскресе!" — и троекратно христосуется. Я в недоумении смотрю на батюшку. Потом он подошел ко мне, благословил меня и позвал доктора к себе в кабинет.

Около часа доктор пробыл вместе с батюшкой. Потом выходит батюшка радостный и говорит: "А ведь вот доктор велел мне воздухом подышать. Пускай заложат лошадь. Спасибо тебе, — батюшка повернулся ко мне, — большое спасибо за такого хорошего доктора", — и поцеловал меня крепко в щеку. Это для меня было так нео-

жиданно и вместе с тем так радостно, что у меня слезы выступили. Я рад был, что хоть сколько-нибудь услужил батюшке. А он говорит своей жене: “Хозяйка, распорядись накормить В.В. всем, что у нас есть лучшего, накорми обедом, пирогом, который сегодня принесли!” Усадил меня за стол, а сам отправился кататься вместе с доктором.

На обратном пути в Петербург, когда мы с доктором сели в Ораниенбауме в поезд, доктор мне говорит: “А ведь отец Иоанн действительно подвижник, и все, что про него пишут, все это ложь. Почему он меня встретил возгласом “Христос воскресе!”? — Он воскресил во мне Христа. Я теперь вспомнил: отец Иоанн есть тот священник, который исцелил мою жену от истерических припадков, которые называют беснованием. Она не могла выносить близости креста и икон. Я был тогда молодым врачом в Вологде. Проезжал тогда через Вологду к себе отец Иоанн. Я был ветреным молодым человеком, неверующим, а теща моя была очень верующая, и она попросила батюшку заехать к нам. Он побывал у нас, помолился, возложил на голову моей жены руки, и припадки прекратились. Но я считал это случайностью, самовнушением; был, конечно, доволен, что жена моя стала здоровой, но не придал никакого значения силе молитвы отца Иоанна. Даже не поинтересовался, кто он такой и откуда он. И вот теперь, благодаря вашему случаю, я встретил его и убедился, что это действительно подвижник. Мой случай в Вологде батюшка, оказывается, помнит. Там, конечно, было не самовнушение, а исцеление...” Мне было особенно радостно слышать это признание врача.

Это свидание с батюшкой было нашим последним свиданием. Как мне передавали со слов батюшки, Господь потому не дал ему исцеления, что он сам исцелял многих, а исцеляя, брал болезни на себя и *должен был выстрадать*.

При втором моем приезде в Оптину пустынь старец Варсонофий сказал мне: “А мне явился отец Иоанн Кронштадтский и передал вас и вашу семью в мое духовное водительство”. И добавил потом: “Вижу я батюшку отца Иоанна, берет он меня за руку и ведет к лестнице, которая поднимается за облака, так что не видать и конца ее. Было несколько площадок на этой лестнице, и вот довел меня до одной площадки и говорит: “А мне надо выше, я там живу”, — при этом стал быстро подниматься кверху...” Потом отец Варсонофий рассказал про свою встречу с отцом Иоанном в Москве. “Когда я был еще

офицером, мне по службе надо было съездить в Москву. И вот на вокзале я узнаю, что отец Иоанн служит обедню в церкви одного из корпусов. Я тотчас поехал туда. Когда я вошел в церковь, обедня уже кончалась. Я прошел в алтарь. В это время отец Иоанн переносил Святые Дары с Престола на жертвенник. Поставив Чашу, он вдруг подходит ко мне, целует мою руку и, не сказав ничего, отходит опять к Престолу. Все присутствующие переглянулись, и говорили после, что это означает какое-нибудь событие в моей жизни, и решили, что я буду священником. Я над ними потешался, так как у меня и в мысли не было принимать сан священника. А теперь видишь, как неисповедимы судьбы Божии: я не только священник, но и монах". При этом батюшка отец Варсонофий сказал между прочим: "Не должно уходить из церкви до окончания обедни, иначе не получишь благодати Божией. Лучше прийти к концу обедни и достоять, чем уходить перед концом".

Другой оптинский иеромонах, Варсис, рассказал мне, что с ним произошел тот же случай, что и со мной, когда отец Иоанн меня приобщил двумя частицами Тела Господня. Это, по его мнению, было указанием его монашества. Отец Варсонофий не мог объяснить сего случая, но сказал, что он, несомненно, означает что-то важное. Вообще старец большое значение придавал поступкам священника после того, как он приобщится. "Бывало со мной несколько раз, — говорил старец, — отслужишь обедню, приобщишься и затем идешь принимать народ. Высказывают тебе свои нужды. Другой раз сразу затрудняешься ответить определенно, велишь подождать. Пойдешь к себе в келью, обдумаешь, остановишься на каком-нибудь решении, а когда придешь сказать это решение, то скажешь совсем другое, чем думал. И вот это есть действительный ответ и совет, которого если спрашивающий не исполнит, навлечет на себя худшую беду. Это и есть невидимая Божия благодать, особенно ярко проявляющаяся в старчестве, после приобщения Святых Таин".

Около отца Иоанна Кронштадтского

В. Ильинский

Ночь была светлая, "белая", по местному названию, напоминавшая ранние сумерки или время перед восходом солнца. Движение на улицах стало сокращаться, и группа ожидавших отца Иоанна растянулась теперь длинной лентой, один конец которой небольшим клубком упирал в открытые ворота его квартиры, а другой терялся вдали по направлению к пароходной пристани.

Часов около одиннадцати послышался в конце живой линии человеческих фигур какой-то неопределенный шум. Шум этот быстро рос и приближался. Наконец стал слышен отчетливый крик: "Едет, едет!" Лента колыхалась, свертывалась, запутывалась в большие клубки, снова распрямлялась. Когда все вокруг меня пришло в беспорядочное движение и послышались возгласы: "Батюшка!.. Кормилец наш!.. Вот он!.." — я был уже за воротами на большом дворе церковного дома. В здании было несколько ходов. У одного из них, налево, стояла группа человек в десять. Нетрудно было догадаться, что через этот именно ход должен был пройти отец Иоанна, и я направился в эту сторону. Шум около дома на улице между тем как-то сразу оборвался. Сзади себя я услыхал стук колес быстро движущегося экипажа. Я остановился. Ворота были уже на запоре, однако во дворе собралось много народа. Все бросились к пролетке-одноколке, в которой сидел отец Иоанн, поддерживаемый своим домашним секретарем. Он издали раскланялся со мной и что-то говорил при этом, но, что именно, я не мог разобрать. Когда он вышел из пролетки, мы поцеловались, и я сказал, что прошу его уделить мне пять минут для беседы.

— Только пять минут, — ответил отец Иоанн, — потому что в эти часы я никого не принимаю.

Я пошел за ним в толпе. Когда отец Иоанн поднимался по ступенькам крылечка в свою квартиру, у него стали просить благословения ожидавшие его здесь учащиеся.

— Экзамен у меня завтра. Батюшка, благословите! — говорил гимназист.

— Благословите и меня, у меня тоже экзамены, — говорила девочка в форменном платье.

— И меня благословите! И меня, — слышалось со всех сторон.

Отец Иоанн что-то говорил детям, но что, я также не мог разобрать. Видно было, что у него были отношения к ним самые сердечные, а мальчика-гимназиста он о чем-то расспрашивал.

Квартира отца Иоанна помещалась на втором этаже.

Первая комната, в которую я вступил, была кухня. Из нее дверь вела в столовую, небольшую комнату с обеденным столом посередине и большими киотами с иконами и зажженными лампадами в двух углах. По стенам стояли стулья различной формы без всякой выдержки не только в стиле, но даже и в цвете. Тут же стоял крашеный шкаф для одежды. Стол был покрыт белой скатертью. Из столовой еще две двери вели в две соседние комнаты, но внутренность этих комнат мне была не видна. В общем, обстановка напоминала помещение небогатого сельского священника: все было просто, без каких бы то ни было претензий на комфорт, но в то же время здесь веяло теплом и уютом.

Когда я вошел в столовую, отец Иоанн был в соседней комнате. Он вскоре оттуда вышел и предложил мне сесть. Он снял с себя на ходу свои регалии и рясу и остался в шелковом небесного цвета подряснике. Рясу он сам же повесил в шкаф.

Светлый подрясник вполне отвечал вообще его светлому виду. Передо мной был человек среднего роста, довольно хорошо сложенный и очень цветущий на вид, с белым чистым лицом и ярким румянцем на щеках, которому никак нельзя было дать его семидесяти лет. Волосы на голове были негустые, короткие и с сильной проседью. Бровей у него почти не было. Небольшие голубые глаза смотрели и сосредоточенно, и живо. От глаз шли к вискам лучеобразные морщины. В общем, у него было большое сходство с известными его портретами. Двигался отец Иоанн быстро, но его ноги, видимо, тяжелели. Слышал он туговато. В движениях рук особенно сказывалась порывистость, но голос его по-прежнему был тверд, звучен, моложав.

Раздеваясь, он сказал мне, что был на освящении санатория в Виндаве и что там была императрица Мария Федоровна.

Разговаривая со мной, он несколько раз выходил в соседние комнаты. Выходил он и на кухню и с кем-то разговаривал там. Я не видел его собеседника и не слышал, о чем он говорил, но было заметно, что тот был возбужден и по временам говорил с плачем. Отец Иоанн слушал молча и только изредка вставлял свои вопросы. И это, по-видимому, успокоительно действовало на говорившего. “Ну, не в

деньгах счастье, — сказал наконец отец Иоанн, — ты это помни!” и отпустил собеседника, еще ранее дав ему поручение принести лафиту. Вероятно, это был местный купец.

Свою беседу с отцом Иоанном я начал сразу же, как вошел в столовую. Говорил я спешно, чтобы не задерживать его. Выслушав меня, отец Иоанн распорядился, чтобы приготовили самовар.

— Мы с батюшкой чайку напьемся, — добавил он.

Сам он говорил мало: или только спрашивал, или вставлял короткие замечания в мои слова.

Служанка между тем подала самовар. Чай отец Иоанн сам принес из соседней комнаты, в бумажной обертке, и сам же заварил. Разливал чай тоже сам. Перед чаем распорядился подать хересу. Когда принесли бутылку, он отослал ее назад.

— Мы еще не обеднели, — сказал он шутливо и приказал подать какую-то другую. Когда подали новую бутылку, он налил две небольших рюмки.

— Пей! Это укрепляет, — сказал он, чокнувшись своей рюмкой о другую рюмку.

— Мне доктора запрещают пить, — сказал я, не столько, впрочем, для того, чтобы отказаться, сколько затем, чтобы выслушать его мнение.

— А я разрешаю, — сказал он решительно.

И действительно, я едва ли когда испытывал более хорошее действие от вина, как в этот раз. Два стакана чаю отец Иоанн выслал кому-то в соседнюю комнату.

За чаем он спросил меня, где я остановился. Я сказал.

— Почему же не в Доме трудолюбия?

— Там дорогие комнаты.

— Вам должны и так дать номер. Скажите от моего имени, чтобы вам дали номер. (Таким добрым предложением я постеснялся воспользоваться, тем более что надеялся видеть его на другой день и на той квартире, которую занимал.)

Я пробыл у отца Иоанна около сорока минут. При уходе он предложил служить с ним наутро Литургию. Я сказал, что не был на вечерне и вообще не готовился.

— Это ничего, — сказал он.

Еще когда я сидел у отца Иоанна, я слышал по временам стук в наружную дверь его квартиры. Выходя от него, я заметил у дверей на

лестнице несколько мужчин и женщин из простонародья. Видимо, они следовали словам Евангелия: толцыте и отверзется.

В квартире меня ожидали с большим нетерпением. О том, что мне удалось добиться приема у отца Иоанна, здесь уже знали и, как только я вошел в комнату, меня сейчас же осыпали вопросами.

Что батюшка говорил? Как принял? Как он себя чувствует и так далее, и так далее.

На другой день народ собрался к церкви в ожидании отца Иоанна еще до звона к утрени; но отец Иоанн приехал в церковь, когда служба уже началась, часов около шести. Во время утрени он часто выходил в соседний придел молиться. Выходил и на клирос. Из алтаря не было видно его, но, когда он показывался народу, это можно было заметить по тому волнению, какое сразу поднималось по временам среди молящихся. По временам слышались истерические выкрики: "Батюшка, дорогой, батюшка!" Одна женщина так громко кричала, что ее вывели из церкви. Канон отец Иоанн читал сам. Входную перед Литургией служащие иереи (нас было пятеро) читали без отца Иоанна.

Служил отец Иоанн своеобразно. Возгласы произносил, по-видимому, с крайним напряжением всего организма; слова не растягивал, но и не сливал, а произносил каждое слово отрывисто и отдельно. Два раза, заметил я, он во время Литургии вытер свои глаза платком. Произносил и свои молитвы. Движения его также были свободны, естественны и, по обыкновению, порывисты. На все окружающее, по-видимому, он мало обращал внимания. Причащал он сам. Двум отказал в причастии — без всяких объяснений. Одна была девушка, почти что девочка — лет пятнадцати-шестнадцати. Когда отец Иоанн сказал, что не станет ее причащать, она растерянно осмотрелась вокруг себя, сошла с амвона, потом снова стала в ряды идущих к причастию. После отпуста отец Иоанн обратился к причастникам с поздравлением. "Имею честь поздравить вас с принятием Святых Таин", — сказал он и к этим словам присоединил несколько наставлений.

Когда окончилась Литургия, к отцу Иоанну стали подходить с разными просьбами: кто о молитве, а кто — о материальной помощи. С нами служил приезжий откуда-то молодой дьякон, больной и плохо одетый. Он просил помощи на содержание семьи. Отец Иоанн дал ему что-то около восьмидесяти рублей. О помощи просил еще какой-то светский человек; он много и со слезами говорил о своей

больной жене. Отец Иоанн дал ему двадцать восемь рублей. Мой компаньон отец Варфоломей получил на свою новостроящуюся церковь сто рублей. Деньги отец Иоанн доставал из кармана своего подрясника, где они лежали в нераспечатанных еще конвертах. Благотворил он охотно и без какого бы то ни было душевного смущения. Тут же в алтаре он диктовал своему секретарю ответы на телеграммы, приходившие в весьма большом количестве.

Вокруг отца Иоанна, в общем, все были в приподнятом душевной состоянии: кто переживал радость возрождающейся надежды, кто — облегчение теперь же удовлетворенной нужды, а кто переживал просто благоговейное чувство при виде нравственной мощи человека, к которому устремлены взоры тысяч и тысяч людей с самыми разнородными и глубоко волнующими ожиданиями. Но хотя отец Иоанн был центральной фигурой и в алтаре и в храме вообще, все наполнял собой и был предметом исключительного внимания всех молящихся, так что все другие были незаметны при нем; при всем том отнюдь нельзя было чувствовать, чтобы он, единственно большой в среде других, кого-либо стеснял, пригнетал, подавлял. В его отношениях к другим не было заметно и в малейшей степени величия сознающего свое достоинство и потому всегда если не высокомерного, то, во всяком случае, покровительственно-снисходительного. О нем нельзя даже сказать, что он был как отец в кругу близких ему членов семьи. Скорее тут шло бы другое сравнение — он был как старший и ответственный руководитель среди работников, занятых большим и важным делом. В нем не было заметно ни малейшей сентиментальности, столь обычной у людей недостаточно глубоких, хотя и нравственно высоких. Работа, дело — вот атмосфера, которая, казалось, была наиболее близка ему и которую он, казалось, всюду хотел бы создавать вокруг себя, — работа не в смысле, конечно, материальной производительности, а в смысле проявления лучших сторон нашей нравственной природы...

Мне довелось видеть отца Иоанна и третий раз, но уже мертвым, в гробу, или точнее — пришлось видеть траурную колесницу с его останками — у Вознесенского моста на дороге от Балтийского вокзала в Иоанновский монастырь. Народ с пением “Святый Боже” шел многотысячной толпой впереди колесницы и сзади ее, густо заполняя всю улицу и растянувшись на большое пространство. Я стоял на одном месте. Проходящие мимо меня ряды только заканчивали пе-

6 Зак. 3001

ние начальных слов «Трисвятого», как подходящие новые ряды начинали пение тех же слов. Так на том пространстве, где я стоял, бесконечное число раз повторялось; “Святый, святый, святый”. Зрелище было очень внушительное. Высокая колесница блестела серебром. Духовенство также было одето в белые ризы. Развевались блестящие хоругви. Таким образом, отец Иоанн и в могилу сходил таким же светлым, каким появлялся живым среди людей.

Пребывание в селе Суре

С. Животовский

Около 4 часов пополудни на противоположном от нас берегу Пинеги мы увидели, наконец, родину отца Иоанна — село Суру.

Совсем небольшое село, но издали вам кажется, что видите небольшой уездный город.

Рядом со старой деревянной церковью во имя Св. Николая Чудотворца величественно глядит на окрестности большой новый каменный храм во имя того же святого, окруженный красивой каменной оградой с железной решеткой. Тут же по соседству стоят два больших каменных дома: в одном помещается школа, в другом — монастырская лавка. Немного дальше из-за храма виднеется красивой архитектуры часовня, построенная над могилой родителя отца Иоанна, дом священника и ряд больших просторных изб. Все это создание отца Иоанна.

— Голое место здесь было, — пояснил нам ямщик, — кроме старой церквушки на голом песке ничего не было. А теперь вон и старой церкви не узнать, так ее подновил отец Иван, а уж новую выстроил, так это всем на удивление.

И, действительно, когда я потом осматривал храм, выстроенный отцом Иоанном, я был поражен его благолепием.

Сначала все эти постройки мы приняли за монастырь, но оказалось, что монастыря еще не видно. Монастырь находится на другой стороне села и со стороны Пинеги закрыт крестьянскими постройками. Спустившись по очень крутой горе к реке, мы увидели на противоположном берегу Пинеги разукрашенную флагами и зеленью пристань. Здесь за час до нашего приезда вся Сура с сестрами и игумень-

ей Иоанновского монастыря встречали своего замечательного односельчанина.

Говорят, это была замечательно трогательная и величественная картина, видеть которую нам с отцом Георгием не пришлось, о чем мы потом очень сожалели.

Перебравшись на противоположный берег на пароме, мы медленно поплелись по сыпучему песку на наших усталых лошаденках.

Солнце печет немилосердно. Колеса нашего тарантаса глубоко врезываются в песок, и лошади нет-нет и остановятся перевести дух.

Наконец взобрались мы на гору и, проехав мимо двух церквей и школы, попали почти на прямую улицу, с двух сторон окаймленную рядами больших просторных изб. Возле изб положены доски для пешеходов, так как ходить по песку, в котором вязнут глубоко ноги, очень трудно.

Улица была совершенно пуста, так как все селение было в монастыре, где находился отец Иоанн.

Наконец показалась и крыша монастырской церкви с куполом из оцинкованного железа, и мы, проехав дворов двадцать, повернули направо и въехали в обширный монастырский двор, окруженный временным деревянным забором. Въехав в монастырский двор, мы круто повернули налево и остановились у крыльца главного корпуса, соединенного с монастырской деревянной церковью.

Все население Суры было здесь.

Следуя за показывавшей нам дорогу монахиней, мы с отцом Георгием прошли мимо входа в церковь, по крутой деревянной лестнице поднялись на второй этаж и вошли в квартиру игуменьи монастыря.

За большим столом в просторной светлой комнате сидело человек пятнадцать самой разнообразной публики. Были тут монахини, духовенство, акцизный и лесной чиновники с женами и детьми и несколько человек крестьян. Большинство пило чай.

Отец Иоанн в белом, как снег, подряснике ходил по комнатам, по очереди разговаривая то с тем, то с другим. Увидя нас с отцом Георгием, он с обычной приветливостью и предупредительностью обратился к нам: "А вот и мои дорогие спутнички, ну пожалуйте, подкрепитесь с дороги!"

Так как мы уже поели, то отец Георгий сел на диван рядом с рослым мужчиной с окладистой светло-русой бородой, с загорелым лицом и мозолистыми руками — очевидно, хлебопашцем, а я помес-

тился между отцом Георгием и симпатичной добродушной старушкой, одетой так, как одеваются здесь все крестьянки.

— Вот это моя родная сестра, а это мой племянник, — сказал мне отец Иоанн, указывая на мою соседку и на соседа отца Георгия.

Сосед отца Георгия оказался родным сыном моей соседки.

В отдаленном углу комнаты сидело еще два племянника отца Иоанна — младшие дети его сестры, тоже одетые по-крестьянски и держащие себя в высшей степени скромно. Два старших племянника женаты и занимаются со своими семьями хлебопашеством.

Тут вот и сказалось наглядно бескорыстие отца Иоанна. Другой на его месте всех бы родственников своих озолотил, дав им возможность жить легко и богато. Но для отца Иоанна все люди одинаково близки, и он не отдает преимущества своим родственникам, которым он помогает, но не больше, чем и всем другим. И родня его не ропщет, потому что с давних пор привыкла смотреть на него как на человека особенного, не от мира сего.

Здесь я узнал, что еще в детстве сын псаломщика Ильи Сергиева, маленький задумчивый Иванушка, пользовался среди своих односельчан особенным уважением. Пропадет ли лошадь у мужика — идут просить Иванушку помолиться, случится ли горе какое или заболеет кто-нибудь — опять идут к Иванушке.

Но вот дивный мальчик вырос и слава его, как солнце, засияла над Православной Русью. А в дикой суровой пустыне, среди дремучих лесов у сыпучих песков, где некогда кроме десятка изб да полуразрушенной деревянной бедной церкви ничего не было, забелели стены величественного каменного храма, засияли золотые кресты над растущей не по дням, а по часам, молодой обителью.

Вся грамотная Россия знала до сих пор на севере Холмогоры — родину великого русского ученого Ломоносова.

Теперь вся православная Россия будет знать и Суру — родину досточтимого своего пастыря. Всего четыре года тому назад отец Иоанн положил начало Сурской обители. И вот теперь в Суре уже 120 сестер, большая часть которых приехала сюда в суровую дикую местность из самых далеких концов России. Только самый незначительный процент монахинь составляют уроженки архангельской губернии.

Не на легкую жизнь и не в благоустроенный уже монастырь собрались сюда молодые монахини. На сыпучем песке трудно создать в короткий срок хорошее хозяйство. Здесь нет еще ни сада, ни огоро-

дов, ни обработанных полей. Все придется создавать тяжелым трудом при самых трудных условиях, так как северное лето коротко.

Пройдет три месяца, в которые солнце почти не сходит с горизонта, и настанет холодная ненастная осень. В начале октября здесь уже все почти покрыто снегом. Солнце сначала показывается всего на несколько часов, а затем и совсем почти исчезает. Настает долгая, суровая зима. Почта приходит сюда всего раз в неделю. Сообщение с далекой Россией только на лошадях да оленях. Почти девять месяцев вся природа погружена в непробудный сон. Воцаряется глубокая тишина, нарушаемая только звоном колокола, призывающего сестер в монастырскую церковь, да воем ветра и стоном вьюги, сливающимися с голодным завыванием диких зверей.

В эту-то обитель и собрались молодые девушки, сознательно готовые в то же время на всякое самоотвержение.

Много я видел мужских и женских монастырей на Руси, но такого еще никогда не видел. Не монастырь, а институт какой-то. Что ни монахиня, то семнадцати- восемнадцатилетний ребенок. Самой старшей из них, исключая конечно игуменью, около тридцати лет.

И что же? По словам священника и матери-игуменьи, все сестры замечательно ревниво исполняют свои обязанности. Каждая безропотно несет свое послушание, как бы тяжело оно ни было. Так силен дух, сообщаемый им в горячих проповедях их духовным отцом и покровителем отцом Иоанном.

Среди послушниц Сурского монастыря очень много кронштадтских, петергофских уроженок, решившихся ехать сюда исключительно из чувства глубокого почитания к отцу Иоанну. Можно поэтому представить себе, какой праздник для сестер монастыря представляет приезд отца Иоанна в Суру!

Во время пребывания отца Иоанна в Суре многие сестры были избавлены от более тяжелого послушания. Так, на монастырский лесопильный и кирпичный заводы, где обыкновенно работают сестры, были наняты поденные рабочие, чтобы дать возможность монахиням видеть батюшку, исповедоваться и причаститься у него.

В день нашего приезда отец Иоанн отслужил здесь вечерню. Наутро для всего монастыря предстояло большое событие: общая исповедь и причастие у отца Иоанна. Отслужив вечерню, отец Иоанн остался ночевать в корпусе, прилегающем к монастырской церкви. В том же корпусе, только этажом ниже, поместились и его спутники:

отец Георгий, игумен Веркольского монастыря отец Иоанникий со своим келарем, пинежский диакон.

Для меня было сделано исключение ввиду того, что мне нужно было работать и соседи могли бы мешать. Поэтому мне предложили отдельную комнату в новом, только что отстроенном домике монастырского священника, куда я и отправился после вечерни вместе с его хозяином отцом Георгием Маккавеевым.

Мы прошли через палисадник к небольшой калитке, сделанной в деревянном временном заборе, окружающем обширный монастырский двор, и вышли на песчаную площадь. На противоположном конце площади я увидел красивый двухэтажный с балконами дом отца Георгия. От самого дома до монастырской калитки проложены мостки, точно так же, как и по всему селу, вдоль его изб. Не будь здесь мостков, хождение по сыпучему песку, в котором тонет нога, было бы крайне тяжело. Войдя в дом отца Георгия, я был поражен его благоустройством. Прекрасная мебель, огромные зеркала, красивые, со вкусом подобранные обои сделали бы честь любому помещичьему дому. Когда я спросил, не найдется ли где-нибудь чуланчика, в котором я мог бы проявить пластинки, отец Георгий провел меня в специально устроенную для фотографий темную комнату с водопроводом и всеми нужными для проявления удобствами.

Священник Маккавеев, как говорится, на все руки мастер, а потому немало пользы принес уже при созидании новой обители. По его инициативе и под его непосредственным наблюдением в Суре построены кирпичный и лесопильный заводы; по его же мысли построен скит в 18 верстах от Суры, в роще, пожалованной монастырю Государем Императором.

Отец Георгий сам чертит планы построек, сам наблюдает за ходом работ. Для себя дом выстроил отец Георгий тоже по своему же плану.

Мне отвели очень удобную комнату с балконом на втором этаже. Весь монастырский двор со всеми постройками виден отсюда, как на ладони. Между монастырским забором и домом отца Георгия уже проложен каменный фундамент для стены, которая в будущем году будет окружать со всех сторон молодую обитель.

На следующий день утром отец Иоанн торжественно, при переполненном храме, служил обедню, во время которой, обратясь к юным монахиням, сказал глубоко прочувствованную проповедь относитель-

но того, как должны жить инокини, посвятившие себя Богу. Хорошо зная человеческую душу, батюшка в своей проповеди коснулся тех вопросов, которые представляют собой самые больные места в жизни монахинь. К концу проповеди в храме начали раздаваться сдерживаемые всхлипывания, потом перешедшие в сплошное громкое рыдание. Когда же, окончив проповедь, отец Иоанн произнес: “Покайтесь!” — в храме все слилось в один общий гул.

Чинно, с благоговением стали подходить одна за другой монахини к причастию. Отец Иоанн причастил сам всех, бывших в храме.

Когда окончилась служба и народ стал выходить из церкви, я вдруг услышал какой-то шум, в котором нетрудно было различить голос отца Иоанна.

За все мое путешествие я ни разу не видел, чтобы отец Иоанн сердился на кого-нибудь или возвысил бы свой голос, и потому крайне удивленный поспешил вместе с другими в церковь.

Когда я вошел, батюшки уже не было: он вышел через алтарь.

— Что случилось? — спрашивали все.

— Да тут сумасшедший один, — объясняла нам монахиня, — всюду преследует батюшку и уверяет всех, что отец Иоанн не кто другой, как сам Христос, явившийся на землю. Для батюшки это сущее горе.

Сумасшедшего вывели из церкви, но это, конечно, делу не поможет. Пойдет он в другое место и будет твердить свою нелепость в народе. Подобные лица — тяжелый крест для отца Иоанна; своими дикими выходками они приносят истинное горе батюшке.

Пообедав у игуменьи монастыря, отец Иоанн поехал вместе с нею в скит, недавно выстроенный в вековом корабельном лесу.

Желая ознакомиться с Сурою, я, захватив с собой фотографический аппарат и альбом, отправился прежде всего в домик отца Иоанна.

Дом, или, вернее, изба, в которой родился отец Иоанн, стоял раньше совсем в другом конце села, теперь перенесен сюда, к монастырю, и покрыт, наподобие домика Петра Великого в Петербурге, чехлом почитателями отца Иоанна.

Изба, как и все здешние избы, сложена из толстых бревен. Свет проходит в две уцелевшие комнаты через маленькие окна с зелеными мутными стеклами.

Первая, более обширная комната почти сплошь завешана образами и картинками духовного содержания. Тут же висит и портрет отца Иоанна.

В углу перед образами стоит простой стол, покрытый скатертью, на котором поставлена чаша с водой и со свечами, приготовленными для молебна.

Во второй комнате из вещей, современных отцу Иоанну, бывших у его родителей, уцелел один только каменный жернов в деревянном ящике. Вот и вся незатейливая обстановка избы отца Иоанна.

Сделав на лошадях путь в Рощу и обратно, 36 верст, отец Иоанн возвратился замечательно бодрый и радостный. Батюшка очень был доволен состоянием недавно только отстроенного и отделанного скитского храма во имя Святой Троицы.

Все только поражались энергии этого замечательного человека. Встать раньше всех, отслужить утреню и обедню и, не отдыхая, по тяжелой дороге проехать 36 верст в страшный зной и не устать при 74 годах от роду — как хотите — дело не совсем обыкновенное.

За все наше путешествие нам не раз приходилось встречать ровесников отца Иоанна, его однокашников по семинарии. Но какие это все дряхлые старики по сравнению с ним: он кажется молодым человеком, если видеть его товарища по школе.

Возвратясь из Рощи и напившись чаю, батюшка сейчас же отправился осматривать вновь отстроенный дом священника отца Георгия.

Из окна кабинета хозяина дома, помещающегося во втором этаже, отец Иоанн мог видеть, как на ладони, всю свою Суру, на первом плане которой раскинулся широкий монастырский двор со всеми своими постройками, частью уже совершенно готовыми, а частью еще не оконченными и закрытыми лесами.

Влево от монастыря стоял погост со своей старинной деревянной церковью, окаймленной с трех сторон жиденьким сосняком.

За сосняком протекает небольшая речка Сура, впадающая в Пинегу.

На берегу Суры находятся монастырские заводы — лесопильный и кирпичный.

В правую сторону от монастыря видно все село Сура, в конце которого белеют каменные дома — школа, лавка и красивый каменный храм во имя Св. Николая Чудотворца.

Батюшка долго не мог оторваться от дорогого его сердцу вида Суры, так преобразившейся благодаря его трудам, и, наконец, повернувшись к священнику отцу Георгию и его жене, сказал:

— А знаете что, я останусь здесь у вас, в этой комнатке ночевать.

Конечно, хозяева были несказанно обрадованы этим и засуетились, желая устроить поудобнее постель.

Из окон обители монахини видели, как батюшка долго стоял перед сном у открытого окна в белом подряснике и смотрел на все, созданное им, а перед уходом на покой благословил молодую обитель.

На следующее утро, 9 июня, отец Иоанн служил обедню в соборе Св. Николая Чудотворца. Прекрасный, сияющий позолотой дорогого иконостаса, храм был переполнен молящимися. Кроме крестьян, здесь собрались и все сестры Сурского монастыря, не желавшие пропустить ни одной службы своего обожаемого благодетеля и покровителя.

После обедни все прошли к часовне над могилой отца батюшки, где последний отслужил панихиду. После этого почти до трех часов дня неутомимый отец Иоанн делал визиты в Суре: посетил всех священников в их квартирах, побывал у сестры своей, зашел в монастырскую лавку, где благословил сестер-приказчиц, заехал в школу, где одна из учениц прочла ему стихотворение.

Когда батюшка вышел из школы, дети высыпали на улицу провожать его. Всех учениц около сорока; одеты все по-институтски: в темно-коричневых платьицах и белых пелеринках.

Пообедав в доме отца Георгия, батюшка задумал осмотреть монастырские заводы, так как на следующий день вечером назначен был отъезд из Суры, перед которым предстояла еще поездка в скит — Рощу, и, следовательно, времени оставалось очень мало.

Пройдя мимо погоста, состоящего из двух кладбищ — раскольничьего и православного, мы вошли в загроможденный досками двор, в конце которого на самом берегу Суры помещаются заводы.

Здесь так же, как и в самом монастыре, все еще в зачатке, не достроено и не окончено, хотя завод и работает вовсю. Пыхтит паровик, визжат пилы на нескольких станках, распиливая бревна, несутся по воздуху от вала к валу приводные ремни.

Батюшка подробно осматривал каждое отделение. Объяснения давал священник отец Георгий.

Терпеливо прождал отец Иоанн, пока длинное бревно, вставленное при нем в станок, не вышло с другой стороны уже в виде дюймовых досок. Потом все прошли вниз, где полученная из бревна доска была вставлена в строгальный станок, который придал ей форму длинного карниза. Затем приводные ремни были передвинуты на другой вал,

и перед нами со страшной быстротой завертелось стальное колесо-пила. Та же доска была теперь подставлена под пилу и в какие-нибудь две-три минуты превратилась в несколько мелких отдельных кусочков, которые тут же и были розданы всем присутствующим на память.

Из лесопильного отделения мы прошли в кирпичное, где на наших глазах из бесформенных кусков глины очень быстро были сделаны при помощи паровой машины очень правильной формы кирпичи. Тут же по соседству та же паровая машина приводит в движение мукомольный жернов. Благодаря устроенным тут заводам местные крестьяне получили новый источник заработка и дохода.

Окончив осмотр заводов, отец Иоанн поблагодарил рабочих за труды и возвратился в дом отца Георгия.

На следующий день в 6 часов утра отец Иоанн пожелал служить утреню и обедню в скитской церкви во имя Святой Троицы, которая находится в так называемой Роще.

Ввиду этого он решил встать утром часа в четыре, чтобы проехать по холодку, пока нет оводов, а монахиням, желающим присутствовать на богослужении, предложил совершить путешествие пешком с вечера. Конечно, не отправились в скит из сестер только те, кому отлучиться нельзя было по каким-нибудь особенно важным причинам. Большинство монахинь, поснимав с ног обувь, немедленно же отправилось в восемнадцативерстный путь. Уехали с вечера и некоторые из наших спутников: иеромонах отец Георгий с С.К.Кыркаловым, игумен Иоанникий со священником отцом Георгием и другие.

За мной утром обещал заехать становой пристав, чтобы ехать в скит одновременно с отцом Иоанном.

К сожалению, он жестоко подвел меня и лишил возможности побывать в Роще.

В 4 часа утра 10 июня отец Иоанн был уже на ногах. Когда я вышел из своей комнаты, батюшка уже выезжал из ворот на дорогу. Сытые монастырские лошадки подхватили легкий экипаж отца Иоанна и почти вскачь понеслись по лесной дороге.

В Суре все уговаривали отца Иоанна остаться еще на несколько дней.

— Глядите, какие тучи на горизонте, — говорили суряне, — того и гляди вода подымется, и пароход ваш прямо сюда и подойдет.

Но отец Иоанн не создан для праздной жизни. Сидеть на месте без дела для него утомительнее всего. А в Суре уже все было сдела-

но, да, кроме того, приезда его с нетерпением ждали на Волге. До Волги же нужно было еще побывать в Архангельске, Холмогорах и Вологде. Поэтому батюшка торопился, и наш отъезд был решен окончательно.

Возвратился из Рощи отец Иоанн около 4 часов пополудни и лег немного отдохнуть после утомительной дороги.

Вскоре подъехали и остальные богомольцы.

Позднее всех возвратились сестры монастыря, ходившие в Рощу пешком. Последних захватил в дороге ливень и они возвращались совершенно мокрые.

Отдохнув не более часа, батюшка вышел к прощальному обеденному столу, вокруг которого уже собрались все близкие его родные, знакомые и сотрудники по созданию обители. Суряне ловили каждое слово батюшки и не сводили с него глаз, желая насмотреться на него перед прощанием.

Отец Иоанн по очереди говорил то с одним, то с другим, давая каждому нужные наставления, касающиеся его специальности.

—Пока жив, не оставлю вас своим попечением, — говорил на прощанье отец Иоанн сестрам своего монастыря, — а умру — тогда Господь Бог вас не оставит. Будьте только благочестивыми и достойными сестрами своего монастыря.

Отец Иоанн Кронштадтский

Д. Озеров

Впервые познакомился я с отцом Иоанном в 1890-х годах у старого его друга — старенькой царскосельской купчихи Барановой. Благочестивая, древняя, оригинальная старушка Баранова принимала у себя отца Иоанна, как в древние времена принимали пророков, святых угодников. Отец Иоанн служил у нее в доме всенощные, молебны, освящал воду и беседовал с простой, но по-детски верующей старушкой, которая изливала ему все свои заботы, беспокойства, поверяла все свои семейные и торговые дела, безгранично ему доверяла и всей душой верила в силу его молитвы. Отец Иоанн относился к ней с глубоким уважением, терпеливо выслушивал все ее сетования и повествования, отвечал на ее вопросы просто, для нее понятно, говорил с нею, как говорят с детьми, утешал, ободрял ее, молился о всех ее заботах, часто ее приобщал. Много на Руси было таких дру-

зей у отца Иоанна, и друзья эти готовы были отдать все, что имели, по одному его слову. Дружба отца Иоанна с такими простыми, добродушными, по-детски верующими людьми, их безграничная вера в его святость воздвигли по всей родине нашей такие богоугодные учреждения, о которых на Западе и понятия не имеют.

В Царском Селе, например, другая благочестивая старушка, А.М. Дрожжина по одному только слову отца Иоанна на молебне в частном доме, назвавшего ее, бездетную, "бабушкой" и благословившего все ее добрые намерения, устроила образцовый родовспомогательный приют для 50 бедных рожениц, пристроив к нему великолепный храм. "Как назвал он меня, бездетную, одинокую, бабушкой, так я и поняла, что должна устроить приют для бедных рожениц, и теперь у меня в доме рождается 600 внучат ежегодно", — рассказывала мне с умилением почтенная старушка. В доме везде красуются портреты отца Иоанна. Таких богоугодных заведений много на Руси, и воздвиглись они не с обдуманными филантропическими целями, а просто "во славу Божию и по молитвам нашего драгоценного батюшки".

Но не ко всем относился отец Иоанн с таким благодушием. Я присутствовал однажды при крайне суровом обращении отца Иоанна с лицом, занимающим видное положение. Лицо это, пользуясь пребыванием отца Иоанна у старушки Барановой, пришел к ней и просил отца Иоанна зайти к нему на квартиру, на той же улице, к больному сыну. Отец Иоанн наотрез отказал, и, когда просящий стал перед всеми присутствующими на колени и умолял отца Иоанна посетить его квартиру, отец Иоанн, к удивлению всех окружающих, сказал: "Я здесь освятил воду, возьмите ее с собой и окропите ею всю вашу квартиру, и тогда только я приду". Безропотно, при всех, человек этот поклонился отцу Иоанну в ноги, взял чайник во святой водой и удалился. Обождав некоторое время, при общем молчании отец Иоанн перешел через улицу и вошел к больному. Выходя из дома, отец Иоанн наотрез отказался от объемистого конверта с деньгами, который умолял его принять хозяин квартиры "для раздачи бедным", и, сев в экипаж, принял с благодарностью протянутый ему с запиской каким-то оборванцем рубль. Не могу при этом не вспомнить и другой знаменательный случай, свидетелем которого мне пришлось быть. В Царском Селе жил молодой еврей Г., сын портного, кончивший университет, провизор. Жена его тяжко заболела, и доктора объявили ее

безнадежной. Пришел ко мне Г. и спрашивает совета, может ли он, еврей, поехать к отцу Иоанну в Кронштадт просить его молитв, так как он в сущности никакой религии не признает, но верит в силу молитвы отца Иоанна. "Просить все можно", — ответил я ему.

Через несколько дней зашел ко мне сияющий от радости Г. и объявил, что ездил в Кронштадт. Отец Иоанн выслушал его, помолился о выздоровлении его жены, был с ним ласков, а вернувшись домой, он нашел жену вне опасности. "Еду к отцу Иоанну его благодарить и очень обрадую его, так как мы решили в знак благодарности у него креститься". Дня через два приходит ко мне Г. сконфуженный и смущенный.

"Представьте себе, — говорит он мне, — что отец Иоанн не согласился меня крестить. Я ему сказал, что в благодарность за выздоровление моей жены мы с женой решили принять крещение из его рук". — "А веруете ли вы в воскресшего Христа Спасителя?" — спросил отец Иоанн. "Нет, — ответил я, — но верю в святые ваши молитвы". — "Ну, в таком случае я вас крестить не могу, — сказал батюшка, — благодарности мне не надо, изучайте Евангелие, обратитесь к любому священнику и, когда вы уверуете в Христа Спасителя, креститесь".

"Так я ушел ни с чем, — с грустью сказал Г., — и теперь не знаю, как быть: отец Иоанн ничего от меня принять не пожелал".

В 1891 году в России был голод, принявший в некоторых губерниях угрожающие размеры. В стрелковом батальоне императорской фамилии в Царском Селе все нижние чины поступали из бывших удельных крестьян, поэтому в батальон начали поступать просьбы о помощи запасных стрелков из голодных губерний — Симбирской, Самарской и Воронежской. Офицеры батальона учредили при батальонной церкви попечительство во имя Святителя Николая Чудотворца о семействах отставных и запасных нижних чинов батальона, пострадавших от неурожая. Но что могли сделать офицеры, когда сотни бывших их сослуживцев стали обращаться за помощью, описывая в ярких красках свое бедственное положение. Зная по опыту, как разрасталось и развивалось каждое богоугодное дело при молитвенном содействии отца Иоанна, я обратился к нему с усердной просьбой приехать в батальонную церковь 9 мая, отслужить молебен святителю Николаю Чудотворцу и этим положить начало делу помощи голодающим стрелкам. Получил письменный ответ от отца

Иоанна, что 9 мая праздник в Кронштадте и что он, к сожалению, приехать не может. 7 мая, утром, вдруг получаю телеграмму из Москвы от отца Иоанна, что он приедет 8 мая, вечером, в Царское Село, будет у меня ночевать, рано утром отслужит утреню, Литургию и молебен с акафистом святому угоднику Николаю Чудотворцу. Почитатели отца Иоанна могут себе представить, с каким чувством радости и умиления встретили мы дорогого гостя. Ко мне на квартиру стали приходить солдатики с различными просьбами и записочками для батюшки, а один сверхсрочный унтер-офицер просил личного свидания. Отец Иоанн его тотчас же принял, и унтер-офицер просил об исцелении своей жены, которая уже несколько лет страдает страшным недугом: она не может подойти к Святой чаше и потому не может сама приобщить своего ребенка. Отец Иоанн приласкал унтер-офицера, обещал помолиться и велел привести жену в церковь до утрени. Я неоднократно в Кронштадте присутствовал при тяжелой обстановке борьбы отца Иоанна с одержимыми этой страшной болезнью — невозможностью присутствовать при Литургии и приближаться к Святой чаше. Называю это борьбой, так как воочию видел, как тяжело приходилось отцу Иоанну шаг за шагом приближать их к Святой чаше. Видел я раз молодую, вполне здоровую на вид бабу, которую вели четверо мужчин. Она с большим усилием делала шаг вперед и затем упиралась, и никакими средствами нельзя было ее сдвинуть с места. Отец Иоанн целую неделю ежедневно перед началом службы заставлял ее подвигаться вперед на один шаг, молился, кропил ее святой водой, при этом сам видимо страдал, обливался потом, именно боролся с невидимой силой. Я воспользовался случаем с унтер-офицером и выразил батюшке мое сомнение, что эти простые бабы одержимы бесом. При этом я выразился так: "Я не верю в беса, который может вселиться в простую, темную бабу; отчего же он не вселяется в образованных интеллигентных людей? Самые безнравственные, злые и неверующие люди беспрепятственно присутствуют при совершении Таинства, а простые бабы мечутся, кричат и неистовствуют". На это отец Иоанн мне ответил следующее: "Верить надо в Бога, в Воскресшего Спасителя, а в бесов верить не надо, это от христианина не требуется. Вы об этом и не думайте, и вообще это совершенно не ваше дело и не входит в круг ваших обязанностей. Верить в бесов не надо, и чем меньше вы о них думаете, тем лучше. Живите по Евангелию, будьте настоящим христианином, и

тогда злой дух для вас не страшен. Но мы, священники, постоянно имеем с ним дело, и я думаю, что каждый настоящий служитель алтаря знает, что злые духи и бесы существуют, и борется с ними.

Что касается того, что вы не понимаете, почему бесы не входят в образованных людей, то вы ошибаетесь. Бесы в простых людей входят по простоте, и горе тем злым людям, которые имеют с ними сообщение и через которых бесы вселяются в простых, темных людей. Эти последние только страдают, виновники же те, которые имеют сношение с злым духом. Горе, горе им!

В образованных и интеллигентных людей злой дух вселяется в иной форме, и бороться с ним гораздо труднее. Вообще, повторяю, не думайте об этом. Бывают люди психически больные, бывают нервы. Этих надо лечить, но бывают и одержимые злым духом, и этим никакое лечение не поможет. Они исцеляются только молитвой и постом. Не следует углубляться в эти вопросы, предоставьте это священникам, которые получили особые дары Святого Духа для борьбы со злым духом. Злой дух, или попросту дьявол, очень любит, когда ему придают большое значение, боятся его, он, лукавый, отец лжи, сейчас же этим пользуется и тогда беда..."

В первом часу ночи отец Иоанн лег отдохнуть и уже в 4 часа утра встал и предложил выйти на воздух погулять. День был чудесный, солнечный, и мы вышли в парк, к озеру. Отец Иоанн любил одиночество, чистый воздух, природу, а вся жизнь его протекла в городах, в толпе, в спертом воздухе. Надо было видеть, как он восхищался каждым деревцем, каждым зеленым листиком, как жадно дышал свежим утренним воздухом, как славил Бога в Его творениях!

Около пяти часов утра мы вышли из парка и на шоссе перед казармами встретили толпу чухонок с молоком. Чухонки, увидев отца Иоанна, окружили его и просили его благословить их кувшины, открывали крышки, и отец Иоанн крестным знамением осенял каждый кувшин, клал руки на головы чухонок, которые плакали от радости и целовали его руки.

Во время прогулки отец Иоанн объяснил мне, почему, несмотря на праздник в Кронштадте, он решил приехать к нам отслужить молебен в попечительстве во имя святителя Николая Чудотворца. Постараюсь как можно точнее передать его слова. "Когда вы мне написали, что помощь голодающим солдатам предполагается устроить во имя Святителя Николая Чудотворца, я почувствовал, что должен

приехать. Я никогда не забываю 9 мая и того, что для меня сделал в этот день святой угодник Николай Чудотворец! И в этот день всегда особенно его праздную, благодарю и прошу его помощи и заступничества.

Это было давно! Я тогда был студентом Духовной академии. За несколько дней до 9 мая ко мне зашел мой товарищ по академии и сообщил мне горестную и ввергнувшую его в отчаяние весть, что он совершенно и безнадежно оглох. Все врачи, к которым он обращался, объявили ему, что он неизлечим. Я ему говорю: "А как же выпускные экзамены? Как же ты их будешь держать?" Пишу ему на бумаге; он прочел и говорит: "Как же я могу держать экзамены, когда я ничего не слышу?" Я возмутился духом. Да ведь это невозможно, немыслимо! И пишу ему на той же бумажке: "Приходи ко мне 8-го вечером, и мы всю ночь с тобою помолимся святителю Николаю Чудотворцу, затем отслужим Литургию, молебен с акафистом". Так мы и сделали, и мы вдвоем так молились, так просили, так убеждали Николая Угодника нам помочь, что после акафиста мой товарищ вдруг услышал, и мы друг друга поздравляли, плакали и обнимались. И он успешно выдержал все экзамены. Вот это событие я никогда 9 мая не забываю и всю жизнь благодарю угодника Божия за его помощь и заступление".

Радостно и благоговейно встретили стрелки императорской фамилии дорогого батюшку. Во время Литургии жена унтер-офицера подошла к Святой Чаше со своим ребенком и радовалась, обливаясь слезами. Громко и проникновенно читал отец Иоанн акафист святителю Николаю Чудотворцу. "Отче Николае, моли Бога о нас", — говорил он, обращаясь как бы к присутствующему здесь среди нас лицу. Нижние чины при выходе отца Иоанна из церкви так обступили его, что офицерам пришлось взяться за руки и тесным кольцом его окружить, чтобы оградить его от желающих прикоснуться к нему и получить его благословение.

После 9 мая дела попечительства сразу расцвели, явились жертвователи, и было собрано 8262 рубля и 112 пудов хлеба от оставшихся от обеда нижних чинов кусков. С 1 сентября 1901 г. по 1 июля 1902 г. попечительство имело возможность снабжать хлебом 330 семейств, пострадавших от неурожая, и, кроме того, устроило для них через удельных окружных надзирателей работы, за которые они получали пособие мукой по числу душ в каждой семье.

К отцу Иоанну, как известно, обращались за советом не только миряне со всех концов России, но и духовные лица. Мне пришлось быть свидетелем выдающегося случая, когда к отцу Иоанну приехал за советом диакон с Дона, молодой красивый казак. Отец Иоанн служил Литургию в соборе совместно с приезжими священниками и диаконами. Стоя в алтаре, я невольно обратил внимание на молодого диакона, который все время Литургии обливался слезами. Отец Иоанн особенно ласково с ним обращался и после совершения Даров дал ему в руки рипиду, которую он все время держал над Святой Чашей. Из расспросов я узнал, что диакон этот во время пожара на Дону потерял жену и детей и у него остался только новорожденный, которого он вынес на руках из огня. И вот он приехал к отцу Иоанну за советом, что ему делать, бросить ли ему сан, так как в монастырь он не желает поступить, а ребенка нянчить и воспитывать не может, не имея права в сане диакона жениться. После службы я подошел к диакону, выразил ему свое соболезнование и спросил, какой же дал ему совет и наставление отец Иоанн. "Да вот я уже неделю здесь живу и все спрашиваю у отца Иоанна, что мне делать, а он только и говорит "служи со мной", и вот я и служу ежедневно, молюсь и плачу, а ответа не получаю". Я условился с диаконом, что он по дороге домой заедет ко мне. Недели через две заехал он ко мне, вид у него спокойный, задумчивый, строгий. "Что же, — спрашиваю я его, — сказал в конце концов отец Иоанн?" — "Да ничего не сказал. Служил я с батюшкой, ежедневно приобщался Святых Таин, молились мы вместе, он меня благословил и отпустил, а на дорогу подарил мне подрясник, теплую верхнюю одежду и шапку". — "Что же вы будете делать?" — спросил я его. "Отец Иоанн так служит, — ответил он, — что служить с ним великая отрада и утешение. Я чувствую себя теперь спокойнее, какой-то мир водворился в душе. Решения я никакого не принял, поеду домой, а потом что Бог даст!"

Лет через шесть после этого получил я телеграмму с Дона от этого диакона. Он просил меня навести справку в Синоде, прошло ли особое представление Донского архипастыря о разрешении посвятить его, вдового диакона, в священники на открывающуюся вакансию в какой-то станице. По наведенной мною справке, оказалось, что Донской архиепископ просил в виде исключения разрешить посвящение достойнейшего вдового диакона в священники, на что и последовало разрешение Святейшего Синода.

В мае 1900 года Общество приморских санаториев предполагало открыть первый в России приморский санаторий для хронически больных детей в Виндаве. Комитет Общества поручил мне просить отца Иоанна вместе с комитетом поехать в Виндаву освятить первый павильон имени Ее Величества Государыни Императрицы Марии Феодоровны и заложить другие здания санатория.

Отец Иоанн, выслушав внимательно мой доклад о всех предположениях комитета для облегчения страданий детей, больных туберкулезом костей, передал мне, что он согласен ехать. Все было устроено, и отъезд был назначен на 10 мая в 8 часов вечера, через Ригу. В 12 часов дня 10 мая приезжает ко мне причетник Андреевского собора Киселев и передает мне собственноручное письмо отца Иоанна. Батюшка пишет, что ему сказали, будто в Виндаве лежит глубокий снег, что добраться до санатория очень трудно, что вообще в Виндаве очень холодно, и поэтому он не решается ехать так далеко. Я спросил у Киселева, где в настоящее время отец Иоанн. Оказалось, что он в подворье на Бассейной и обедает после обедни у игуменьи Таисии, которая празднует свои именины. Еду туда и вхожу с большую залу, где обедает масса народу. Отец Иоанн, видя меня издали, говорит: "Получили мое письмо? Ехать не могу". Я подошел к отцу Иоанну и говорю: "Кто мог вам сказать такую неправду, что в Виндаве снег и холод и что добраться до санатория трудно?" — "Да вот они говорят", — сказал батюшка, показывая рукой на своих соседок, каких-то старушек. "А вы им не верьте, они просто стараются вас отговорить, не желают вашего отъезда. В Виндаве чудная, солнечная погода, снега давно нет, все сухо и начинает зеленеть, от города до санатория у нас конная железная дорога, вагон для вас готов, едут с вами отец Алексеев и все члены комитета. В Риге ждут вашего приезда, а в Виндаве весь город собирается вас встречать." — "Ну так едем", — сказал отец Иоанн и встал из-за стола. Все встали, и окружающие стали уговаривать его не ехать. Отец Иоанн никакого внимания на них не обращал и расспрашивал меня, как устроить, чтобы он мог съездить в Кронштадт: "Я должен с собой взять Святые Дары, без которых никогда не езжу, и захватить с собой некоторые вещи". Решили, что отец Иоанн поедет сейчас же на Балтийский вокзал, с двухчасовым поездом в Ораниенбаум, а я устрою ему пароход с расчетом, чтобы он к шести часам был на Балтийском вокзале, к часу отхода поезда в Ригу. Отец Иоанн сейчас же быстро и порывисто про-

стился с окружающими, сел с какой-то старушкой в карету и приказал кучеру ехать на Балтийский вокзал. Приехали на вокзал, я усадил батюшку в поезд и уговорился с причетником насчет парохода. Ровно в 6 часов приехал отец Иоанн на Балтийский вокзал, и мы выехали через Ригу в Виндаву. Приехали в Ригу на другой день в 10 часов утра. В Риге на вокзале встречала отца Иоанна несметная толпа народа, его вынесли из вагона на руках и куда-то увезли. Я успел только просить полицмейстера привезти отца Иоанна на Тукумский вокзал к 12 часам дня.

На всех станциях до Виндавы нас встречали огромные толпы, отец Иоанн открывал окно вагона, и ему в окно передавали маленьких детей, которых он благословлял и целовал, и детей возвращали родителям через другое окно. Замечательно, что ни один ребенок при этом не плакал и не пугался, и маленькие ручонки обнимали отца Иоанна за шею. В вагоне отца Иоанна все время сменялись пассажиры, некоторые сидели на полу, у его ног, и только смотрели на него. Отец Иоанн все время читал Библию, громко читал и восхищался пророчествами Исаии, а простые женщины и монашенки, сидящие у ног его, думали, что он пророчествует, умилялись, вздыхали и плакали.

Приехали мы в Виндаву в 9 часов вечера. Весь город встречал отца Иоанна на вокзале, даже евреи толпились перед окнами вагона, глядели и кланялись. Отец Иоанн поехал к почтенному старику протоиерею Алякритскому, настоятелю единственной в Виндаве православной церкви при тюрьме. Отец Алякритский спросил отца Иоанна, могут ли на следующий день приобщаться Святых Таин его прихожане. “Конечно, — сказал отец Иоанн, — но исповедовать я никого не буду, это ваша паства, исповедуйте их сами”. Поздно вечером приехали со всех сторон православные священники и протоиереи с диаконом от рижского архиепископа и долго сидели за чайным столом у престарелого протоиерея, вспоминали старики свои бурсаческие годы и пели хором канты. Рано утром отец Иоанн в сослужении со всеми священниками и диаконами отслужил утреню и Литургию, после чего отца Иоанна увезли в город. Мы должны были в половине второго сесть в вагон конно-железной дороги, а батюшки все нет. Наконец в третьем часу привезли отца Иоанна на квартиру отца Алякритского, он, по-видимому, был страшно утомлен. “Не могу ехать в санаторий, — сказал мне отец Иоанн, — я так устал, что еле стою на

ногах, меня возили по всему городу, я был на месте строящейся православной церкви; и в больнице и в частных домах меня везде угощали селедкой, так пить хочу, так устал, что не могу двигаться". Сейчас же распорядились дать батюшке чаю; я обещал, что он более получаса может спокойно спать в вагоне конно-железной дороги. Сели мы в чью-то коляску и поехали на нашу платформу. Я посадил батюшку на переднюю скамейку вагона, завернул его, усталого и измученного, в плед, и он тотчас же заснул крепким сном младенца. Приезжали приглашенные городские власти и гости, тихо, молча садились в вагон. Когда мы по лесу подъезжали к санаторию, пришлось разбудить усталого отца Иоанна. Он удивленно открыл глаза и, улыбаясь, сказал мне: "Куда это вы меня в лес завезли?"

Приезд в санаторий был необычайно радостный: солнце сияло, больные калеки-дети и служащие санатория с массой народа, добравшегося пешком, встречали дорогого гостя. Отдохнув, приступили к освящению санатория. Батюшка совершенно ожил и перед началом молебна сказал прочувственное слово: "В природе везде разлита в изобилии жизнь, и человек, находящийся на лоне природы, при известных условиях со своей стороны — умеренности и воздержанности от всего излишнего и греховного — и сам оживляется, ободряется, обновляется, укрепляется, так сказать воскресает из мертвых. Пожелаем выздоровления всем детям — и настоящим, и будущим, которых сострадательная рука приведет сюда, а отцам и матерям дай Бог и самим быть здоровыми и рождать детей здоровых".

После молебна отец Иоанн окропил святой водой все здания санатория и места закладки новых зданий, и затем все пошли на высокую дюну над морем. Отец Иоанн, видимо, наслаждался тишиной, чудным видом на море и чистым, живительным воздухом. Повернул я голову назад и вижу, что поодаль, под дюной, собирается громадная толпа рабочих в разноцветных рубашках, одетых по-праздничному. В это время строился виндавский порт и на постройках работали артели со всех концов России. Все эти артели собрались около павильона санатория и ждали батюшку. Отец Иоанн, обернувшись, заметил их, встал и пошел к ним. Они все, толпой в несколько сот человек, стали на колени и поклонились ему в ноги. "Здравствуйте, труженики, — ласково приветствовал их отец Иоанн, — встаньте; здравствуйте, дорогие друзья". — "Здравствуй, наш дорогой батюшка, здравствуй, родной наш! — заголосили мужики. — Мы за тобой пришли."

— “Как за мной?” — спросил отец Иоанн. Один из старших при общем молчании объяснил отцу Иоанну: “Мы пришли за тобой всеми артелями, мы должны тебя по всем нашим постройкам пронести, ты должен все наши работы благословить, так решили все артели, и мы за тобой пришли”.

“Да как же это, — сказал отец Иоанн, — ведь вы работаете в порту, на воде, как же я туда пройду?”

“А мы тебя на руках снесем и будем передавать тебя от артели к артели.” — “Как вы думаете, — сказал мне отец Иоанн, — ехать ли мне в порт с ними?” — “Придется ехать, — отвечал я, — они ведь со всей России здесь на работах и желают, как и все мы, получить ваше благословение.” — “А вы поедете с ними на работы?” — спросил отец Иоанн. “Да меня никто не приглашает”, — отвечал я. “Ишь, какой хитрый, — смеясь добродушно, сказал батюшка, — меня уговаривает, а сам не идет”.— “Да меня, дорогой батюшка, никто на руках носить не будет, как же я пройдусь по морю, на портовых работах?” Так и не дали отцу Иоанну насладиться покоем, тишиной и видом на море, посадили мы батюшку в вагон, обступили его рабочие и шагом поехали в город к мосту. Там ждал пароход и батюшку увезли в порт.

Мне передавали очевидцы, что, действительно, отца Иоанна пронесли на руках по всем портовым сооружениям, по молам, в открытое море, и артели бережно передавали его из рук в руки. Тут затем произошло нечто знаменательное, мы все были сконфужены и только впоследствии, через несколько лет, поняли, что прозорливый батюшка был прав.

Начальник работ порта, поляк, был ретивый католик. Он, как потом оказалось, все время подсмеивался над восторженным приемом отца Иоанна в Виндаве, но так как он был во главе всех портовых работ, имел в своем ведении все рабочие артели, строил санаторий и принимал деятельное участие в его устройстве, то он решил у себя устроить для отца Иоанна парадный обед, на который пригласил всех приехавших на освящение санатория. Пригласил же он отца Иоанна не накануне, даже не во время освящения санатория, а когда утомленного и измученного отца Иоанна привезли из порта в вагон на вокзал, когда уже стемнело. Поэтому отец Иоанн отказался от обеда, и с ним осталось все духовенство. Так обед и не состоялся. Впоследствии во время революционного движения начальник работы был сменен.

Отец Иоанн, отдохнув, пил чай в вагоне и диктовал отцу Александру Алексееву сказанное им перед молебном слово. Ночью мы уехали из Виндавы и вернулись в Петербург 14 мая рано утром. Часто после этого видел я отца Иоанна, но никогда не видел его таким радостным, сияющим, довольным, как в Виндаве, на берегу моря, на высокой дюне под соснами.

Отец Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский и его пребывание в Киеве

Профессор И.Сикорский

Приезд о. Иоанна в Киев и пребывание в нем представляют собою выдающееся событие местной жизни, которое должно быть занесено в летописи.

Около двух месяцев кряду, не прекращаясь, ходили слухи о приезде в Киев о. Иоанна, и люди всех возрастов, классов и состояний жадно прислушивались к вестям о приезде человека, которого Киев еще никогда не видел, но которого он уже хорошо знал, как и вся Россия.

С начала Фоминой недели ко всякому поезду Курско-Киевской дороги собиралась многочисленная публика встречать о. Иоанна. Несмотря на сохранение всевозможной тайны, которою окружен был приезд о. Иоанна в Киев, несмотря на то, что им был избран путь не на Москву и Курск, а на Белосток, — прихода поезда 16 апреля ждала многочисленная публика. Киев встретил о. Иоанна и приветствовал так, как его встречают и приветствуют везде в России. Уже в день приезда многочисленная публика наполняла улицу, где остановился о. Иоанн. Многие провели на улице ночь в благоговейном ожидании увидеть батюшку.

О. Иоанн прибыл в Киев в 8 часов вечера 16 апреля и уже с трех часов пополуночи со всех концов Киева собрались массы народа: весь Киев узнал о приезде о. Иоанна. С 4 часов утра о. Иоанн начал прием *труждающихся* и *обремененных*, ищущих утешения. В 8 часов утра 17 апреля о. Иоанн с великим трудом сквозь густые массы народа достиг генерал-губернаторского дома, где в домовой церкви совершил обедню.

Уже с 10 часов утра население Киева было на ногах; воодушевление, которым все были проникнуты, можно назвать беспримерным.

Во всех концах города собиралась публика и в благоговейной тишине ожидала его приезда. Никто не знал, где он будет, его везде ждали. Повсюду, где показывался о. Иоанн, воодушевление было необычно и велико, и его нельзя охарактеризовать иными словами, как мольба, молитва, благоговение, жажда видеть его. Таково было всеобщее настроение.

Вслед за окончанием обедни в доме генерал-губернатора о. Иоанн посетил Высокопреосвященного митрополита Иоанникия в лавре. Воодушевление тысяч богомольцев, наполнявших обширный погост вокруг Великой Лаврской церкви, не может быть передано словами.

В 2 часа дня о. Иоанн посетил Ее Императорское Высочество, Государыню Великую княгиню Александру Петровну. Повсюду на пути следования о. Иоанна его встречали и сопровождали массы людей, ища его благословения.

Из Покровского монастыря о. Иоанн проследовал в Андреевскую церковь, видимо, горя желанием посетить и узреть собственными глазами священные и исторические местности Киева. Быстро поднялся, почти взбежал о. Иоанн по чугунной лестнице на площадку Андреевской церкви, откуда открывается обширный и весной особенно поразительный вид на Подол, Днепр, Заднепровье и на окрестные горы.

Благоговейно, в молчании о. Иоанн рассматривал ближайшие и отдаленные окрестности и в молитвенном настроении его всепроницающая мысль перенеслась к тому отдаленному времени, когда апостол Андрей Первозванный стоял на этом самом месте, предрекая великую историческую судьбу Киеву. Всею силою своего горячего чувства о. Иоанн переживал в своей душе исторические судьбы отечества и христианства.

В продолжение немногих минут площадка Андреевской церкви наполнилась массой посетителей, которые со всех сторон устремились к Андреевской церкви, как только стало известно, что здесь находится о. Иоанн. На площадке и в самой церкви о. Иоанна увидели многочисленные пришлые богомольцы Киева. С этого момента начинается ряд нескончаемых трогательных оваций, предметом которых сделался о. Иоанн. Единодушие, с которым люди всех званий и состояний приветствовали его и стремились к нему, не поддается описанию. Многократно о. Иоанн молился и молитвенно радовался, отвечая на приветствия. Его радость вытекала из сознания, что люди

объединяются и что религия является могущественной объединяющей силой человечества.

Посетив Михайловский монастырь и преосвященного Иакова, о. Иоанн направился к памятнику святому Владимиру. Его сопровождали массы народа: тут были и богомольцы, и публика, и учащиеся — все хотели видеть о. Иоанна, принять от него благословение. В ответах о. Иоанна на приветствия окружающих сказывалась постоянно та безграничная любовь к людям и та проницательность, которая так свойственна о. Иоанну и которая отличает его от тысяч и миллионов людей. Давши благословение двум подошедшим к нему взрослым гимназистам, он пожелал им хорошо выдержать экзамены и поступить в студенты. Подошедшему студенту университета пожелал трудиться и не переставать трудиться. Приблизившись к памятнику святому Владимиру, о. Иоанн предался воспоминаниям о протекших исторических судьбах России и с пламенным чувством и благоговением он то подымал взор к монументу просветителя России, то опускал его долу, где находится место Крещения Руси.

От памятника святому Владимиру о. Иоанн пешком спустился на Александровский спуск и отсюда проследовал в Никольский монастырь к преосвященному Иоанникию, епископу Уманскому. Отсюда о. Иоанн пожелал поехать на Аскольдову могилу.

Посещение этого первого кладбища христианских мучеников произвело особенное впечатление на о. Иоанна. Здесь впервые для окружающих стали видимы те глубокие черты характера, которые свойственны о. Иоанну и которые составляют источник его беспримерного влияния на людей. Можно сказать, что в течение почти целого дня о. Иоанн находится в состоянии величайшего психического возбуждения, которое является то в форме молитвы без слов, то в виде возвышеннейшего настроения, граничащего с молитвой, то, наконец, в форме мысленного переживания высших идеалов. Можно сказать, что то возвышенное настроение, которое у обыкновенного человека наступает изредка, в исключительные минуты, у о. Иоанна является обычным и не оставляет его почти в течение целого дня. О. Иоанн представляется обыкновенным человеком лишь в минуты крайнего утомления или во время принятия пищи; во все же остальное время дня он находится в состоянии возвышеннейшего воодушевления и живет самой полной, самой широкой идеальной жизнью, какая только доступна человеку. Внешние впечатления застают его всегда го-

товым к той удивительной, высокой душевной реакции, которая так поражает наблюдателя и так глубоко и благотворно действует на всех. Основные, видимые черты характера о. Иоанна составляют искренность, кротость и величайшая любовь к человеку; с этими качествами неразлучно связана ласковость в отношениях к людям и обаятельность, превосходящая всякие ожидания. Все это написано на лице о.Иоанна, и всякий, кто даже в первый раз видит этого человека, верит и уповает. Таково впечатление, производимое о. Иоанном на всех людей...

Приближаясь к Аскольдовой могиле, о. Иоанн умолк — что обозначает у него переход к его обычному благоговейному настроению. Едва экипаж остановился, как о. Иоанн стремительно направился в ворота кладбища. Через две или три минуты его уже окружала многочисленная толпа людей: его всюду узнавали и бежали за ним. Войдя в церковь в сопровождении кладбищенского иеромонаха, о. Иоанн несколько минут пламенно молча молился. Его настроение отразилось на окружающих. Среди царившей общей тишины к о. Иоанну обратилась старуха крестьянка и твердо громким голосом сказала: "Батюшка отец Иоанн! Благослови меня грешницу, блудницу, воровку; благослови меня в далекий путь-дороженьку — на тот свет". Отец Иоанн благословил старуху. Вся сцена произвела большое впечатление на окружающих. В сопровождении кладбищенского иеромонаха отец Иоанн спустился в подвальный этаж церкви, и, когда увидел могилу Аскольда, его благоговейное настроение еще более усилилось, он стал громко молиться, импровизируя по своему обыкновению молитвы со свойственными ему простотой и силой. Посещением Аскольдовой могилы закончился первый день пребывания отца Иоанна в Киеве.

Второй день пребывания в Киеве 18 апреля в воскресенье о. Иоанн начал Божественной службой в Покровском женском монастыре, где находилась Великая княгиня Александра Петровна. О. Иоанн прибыл в Покровский монастырь к 8 часам утра, но уже на рассвете в монастыре и около стали собираться массы народа, искавшие видеть о. Иоанна. Ко времени его приезда число ждавшей публики доходило до десяти-пятнадцати тысяч. Густые массы народа запрудили буквально весь двор монастыря и смежные улицы.

По окончании обедни о. Иоанн посетил Ее Высочество в Ее собственных покоях и затем посетил монастырскую больницу. Лишь с

трудом через густые массы народа о. Иоанн достиг здания больницы. Поражающая чистота и уютный вид больницы произвели благоприятное впечатление на о. Иоанна. С обычной ласковостью он обошел всех больных, благословлял их, утешал и молился.

Откланявшись Ее Высочеству, о. Иоанн из Покровского монастыря проследовал через Глубочицу и затем по Вознесенскому спуску на Старый Город. Вид гор производил на отца Иоанна впечатление, как и вообще вся природа и местность Киева. В этом впечатлении все сливалось: и благоговейное чувство религиозного человека, и наблюдательность мыслителя, углублявшегося в историю геологических переворотов нашей местности, и, наконец, увлечение красотами природы, которая в Киеве представляет так много эстетических сторон. Эти чувства охватывали его всякий раз, когда взору его представлялись те или другие выдающиеся виды Киева, например вид с Андреевской церкви — на Подол, с Лаврских гор и Аскольдовой могилы — на Днепр и Заднепровье и с Подола — на Андреевскую церковь. Созерцая виды природы, о. Иоанн и молится, и восхищается как любитель, и предается глубоким философским размышлениям о далеком прошедшем, о мироздании.

Несмотря на кратковременность пребывания в Киеве и на недостаток времени, о. Иоанн горел желанием посетить строящийся Владимирский собор. Внутренний вид храма, его живопись и орнаменты произвели необычайно живое и сильное впечатление на отзывчивую, высокоодаренную натуру о. Иоанна. Лики святых и стенные изображения событий библейской и христианской историй привели отца Иоанна в состояние духовного восхищения. Он переносился мысленным взором к отдаленным временам, к моментам самых событий, и вся его фигура, его лицо и телодвижения озарялись тем чудным огнем идеальной жизни, который едва ли доступен изображению и анализу и который невольно заставляет вас чувствовать, что вы находитесь вблизи великого человека.

Всегда живущий мыслью о людях, о их нравственном усовершенствовании, о. Иоанн предался размышлениям о том благотворном влиянии, которое будет иметь для Киева и для России Владимирский собор — этот памятник христианской и культурной жизни России. Возможность видеть Владимирский собор в законченном виде и молиться в нем представлялась о. Иоанну особенным счастьем, которого он хотел бы достигнуть.

Осмотрев Владимирский собор, о. Иоанн проехал на Подол в Братский монастырь к преосвященному Сильвестру, епископу Каневскому. Массы народа уже наполняли погост монастыря, и о. Иоанн с величайшим трудом проник в квартиру преосвященного. Между о. Иоанном и преосвященным завязался разговор, поводом которому служило воодушевление народных масс, стремившихся видеть о. Иоанна. Собеседники заговорили о возможности объединения людей. В это время в квартиру преосвященного были приглашены студенты Духовной академии. О. Иоанн, всегда умеющий придать теплый характер своему обращению, быстро поднялся с места и тоном любви, облеченной в формы сотоварищества, с живостью заговорил: "Студенты академии! Христос воскресе! Здравствуйте, друзья мои, здравствуйте, милые однокашники, дети всем нам общей духовной школы..." За речью о. Иоанна последовали со стороны студентов академии самые горячие, самые непринужденные проявления радости, признательности, удивления и сыновних чувств в отношении о. Иоанна.

Выход о. Иоанна из покоев преосвященного был сопряжен с едва одолимыми трудностями ввиду общего желания многочисленной публики приблизиться к о. Иоанну, увидеть его, получить благословение. Среди публики, особенно простой, высказывалось желание обратиться по телеграфу с прошением на Высочайшее Имя, дабы о. Иоанну повелено было оставаться в Киеве целую неделю.

С Подола о. Иоанн направился в Институт благородных девиц, оттуда в Левашовский пансион, где его давно ожидали. В большой зале верхнего этажа здания собраны были воспитанницы и начальство, и о. Иоанн, отслужив молебен, окропил всех святой водой. Затем, по предложению начальницы пансиона графини Апраксиной, о. Иоанн посетил больницу, где с обычной ему любовью и лаской утешал и ободрял больных. В числе больных ему указали на девочку, которая страдала тяжелым тифом и у которой незадолго перед тем вскрыт был обширный гнойник вблизи уха. Девочка неподвижно лежала вся в повязках. Едва взглянул о. Иоанн на больную, вся его фигура внезапно озарилась огнем чувства. Он быстро подошел к больной, припал кровати и, стоя на коленях, приник к лицу страдалицы, осыпая ее нежнейшими ласками и поцелуями. Тут сказалась вся богато одаренная душа о. Иоанна. На минуту он все забыл: и окружающую обстановку, и свои 63 года, и как самая любящая мать ласкал и

утешал болящую: “Милое дитятко, тебе не больно, ах ты, страдалица моя”, — приговаривал он... Воцарилось совершенное безмолвие, и вся сцена произвела глубочайшее впечатление на окружающих. Это впечатление нельзя передать или описать! Еще возможно было бы вспомнить сказанные слова, возможно бы описать отдельные подробности, но нет средств передать тон, оттенки голоса и все переливы несравненной мелодии чувства, которое вылилось из души любвеобильного о. Иоанна... Достаточно было видеть описанную сцену, чтобы у вас не оставалось сомнения в том, что вы присутствовали при самых глубоких проявлениях, на которые способна человеческая душа. Тут все сказалось: и пыл беззаветного чувства, и безграничная любовь, и захватывающая душу жалость и скорбь у постели больного человека, и, наконец, несравненная симпатия, со всеми оттенками и модуляциями могучего чувства.

В Левашовском пансионе случилось и другое событие, которое произвело особенное влияние на окружающих. Между лицами, присутствовавшими на молебне, в числе многих оказалась дама, приехавшая нарочно из Харькова с целью увидеть о. Иоанна и получить от него благословение. Обстоятельства ее жизни делали для нее особенно необходимым нравственное утешение, которое так умеет подать о. Иоанн. Дама случайно попала в Левашовский пансион и находилась среди густой толпы. Благословляя всех, о. Иоанн с особенным участием отнесся к ней, обласкал ее, обнял и отличил особенным вниманием. Дама эта, полная радости и счастья, рассказывала всем о случившемся, пораженная проницательностью о. Иоанна, так как она еще не имела случая обменяться с ним хотя бы одним словом. И в самом деле, проницательность о Иоанна поразительна, и мы имели случай неоднократно убедиться в том, что о. Иоанн обладает способностью быстро, с первого раза, иногда при одном внимательном взгляде на человека, определить безошибочно его душевное состояние, в особенности его настроение. В этом отношении его диагностические способности необычайны. Видя перед собой массу людей, он как бы гениальным чутьем угадывает тех *труждающихся* и *обремененных*, которым более всего нужна его помощь, и оказывает им эту помощь предпочтительно перед другими присутствующими. Почти с такою же безошибочностью он читает в сердцах людей, которые лишены искренности и чужды тех высоких качеств, которыми он сам богат и которые стремится развить в других.

Из Левашовского института о. Иоанн направился в Училище слепых. Здесь он благословил детей, обласкал их, расспросил каждого из них, кто когда потерял зрение и помнит ли солнечный свет. С особенным участием он отнесся к тем, которые ослепли в раннем детстве и которые на вопросы, помнят ли они свет, отвечали отрицательно. О. Иоанн утешил слепых, сказав им, что кроме зрения телесного есть зрение умственное, и если они и лишены первого — у них остается второе. Конечно, большое несчастье, поучал о. Иоанн, не видеть солнечного света, но гораздо более несчастны те, которые лишены никогда не меркнущего света Божественного.

Следующий (третий) день пребывания о. Иоанна в Киеве начался Божественною службою в доме генерал-губернатора. По окончании обедни о. Иоанн посетил Кадетский корпус.

Около трех часов пополудни о. Иоанн направился в лавру поклониться св. угодникам Печерским. Несмотря на утомление, вызванное предшествовавшими посещениями, о. Иоанн находился в особенном нравственном возбуждении; почти весь путь в лавру он мысленно молился. Экипаж о. Иоанна проследовал мимо лаврской гостиницы и остановился у входа в галерею, ведущую в Ближние Пещеры. Здесь о. Иоанн был встречен наместником лавры. О. Иоанн был молчалив и находился в глубоком молитвенном настроении. О. наместник предложил пройти в Ближние пещеры не через галерею, а через сад. С сада открывался восхитительный вид на горы, на Лаврские холмы и пещеры, на Днепр и Заднепровье. О. Иоанн в величайшем нервном напряжении спросил: “Где же, где же пещеры?” Ему указали. Мгновенно все его существо озарилось огнем благоговения. Он остановился и, обратившись в сторону пещер, громко воскликнул: “Отцы святые, мира отвергшиеся и Христа возлюбившие! Христос воскресе!” Он обращался к угодникам Печерским, как к живым людям, и это чувство близости и единения с ними не оставляло о. Иоанна все время, пока он находился в стенах лавры. Спустившись в Пещеры, о. Иоанн все время громко молился. Молитва его носила характер пламенных импровизаций, в которых выражалось удивление, благоговение и мольба к небожителям. Эти небожители когда-то были обыкновенными людьми и подвизались здесь, они ископали эти пещеры своими руками и оставили в них следы своей жизни, своих трудов, своего благочестия. Они — угодники Божии — представляют собою образцы тех добродетелей, того нравственного самоусо-

вершенствования, которое составляло и составляет цель и задачу его собственной жизни. Теперь, на 63-м году своей жизни, он впервые присутствует на месте их подвигов, где всюду находятся следы их жизни и деятельности. Такими словами можно передать настроение о. Иоанна. Он пламенно молился. "О други Божии, други Божии", — часто повторял он. "Святый Павле, чадо послушания, научи нас послушанию", — молился он у мощей Павла Послушливого. "Святый Иоанне, страсти сожегший, научи нас гореть пламенем любви", — молился он у мощей Иоанна Многострадального. Повсюду молитва его носила характер необычайной простоты и силы. По временам он умолкал, и из груди его вырывались лишь мимолетные тихие вздохи, столь характерные для о. Иоанна и свидетельствующие о глубоком душевном умилении, не требующем слов. Посетив келью и церковь Антония и Феодосия, он был особенно растроган. У выхода из Ближних пещер о. Иоанн обернулся и произнес: "О мудрецы, о философы! О философы, о богословы, мир удивившие!" В Великой церкви, поклонившись мощам Михаила, первого митрополита Киевского, о. Иоанн отступил и громко воскликнул, обращаясь к мощам, как к живому человеку: "Первоначальниче веры, Святителю Божий, воззри, колико чада твои — вся Русь православная".

Возвышенное настроение не покидало о. Иоанна и во время перехода из Ближних пещер в Дальние. Шли по галерее; о. Иоанн шел с такою быстротою, что спутники едва поспевали за ним. Он был молчалив и горел огнем внутреннего воодушевления... Круто спускались по длинной лестнице, примыкающей к церкви Дальних пещер. Послышались молящие вопли тысячи голосов: "Отец Иоанн, благослови". С минуту о. Иоанн искал взором народ... Через железную решетку окна, находившегося на высоте, — откуда пробивался слабый свет — просовывались десятки рук и виднелась масса людей. Как птицы небесные, люди лепились у окна, ища видеть о. Иоанна и получить его благословение. Из церкви Дальних пещер вышло монашество с зажженными свечами. О. Иоанн воскликнул: "Свет Христов просвещает всех! Христос воскресе, братия!"

Из Дальних пещер о. Иоанн отправился в Великую Лаврскую церковь. Здесь он поклонился мощам угодников, спустился и также поклонился нетленно почивающему телу Павла, епископа Тобольского, и затем посетил наместника лавры в его покоях. Здесь о. Иоанн слушал пение лаврского хора. Прослушавши пропетый отрывок цер-

ковной песни, о. Иоанн был восхищен. Низко поклонившись хору, сказал: “Братия! Я весь пленен вашим пением! Это гром небесный, это музыка Божественная!” Затем о. Иоанном были прослушаны еще многие пропетые церковные песни; все время, пока продолжалось пение, он мысленно молился.

Возвращаясь из лавры, отец Иоанн посетил женское епархиальное Духовное училище. Он явился сюда, озаренный всем, что было испытано в лавре. Собранные в церкви воспитанницы училища были особенно серьезно настроены, судя по тому, что они сохраняли, несмотря на общее возбуждение, порядок почти столь же полный, как тот, который замечался в лавре. Дети, несмотря на видимую сдержанность, чувствовали полным сердцем присутствие в их среде необыкновенного человека. Помолившись у наместных икон церкви, о. Иоанн обратился к детям и, окинув их испытующим взором, произнес торжественным голосом: “Милые дети, цветущие здоровьем и красотой! Христос воскресе!” О. Иоанн сказал воспитанницам несколько поучительных слов; изъявление радости и восторга их, несмотря на сдержанность, было глубоко и трогательно. С теми из воспитанниц, которых отец Иоанн лично благословил, он был в высшей степени нежен, прося передать его любовь всем остальным.

В этот день вечером о. Иоанн уехал из Киева в Курск. Публике не был известен день отъезда, однако на вокзале собралась масса народа провожать отца Иоанна. Соблюдался образцовый порядок. Когда отец Иоанн показался у выхода, все обнажили головы, прося благословения. Настроение людей, провожавших о. Иоанна, можно охарактеризовать словом “благоговение”. По обе стороны поезда стояли густые массы народа, треть которой составляли воспитанники учебных заведений, преимущественно студенты академии и университета. О. Иоанн, по просьбе публики, переходил то к одному, то к другому окну, благословляя провожающих. В проводах ничего не было шумного, все было тихо, но во всем было столько сердца, столько задушевности, столько простоты и величия, что, несомненно, Киев пережил глубокие душевные минуты.

Но что же это за человек, который способен вызвать такие необыкновенные и единодушные проявления у множества людей? Что ищут люди, чего домогаются, когда, собираясь массами, благоговейно стоят, как в церкви, по целым часам, часто по целым ночам, в ожидании увидеть его, услышать его голос, получить его благословение?

Не толпа ищет о. Иоанна, но люди всякого звания, всякого образования и всех возрастов. Вы увидите здесь и образованного человека и чернорабочего, учащего и студента; вы увидите взрослых и детей, господ и их прислугу; увидите скромных тружениц и падших женщин; увидите больных, истеричных, испорченных и преступных людей. Вы встретите здесь различные религии, различные национальности. Всех приводит к о. Иоанну одно и то же чувство и, несомненно, хорошее чувство. Оно заставляет людей, приехавших в каретах, выйти из экипажа и стать рядом с обыкновенным, серым человеком; оно объединяет господ и их прислугу; оно побуждает истерических и капризных женщин оставить свои капризы и притворство; оно поднимает падшую женщину из грязи и делает ее человеком. Это Божия искра, это стремление к идеалу! Вот что влечет людей к о. Иоанну. В его присутствии у самого дурного, самого одичалого человека пробуждается совесть, а у всех неиспорченных людей освежаются и оживляются лучшие, идеальные стороны их характера. О. Иоанн, столь чуткий и отзывчивый ко всем лучшим проявлениям человеческой природы, приходит в умиление при виде благочестия и симпатий, обнаруживаемых в его присутствии. "О милые киевляне и киевлянки, о добрые киевляне, — говаривал он при виде благоговейных народных масс. — И здесь то же, что по целой России, тот же дух, то же благочестие", — говаривал он. Часто он бывал глубоко тронут проявлениями сердечности и благоговения. "Добрый русский народ, его любовь так и брызжет... есть ли в свете народ искреннее и добрее русского народа", — говорил он. Приведенные отзывы, высказанные таким тончайшим диагностом душевных движений, каким является о. Иоанн, имеют особенное значение. Впрочем, и для обыкновенного человека вполне ясно, что массы, группирующиеся вокруг о. Иоанна, воодушевлены лучшими, возвышенными стремлениями.

Нам случалось слышать мнение, выражаемое людьми, даже не лишенными образования, будто увлечение о. Иоанном есть явление психопатическое, или особого рода модное движение. Подобное мнение совершенно безосновательно, даже легкомысленно. Наблюдения, которые нам удалось сделать относительно настроения масс, показало совершенно противоположное. Мы почти нигде не видели проявлений истерии, не наблюдали каких-либо неумеренных слез, не было и шума, неизбежного при большом скоплении людей; напротив, наблюдалось почти необычайное самообладание. Это показывает, что

собравшиеся люди не только были одушевлены лучшими чувствами, но и самая воля их была подкреплена. Следовательно, это увлечение масс имеет свойства бодрого, здорового психического проявления и ни в каком случае не болезненного.

Наибольшая часть людей, обращающихся к отцу Иоанну, ищут утешения или исцеления от нравственных зол. Это люди или потрясенные своими собственными ошибками, или постигнутые какими-либо несчастиями, или, наконец, впавшие в уныние и утратившие волю. В подобных случаях человек в целях нравственного самосохранения обращается к доброму совету и поддержке друзей и близких. О. Иоанн, по своему характеру и своим свойствам, является самым искренним, самым верным другом человечества, и к нему, естественно, стремятся все нуждающиеся в опоре и поддержке, в особенности те, кто ищет, кроме дружеской поддержки, религиозного утешения. В течение многих лет отец Иоанн был посредником в подании той и другой помощи. Но в последние годы его значение возросло, расширилось и далеко вышло за первоначальный предел. Теперь он уже не просто пастырь Кронштадтской церкви, но общий молитвенник, целитель, народный герой, общий патрон и советник, общий отец-батюшка. Он едва ли не самый известный и популярный человек в России. Подобное значение мог приобрести лишь выдающийся, талантливый человек. Таковым, несомненно, следует признать отца Иоанна. Все качества, которыми он наделен, таковы, что им сначала невольно удивляешься и лишь потом анализируешь. Все проявления чувства у о. Иоанна отличаются необыкновенной глубиной и полнотой, превосходящей обычные пределы. Его проницательность и тонкость, с которыми он распознает психическое состояние человека, совершенно исключительны. Если к этому присоединить колоссальную волю, то мы составим некоторое понятие о размерах его дарований. Самое здоровье его стоит в полной гармонии с его душевными способностями: несмотря на свои 63 года, он выглядит человеком, имеющим не более 45 лет: он постоянно бодр, свеж, неутомим. Недостаточный сон и крайнее напряжение сил, которого требует его сложная миссия, не только не оказывают вредного влияния на его здоровье, но, по-видимому, только укрепляют и закаляют его на новые подвиги. На лице о. Иоанна и во всем внешнем виде его запечатлены необыкновенные доброта, кротость и приветливость, и нам вполне понятно стремление масс видеть о. Иоанна, взглянуть на него.

В этом стремлении, несомненно, сказывается потребность видеть этого исключительного, истинного человека — видеть и поучаться.

Когда мы говорим о выдающихся дарованиях какого-либо лица, мы ищем доказательств и следов его деятельности — в науке, поэзии, искусствах и практической жизни; мы задаем себе вопрос о специальности такого человека, о его трудах, его деятельности. Специальность о. Иоанна — нравственное усовершенствование себя и других. Его труды записаны не в книгах, не на полотне, но в миллионах сердец; записаны и запечатлены так прочно, как не всегда запечатлевается в нашем уме то, что мы видим, слышим, читаем. Этот живой носитель и проповедник идеалов, проводящий ежедневно 15—20 часов то в храме, то под открытым небом, то в многолюдных собраниях, не печатает своих трудов. Он словом, делом, примером, а более всего своей личностью воспитывает общество. Он преподает науку жизни. По-видимому, такой науки не существует. Конечно, нет! Умение жить — это не наука, но философия. Греческие мыслители были правы, утверждая, что прожить жизнь есть великое искусство и что только мудрец сумеет правильно осуществить эту задачу.

Внешность отца Иоанна

Главною отличительною чертою лица о. Иоанна были его голубые глаза, которых люди с нечистыми мыслями и развратною жизнью очень боялись, ибо взгляд отца Иоанна совершенно ясно показывал, что все внутреннее содержание души человека и его мысли хорошо известны. Он часто обличал людей, раскрывая тайники души собеседника. Вот что пишет про глаза о. Иоанна досточтимейший иеромонах Валаамского монастыря: “На большинстве портретов батюшки отца Иоанна не уловлена та бесконечная любовь, какая светилась в глазах этого любвеобильного и праведнейшего пастыря, то бодрое радостное настроение, которое одухотворяло это лицо, с приветливой улыбкой снисхождения, беспредельной терпеливости и крайнего милосердия. Тот, кто при жизни своей имел счастье видеть вблизи о. Иоанна, с грустью убеждается, что почти все его портреты не передают духовной красоты его лица, его неземного благолепия и его святолепного лика. Волосы у отца Иоанна были русые с большою проседью под конец жизни. Лицо было всегда свежее, с ярким румянцем”. Отец Иоанн был среднего роста, худенький телом.

Роскошные одеяния отца Иоанна

Господь сказал: "Ищите наипаче Царствия Божия и правды его и все прочее приложится Вам".

Всем известно, что о. Иоанн искал только Царствия Божия и правды его и о себе нисколько не заботился. И что же? Он имел все в великом избытке — и лучшие яства и роскошную одежду. Все это ему подносили облагодетельствованные им благодарные люди. Я был неоднократно тому свидетелем.

Однажды, когда я с приятелем моим священником Гронским приехал к о. Иоанну в Кронштадт, он нас и приехавшую из Астрахани богатую купчиху стал угощать чаем.

Купчиха сказала: "Батюшка, дозвольте сшить вам рясу". О. Иоанн ответил: "Что ты, что ты, у меня их много, мне не нужно". Однако купчиха не переставала просить, благоговейно целуя руку о. Иоанна, пока он не согласился, очевидно, не желая ее обидеть и видя искреннее благочестие женщины, которая считала за счастье услужить чем-либо великому угоднику Божию. Попивши чаю, купчиха говорит: "Батюшка, дозвольте сшить вам сапоги". Опять тот же решительный отказ со стороны о. Иоанна, но купчиха не унялась, а опять целовала его руку и просила до тех пор, пока он не согласился.

Посидевши еще, купчиха говорит: "Батюшка, благословите меня сломать здания моей богадельни и построить большие". На эту просьбу великий благотворитель сразу дал свое благословение.

Это пример того, как люди благотворили страждущим собратьям ради о. Иоанна, желая ему угодить.

Встреча моя с помянутой астраханской купчихой дает ясное объяснение, откуда были у о. Иоанна шикарные одежды, шубы, шапки, обувь и т.д.

Обаяние отца Иоанна

В 1888 году осенью в большом зале городской Думы состоялось открытие Петербургского общества трезвости. Отец Иоанн председательствовал. Когда наступил момент обращения его к аудитории с приглашением пожертвовать что-нибудь на "хорошее дело", произошло нечто стихийное. Огромная толпа элегантных дам и мужчин бросилась к эстраде и стала бросать на стол все, что было

под рукой: деньги, кольца, браслеты, портсигары. Не отставал и “младший брат”, простолюдин. Я видел, как простой извозчик в заплатанном кафтане достал из-под полы кошель и кидал медные деньги. Порыв был огромный, совершенно исключительный. В какие-нибудь 15—20 минут было собрано свыше пяти тысяч рублей, не считая драгоценных вещей...

Иерархическое положение о. Иоанна

Священствовал отец Иоанн 53 года, был митрофорным протоиереем и членом Святейшего Синода, то есть достиг высшего возможного для лица белого духовенства положения.

Кроме того, отец Иоанн был пожалован Государем Императором многими орденами, в том числе тремя звездами: св. Анны, св. Владимира и св. Александра Невского. Он говаривал, что эти орденские знаки отличия ему не нужны, но что он их носит, чтобы не обидеть Царя, ему их пожаловавшего.

О. Иоанн и Макарий, митрополит Московский

Когда владыка Макарий был уже митрополитом Московским, то приезжал в Петроград для участия в заседаниях Святейшего Синода.

Однажды митрополит Макарий написал отцу Иоанну письмо с просьбой назначить время, когда он может его принять. При встрече друг с другом митрополит Макарий просил благословения у о. Иоанна, отец же Иоанн просил благословения у митрополита Макария. Тогда митрополит стал перед о. Иоанном на колени. Но о. Иоанн тотчас опустился на колени перед митрополитом. Кончилось тем, что оба праведника обняли друг друга и о. Иоанн исполнил просьбу митрополита и благословил его, а митрополит, исполняя просьбу, благословил о. Иоанна.

Владыка Макарий рассказал протопресвитеру Дернову следующее замечательное чудо, совершившееся у гробницы о.Иоанна. Митрополит Макарий, 17 лет страдавший экземой, приехал в храм-усыпальницу о. Иоанна, отслужил у гробницы панихиду по о. Иоанну, сделал три земных поклона перед гробницей и трижды приложился к ней. После этого экзема у него прошла и вот уже 2 года не возобновлялась.

Император Александр III и отец Иоанн

Не только архипастыри и пастыри церковные и русский народ чтили о. Иоанна, но глубоко чтил его и Величайший из Государей, Царь Миротворец и Миродержец Император Александр III, который сказал о. Иоанну: "Я знаю, кто вы и что вы".

В предсмертной болезни своей Император Александр III пригласил к себе о. Иоанна, который возложил руки свои на голову умирающего Царя, и тот сказал ему: "Когда вы держите руки свои на моей голове, я чувствую большое облегчение, а когда отнимаете, очень страдаю, не отнимайте их".

О. Иоанн ответил Царю, что это оттого, что он пришел прямо после совершения Таинства Евхаристии за ранней обедней. Он продолжал держать благословляющие руки свои на главе умирающего Царя до тех пор, пока Царь не предал праведную душу свою Богу.

Григорий Карпович Сухоленцев пишет мне из Алверна в Германии: "Во время моей действительной службы, когда заболел наш Батюшка-Царь Александр III и умер, тогда я сам лично читал в газете, что о. Иоанн Кронштадтский писал: "Я мертвых воскрешал, а Батюшку-Царя Александра III не мог у Господа вымолить. Да будет на все Его Святая воля".

Из книги "Протоиерей Иоанн Ильич Сергиев Кронштадтский"

Протоиерей Павел Левитский

"Поразительнейшее знамение времени — о. Иоанн Кронштадтский, — говорил в 1887 году красноречивый церковный вития Никанор, архиепископ Херсонский, по возвращении из Петрограда к своей пастве в Одессу. — Ведь его жаждут принять везде, от подвалов до раззолоченных палат. Этого мало. Он не может, не имеет времени читать все посылаемые к нему письма и телеграммы, которыми наполняются целые корзины... Он не имеет времени удовлетворить насущным потребностям питания, отдыха. Когда он приближается из Кронштадта к Петербургу, здесь на пристани всегда уже знают и ждут его толпы народа. Знают наперед и ждут его во всякой части города, у всякого дома, где предполагается его прибытие. При выходе из закрытого всегда экипажа, при выходе из домов к экипажу его рвут на части, чтобы принять его благословение, рискуя и его и самих себя раздавить в народной толкотне. Его молитвенной помощи ждут и просят не только во всех концах России, но и за границей. И молитвенная помощь его, всегда с его стороны простая, ничего чудесного прямо не обещающая, бывает иногда поразительно чудесною. Истинно поразительна, даже чудесна, самая вера в о. Иоанна Кронштадтского всех сословий Петербурга, да и всех концов России... "Чудотворна та икона, — выразился глубокомудрый первосвятитель Российской Церкви, 90-летний старец, — которая сильна возбудить веру в свою чудотворность"[1] . Силу этого глубокомысленного изречения можно применить и к о. Иоанну Кронштадтскому. Да, чудотворец он уже по тому самому, что возбудил крепкую веру в чудотворную силу Божию, совершающуюся в человеческой немощи и в наши неверные дни. Не знамение ли это времени?"[2]

---

[1] Здесь разумеется покойный владыка Исидор, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский *(Примеч. автора).*

[2] Поучения... Никанора, архиепископа Херсонского и Одесского, т. III, изд. 2-е. Одесса, 1890. С. 28-29.

В бытность вице-адмирала Степана Осиповича Макарова кронштадтским военным губернатором получила осуществление идея создания величественного Морского собора в Кронштадте: найдены были средства и место для постройки, утвержден был план и, главное, начата постройка; и 8 мая 1903 года в присутствии Их Императорских Величеств совершен был церковный чин закладки храма. Это был великий светлый праздник для Церкви Православной как день основания храма Божия, по великолепию равного Святой Софии, бессмертного создания великого Юстиниана; это был день ликования и радости для города Кронштадта, ибо в этот день Его Императорское Величество, ныне царствующий Государь Император Николай Александрович изволил в первый раз осчастливить город Кронштадт своим царским посещением вместе с Их Императорскими Величествами: Августейшею супругою Государынею Императрицею Александрою Феодоровною и Августейшею материю Государынею Императрицею Мариею Феодоровною и Их Императорскими Величествами Великими князьями Михаилом Александровичем, в то время наследником престола, Владимиром Александровичем и Алексеем Александровичем. Это был, далее, радостнейший и счастливейший день в жизни военного губернатора Кронштадта адмирала Степана Осиповича, ибо так давно ожидаемое посещение Кронштадта Их Императорскими Величествами было выражением монаршего Высочайшего благоволения прежде всего к самому адмиралу, умевшему и пригласить, и достойным образом встретить, и принять державных гостей. Наконец, день 8 мая 1903 года был счастливейшим днем для всех нас, жителей Кронштадта, имевших полную возможность близко видеть и приветствовать возлюбленного монарха то на месте закладки нового храма, то в Андреевском соборе, то прямо на улицах города.

После закладки Морского собора Их Величества со всеми Августейшими родными изволили посетить и молиться в Андреевском соборе, где Их Величеств встречал отец Иоанн вместе с городским духовенством. Чудные минуты пережили все участники и свидетели этой трогательной встречи и молитвы Царя и Цариц русских с великим молитвенником русской земли отцом Иоанном. Как теперь помню, отца Иоанна в великолепном коронационном облачении, с крестом в руках в ожидании Государя, торжественный трезвон колоколов перед прибытием Их Величеств, встречу на паперти и чудную

приветственную речь отца Иоанна Государю Императору, когда Августейшие богомольцы вошли в собор и встали около колонны вблизи правого клироса.

Начался молебен. Отец Иоанн был очень растроган, растроганы были и все молящиеся, у многих на глазах были слезы радости и умиления. Да и невозможно было не плакать в эти минуты, когда небо спустилось на землю и Сам Помазанник Божий Государь с Августейшею супругою своею, Царицей-матерью и близкими смиренно молились Царю царей вместе с всенародным молитвенником Русской земли отцом Иоанном в том самом храме, прославленном по всей Руси Святой, который наполняли покаянными воздыханиями и орошали слезами скорби и радости целые тысячи тысяч молящихся.

Из собора Государь Император изволил проследовать в Дом трудолюбия и обозревать его. Отец Иоанн имел счастье показывать Его Императорскому Величеству свое создание и давать нужные объяснения. Передавали, что Государь Император все время беседовал с отцом Иоанном, остался доволен всем виденным в Доме трудолюбия, долго пробыл и уезжать не хотел отсюда.

Не прошло и года после описанного торжества, как разразилась война с Японией. После японской минной атаки в ночь с 26 на 27 января 1904 года военный губернатор Кронштадта и главный командир порта вице-адмирал Степан Осипович Макаров назначен был командующим Первою тихоокеанскою эскадрою, стоявшею в Порт-Артуре, и сейчас же уехал туда. О новом назначении и предполагаемом отъезде адмирала многие в Кронштадте еще накануне ничего не знали, да и не могли знать, потому что адмирал ночью вернулся из Царского Села, а ранним утром уже уехал. Как добрый верующий христианин, каких, благодарение Господу, немало среди морских офицеров, Степан Осипович в день отъезда пришел в Андреевский собор к ранней Литургии, которую служил отец Иоанн, исповедался у него и за Литургиею у него же причастился Христовых Таин. Заметили, что во время Литургии отец Иоанн нечаянно уронил со Святого Престола Евангелие. После Литургии адмирал подошел к отцу Иоанну проститься и принять от него благословение. Прощаясь с отъезжающим и благословляя его, отец Иоанн сказал: “Желаю тебе быть мужественным и получить венец!” Об этих подробностях в тот же день мне передавало лицо, бывшее в алтаре, под живым впечатлением только что виденного и слышанного, передавали потом и дру-

гие лица. Посему не сомневаюсь в том, что и нечаянное падение Евангелия со Святого Престола и знаменательные слова отца Иоанна действительно имели место. Не буду останавливаться на первом: Святое Евангелие могло упасть от резкого, порывистого движения руки отца Иоанна. Но что значат слова: "Желаю тебе быть мужественным", и особенно последние: "получить венец"? Не дерзая сам толковать этих слов отца Иоанна, хотя они до некоторой степени уже ясны после геройской, мученической кончины адмирала, позволю себе сопоставить их с тем, что приблизительно через три месяца сказано было тем же отцом Иоанном при заупокойной Литургии "по главнокомандующем нашей морской эскадрой на Дальнем Востоке, болярине Стефане, погибшем вместе с командою "Петропавловска" от взрывчатых веществ в Японском море". Положив в начале слова изречение из Апокалипсиса: *отныне блаженны мертвые, умирающие в Господе; ей, говорит Дух, они успокоятся от трудов своих, и дела их идут вслед за ними* (14 гл., 13 ст.), отец Иоанн продолжал: "...Итак, блаженные все, скончавшиеся в море смертью мученическою воины наши с начальником своим: они теперь почивают от трудов своих, и вкушают блаженный, всерадостный покой в Боге, и видят то, чего очи не видят и видеть не могут до времени, — видят Господа, видят святых Ангелов и всех святых и с ними торжествуют и ликуют. И тем тверже мы тому верим, что они скончались в светлый день Пасхи, когда Церковь празднует Воскресение Христа из мертвых и держит открытыми Царские двери, показывая всем, что воскресший Христос Своим Крестом и Воскресением открыл вход в рай всем верным. Таким образом, все скончавшиеся от страшного взрыва за один час борьбы со смертию получили блаженную вечность и многобедственную земную жизнь переменили на беспечальную и всерадостную... Утешься же ты, раба Божия Капитолина, верою и обетованием Духа Святого, и печаль преложи на радость, и верь, что благородный супруг твой жив в Царстве Христовом и получил славное воздаяние за свою самоотверженную службу вере, Царю и Отечеству — со всеми сподвижниками своими. Настало для России время мученических подвигов; блаженны, стократ блаженны все, кого примет и изберет Господь для этих подвигов. Им уготованы светлые, нетленные венцы вечной жизни и радости нескончаемой". Как можно видеть всякому читающему эти полные глубокой веры слова отца Иоанна, общая мысль их та, что все скончавшиеся в

море смертию мученическою от страшного взрыва за один час борьбы со смертию получили уготованные им светлые нетленные венцы в Царстве Христовом, где ныне торжествуют и ликуют со всеми святыми.

Быть мужественным в недалеком часе борьбы со смертию и получить сей венец Царства Небесного и пожелал отец Иоанн отъезжающему герою, расставаясь с ним навсегда в этой жизни, а пожелал потому, что своим просветленным взором уже видел печать ужасной и ничем не отвратимой смерти на челе героя и то, какое ему потребно будет мужество не для победы над врагом, о чем нет и упоминания, а для борьбы со смертию и получения венца небесного"[1].

Оптинский старец Варсонофий об отце Иоанне

Почти всем русским людям известна Оптина пустынь на берегу реки Жиздры, в 2 верстах от гор. Козельска, Калужской губернии, где подвизались великие старцы Амвросий, Варсонофий, Нектарий и др., которые имели великую благодать Святого Духа — пророчествовали, были прозорливцами и чудотворцами.

Великий прозорливец и чудотворец о. Варсонофий так отозвался об о. Иоанне Кронштадтском: "Да, о. Иоанн был великий молитвенник, подвижник дерзновенный; он мог у Господа просить всего и замолить все, а я, грешный человек, не имею такого дерзновения".

Борис Зайцев пишет: "В просвещенном обществе (довоенном) к о. Иоанну было неважное отношение. Общество это далеко стояло от религии и духовной жизни. Оценить редкостное и поразительное в о. Иоанне оно не могло. Предубеждение говорило, что ничего такого вообще быть не может, все это лишь для невежд. И не без высокомерия указывалось, что вокруг него всегда какие-то кликуши...

"Иоаннитки" — это последовательницы секты, считавшей его за Спасителя, вторично сошедшего на землю. О. Иоанн не давал им при-

---

[1] Живя во Христе и каждый день соединяясь с Ним в Таинстве Причащения, постоянно благоговейно молитвенно настроенный отец Иоанн не лишен был дара прозрения будущего. Известно его предсказание о своей смерти в приветственном слове на закладке Морского собора в Кронштадте 8 мая 1903: "А когда стены нового храма подведут под кровли, то меня уже не станет". Эти слова сбылись в точности. "Отец Иоанн Кронштадтский", изд. Русского Народного союза им. Михаила Архангела, 1909, с. 105 *(Примеч. автора).*

частия. “Проходи, проходи, — говорил он, — ты обуяна безумием, я предал вас анафеме за богохульство”. Но отделаться от них не так-то было легко. Они, как безумные, лезли к Чаше, так что городовым приходилось их оттаскивать. Мало того, при каждом удобном случае они кусали его, стараясь причаститься каплей его крови!

Он обличал их публично в соборе и предавал отлучению — ничто не помогало. Они доставляли ему много горя и неприятностей и давали повод к несправедливому осуждению его самого. Не одобрявшие его не видели или не понимали того огромного, что он делал, а крайности психопаток подхватывали, раздували. Но его глубоко любили и почитали самые здоровые, обычные люди (иоаннитки были, конечно, исключением). В общем, он был народный герой, “свой”, “наш”, хотя и ходил в шелковой рясе и носил ордена, и нередко разъезжал в карете (разумеется, в “доброхотной”).

Русская природа очень сильно была в нем выражена, эти голубые глаза действовали неотразимо — горели любовью и молитвой. О. Иоанн являлся своего рода “Николой Угодником”, ходатаем и заступником, к нему можно обратиться в горе, беде, в болезни — он поможет. Недаром всюду, где он появлялся, собиралась толпа.

Для этого легендарного человека не существовало ни расстояний, ни времени. Он угадывает чужое горе, и сразу дает лечение, он в толпе чувствует близкую и живую душу. И он всегда с народом, окружен им, в его стихии. Одна женщина, сейчас глубоко религиозная, рассказывала мне, как подростком видела о. Иоанна в Царицыне (под Москвой) на железнодорожной платформе. Он благословлял из окна вагона народ. Увидев ее, вдруг крикнул:

— Хохлатенькая, подойди сюда!

Она подошла, он положил ей руку на голову и особо ее благословил. Ее жизнь не кончена и судьба неизвестна. Я знаю только, что тогда она была рыженьким “хохлатым” подростком, далеким от веры и религии, а сейчас преданная Церкви и православию женщина — ее он сразу и выбрал, отметил и полюбил в тысячной толпе.

А оптинский старец Варсонофий? Молодой офицер, которому надо было повидать в Москве о. Иоанна, заехал в церковь кадетского корпуса, где тот служил, и вошел в алтарь. О. Иоанн в это время переносил Св. Дары с Престола на жертвенник. Вдруг он поставил Чашу, подошел к офицеру и поцеловал ему руку. Никто не понял, почему он это сделал, произошло некоторое замешательство, и сам офицер

смутился. Потом присутствовавшие стали говорить, что, вероятно, это означает какое-нибудь грядущее событие его жизни — например, он станет священником. Офицер стал смеяться — ему и в голову не приходило стать священником. Вышло же в конце концов так, что не только священником — сделался он монахом и старцем отцом Варсонофием".

Враги отца Иоанна

У о. Иоанна были не только почитатели, но и враги — завистники среди духовенства, которые, будучи людьми совершенно недуховными и неверующими, не понимали подвижнического служения отца Иоанна Богу и людям и не могли ни понять, ни поверить силе Божией, действовавшей в отце Иоанне.

Поэтому, когда отца Иоанна стали приглашать служить в разные столичные храмы, то это раздражало местное духовенство. Так, когда сенновское купечество пригласило отца Иоанна служить в церкви Спаса на Сенной площади, то настоятель церкви встретил его у входа в церковь и в резких выражениях предложил ему удалиться.

Отец Иоанн кротко попросил присутствовавшего диакона помирить его с протоиереем настоятелем. Однако настоятель не унимался и настаивал на том, чтобы отец Иоанн удалился. Увидев безнадежность дальнейших разговоров, о. Иоанн уехал.

И среди священства Андреевского собора был один священник, который не чтил отца Иоанна и говорил: "Мы все такие же отцы Иоанны".

Но Бог наказал его такой безобразной толщиной, что он не мог опуститься на колени, а тем более подняться с колен, и когда он умер, то так быстро и страшно разложился, что невозможно было его отпевать по причине ужасного зловония. Этого толстяка я сам видел и ужасался его толщиной, а о невозможности отпеть его говорил мне другой протоиерей.

Блаженнейший Антоний, митрополит Киевский и Галицкий, в беседе об отце Иоанне, произнесенной 19 октября 1928 г. в зале 2-й Белградской мужской гимназии, между прочим сказал: "Духовенство жаловалось на о. Иоанна митрополиту Исидору, который лично не знал о. Иоанна. Митрополит вызвал его и сделал ему замечание по поводу дорогой шелковой муаровой рясы, которая была на о. Иоан-

не. О. Иоанн молча снял с себя дорогую рясу и оставил ее у митрополита.

Другой раз группа лиц подала митрополиту Исидору письменную жалобу на о. Иоанна, обвиняя его за то, что он служил в чужих приходах. Митрополит прочитал жалобу, запер ее в свой письменный стол и вызвал к назначенному им времени о. Иоанна и жалобщиков.

Когда о. Иоанн и жалобщики явились, то митрополит вынул жалобу из стола и, к великому изумлению своему, увидел, что на том листе бумаги ничего не написано, то же увидели и жалобщики. Тогда митрополит в недоумении спросил о. Иоанна, что бы это значило. О. Иоанн помолился Господу Богу и, по молитве его, текст жалобы снова появился на листе. Пораженный этим чудом Божиим, митрополит Исидор понял, что Сам Бог защищает угодника Своего чудесным образом, разорвал жалобу, выгнал жалобщиков, а о. Иоанну сказал: “Служи, батюшка, где хочешь”.

О. Иоанна некоторые довольно часто упрекали за то, что он окружил себя недостойными людьми.

На это о. Иоанн ответил: “Если Спаситель не гнал от себя прелюбодеев и грешников и терпел возле себя Иуду-предателя, то мне ли, недостойному слуге Его, не следовать по пути Его! Я такой же грешный человек, как и вы все. Грешен и каюсь... Берегитесь гордыни!”

Личное свидетельство о. Иоанна о явлении ему в первый раз Пресвятой Богородицы

На 15-е августа 1898 года, в день Успения Богоматери, я имел счастье в первый раз видеть во сне явственно Царицу Небесную и слышать Ея сладчайший, блаженный, ободрительный глас: “Милейшия вы чада Отца Небесного”. Тогда как я, сознавая свое окаянство, взирал на пречистый лик Ея с трепетом и с мыслию: не отринет ли меня от Себя с гневом Царица Небесная! О, лик пресвятый и преблагий! О, очи голубыя и голубиныя, добрыя, смиренныя, спокойныя, величественныя, небесныя, божественныя! Не забуду я вас, дивныя очи! Минуту продолжалось это явление; потом Она ушла от меня неторопливо, перешагнула за небольшой овраг и — скрылась. Я видел сзади шествие небесной Посетительницы. Сначала я видел Ее как бы на иконе, ясно, а потом Она отделилась от нее, сошла и

подвиглась в путь. С вечера я писал проповедь на день Успения и лег поздно, в 2 часа ночи. За всенощной я читал с великим умилением акафист и канон Успению Богоматери в Успенской церкви.

Обращение отца Иоанна ко Господу Богу

В новый 1898 год благодарю Тебя, Всещедрый Господи, яко еще даровал еси мне лето благости Твоея! Обнови дух правый во утробе моей, Владыко, и сердце чисто созижди во мне ко вселению Твоему во мне. Благодарю Тебя о неисчетных благодеяниях Твоих, излиянных и непрестанно изливаемых на меня многогрешнаго; благодарю Тебя о долготерпении Твоем ко мне, неисчетными грехами прогневавшему Тебя, и о милосердии Твоем непобедимом и всепобеждающем; благодарю Тебя о здравии моем душевном и телесном, ибо старец летами, юн есмь духом и телом; благодарю Тебя о ежедневном оправдании твоем честною Кровию Твоею и на кийждо день многократном. Благодарю Тебя о умилении слезном при совершении Литургии и о утешениях всегдашних Духа Твоего Святаго, о святыни Его, приемлемой от святейшаго и неистощимаго существа Его, еже есть едино с Тобою; благодарю Тебя о влечении ко мне неудержимом людей Твоих — младенцев, юных, возрастных и старых, отовсюду и везде бегущих ко мне, где только я появлюсь в градах и селах; благодарю Тебя, яко насаждаеши всюду державно и сильно веру православную и благочестие, особенно в обителях женских; благодарю Тебя, яко дерзати даруеши мне в молитвах о всем мире и людех всех и о приведении их от заблуждений к единству веры и благочестию; благодарю Тебя, яко ярость неправедную народов неправославных и враждебных нам — правоверующим — укрощаеши и к разумению истины приводиши; благодарю Тебя, яко всех влечеши к единению, — да будут едино, якоже Ты Един еси в Троице славимый Боже; благодарю Тебя, яко сильнаго в крепости диавола на всяк день низлагаеши и посрамляеши в казнех его вселукавых и всенасильственных; благодарю Тебя, яко даруеши мне стояти во истине и правде Твоей; благодарю Тебя, дающаго мне слово разума и силы, всегда вещати мне к людям о имени Твоем, словом Евангелия Твоего; благодарю Тебя, яко прославляеши мене всюду, аще и не достоин и многогрешен есмь; благодарю Тебя о непорочном житии моем, аще и привлекает меня к себе грех на всяк день и томит меня, ибо аще не

бы Ты хранил меня, яко зеницу ока, — сотворил бых всякий грех. Несть числа милостям Твоим ко мне, Господи, и за вся благодарю Тебя, и несть слова достойно возблагодарить Тя, Господи! Аминь.

Мученичество отца Иоанна

Рассказ Александры Александровны Анкировой: "Я жила с мужем в Архангельске, где имели 5 домов. Жили мы по Приморской улице в доме № 29.

Отец Иоанн, когда приезжал на родину, всегда бывал у нас.

После 1905 года и Манифеста о свободе совести (в народе его называли "о свободе быть без совести") о. Иоанн опять приехал к нам.

Увидав на стене портрет Льва Толстого, он спросил меня: "Зачем ты повесила его портрет?" Я ответила, что это повесила моя дочь. Отец Иоанн говорит мне тогда: "Сними сейчас же этот портрет антихриста и порви его".

Я так и сделала. Затем, когда мы стали разговаривать с отцом Иоанном, он говорит мне: "Говори громче, потому что я плохо слышу с тех пор, как меня студент ударил в Андреевском соборе по щеке".

Продолжая, о. Иоанн рассказал мне подробности этого случая так: "Однажды, когда я служил обедню в Андреевском соборе и вышел из Царских врат с чашей, то увидел студента, который закуривал папиросу от лампады пред иконой Спасителя. Я сказал ему: "Что ты делаешь?" Студент, не отвечая, ударил меня по щеке, да так сильно, что Дары расплескались на каменный помост. Я перекрестился, подставил ему другую щеку и сказал: "Ударь еще раз". Но народ схватил студента. Камни с помоста были потом вынуты и брошены в море".

В Петербурге на Тимофеевской улице жила молочница Надежда, у которой я брала молоко. Муж у нее был пьяница, и она часто его за это била. Ей посоветовали обратиться к о. Иоанну Кронштадтскому, что она и исполнила. О. Иоанн исцелил ее мужа от пьянства. Она так обрадовалась, что сдала своему мужу все хозяйство и всей душой стала служить дорогому батюшке и часто сопровождала его в карете во время посещения больных.

Однажды ее упросили богатые люди привезти батюшку к тяжело больному. Надежда стала просить батюшку туда поехать, но батюшка ответил: "На заклание меня везешь?" Надежда испугалась этих слов, но ничего не поняла. В карете еще были две женщины, которые

оберегали батюшку. В дороге батюшка еще два раза повторил: "На заклание меня везете" и потом сказал: "Господи, да будет воля Твоя".

Приехали мы в очень богатый дом; в столовой был сервирован стол и поставлены всевозможные закуски. Батюшка спрашивает: "А где больной?" Ему показывают на комнату рядом и приглашают войти, а когда мы захотели за ним войти, нас быстро отстранили, и щелкнул замок. Мы все забеспокоились. Слышалась за дверью возня; две из нас стали стучать в дверь, а третья побежала за кучером, который был богатырской силы. Кучер вбежал и со всей силы плечом ударил в дверь и сломал замок. Нам представилась такая картина: батюшка лежал поперек кровати, на нем были подушки, а на них сидели три изувера; на полу была кровь. Кучер сбросил изуверов, взял на руки батюшку и отнес в карету. Мы все обливались слезами и просили у батюшки прощения. Мы не знали, что там были изуверы. Они порезали батюшке в паху. Когда батюшка пришел в себя, то строго запретил кому-либо говорить об этом, чтобы не было погромов. На другой день в газетах было объявлено, что батюшка болен. Вот все, что мне по секрету передала Надежда. Простите. Инокиня Евфросинья Тулякова. Белград".

С тех пор отец Иоанн стал хворать, окончательно не поправился и тяжко страдал до самой кончины. Так Господь сподобил отца Иоанна и мученичества за Христа.

Предсмертная болезнь и кончина отца Иоанна

"В конце 1908 г. в г. Кронштадте медленно угасал, то вспыхивая ярким светом, то мерцая, Великий Светоч Церкви Христовой о. Иоанн, ярко светивший на всю поднебесную полстолетия и три года.

Заметил это мерцание первосвятитель Московский Владимир и, в сопровождении преосвященных Гермогена еп. Саратовского и Серафима еп. Орловского, прибыл в Кронштадт 5 декабря 1908 г. и посетил болящего о. Иоанна. С ними были также генерал Николай Иудович Иванов и адмирал Никонов.

О. Иоанн приветствовал их словами: "Сердечно благодарю вас, высокие гости, преосвященнейшие архипастыри, что вспомнили меня, малаго, и посетили мои немощи, в особенности лобзаю вашу любовь, высокопреосвященнейший Владыко".

Отец Иоанн сказал, что ему 79 лет, и рассказывал о своей мучительной болезни, не дающей ему ни днем, ни ночью покоя более чем на 15—20 минут. И только во время служения Литургии природа дает ему ослабу часа на два.

Несмотря на требование врачей, о. Иоанн наотрез отказался от скоромного питания.

О. Иоанн сказал: "Благодарю Господа моего за ниспосланные мне страдания для предочищения моей грешной души. Оживляет Св. Причащение".

6 декабря о. Иоанн служил раннюю обедню, а позднюю служили оба епископа. Когда в своих проповедях они касались личности о. Иоанна и упоминали о публицистах и актерах, устроивших гонение на о. Иоанна и дерзнувших оскорблять святого, то рыдания прерывали проповедников.

Когда епископы и протоиерей Восторгов посетили отца Иоанна, то он удалился с ними в свою комнату и беседовал с ними около часа, как он сам сказал, *о предметах первейшей важности*. Собеседники вышли от о. Иоанна в слезах.

10 декабря о. Иоанн отслужил последнюю Литургию, силы его оставили.

В течение этого времени о. Иоанн говаривал: "Возгораюсь крепким желанием видеть Художника, который и меня сотворил премудро по образу и подобию Своему с разумом, чувством, свободною волей и бессмертием по душе. Когда увижу Его, Желанного?"

Бог открыл о. Иоанну день его кончины еще задолго. За 15 лет до смерти, при закладке в Кронштадте Морского собора, о. Иоанн сказал: "Когда стены будут выведены под крышу, меня уже не будет".

"Какое сегодня число?" — спросил о. Иоанн 18-го декабря 1908 года у игуменьи Ангелины. Получив ответ, он сказал: "Слава Богу, еще два дня, все успеем сделать". Несмотря на крайнее недомогание, о. Иоанн не переставал принимать ежедневно Святое Причастие. 18 декабря к нему явился со Св. Дарами ключарь Андреевского собора. О. Иоанн хотел сам встретить и принять Св. Причастие, но силы оставили его, и находившимся в комнате едва удалось поддержать старца. Вскоре он впал в забытье, которое затем сменилось тяжелыми стонами, свидетельствовавшими о тяжелых страданиях больного.

Так прошла ночь на 19-е число. В этот день отец Иоанн находился в полусознательном состоянии.

К вечеру на 20-е к о. Иоанну вернулось полное сознание, а вместе с тем он почувствовал себя чрезвычайно тяжело и стал жаловаться окружающим на страшный жар во всем теле. Окружающие поняли, что это значит.

"Батюшка умирает"... Эта печальная весть, подобно молнии, в один миг разнеслась по всему Кронштадту. В Андреевском соборе решено было, не дожидаясь утра, отслужить Литургию и после нее причастить о. Иоанна. Многочисленный народ, присутствовавший при этой ночной Литургии, навзрыд плакал; плакали и священнослужители, совершавшие ее.

По окончании Литургии священнослужители отправились со Св. Дарами на квартиру о. Иоанна. Он был в забытьи.

"Душно мне, душно!" — услышали окружающие.

Хотя и с большим трудом, больного удалось причастить. После принятия Св. Таин он продолжал лежать с закрытыми глазами и изредка стонал. Дыхание его стало порывистым, что означало уже близость смертного часа.

В 6 ч утра священник стал читать отходную. Больной лежал безмолвно, с закрытыми глазами.

В 7 ч 40 минут утра 20 декабря 1908 г. о. Иоанн тихо отошел ко Христу на восьмидесятом году жизни.

Честна пред Господом смерть Преподобных Его.

Тело о. Иоанна было торжественно перевезено из Кронштадта по льду моря в Ораниенбаум и оттуда по железной дороге в Петербург. Лед на Финском заливе был слабый и очень удивительно, что он выдержал громадную массу народа, идущего в погребальной процессии. До моря по улицам Кронштадта шпалерами стояли войска. Во время следования процессии с гробом по Измайловскому проспекту Петербурга одна женщина получила исцеление от застарелой болезни. Чудо это описано в книжке, специально посвященной описанию кончины и погребения о. Иоанна (издание Иоанновского женского монастыря). Гроб был поставлен в большом соборе Иоанновского женского монастыря.

Погребение состоялось на следующий день. Службу совершали три митрополита. Я прикладывался к руке о. Иоанна, которая оставалась не холодною и не окоченевшей.

Около 9 ч вечера печальная процессия приближается и крестный ход входит в храм. Все мы, ожидавшие в храме, стоим с горящими

свечами в руках. Вносят гроб с телом о. Иоанна, и вся церковь оглашается громкими рыданиями сестер обители.

Начинается всенощная-парастас. Служит преосвященный Архангельский Михей. Поют монахини.

Мне очень захотелось принять участие в богослужении, но нет риз. Монастырские все разобраны. Но вот один батюшка, пришедший с крестным ходом, не будет выходить на литию и уступает мне свои ризы.

Выходим на литию. Преосвященный Михей и до 20 священников — все добровольно пришедшие. Но что это за служба! Песни печальные, настроение же благоговейно-праздничное. Есть что-то напоминающее светлую заутреню. И чем дальше идет служба, тем это праздничное настроение все растет и поднимается. Какая-то благодатная сила исходит от гроба и наполняет сердца присутствующих неземной радостью, словно окрыляет их, освобождает от чего-то.

Чувствуется, осязательно чувствуется, что во гробе лежит святой, праведник и дух его незримо носится в храме и объемлет своею любовью и лаской всех собравшихся отдать ему последний долг.

Побывши у его гроба, нельзя уже было сомневаться в этом. Из гроба его исходило какое-то духовное благоухание, ощущаемое духом...

Кончилась эта чудная служба. Духовенство пошло прикладываться к усопшему — и опять это чувство благодатной силы...

Кончилась всенощная в первом часу ночи. Не хотелось уходить из храма. Хотелось остаться там на всю ночь. И многие остались.

Громадная многотысячная толпа народа ждет очереди, когда ее пропустят в храм проститься с о. Иоанном. Всю ночь народ наполнял храм по очереди, всю ночь служились панихиды. Затем ранняя, затем поздняя Литургия...

Всенощная была так хороша, что я решил непременно попасть на Литургию и отпевание, и выпросил у матушки игуменьи билет. “Только два билета осталось”, — сказала мать Ангелина, вручая мне один из них.

На другой день я поспел к отпеванию. Вхожу в алтарь. Облачаюсь. Служит митрополит Антоний и целый сонм священнослужителей. И снова знакомое уже ощущение наполняет душу. Чем ближе к концу службы, тем оно сильнее и сильнее. Когда же я приблизился к гробу, чтобы последний раз поцеловать руку доброго пастыря, бла-

годатное чувство заполнило всю мою душу, и, прикладываясь последний раз к о. Иоанну, я уже молился ему в душе словами пророка Елисея к пророку Илии: *"Отче, дай мне от духа твоего!* Дай твоей пламенной веры, твоей дерзновенной молитвы, твоей всеобъемлющей любви к людям, твоей нежной ласки ко всем"... И живо, осязательно чувствовал, что дух праведника витает и благодатно объемлет всех собравшихся.

Еще минута. Подняли гроб. Храм огласился рыданиями сестер обители. И понесли тело праведника к месту упокоения. Вместе с другими и я нес этот гроб. Он уже был для меня драгоценен.

Совершается лития. Запаяли крышку гроба и поставили в гробницу, устроенную на полу храма. Поверх гроба любящие руки набросали песочку, который и был вскоре разобран присутствовавшими "на память". А сверху покрыли гробницу металлической доской.

Похоронили о. Иоанна в церкви-усыпальнице, специально заранее устроенной в подвале. Вся церковь облицована белым мрамором, иконостас и гробница тоже из белого мрамора. В церкви множество круглых матовых электрических лампочек. Иконы написаны нашим знаменитым художником, если память мне не изменяет, Нестеровым.

Народ при жизни так всегда теснился к о. Иоанну. Почему теснился? Потому что чувствовал, *"яко сила от него исхождаше"...*

Несколько дней и ночей я был полон тем ощущением, которое пережил в храме у его гроба.

Первый раз в жизни я до осязательности пережил и перечувствовал живую связь почившего праведника с нами, оставшимися еще здесь".

Священник Иоанн Альбов

Последние дни

Митрополит Вениамин (Федченков)

В Париже мне пришлось посещать иногда дома для душевно больных, вмещавшие до 5000 человек. В одном из них главный врач, верующий католик, сказал мне в кабинете:

— Прошу вас: молитесь обо мне! С этими несчастными, мне кажется, я и сам начинаю сходить с ума!

Подумать лишь, какого напряжения вообще, и в особенности — молитвы, требовали люди от отца Иоанна: ведь почти все ждали чуда! Легко сказать! И в Евангелии сказано, что после исцеления кровоточивой Христос почувствовал "силу, исшедшую" из Него. Вероятно, и в других чудотворцах происходит нечто подобное. Какая же нужна была громадная сила, чтобы переносить все это каждый день, месяцы, годы, почти до 80 лет! Вот что поражает больше всего в отце Иоанне.

Но Божественная благодать поддерживала его в таком беспрерывном подвиге. Служение ежедневных Литургий, непрестанная сердечная молитва, призывание Божией силы во время молебнов — это укрепляло и, вероятно, обновляло его природную силу.

Кроме того, думаю, радовало его и то, что он постоянно пребывал в среде верующих, то есть среди лучших людей!

Зато какую же борьбу вел против него "ангел сатанин"! В дневнике он постоянно пишет об этом! И неудивительно, что батюшка по временам уезжал на отдых: то на родину, то к друзьям... Даже апостолы после проповеди нуждались в этом, и Сам Христос отводил их в уединенное от народа место.

Да и сама молитва его требовала огромной траты сил. Нам, обычным людям, служить легко; но так молиться, как он молился, — нужна сила! Или говорить проповеди: мы ровненько объясняем слушателям, точно урок в классе, а у него всякое слово горело. Однажды в Сербии старый и разумный богомолец спросил меня (по-сербски):

— Отче Владыко! Что это значит? Один скажет "Бог" — и "нема ништа" (нет ничего); а другой скажет тоже "Бог" — и "огонь запалисе" (огонь загорится)?

Вот и у отца Иоанна все всегда было с "огнем". И именно от этого были сильны и его молитвы, и действенны проповеди. Последние по содержанию своему и с ораторской точки зрения не представляли ничего особенного. Будучи преподавателем в Санкт-Петербургской академии, я однажды задал для доклада курсу тему: определить по проповеди проповедника. А автора я скрывал, конечно. На этот раз три докладчика дали по проповеди такой отзыв:

— Автор — священник какого-нибудь уездного городка. Ничего особенного.

Другой сказал:

— Обыкновенный проповедник. Обыкновенная проповедь.

И лишь третий сказал:

— Нет, я чувствую в авторе особого человека. Но понять его не могу.

— А ведь это — великий отец Иоанн Кронштадтский! — к общему удивлению всей аудитории сказал я.

Тогда поднялся вопрос, почему же проповеди его так просты и обычны? Ответ был понятен: сила его слов была не в оригинальности мыслей и не в ораторском их изложении, а в силе его духа; у него слова дышали пламенем... Именно как сказал серб: один скажет "Бог" — и "нема нешта"; а другой скажет то же самое слово "Бог" — и "огонь запалисе".

Ап. Павел тоже писал: наша сила не в убеждающих словах, а в явлении духа и силы!

И отец Иоанн тратил колоссальные силы в своем служении Богу и людям. Но при всем том дожил почти до 80 лет. По словам царя Давида, — "аще в силах", то есть при особой силе, — 80 лет может прожить человек. Всему приходит конец.

Незадолго перед смертью и он заболел. Перед этим мне удалось еще дважды быть с ним. Один раз, будучи уже иеромонахом, я был приглашен сослужить ему на Литургии. Он предстоятельствовал. Я стоял пред Престолом с левой стороны. И как только он возгласил с обычною ему силою: "Благословенно Царство Отца и Сына и Святаго Духа", меня, точно молния, пронзило ясное сознание, выразившееся в уме в таких словах: "Боже! Какой он духовный гигант!" И, созерцая это с очевидностью, я, в размышлении, закрыл уста свои служебником: "Какой гигант". Вдруг он протягивает ко мне левую руку, отодвигает книгу от уст, говорит властно:

— Не думай! Молись!

Вероятно, он прозрел мои тайные мысли о нем.

Последнее мое посещение было приблизительно за полгода до кончины его. Мы с сотоварищем по академии, иеромонахом Ш-м, посетили отца Иоанна по причине болезни моего друга. Батюшка вышел к нам уже слабеньким. Пригласивши сесть, он устало спросил нас:

— И чего вам от меня, старика, нужно?

— Батюшка, — вольно ответил я, прости меня за это, Господи! — Если бы вы были простой старик, то к вам Россия не ходила бы.

— Ну, ну, — махнул он рукою, не желая спорить.

— Скажите нам что-нибудь во спасение души.

Тогда он взял в руки крест, висевший на груди моего товарища, и, глядя на него, стал молиться. Потом начал многократно и долго целовать крест; прижимал его к своему лбу, опять целовал. Затем то же самое он делал с моим крестом... Все это творилось молча, несколько минут. Потом он сказал:

— Монахи, монахи! Не оглядывайтесь назад! Помните жену Лотову.

Дальше я задал ему такой вопрос:

— Батюшка! Скажите, откуда у вас такая горячая вера?

— Вера? — переспросил он и на минуту задумался.

Потом с твердой ясностью ответил:

— Я жил в Церкви!

— А что это такое — жили в Церкви? — спросил я.

— Ну, — с некоторым удивлением от моего вопроса продолжал он, — что значит жить в Церкви? Я всегда пребывал в церковной жизни... Служил Литургию... Любил читать в храме богослужебные книги, минеи. Не Четьи-Минеи (Жития святых), хотя и те прекрасны, — а богослужебные минеи, стихиры, каноны... Вот! Я жил в Церкви!

Поблагодарив батюшку, мы ушли. Вскорости мой друг скончался в молодых годах. Я же еще живу, по милости Божией. И часто вспоминаю о его словах...

Болезнь отца Иоанна не проходила. Ждали конца. И 20 декабря (ст. стиля) 1908 года батюшка скончался. Весть эта мгновенно облетела всю Россию. Похоронили его в созданном им женском монастыре в Санкт-Петербурге, “на Карповке”. Мне не удалось попасть в храм на отпевание, и я шел далеко за гробом в необъятной толпе народа. Всякое движение здесь было прекращено. Зато дышали сердца тысяч и тысяч людей: в одном месте пели “Со святыми упокой”, другая группа начинала “Вечную память”, третьи — “Святый Боже” — похоронное... Большой стон стоял над этими духовными детьми батюшки. Иногда приходилось слышать выкрики:

— Уж больше не видать нам такого отца!

Или:

— Дорогой батюшка! Помолись за нас!

И опять пение тьмы голосов... Трудно было сдержаться от слез среди этой общей печали и рыданий.

В подвальном этаже монастырского храма — светлом, облицованном белым мрамором, — была приготовлена белая же мраморная гробница на полу. И здесь положили честные мощи святого батюшки. Теперь, вместо Кронштадта, началось паломничество "на Карповку". Ежедневные службы... Постоянные панихиды. Снова чудеса. Всеобщее почитание. Святейший Синод постановил считать день смерти отца Иоанна неучебным в духовных школах. Царь обратился к России с особым Манифестом — о значении его и почитании. А народ унес о нем память в сердцах своих и записал в "поминаниях"... Так началось прославление батюшки в Церкви.

Три года тому назад (1948) я был в Ленинграде и узнал, что монастырь "на Карповке" закрыт, но там все, включая и гробницу, остается нетронутым.

Преподобне отче Иоанне! Моли Бога о нас, грешных!"

Слово перед панихидою в сороковой день кончины отца Иоанна Кронштадтского

Епископ Серафим (Чичагов)

В Бозе почивший дорогой нам всем отец Иоанн Кронштадтский, великий праведник и всероссийский молитвенник, истинный друг всех страждущих, труждающихся и обремененных, всегда останется близким сердцу русского народа и чистейшим источником вдохновения для служителей и предстоятелей у престола Божия. Столь исключительные люди, как отец Иоанн, всегда пользуются при жизни более народною любовию, чем земною славою, так как против нее восстают явные и тайные силы, но после кончины они особенно возвеличиваются потомством того просвещенного общества, которое не могло своевременно распознать их духа по разным причинам, но больше по своему малому духовному развитию.

Для большинства образованных людей, чуждых заповеди апостольской о необходимости уметь различать людей по их духу и избирающих более легкий способ познания, почти всегда ошибочный, по внешнему облику и по первому впечатлению, дорогой любимец русского народа отец Иоанн был всегда загадкою и какою-то тайною. Поэтому в своей труженической жизни он дважды повергся жесто-

чайшему гонению: в начале своей деятельности — по зависти окружающих и в конце жизни — по злобе врагов Православия. Модная известность, на которую столь падки высшие круги общества, привела отца Иоанна в богатые и знатные семьи, где ожидали видеть в нем величественного, изящного пастыря, производящего впечатление интонацией голоса, пронизывающим взором и таинственностью изречений. Но небольшая худощавая фигура его, быстрота и нервность в движениях, затрудненность в речи, характерные особенности сельского батюшки производили на многих неблагоприятное впечатление. От внешности его еще более увеличивалась та загадочность, с которою носилось образованное общество в своих бесконечных и возмутительных пересудах.

Первые пятнадцать лет служения и подвижничества отца Иоанна в Кронштадте возбуждали не только опасения высших иерархов и блюстителей в православном ведомстве за судьбу этого необыкновенного пастыря, но смущали, по совершенно другим уже причинам, живших в то время великих духовных деятелей, как, например, преосвященного Феофана Затворника.

Мне, как состоявшему в послушании отца Иоанна в продолжение тридцати лет, все эти факты хорошо известны. Несколько раз строгий митрополит Исидор допрашивал отца Иоанна, заставлял его служить при себе и доискивался, что есть в нем особенного, даже сектантского, как уверяли и доносили ближайшие священнослужители. К.П.Победоносцев вызвал его к себе, и первое их объяснение настолько характеризует обоих замечательных людей, что я не могу умолчать. К.П. сказал: “Ну вот, вы там молитесь, больных принимаете, говорят, чудеса творите, многие так начинали, как вы, а вот чем-то вы кончите?” — “Не извольте беспокоиться, — ответил дивный батюшка в своей святой простоте, — потрудитесь дождаться конца!” Преосвященный Феофан счел необходимым отнестись к о. Иоанну письменно со словом любви и наставления и высказать, что он взялся за такую подвижническую жизнь в миру, среди всех житейских соблазнов и невзгод, которая неминуемо должна привести его к страшному падению или окончиться ничем, что никто еще со времени принятия христианства, не только в России, но и на Востоке, не решался на подобный путь, будучи не монахом, а священником, живя вне ограды и устава монастырских, и непременно это породит величайший соблазн в духовенстве и в народе.

Действительно, если подробно вникнуть в жизнь отца Иоанна и проследить за его постепенным духовным восхождением и сравнить общеизвестное аскетическое трудничество наших подвижников и преподобных с обстановкою и условиями пути, избранного отцом Иоанном, то нельзя не поразиться, насколько ему было труднее совершенствоваться и пребывать в невидимой духовной брани. На своем необыкновенном пути он явился первым среди мирской обстановки, столь опасной и полной преткновений; он был всегда поразительным примером для наших пастырей, которые теперь так нуждаются в возрождении для современной деятельности, и поэтому каждому из священнослужителей необходимо ныне заняться изучением и исследованием столь необыкновенной подвижнической жизни незабвенного русского богатыря духа! Как было ему не казаться загадкою, величайшею тайною, когда он остался в положении простого приходского священника в многоштатном соборном клире и избрал путь совершенства, по заповеди Христа Спасителя, дабы оправдать непреложность слова Божия. Вот этого-то и не могли понять ни духовные, ни светские люди!

Аскетический монашеский дух требует первоначального усовершенствования в отрешенной от мира обстановке для того, чтобы человек переродился в этой новой тяжелой и духовной школе, сам укрепился внутренними силами и только тогда открыл к себе вход ищущим утешения, наставления и руководства или появился вновь в миру для служения людям. Но отец Иоанн обладал иным духом, имеющим свои отличительные черты и дарования. Дух отца Иоанна, так сказать, жаждал покорения внутренними человеческими силами, внутренним усовершенствованием всей этой окружающей его внешности, затрудняющей духовный путь в развращенном и извращенном миру, не прекращая исполнения никакого долга, возложенного на него обстоятельствами жизни, никакого служения людям, а, наоборот, совершенствуясь в обыденном труде, который, безусловно, необходим для всякого духовного пути, если суметь его соединить с непрестанною молитвою. Дух отца Иоанна требовал сохранения всей своей естественной внешности, чтобы избежать в духовной борьбе столкновения с легко вкрадывающимся лицемерием, отвлекающим от внутренней работы, когда монашеская одежда, обстановка, условия жизни дают без труда преимущества и приобретают кажущиеся достоинства; его дух стремился к самой искренней, чистой правде, к

тому, чтобы никогда не казаться лучше, чем есть, а только быть действительно таким для Бога, людей. Поэтому он предпочитал скорее внешностью заслуживать осуждения, чем похвалу; одевался, не смущаясь, в богатые одежды, которые ему дарили; пил и ел для друзей и гостеприимных хозяев все, что ему ни предлагали, конечно, в ограниченном количестве, и все покрывал своею любовью. Несомненно, отец Иоанн был блаженного духа, который в крайних формах у простого народа доходит до юродства Христа ради. Избрав такой трудный путь совершенствования, он любил бывать в обществе, беседовать и находил всегда в этой общественной жизни себе нескончаемую, непрерывную духовную работу.

Никто не мог понять в обществе, каким образом батюшка отец Иоанн достиг в светской жизни таких совершенных качеств? В ответ позволю себе вкратце начертать то, что мне известно. Отец Иоанн достиг всего самым простым способом: исполнением заповедей возлюбленного Господа Иисуса Христа. Приняв священный сан, он прежде всего поставил себе за правило исполнять свои обязанности пастыря, и учителя, и проповедника с величайшим усердием и строго наблюдать за своею внутреннею жизнию, для чего не ложился спать без исповедания всех своих прегрешений за день, изучал Священное Писание, употреблял на это все досуги и свободные минуты, даже в поездках и путешествиях, и так до конца жизни. Ничто так не вразумляет, не учит, не наставляет и не вдохновляет, как чтение Святого Евангелия и Посланий святых апостолов, вечно новое, радостное и назидательное, если изучать в них свои обязанности как человека, как священника и как члена общества. Затем, для наблюдения за своей внутреннею жизнью отец Иоанн ежедневно вел дневник, в который заносил все свои сокровенные мысли, чувства и молитвы к Богу и записывал внутреннюю борьбу с самим собою. Эти дневники, вошедшие в известную теперь книгу “Моя жизнь во Христе”, есть величайшее достояние наше, оставленное пастырям и обществу в назидание. В-третьих, будучи сам бедным человеком, сыном сельского причетника, он имел потребность заботиться о всех нуждающихся и страждущих. Известно, что он делился всегда последним своим с бедными, так что митрополит Исидор был вынужден приказать выдавать жалованье не ему, а жене. Наконец, стремясь к тому, чтобы его душа не двоилась на добро и зло, он в обращении с людьми и в молитве к Богу достигал поразительной, младенческой простоты. Про-

стота, истина и истинность — эти три качества любви составляли цель его духовного трудничества, и отец Иоанн молил Господа об этом со слезами, говоря: "Господи, даруй мне сердце простое, незлобивое, открытое, верующее, любящее, щедрое, достойное вместилище Тебя, Всеблагостного!"

Обладая чрезвычайной простотою и искренностью, отец Иоанн имел величайший дар молитвы. Это его отличительная особенность. Он глубоко верил, от всего сердца, в благодать, данную ему как священнику от Бога, молиться за людей Божиих, и что Господь настолько близок к верующему христианину, как собственное его тело и сердце, ибо тело наше есть храм живущего в нас Святого Духа, Которого мы имеем от Бога (1 Кор. 6, 19). Он веровал на молитве, что за словом, как тень за телом, следует и дело, так как у Господа слово и дело не разделены, и, не допуская ни малейшего сомнения в исполнении Богом его прошений, просил совершенно просто, искренне, как дитя, с живою, ясновидящею верою в Господа, представляя Его не только стоящим пред собою, но и себя как бы находящимся в Нем, в такой близости. Он считал сомнение за хулу на Бога, за дерзкую ложь сердца и говорил: "Разве мало для нас видеть бессилие в человеках, что хотим еще видеть бессилие в Самом Боге и тайно помышляем, что Бог не исполнит нашего прошения?"

Когда отец Иоанн молился, то старался вообще больше молиться за всех верных, чем за себя одного, не отделяясь от верующих и находясь в духовном единении с ними. Если видел в человеке недостатки или какие-нибудь страсти, то всегда молился тайно за него, где бы ни было: во время служения Литургии, в пути ли, в беседе ли. Проезжая по улице и видя порочных людей, он тотчас возносил ко Господу свою сердечную молитву и взывал: "Господи, просвети ум и сердце раба Твоего сего, очисти его от скверны!" или иными, более подходящими к данному лицу словами из псалмов. Он не пропускал случая помолиться за человека по чьей-либо просьбе, радовался такой просьбе, считая, что молитва за других есть благо и для него самого, потому что она очищает сердце, утверждает веру и надежду на Бога, возгревает любовь ко Христу и ближнему. Отец Иоанн молился по вере в его молитву просящих и никогда не приписывал себе ничего. Если ему приходилось вразумлять заблудших, утешать впавших в отчаяние, он в конце беседы непременно приглашал вместе помолиться за того человека, искренне сознавая, что одними слова-

ми нельзя исправить недостатки других, а надо еще вымолить помощь и силу Божию.

Особенность молитвенного подвига отца Иоанна заключалась еще в том, что он необыкновенно внимательно следил за сердечностью своей молитвы и тотчас прекращал ее на время, если сознавал, что молитва становится только внешнею, механическою, так сказать. Он упражнялся в движении своего сердца на молитве и этим подтверждал ту особенность его духа, о которой я говорил в начале. Считая одну умственную или поверхностную молитву оскорблением Бога, призывающего к Себе человечество словами*: Даждь Ми, сыне, твое сердце!* (Притч. 23, 26), отец Иоанн учил, что хорошо оказывать послушание во всем Матери-Церкви, читать длинные молитвы, положенные по уставу, акафисты, но следует это делать с благоразумием, и кто может вместить продолжительную молитву да вместит, но если эта продолжительность несовместима с горячностью духа, то лучше сотворить краткую молитву, ибо святой апостол говорит: *Царствие Божие не в слове, а в силе* (1 Кор. 4, 26). “Молясь, мы непременно должны взять в свою власть сердце и обратить его к Господу, но никогда не допускать ни одного возгласа к Богу, не исходящего из глубины сердца. Когда мы научимся во время молитвы говорить из сердца только истину, то, что действительно сознаем и чувствуем, то искренняя или истинная молитва очистит наше сердце от лжи, и мы не позволим себе лгать и в жизни”. Поэтому отец Иоанн считал полезным во время служения и на молитве иногда сказать несколько своих слов, дышащих горячею верою и любовью к Господу.

Дорогой батюшка отец Иоанн поражал и иногда потрясал всех глубиною своей молитвы. На основании моих бесед с ним я могу только изобразить его молитвенное состояние. Он становился пред Господом, как перед солнцем, и, чувствуя невыразимый блеск света Божественного, закрывал глаза и ясно ощущал свое нахождение в лучах этого света и от них теплоту, радость и близость к Христу Спасителю. Во время молитвы после причащения Святых Таин батюшка иногда чувствовал, как Господь проникает сквозь его тело в сердце, подобно тому, как Он по Воскресении прошел сквозь стены дома к апостолам, и тогда он получал сознание, что невидимая душа его успокаивается в невидимом Боге.

Но чтобы уразуметь веру и дух батюшки отца Иоанна, надо было с ним молиться в алтаре во время Литургии. Вначале он усердно по-

минал у жертвенника всех живых и мертвых, со слезами молился о всех, дерзновенно просил Господа за скорбящих и страждущих, по временам отходил, потом опять возвращался и снова молился, становился на колени, обнимал дискос и видимо страдал вместе с людьми, за которых молился. Когда начиналась Литургия, он продолжал еще поминать у жертвенника по многочисленным запискам, которые ему читались, но к чтению Святого Евангелия всегда возвращался на свое место и с полным вниманием прослушивал слово Божие, вникая во всякое слово, покачивая головою в знак непреложности и истинности благовестия. По перенесении Святых Даров на престол великий молитвенник начинал как бы готовиться к радостному свиданию с Господом и уже помышлял более о присутствующих в храме, о соучастии их в общей молитве и в общей радости с ним и так молился иногда о них: "Господи! Многие из предстоящих в храме Твоем стоят праздны душами своими, как сосуды праздные, и не ведают, о чем подобает молиться; исполни сердце их ныне, в этот день спасения, благодатию Всесвятого Духа Твоего и даруй их мне, молитве моей, любви моей, исполненных познанием благости Твоей и сокрушения и умиления сердечного, даруй им Духа Святого Твоего, ходатайствующего в них воздыханиями неизглаголанными!" (Рим. 8, 26).

По пресуществлении Святых Даров в Тело и Кровь Христовы отец Иоанн совершенно преображался. Мысль о людях сперва как бы отлетала от него, он начинал славословить Господа, благодарить Его за бесконечное милосердие, за беспредельную любовь, за спасение рода человеческого, за вочеловечение, крестные страдания, за дарование сего хлеба насущного и в доказательство своей веры, что хлеб и вино непременно преложились в Тело и Кровь Господни, по воле Самого Господа и по действию Святого Духа, он возглашал с великою внутреннею силою, что "небо и земля мимо идет, словеса же Господни не мимо идут!" (Мф. 24, 35). Затем отец Иоанн углублялся в молитву свою за верных, о которых ему надлежало с дерзновением просить Господа Христа. Бывали дни, когда он в эти минуты превращался в какую-то неподвижную тень, точно замирал, стоя на ногах, и лицо его из живого постепенно превращалось в бледное, а затем и в темное. Как только наступало время ему сказать возглас, он моментально приходил в себя, открывал глаза, и из них катились по ожившему уже лицу крупные слезы. В такие моменты его службы присутствующим делалось жутко и страшно.

Батюшка всегда приобщался очень долго, со слезами, по его словам, сосредотачиваясь на твердой вере и на представлении, что пред ним Кровь и Тело Самого Христа. Он, приобщаясь, умственно препровождал их до глубины сердца. Быстро просветлялось его лицо при этом. Радостный, счастливый, он складывал ладони рук своих, незаметно побивал их в своих быстрых и нервных движениях, и всегда оканчивал свою службу торжествующим. Пока Святая Чаша стояла на престоле, он над нею наклонялся, обнимал ее руками, прикасался к ней головою и радостно молился, переживая святейшие часы в жизни своей. По отнесении Святых Даров на жертвенник при первом свободном мгновении он приближался опять к ним и снова молился. "Хорошо молиться мне о людях, — писал он в своем дневнике, — когда причащусь достойно, сознательно, тогда Бог мой во мне, и я имею великое пред Ним дерзновение!" Отец Иоанн всегда сам употреблял часть Святых Даров и затем, разоблачившись, опять становился на колени пред престолом и, склонив на него голову свою, молился довольно долго; совершая Литургию, незабвенный батюшка обретал для себя величайшее наслаждение и блаженство. "Я угасаю, умираю духовно, — говорил он, — когда не служу несколько дней в храме, и возгораюсь, оживаю душою и сердцем, когда служу, понуждая себя к молитве не формальной, а действительной, духовной, искренней, пламенной. Люблю я молиться в Храме Божием, в святом алтаре, у престола и жертвенника, ибо чудно изменяюсь я в храме благодатию Божиею, в молитве покаяния и умиления спадают с души моей узы страстей, и мне становится так легко, я как бы умираю для мира, и мир для меня со всеми своими благами, я оживаю в Боге и для Бога, для Единого Бога, и весь Им проникаюсь, и бываю един дух с Ним, я делаюсь как дитя, утешенное на коленях матери, сердце мое тогда полно пренебесного сладкого мира, душа просвещается светом небесным, все светло видишь, на все смотришь правильно, ко всем чувствуется содружество и любовь, к самым врагам, и охотно их извиняешь и прощаешь! О, как блаженна душа с Богом!

Церковь — истинно земной рай! Какое дерзновение имеешь к Господу и Богородице! Какую чувствую кротость, смирение и незлобие! Какое беспристрастие к земному! Какое горячее желание небесных, чистейших, вечных наслаждений! Язык не может изречь того блаженства, которое вкушаешь, имея Бога в сердце своем! С ним все земное — прах и тлен".

Много будут теперь писать и говорить о возлюбленнейшем нашем батюшке отце Иоанне, великом подвижнике и всероссийском молитвеннике. Сотни тысяч людей его видели, знали, молились с ним, многие получили исцеления по его молитвам, но я не ошибусь, если скажу, что не многие образованные люди понимали его, были настолько опытны и развиты духовно, чтобы понять его дух, главным образом уразуметь необыкновенный его путь к совершенству. Он стал пользоваться известностью уже почти после пятнадцати лет великих подвигов, и то в простом народе; двадцать пять лет подвижничества, проведенных как один день, не убедили образованное общество в его праведности. После пятидесяти лет этой замечательной жизни просвещенное общество еще продолжало в нем сомневаться и даже позже обрушилось на него с обвинениями и преследованием, выражая свое осуждение и сомнение в нем. После этого можно ли подумать, что люди понимали великого пастыря Русской Православной Церкви?

Передать свои воспоминания о посещении Кронштадта нетрудно, описать виденное и слышанное также легче всего, чувствовать к такому человеку горячую любовь за ласки, добро, за помощь совершенно естественно, все это будет печататься и сообщаться, но в моем сердце, скорбящем этой тяжелой разлукой, теперь явилось желание ответить на недоуменные вопросы, которые служили поводом к несправедливым отношениям столь многих людей к этому действительному русскому богатырю духа. Мне казалось, мой прямой долг разъяснить духовно то, что не понималось многими при его жизни и считалось какою-то тайною. Этот духовный вывод из многолетней подвижнической жизни незабвенного учителя нашего, подтверждаемый собственными его описаниями, особенно необходим и важен в данное время для всего русского духовенства, ибо кончина великого молитвенника земли Русской и любвеобильный призыв глубоко верующим царем священнослужителей к вдохновению примером и подвигами почившего праведника должны привести к возрождению всех сил русского духовенства для великого служения пред престолом Божиим и на ниве народной.

Еще несколько слов.

Дорогой батюшка отец Иоанн переносил все гонения с удивительным смирением. За тридцать лет я не слыхал от него ни слова упрека врагам, ни слова обиды на кого бы то ни было, как при первом преследовании еще в молодых годах, так и теперь в жестокие годины

его предсмертного испытания. На все это он смотрел истинным духовным взором, считая всегда виновником состарившееся древнее зло на земле. Борьба его с духом злобы в молодых годах была поразительна: сотни раз я видел, как враг связывал его невидимо у престола Божия, и он не был в силах несколько минут сделать шагу, а потом резкими движениями после горячей молитвы освобождался от посрамленного его верой князя мира сего. По окончании подобных искушений он начал подвергаться совершенно неожиданно насилиям изуверов, его и душили, и кусали, и били, и злословили некоторые в припадках исступления. Чего только он не перенес! Поэтому воздвигнутый ему позор в печати, позор в театрах, позор между людьми, даже им облагодетельствованными, во время безумной революции, это было оскорблением не ему, конечно, великому всероссийскому молитвеннику, догоравшему еще яркой свечой за Святую Русь пред небесным алтарем Всемогущего Бога, но невыносимым оскорблением нам, православным русским людям, всей России, которая имела право считать свою веру, свое Православие, своего дивного богомольца и праведника неприкосновенными. Болезнь его быстро развилась в последние годы вследствие влияния на него испытаний родины. Один Бог был свидетелем его пламенной мольбы, стенания, бесконечных слез и дерзновенных молитв за царя и Россию, за спасение Русской Православной Церкви, которые он возносил с одра болезни или сидя уже в кресле со Святым Евангелием в руках, преследуемый жестокими болями, воспламененный лихорадкой и изнеможенный и высохший от подвигов и страданий. Православие — вот о чем он говорил больше в последний год и при изнеможении шептал, как бы завещая нам защиту этого великого сокровища русского и вознося еще последние мольбы за всех нас, оставшихся для продолжения его святого дела.

Но теперь уже все кончено: мы можем говорить, плакать и просить, искать утешения, жаждать этой любви, истины, правды, только припав на могилу нашего возлюбленного отца, друга и наставника!

Страшно за будущее. Он так долго и много учил, но все ли его слушали? Он был истинный служитель Божий, но многие ли у него восприняли эту истину? Он был искренним, правдивым богоносцем, но отчего же не все внимали его правде? Он просил, молил... Отчего же не исполнили?

Молитвами твоими да вразумимся, угодниче Божий! Аминь.

8 Зак. 3001

О матушке

Из воспоминаний Р. Г. Шемякиной

22 мая 1909 года в девять часов тридцать минут утра тихо отошла к Богу после долгих страданий вдова отца Иоанна Кронштадтского, Елизавета Константиновна Сергиева. Причиной смерти, по определению пользовавшего ее врача, послужила старческая дряхлость с нарастающим упадком сердечной деятельности. Господь сподобил ее долго и усердно готовиться к переходу в вечную жизнь: последние годы Елизавета Константиновна, следуя заветам и наставлениям своего супруга-молитвенника, приобщалась вообще очень часто или в соборе, или на дому, когда слабость в ногах не позволяла ей выходить из дому, а последний год — ежедневно; приобщилась она и 21 мая, но это, как оказалось потом, было в последний раз: в этот день с шести часов вечера она перестала глядеть на свет Божий, а с десяти часов не стала говорить, ничем не выказывая сознание. Последнее слово ее было: "Хочу", сказанное ею в ответ на предложение выпить святой водицы, но проглотить ее она уже не могла; вскоре после этого матушка впала в бессознательное состояние, а на другое утро мирно скончалась во время чтения канона на исход души. На Фоминой неделе, по своему собственному желанию, она соборовалась и после того несколько раз говорила: "Как я рада, что соборовалась и приготовилась".

Погребение тела Елизаветы Константиновны состоялось в воскресенье, 24 мая, в городе Кронштадте, в левой стороне соборного садика.

Почившая родилась 4 мая 1829 года, в городе Гдове, где отец ее, протоиерей Константин Петрович Несвицкий, служил в городском соборе и был благочинным церквей Гдовского уезда. Переведенный в Кронштадт ключарем Андреевского собора, он, по слабости здоровья, не мог долго занимать это место и в 1855 году передал его священнику Иоанну Ильичу Сергиеву, женившемуся на дочери его, Елизавете Константиновне. Когда она выходила замуж, на ее руках находились: престарелый отец, трое взрослых братьев и двое сестер; все жили вместе и на долю Елизаветы Константиновны, исполнявшей обязанности хозяйки и матери (протоиерей Несвицкий овдовел в августе 1855 года), выпадало немало забот и хлопот. Затем, несколько лет спустя, братья ее получили более обеспеченные места, давшие им возможность поселиться отдельно, а сестер своих матушка выда-

ла замуж за учителей Петербургской духовной семинарии, впоследствии священников, причем все попечение об их устройстве и обзаведении приняли на себя отец Иоанн и Елизавета Константиновна.

Не имея достаточно личных средств, отец Иоанн в обоих случаях сам обходил состоятельных прихожан, прося их помочь сделать приличные приданные свояченицам. Многие давали охотно, но многие, вероятно, встречали молодого батюшку с тем чувством недоброжелательства, которое часто у нас сопровождает доброделание.

После замужества сестры ездили гостить в Кронштадт, и в одну из этих поездок, в 1870 году, у младшей сестры матушки в квартире отца Иоанна родилась дочь: это была я. Через некоторое время меня увезли домой, но Господу Богу угодно было, чтобы мой истинный дом был в тихой, мирной квартирке незабвенного Пастыря, под его благословенным кровом.

В 1872 году умер мой отец, оставив мать без всяких средств. Тогда дядя, видя беспомощное положение нашей семьи, сказал тете: "Детей у нас нет, возьмем и воспитаем как дочь". Сказано — сделано, и вот я очутилась, по воле Божией, на попечении незабвенных, бесконечно дорогих для меня дяди и тети, которые неустанно пеклись обо мне, заботились обо мне, берегли меня, как только нежно любящие родители могут заботиться и лелеять свое любимое дитятко.

Как отец Иоанн никогда не жил личною жизнью, отдавая себя на служение человечеству, так и Елизавета Константиновна никогда не жила для себя, только круг ее деятельности складывался у́же, ограничивался служением родным и близким: их радостями она радовалась, их скорбями скорбела.

Я помню ее, когда ей было лет сорок пять. Очень подвижная, с добрым, благообразным лицом, вечная хлопотунья, она любила всех обласкать, пригреть и накормить; как сейчас смотрю на нее, подвязанную белым передником, в кухне, делающую сладкий пирог; любила она сама постряпать, сама купить провизию, сама за всем присмотреть, чтобы все было чисто и вкусно. Сколько раз, помню, дядя, отведывая любимый яблочный пирог, приговаривал: "Мастерица ты у меня стряпать пироги". Приветливая, всегда ровная, ласковая, Елизавета Константиновна любила, когда кто из знакомых навещал ее; тогда она прямо закармливала гостя или гостью, а дядя, видя ее гостеприимство и искренность, не один раз говорил, указывая на хлопотливую хозяйку: "Настоящая она матушка".

Среди хозяйственных работ тетя не забывала и меня; все свободное время проводила со мной, спала в одной комнате с нами, учила меня читать и писать по-русски и по-французски, а когда я поступила в гимназию, сама приготовляла мне завтраки, ежедневно провожала меня в гимназию и встречала, спрашивала уроки.

Помню, перед тем как тетя стала учить меня, дядей был отслужен молебен в Андреевском соборе святым Косьме и Дамиану и пророку Науму; сам дядя водил меня на вступительный экзамен в гимназию, платил все время за меня из своего кандидатского оклада и с неослабевающим интересом следил за моими успехами, просматривая еженедельно тетрадь с отметками и подписывая ее. Что же удивительного, если я, при таких благодатных условиях, блестяще окончила курс учения; это было большою радостью для незабвенных моих воспитателей, и дядя многим знакомым спешил сообщить приятную для него новость: “Племянница и воспитанница наша, Руфа, окончила гимназию с золотой медалью”.

К своему великому супругу-молитвеннику тетя, как только я себя помню, всегда относилась с благоговейной любовью и почтительностью. Когда он, усталый, приезжал домой с треб или из храма Божиего, она торопилась снять с него сапоги, помочь разуться и заботливо укрывала его, укладывая отдохнуть в постель. Тогда мертвая тишина водворялась в квартире: так ревниво оберегала тетя кратковременный отдых труженика-пастыря.

Будучи вообще слабого здоровья, дядя часто хворал, и тогда тетя превращалась в неутомимую сиделку — проводила все ночи напролет у постели больного, а днем сама приготовляла для него кушанье.

Помню, в 1879 году отец Иоанн опасно занемог: у него сделалось воспаление обоих легких. По целым часам он лежал с закрытыми глазами в забытьи, а когда приходил в себя, часто говорил: “Голова болит невыносимо, точно молотом ударяют по ней”.

Один раз тетя сидела около кровати дяди и горько плакала; открыв глаза, батюшка посмотрел на нее и сказал: “Не плачь, Лиза, Бог даст, поправлюсь, а если нет, Бог и добрые люди не оставят тебя; я никого не оставлял, и тебя не оставят”.

Прошло несколько дней, и однажды утром тетя вбежала в детскую и дрожащим от волнения голосом воскликнула: “Дяде лучше, кризис прошел!” Мы с тетей посмотрели друг на друга, крепко обнялись, и обе заплакали, но уже слезами радости...

Когда незабвенный батюшка предпринимал свои частые, а потом и ежедневные поездки в Петербург, тетя никогда не ложилась спать, не дождавшись дяди, хотя бы это было около часу ночи, несмотря на то, что здоровье ее вообще было не из крепких; она постоянно страдала головными болями и несколько лет подряд — бессонницей. С течением времени матушка, по слабости, принуждена была отказаться от некоторых забот о батюшке, и какое это было для нее, бедной, тяжелое лишение!

Припоминается мне еще следующий случай: несколько лет тому назад дядя, приняв ванну, зимой вышел в сени в туфлях; тетя страшно растревожилась и, не имея уже возможности по болезни ног сама быстро двигаться, послала сказать батюшке, что он рискует простудиться, выходя на воздух легко одетым после ванны. Возвращаясь из сеней, дядя прошел в гостиную, где сидела тетя, и сказал ей, ласково хлопая по плечу: “Спасибо тебе, родная, за заботы твои обо мне; только не беспокойся — ноги у меня тепло одеты”.

Отец Иоанн глубоко ценил такую заботливость с ее стороны о себе и отвечал ей тем же. Когда болезнь не давала возможности незабвенному батюшке ездить в Петербург, а впоследствии даже по Кронштадту, он ни один день не сел обедать, не зайдя в гостиную или в комнату тети, смотря по тому, где она была, и не позвав ее в столовую. Он говорил: “Когда я обедаю один, у меня и аппетита-то нет”. Не было вечера, когда бы дядя не зашел к тете проститься и благословить ее перед сном: “Доброй ночки желаю тебе”, “Спи спокойно”, “Господь с тобой”, “Да хранит тебя Бог”, — вот те приветствия, которые он говорил ей перед уходом в кабинет на покой.

За несколько времени до кончины батюшки захворала матушка инфлюэнцей; тут-то особенно проявилась заботливость дяди о ней. Нельзя было без слез умиления видеть, как дорогой страдалец, еле ходивший, несколько раз днем и каждый вечер перед сном благословлял ее, гладил по голове и приговаривал: “Бедная, бедная”, “Вместе мы с тобой страдаем”, “Вместе мы с тобой мучаемся”, “Оба мы страдальцы”. И долго, бывало, стоит около ее кресла, покачивая головой и с жалостью глядя на больную, а иногда с ее лица переведет скорбящий взор на образ и долго, долго, безмолвно молится за нее...

Когда кто-либо справлялся у дяди о здоровье его или тети, он неизменно отвечал: “Оба мы плохи”, “Оба мы собираемся умирать”, “Оба мы готовимся к смерти”.

Один раз, когда дяде сказали, что тете плохо, он пришел к ней и сказал: “Не унывай, Господь милостив; Он даст тебе терпение пережить страдания и быть совсем здоровой”. В ноябре, обедая вместе с тетей и двумя приезжими, дядя стал говорить им, что здоровье его совсем плохо. Тетя, желая ободрить его, сказала: “Весной тебе бывает всегда лучше; придет весна — поправишься”. На это дядя возразил: “Весной, ты говоришь? Ты-то до весны доживешь, а я — нет”. Предсказание батюшки сбылось: он почил в декабре, она — в мае.

Когда незабвенный дядя с 6 декабря не имел уже сил совершать Литургию, а приобщался каждое утро на дому, он приходил в комнату больной инфлюэнцей тети со Святой Чашей и приобщал ее, говоря: “Господь мой и Бог мой!”, “Со страхом Божиим и верою приступи”, “Приими Тело и Кровь Христовы”, “Мир тебе, старица, поздравляю тебя”.

Последний раз батюшка пришел в комнату матушки 17 декабря утром, приобщил ее, а с 18-го — он не покидал кабинета.

В особенности после кончины дяди здоровье тети ухудшилось: стала быстро развиваться общая слабость, ноги и руки стали совсем плохо работать, сердце начало постепенно сдавать.

Сильно тосковала она по незабвенном почившем, не могла без слез слышать его имени; никак не могла осиротевшая тетя примириться с мыслью, что дяди не стало; она говорила окружающим: “Мне все кажется, будто Иван Ильич не умер, а куда-то уехал, как уезжал, бывало, в Москву, и опять приедет”.

Незадолго до смерти матушка увидела у одной знакомой брошь — портрет батюшки и неутешно заплакала, восклицая: “Иван Ильич, Иван Ильич”, а когда стали утешать ее тем, что ему теперь блаженно хорошо, она сказала: “Ему-то хорошо, а мне так тяжело без него, ведь пятьдесят три года все были вместе”.

Предчувствуя близкую свою кончину, матушка часто, сидя в кресле, устремляла взоры на образ и говорила: “Надо мне приготовиться, надо просить у Бога простить все мои грехи”.

Часто вспоминала она и утешалась словами незабвенного батюшки, нашего общего предстателя пред Господом Богом, сказанными им 17 декабря, когда ему передали, что больная матушка очень горюет, не имея возможности по болезни прийти в кабинет и ухаживать за ним: “Скажи жене, что она всегда со мной, и я всегда с нею”. Эти слова все время ободряли страдалицу, утешали ее в долгих страдани-

ях надеждою, что и после кончины своей батюшка не оставил ее, возьмет скоро к себе, встретит ее в обители Небесной и предстательством своим доведет до Престола Всевышнего.

Обыкновенно тетя на ночь одевала подрясник дяди или спала, покрывшись им. Каждый раз, когда я ехала в Иоанновский монастырь, она всегда говорила мне: "Поклонись от меня дяде" — и горько, неутешно плакала. Начинала ли у ней болеть сильно рука или нога, она сейчас же просила помазать больное место маслицем с гробницы незабвенного батюшки.

Глубоко верующая и религиозная, матушка только и надеялась на милосердие Божие и всем сердцем стремилась к спасению душевному.

"Иван Ильич, благослови меня, помолись за меня", — несколько раз в день просила тетя своего великого супруга-пастыря, которого, к ее горю, пришлось ей пережить. По кончине его, искренно, со слезами молясь сама, тетя, по своему величайшему христианскому смирению, страшилась, что молитвы ее не скоро будут услышаны Господом, и всегда других просила молиться за нее. Когда я на ночь ежедневно уходила домой, то она, после вечерних пожеланий, постоянно говорила мне: "Помолись за меня". Шла ли я ко всенощной или к обедне, я всегда слышала из уст ее ту же просьбу, идущую из глубины сердца: "Помолись за меня", и я молилась за нее, как только умела.

Однажды днем перед моим приходом тете сделалось нехорошо, и тут она ничем не стала себя успокаивать, как только надеждой на милость Божию: "Сегодня суббота, — говорила она, — Руфа пойдет ко всенощной и помолится за меня". Так велика была вера ее в силу молитвы вообще, что она даже, по моему грешному моленью, надеялась получить облегчение!

Оканчивая этот краткий очерк, посвященный светлой памяти незабвенной почившей, нельзя не остановиться с удивлением на двух ее отличительных чертах: крайнем смирении и кротости; в этих двух высочайших добродетелях христианских выказалось все величие ее души. Ни на кого тетя не сердилась, ни на кого не имела злобы. Если кто и огорчал ее, делал ей неприятное, она безропотно сносила и от души прощала всем. На вопрос, обращенный к ней: "Имеете ли против кого вражду?", матушка неизменно отвечала всегда одно и то же: "Нет, ни на кого". Прощая сама обиды, она и других учила поступать так.

Бывало, скажет: “Не сердитесь, Бог Сам укажет, кто прав, кто виноват, а вы простите”.

Никогда не позволяла себе тетя входить в дела великого пастыря и молитвенника, никогда она не старалась выдвинуться и стать наряду с ним; оставаясь постоянно в тени, она сияла отблеском его славы, она светилась отражением высоких христианских его добродетелей. Как нежная сестра и любящая мать, она неустанно берегла общее сокровище, и больная, слабая, почти без ног, всех предупреждала, всех умоляла: “Не шумите, батюшка отдыхает”, “Не принимайте пока никого, батюшка нездоров”. Батюшка сам знал ее душу, высоко ценил в ней чистоту, кротость и смирение и так отзывался о ней: “Жена у меня — ангел”.

Все ли знали, что за спиной великого праведника отца Иоанна стоит охранительница его, готовая душу свою положить за него? Если не знали этого тогда, пусть знают теперь и пусть искренно помолятся все за старицу чистую, старицу кроткую, рабу Божию Елизавету!

Беспредельная благодарность к тебе, чудная, самоотверженная мать-воспитательница, и вечная память о тебе, славная жена-девственница светильника земли русской, — да живут в нас, в наших детях и внуках!

Паломничество к гробнице отца Иоанна и чудеса от нее

После преставления великого чудотворца к гробнице его потянулись богомольцы со всех концов Руси великой: с севера и юга, запада и востока, Туркестана и Сибири. Приезжали обездоленные искать утешения; привозили больных, жаждавших исцеления. Потянулись миряне великие и малые, бедные и богатые, потянулось и духовенство и, что особенно замечательно, и те из них, кои хулили доброго и кроткого молитвенника при его жизни. Поэтому ежедневно в храме-усыпальнице служили раннюю обедню собором несколько священнослужителей-архипастырей и пастырей.

И Господь Бог Вседержитель прославил своего угодника многими чудесами, совершившимися по молитвам у его гробницы. В книгах монастыря записано свыше 100 таких чудес, надлежащим образом засвидетельствованных. А сколько их осталось неопубликованными!

Я лично удостоился получить 4 раза немедленную чудесную помощь по молитвам у гробницы преславного чудотворца.

Судьба гробницы о. Иоанна

Утвердившаяся в России антихристова власть знала, что отец Иоанн есть столп и утверждение Православия. Паломничество к его гробнице и постоянно совершавшиеся чудеса мешали их сатанинской работе. Поэтому они решили перенести тело о. Иоанна на кладбище.

На это родственник о. Иоанна, муж его племянницы, протоиерей о. Иоанн Николаевич Орнатский, настоятель церкви Иоанновского монастыря, изъявил согласие, сказав, что он перенесет тело о. Иоанна на свое семейное место на Смоленском кладбище Петрограда.

Однако слуги антихристовы поняли, что на кладбище паломничество к могиле Великого праведника и чудотворца нельзя будет удержать, и предпочли закрыть доступ в усыпальницу о. Иоанна.

Тогда паломники стали класть земные поклоны у переднего угла здания Иоанновского монастыря, где в подвальной церкви почивали останки любимого пастыря.

По последним сведениям, полученным года 4 тому назад, власти вскрыли гробницу о. Иоанна, надеясь найти там серебряный гроб, но, увидав деревянный гроб, обитый глазетом, не вскрыли его, опасаясь найти в нем мощи, и увезли на кладбище.

Прозорливость, исцеления и чудотворения

Отец Иоанн служил Литургию в правом приделе Андреевского собора. По окончании Литургии батюшка сам разоблачился. В алтаре в этот момент, кроме о. Иоанна и еще двоих, почему-то больше никого не было. Мы подошли к нему. Обратившись к Раеву, о. Иоанн спросил: “Зачем вы приехали сюда?” — “Чтобы получить ваше благословение”, — ответил тот. “У вас в Петербурге — митрополит и три викарных епископа, — сказал батюшка, — архиерейское благословение больше имеет силы, чем благословение священника”. Затем о. Иоанн, имея в виду опять моего друга, стал расспрашивать, откуда он родом, из какой семинарии и прочее.

Окончив беседу с Раевым, о. Иоанн обратился с таким же вопросом ко мне. Сознавая, что предо мною стоит великий праведник, я оробел и не мог ему ничего отвечать. Тогда за меня стал говорить мой друг. Но отец Иоанн остановил его рукой и сказал: “Пусть сам о себе скажет”. Собравшись с силами, я стал говорить. Наконец, прощаясь с нами, о. Иоанн вперед благословил Раева, а потом меня. Получив благословение, друг мой вышел из алтаря. Таким образом, он обошел Престол и через узкий боковой проход вошел в главный, центральный алтарь собора. Я последовал его примеру, простившись с о. Иоанном. Не сразу мне пришлось выйти из придельного алтаря. Как только я оказался на Горнем месте за Престолом, о. Иоанн быстро, в одно мгновенье, подбежал ко мне. Я остановился. Он возложил на мою голову крестообразно свои руки, поднял очи к небу и трогательным голосом произнес: “Да почиет над вами благословение Божие”. Затем он отпустил меня. Я тут же почувствовал, как великая благодатная радость наполнила мою душу... Весь тот день эта радость не оставляла моего сердца и я чувствовал себя окрыленным.

Однажды, когда о. Иоанн быстро подъехал на пролетке к своему дому, какая-то старушка бросилась под лошадей, лошади перескочили через нее, а пролетка переехала ее. О. Иоанн очень испугался, соскочил с пролетки и подбежал к старушке, а та встала, как ни в чем не бывало, и сказала ему: “Я теперь буду здорова, ты меня переехал, и теперь ревматизм, который меня мучил, оставит меня”. Старушка действительно не потерпела никакого вреда.

Другой раз о. Иоанн вернулся, когда его не ожидали, и бросился в калитку своего дома, в которой был чугунный, очень тяжелый засов, чтобы калитка захлопывалась и никто не мог бы проникнуть, не будучи впущен.

Засов этот дворник, не узнав о. Иоанна, опустил на его голову, и о. Иоанн упал, но быстро встав, перекрестился и сказал: “Слава Богу, остался цел”.

О. Иоанн однажды не пошел из собора через двери алтаря, а пошел через церковь, сквозь толпу к выходу. Народ бросился к нему за благословением, свалил его с ног и многие свалились на него, так что образовалась огромная куча. Когда толпа поняла в чем дело и расступилась, то о. Иоанн встал, перекрестился и возблагодарил Бога, что остался жив. Одежда на нем была вся изорвана.

Другой раз к о. Иоанну в собор во время службы 8 человек привели бесноватого, который был так силен, что отметал от себя нескольких здоровых мужиков и разрывал цепи, которыми его связывали, точь-в-точь, как бесноватый в земле Гадаринской. О. Иоанн в облачении направился прямо к нему, бесноватый вырвался и бросился к батюшке; минуту казалось, что бесноватый убьет о. Иоанна, но о. Иоанн спокойно возложил ему руки на голову и стал читать разрешительную молитву. Бесноватый совершенно успокоился, нечистая сила оставила его и он причастился Святых Таин из рук о. Иоанна и сделался совершенно здоровым.

Я был на 2-м курсе академии. Нам была задана очень трудная тема по основному богословию. Один из друзей моих, написавши сочинение, сошел с ума. Я возил его к доктору-психиатру. Последний сказал, что друг мой заболел неизлечимою формою тихого помешательства. Тогда я повез больного студента к о. Иоанну. О. Иоанн помолился за него и сказал, что болезнь эта пройдет совершенно бесследно, но для этого нужно больному пожить дома и почаще причащаться Св. Таин. Я передал все это приехавшей матери моего друга, которая исполнила повеление о. Иоанна, часто его причащала, и болезнь скоро прошла.

Владыка Серафим, будучи еще семинаристом Рязанской духовной семинарии, спросил однажды двух знакомых крестьян села Шатравина Рязанского уезда, слыхали ли они об о. Иоанне Кронштадтском. Мужички ответили: “Как не слыхать, — слыхали, да мы и портрет его держим с образами во всех хатах и молимся ему”.

Крестьянская семья Ивановых в 1905 г. рассказала Владыке, что близкий родственник их долго болел глазами, лечился, но все-таки ослеп. Один доктор посоветовал ему носить повязку на глазах. Больной стал носить повязку, но никакого улучшения не получил. Наконец, вспомнили про о. Иоанна Кронштадтского и решили везти слепого к нему. Послали телеграмму в Кронштадт с вопросом, там ли о. Иоанн и можно ли приехать? Получили ответ, что о. Иоанн в Киеве. Тогда они телеграфировали в Киев с тем же вопросом. Ответ из Киева получили, чтобы ехали на станцию Голутвино, близ Москвы, где поезд с о. Иоанном будет иметь остановку.

Получив такую телеграмму, семейство повезло слепого на указанную станцию. Но каков был их ужас, когда, подъезжая к этой станции, они увидели густую, многотысячную толпу народа и поняли полную невозможность добраться до о. Иоанна. Между тем, какой-то железнодорожный служащий, проходивший мимо, увидев слепого и узнав в чем дело, сказал им по секрету, что вагон отца Иоанна остановится на одну версту не доезжая станции, чтобы они отправлялись туда. Ивановы с радостью отправились, и, действительно, поезд подошел и остановился.

Вышел псаломщик о. Иоанна и спросил: "Где тут Ивановы, о. Иоанн зовет их". О. Иоанн только что кончил свою утреннюю молитву и, выйдя к слепому, спросил: "Что это у тебя за повязка на глазах?" Слепой объяснил. Отец Иоанн сказал: "Все это ни к чему, брось ее, она тебе пользы не принесет". Больной исполнил приказание о. Иоанна. Тогда о. Иоанн стал служить водосвятный молебен и, когда освятил воду, взял полотенце, сложил его, обмакнул в святую воду и промыл глаза слепому, сделав это трижды. После третьего раза слепой вдруг закричал: "Вижу, вижу". Слепой прозрел совершенно, бросился в ноги к о. Иоанну и стал целовать их. То же делали и обезумевшие от радости другие члены семьи Ивановых. Все они так крепко вцепились в ноги о. Иоанна и не хотели оторваться от своего исцелителя, что пришлось оттащить их при помощи жандармов.

Поведал Владыка Серафим и о следующем чудесном исцелении, которое произошло с Владыкой митрополитом Антонием от о. Иоанна, когда митрополит был еще архимандритом и ректором Московской духовной семинарии в Троице-Сергиевой лавре.

О. Иоанн приехал в Московскую духовную семинарию вечером, после всенощной, накануне храмового праздника и весьма обрадо-

вал всех. Очень усердно просил о. архимандрит Антоний о. Иоанна служить Литургию за главного. Но по своему великому смирению о. Иоанн не мог исполнить этой просьбы и стал за Литургией сбоку, около Престола. В конце Литургии была получена телеграмма о смерти Московского митрополита.

О. ректор Антоний вместе с о. Иоанном решили после обеда ехать в Москву для служения панихиды по скончавшемся митрополите.

Но после обеда случилась с о. ректором великая беда. Время было холерное. Он внезапно очень тяжело заболел страшными болями желудка.

О. Иоанн не знал об этом. Собравшись в дорогу, он спросил: "Где же ректор о. архимандрит Антоний?" Ему сообщили, что он тяжко заболел и лежит в постели в своей спальне. О. Иоанн немедленно вошел к тяжело больному и спросил: "Что с вами? Вы очень страдаете?"

— Я умираю, — сказал архимандрит Антоний о. Иоанну.

— Пустяки, — ответил о. Иоанн, возложив руку свою на голову архимандрита Антония, — вставайте и поедемте.

Последний почувствовал, что болезнь его мгновенно оставила. Он немедленно встал и совершенно здоровым отправился вместе со своим дивным целителем в Москву, где прошел пешком за гробом митрополита более 10 верст.

Рассказы епископа Иоанна Печерского об отце Иоанне

Известный профессор Казанского университета Александр Иванович Александров, проживавший в Казани, получил от знакомой семьи письмо с приглашением прийти на молебен, который будет отслужен отцом Иоанном Кронштадтским, совершенно неожиданно приехавшим в Казань. Это приглашение профессору не понравилось. Ему даже казалось как-то обидно прийти смотреть на какого-то священника и он решил не идти. Когда же настал назначенный час, мысли его приняли другой оборот и его потянуло туда. Дойдя до дома своих знакомых, он нашел парадные двери наглухо затворенными и ему пришлось идти через черный ход. Там двери были настежь отворены и никого в комнатах не было. Он понял, что служба уже началась, и пошел вперед. Дойдя до той комнаты, где

собралась вся семья и многие знакомые, он не вошел, а остановился у полуоткрытой двери, никем не замеченный.

О. Иоанн уже служил молебен, и все были углублены в молитву. Скоро кончилась служба и о. Иоанн стал давать всем целовать крест. Все подходили по очереди и прикладывались ко кресту. Когда все приложились, о. Иоанн, обратившись лицом в ту сторону, где за дверью стоял профессор, которого не было видно, громко сказал: "Ну, а профессор, что же профессор не идет?"

Хозяева бросились в ту сторону, куда смотрел отец Иоанн, и увидели профессора, который, покраснев, вошел.

О. Иоанн ему сказал: "Что же вы, профессор, боитесь креста? Ведь вам самому скоро придется давать всем крест целовать". Сконфуженный ученый под всеми направленными в его сторону взглядами приложился ко кресту. О. Иоанн Духом Святым прозрел, что за дверью стоит человек, что человек этот профессор и относится к нему отрицательно. Кроме того, о. Иоанн оказался провидцем будущего. Через некоторое время этот профессор развелся в женою, бросившей его, с горя принял пострижение. После был ректором Казанской духовной академии и епископом. С тех пор он крепко уверовал в о. Иоанна и, когда, будучи епископом, сильно и опасно заболел, написал о. Иоанну письмо, прося его помолиться о выздоровлении.

Через несколько дней он получил ответ, что его просьба исполнена. И с этого дня началось выздоровление. Он остался жив и совсем излечился от своей тяжкой и безнадежной болезни.

Покойный ректор Рижской духовной семинарии протоиерей Алексей Константинович Лебедев рассказал следующее. Окончив Вологодскую семинарию и Духовную академию, он однажды проезжал по железной дороге какую-то станцию, на которой ему пришлось ждать пересадки в другой поезд. Там случайно он узнал, что в этом поезде едет о. Иоанн Кронштадтский. Ему страшно захотелось с ним познакомиться и получить от него благословение. Вошел он в указанный ему салон-вагон и остановился, пораженный роскошным убранством салона, разукрашенного пальмами, лавровыми деревьями и множеством цветов. Стол ломился от самых редких закусок и гастрономических яств и уставлен был самыми дорогими винами. Пораженный всем этим, он подумал: какой же это служитель церкви и праведник? Его представление об о. Иоанне Кронштадтском совсем не вязалось с тем, что он видел, и мысленно он осудил его. Но о.

Иоанн, прозрев его мысль, сказал: "Не соблазняйся, все это дар почитателей служителю престола Божьего. Мне же этого ничего не надо".

После произнесенных слов он дал ему свое благословение и повелел принять священный сан, чем сразу указал ему его призвание. Алексей Константинович в точности исполнил приказание о. Иоанна и был до смерти ректором Духовной семинарии и скончался в сане протоиерея в 1913 году.

В Эстляндской губернии в одном источнике была найдена икона Божией Матери (Успения). Благочестивые люди при щедрой материальной помощи отца Иоанна образовали женскую обитель в честь Успения Божией Матери, названную "Пюхтицкой", что по-эстонски означает указанное событие. Эстляндский губернатор князь Шаховской купил участок земли с недостроенной лютеранской кирхой, подведенной под крышу, и подарил монастырю.

Заботами сестер обители кирха была покрыта крышею и в ней устроен православный храм для монастыря. Вслед за этим в обитель приехал о. Иоанн, который постоянно и щедро помогал монастырю. Увидев кирху, обращенную в православный храм, о. Иоанн сказал игуменье крайне решительно: "Снести немедленно до основания и бут вынуть", т.е. камни фундамента. Игуменья пробовала возражать, объясняя, что переделка кирхи в православный храм стоила больших денег, что обитель останется без церкви, ибо на постройку новой негде взять денег. Но о. Иоанн стоял на своем и решительно сказал: "Если вы меня не послушаете и не снесете кирху до основания, то я перестану вам помогать и прекращу всякое общение с вами".

Игуменья, однако, не решилась сама исполнить волю о. Иоанна и написала запрос епархиальному начальству, как ей поступить. Оттуда ответили совершенно определенно и решительно, что "надо исполнить в точности приказание о. Иоанна".

Очевидно, Рижский архиерей ясно понимал, что отец Иоанн есть посланник Божий на грешную землю, ибо отец Иоанн учил народ со властью и Бог подкреплял пророческое слово его последующими знамениями. Получив такое распоряжение епархиального архиерея, игуменья исполнила волю о. Иоанна полностью.

В это время одна из сестер обители ходила по Москве со сбором на построение Успенского храма и встретила горничную, которая сказала ей: "Зайди к нашему барину, он тебе что-нибудь даст".

Барин оказался генерал Терещенко, который дал сборщице 3 рубля, подробно ее расспросил о монастыре и храме, на который собираются деньги, и, узнав, что храм в честь Успения Божией Матери, сказал, что он сам думал о постройке Успенского храма и что он напишет игуменье.

Приблизительно через неделю после этого игуменья получила бумагу от епархиального начальства с приказанием немедленно организовать строительную комиссию для постройки в Пюхтицкой обители Успенского собора ввиду того, что г. Терещенко уже перевел по телеграфу на имя епархиального начальства для этой постройки 90 тысяч рублей. Таким образом, Господь, по молитвам о. Иоанна, чудесным образом послал монастырю сумму на постройку православного собора в обители.

Очевидно также и то, что о. Иоанн пророческим взором своим провидел, что обитель окажется в протестантской Эстонии и что местные власти неминуемо отобрали бы от обители кирху, переделанную в православную церковь, и обитель осталась бы без храма.

В бытность мою священником г. Рязани Николодворянской церкви, в 1894 г., однажды приходит ко мне под вечер благочестивейший прихожанин Нил Федорович Юревич очень расстроенным и рассказал, что у его жены нестерпимые боли в ухе; доктора определили нарыв во внутреннем ухе и боялись решиться на операцию, однако положили наутро непременно сделать операцию.

Г. Юревич просил меня помолиться о больной и пошел на телеграф, чтобы дать срочную телеграмму о. Иоанну Кронштадтскому с просьбой о молитве за жену. На другой день приходит г. Юревич неузнаваемый от радости и сообщает: “По отправлении телеграммы я соображал, в какое время она могла быть получена? Жена отчаянно стонала: все, что делали к облегчению болей, не помогало... Но вдруг, приблизительно в то время, когда телеграмма должна была быть получена о. Иоанном, она смолкла и через две-три минуты заснула... Спала всю ночь, не просыпаясь, а проснувшись, заявила совершенно спокойно, что никаких болей у нее нет, и просила дать ей чаю. Приехавший врач, осмотрев ее ухо, был поражен и воскликнул: “Дивное дело — нарыв засох!”

Жена моя встала и совершенно здорова. Дивен Бог во святых своих!”

“Блаженной памяти о. Иоанн Кронштадтский чудодействует и по кончине. В 1910 г., когда я уже был в Женеве, сильно заболела моя 8-летняя дочь. Долго не могли установить болезни, а когда установили, что у девочки внутренний нарыв в нижней области живота, то уже опасались оперировать ее. Страдания дочери были невероятные, она должна была неподвижно лежать на спине, не могла принимать никакой пищи, в сильном жару не смыкала глаз несколько дней и ночей. В таком положении я должен был оставить свою девочку, отъезжая для богослужений в церковь города Веве, приписанную к Женевской церкви. Дорогою я читал “Церковные Ведомости” и там нашел сообщение одного священника о том, как его дочь чудесно исцелилась молитвою его к покойному батюшке о. Иоанну Кронштадтскому. Рассказ вызвал у меня невольные слезы, и мое сердце молитвенно обратилось к душе почившего батюшки о. Иоанна, умоляя об облегчении страданий моей дочери. В таком молитвенном в душе обращении к о. Иоанну я оставался за всеми совершавшимися служениями в Вевеском храме и в продолжение всего обратного пути. Подойдя к квартире, тихо, с замиранием сердца звоню у парадной двери. Отворяет матушка и шепотом говорит, что дочь часа полтора как заснула, спит спокойно. Прошло еще около двух часов до того, как девочка проснулась. Проснулась она в обильнейшем поту и облегченно возвестила, что ей хорошо. И действительно, температура пала с 40° на 37°, нарыв оказался прорвавшимся с выходом в мочевой проход.

Доктор радостно объявил положение девочки безопасным... Слава Богу, благодеющему нам во веки веков! Аминь.”

Смиренный и недостойный
протопресвитер Сергий Орлов.

В селе Холмской епархии был священник, болевший 7 лет падучей болезнью, — человек глубоко веровавший и уважаемый населением. Этот священник написал письмо о. Иоанну Кронштадтскому с просьбой помолиться об его исцелении. Отец Иоанн Кронштадтский ответил ему, что помолился, и обнадежил его, что болезнь больше не повторится. И действительно, болезнь его больше никогда не проявлялась. Событие это стало известно всем жителям села.

Иеромонах Андреевского скита Мартиниан рассказал следующий случай.

“Я был в то время иеродиаконом и около года страдал катаром желудка. Петербургский профессор Никитин прописал мне есть только одну уху из ершей и налимов. После церковных служб от утомления у меня делались страшные боли в желудке, так что от боли я ложился на кровать.

Тогда я поехал в Кронштадт к о. Иоанну, вошел в Андреевский собор и стал в алтаре, прислонившись к шкафу от боли. О. Иоанн подошел ко мне, похлопал по плечу и спросил: “Ты иеродиакон?” Я ответил утвердительно и сказал о. Иоанну: “Желал бы с вами послужить”. О. Иоанн ответил, повторив трижды: “Очень рад буду, очень рад буду, очень рад буду”.

Во второй раз я опять пришел послужить с отцом Иоанном обедню и сказал ему, что вот уже год, как страдаю катаром желудка. О. Иоанн ответил: “Я сам болею, ну, ничего, Бог исцелит”.

После этого я поправился, впоследствии Бог привел меня уже иеромонахом провожать тело о. Иоанна от Балтийского вокзала до Иоанновского монастыря-усыпальницы”.

Служа диаконом-учителем в С. епархии, я дал обет Богу перед посвящением меня в сан священника побывать на могиле уже в Бозе почившего, великого праведника и чудотворца Иоанна Кронштадтского. Но вскоре я был рукоположен во священника. Об обете своем я забыл. Прошло несколько лет, и пошли неудачи одна за другой, и, наконец, умер у меня первенец-сын на 4-м месяце жизни. Пошли скорби и беды. Тут вспомнил я о неисполненном обещании. Взмолился батюшке о. Иоанну простить и помочь мне исполнить лежавшее на душе обещание. Обстоятельства так сложились, что я быстро справился с делами и побывал на Карповке, в С.-Петербурге, где я со слезами отслужил панихиду по дорогом о. Иоанне и получил великое утешение. Бывая часто в Петербурге, я всегда отправлялся в Иоанновский женский монастырь на Карповку, служил панихиды, благодаря о. Иоанна и прося его о помощи в дальнейшей жизни. Так я научился благоговейно почитать память дорогого батюшки о. Иоанна и с тех пор, несмотря на все ужасы пережитого и переживаемого, я и мои близкие остаемся во благополучии по молитвам великого угодника Божия отца Иоанна.

Приходской сербский священник
Николай Базбай.

У фельдфебеля лейб-гвардии Преображенского полка 11-й роты Григория Логвиновича Чернухина и жены его Анны, живших в Петербурге на Кирочной улице, была единственная дочь Варвара 3,5 лет, которая была больна с очень высокой температурой уже около месяца. Три врача ходили каждый день, но не могли определить болезни и сказали родителям, что нужно прекратить давать лекарства и во всем положиться на волю Божью. Слова эти как громом поразили Чернухиных: "Как это мы до сих пор не догадались обратиться с молитвою к Богу". Неожиданно Чернухины получили известие, что в Варваринском подворье через день будет служить о. Иоанн Кронштадтский. Чернухины возгорелись пламенным желанием попросить отца Иоанна помолиться за их девочку. Но как выполнить это намерение? Мать ребенка ослабела и слегла в постель, а отец от бессонных ночей едва держался на ногах. Надо кого-то попросить сходить в церковь и передать о. Иоанну просьбу помолиться. Однако вблизи не было ни родственников, ни друзей. Но тут же жил благочестивый сослуживец Чернухина Симеон Феодорович Судоргин, который мог бы исполнить эту просьбу, но они были во враждебных отношениях и даже не разговаривали друг с другом. Тут благодать Божья вразумила Чернухина. Он пришел к Судоргину и со слезами говорит: "Вы человек религиозный, поймете мою скорбь, помогите мне. Одному вам только верю, что вы исполните мою просьбу, пойдете в церковь и все там устроите". С.Ф Судоргин растрогался, и тоже заплакал, и обещал все сделать, и искренно помолиться. Враги стали сердечными друзьями, и благочестивый С.Ф.Судоргин благодарил Господа за это чудесное примирение.

4 декабря 1901 года, придя в церковь в 5 часов утра, С.Ф.Судоргин обратился к священнику с просьбой предоставить ему лично просить о. Иоанна помолиться об исцелении безнадежно больной девочки. Но настоятель храма все записал и сказал, что он в точности передаст просьбу о. Иоанну, что о. Иоанн и все духовенство будут молиться об исцелении болящей Варвары, молитесь и вы.

И действительно, С.Ф.Судоргин слышал, как отец Иоанн неоднократно молился об исцелении болящей Варвары. Придя из церкви к Чернухиным, С.Ф.Судоргин заметил радость на лицах их, и они рассказали ему, что с 9 часов утра девочке стало легче, учащенное дыхание стало стихать, жар уменьшился, через час дыхание было уже нормальное, страдания стихли, глаза оживились, и девочка крепко

заснула. Проспав долго и спокойно, девочка стала кушать, через день оставила постель, а через 3—4 дня уже весело бегала по комнате и играла. Об этом чуде о. Иоанна много тогда говорили в Петербурге.

Дочь моя Елена, будучи воспитанницей Смольного института, заболела воспалением легких. Диагноз был поставлен опытным институтским доктором Вейертом.

Неожиданно зашел к нам мой друг священник Гронский и говорит: “Приходите, завтра батюшка служит”. Это значило, что о. Иоанн Кронштадтский будет служить Литургию в церкви Леушинского монастыря.

Я пришел на Литургию и стоял в алтаре. Не знаю, почему я не решился попросить отца Иоанна помолиться об исцелении больной дочери за проскомидией. Служение отцом Иоанном Литургии производило на меня такое впечатление, как если бы служил Николай Чудотворец, поэтому я не осмелился потревожить его во время служения.

Отец Иоанн быстро разоблачился и, пройдя мимо меня, спустился по винтовой лестнице в игуменскую. Я опять простоял в нерешительности и не попросил о. Иоанна. Я тоже спустился в игуменскую, где покоем был накрыт огромный стол для праздничной трапезы, я был приглашен к трапезе, но у меня кошки скребли на душе и мне было не до трапезы. Тогда я придумал поступить так: взял свою визитную карточку и написал на ней: “Почтительнейше прошу помолиться об исцелении дочери моей Елены, больной воспалением легких”.

Все уже сели за трапезу. Я подошел с левой стороны к креслу отца Иоанна и подал ему карточку. Отец Иоанн откинулся в кресле назад, протянул руку с моей карточкой вперед, чтобы прочесть написанное (очевидно, был дальнозорким), и, обратясь ко мне лицом, крикнул на весь зал: “По вере вашей да будет вам”.

Я поцеловал руку отца Иоанна и ушел домой. Через некоторое время вернулась из Смольного института жена моя, которая навещала дочь, и с радостью рассказала мне, что доктор Вейерт только что смотрел Лелю и сказал, что он вчера ошибся: у нее нет никакого воспаления легких, а лишь маленький ларингит, т.е. горловой кашель, и что он через 3 дня выпустит ее гулять. Я понял, что такой опытный врач не мог так грубо ошибиться: легкие внизу, а горло вверху. Очевидно, вчера было воспаление легких, а сейчас его уже нет.

У принца А.П.Ольденбургского на почве зубной боли сделалась гангрена и положение его, по мнению врачей, было безнадежно. Тогда принц обратился к о. Иоанну, прося его молитв об исцелении. По молитве о. Иоанна, гангрена прошла и принц совершенно выздоровел. После этого принц всегда имел при себе портрет о. Иоанна и возил его с собою во всех своих путешествиях и поездках.

В Москве был известный оперный певец Хохлов. Вот что рассказывал его сын, который в 1924 году служил в Москве в банке, будучи одновременно и диаконом Неопалимовской церкви в Неопалимовском переулке. Диаконом он сделался при следующих обстоятельствах.

Священника этой церкви посадили в тюрьму, диакона посвятили во священника, а усердного и богомольного Хохлова прихожане просили принять сан диакона, на что он и согласился, отказавшись от участия в церковных доходах. Кстати сказать, из всех диаконов, которых я когда-либо видел в моей жизни, лучше всех служил Хохлов, он воистину молился с народом, произнося ектении, он весь был в молитве и лицо его сияло неземными верою, надеждой и любовью к Богу.

Хохлов рассказал мне, что отец его был болен воспалением легких; его лечили известные Московские профессора и в конце концов сказали его матери так: “Мы сделали все, что было в наших силах, но мы не боги, и должны вас предупредить, что ваш муж умрет, и все, что мы можем еще сделать, это протянуть его жизнь на 3—4 дня”. Когда профессора разъехались, то больной, который уже не мог говорить, прошептал: “Отец Иоанн”. Из этого домашние его поняли, что он желает, чтобы попросили о. Иоанна помолиться за него. Сейчас же стали наводить справки и оказалось, что о. Иоанн случайно находился в Москве. Его разыскали на вокзале. Отец Иоанн согласился приехать. Когда он приехал, то бывшие в квартире артисты, сослуживцы Хохлова, хихикали. Когда же о. Иоанн стал молиться, то настроение сделалось совсем иное, у многих были слезы. А молился о. Иоанн приблизительно так: “Господи, Ты сказал, что о чем бы мы ни попросили во Имя Твое, Ты нам Сам то сделаешь, и Ты сказал, что небо и земля прейдут, но слова Твои не прейдут и ни одна черта и ни одна йота из закона не прейдут. Поэтому я и умоляю Тебя во Имя Самого Господа Иисуса Христа прости рабу Твоему (имя рек) все его прегрешения вольные и невольные и исцели его”.

В голосе о. Иоанна звучала необычайная сила веры и надежды на Бога. Помолившись, о. Иоанн осенил больного крестным знамением и сказал ему: “Ну, теперь засни” и уехал. После этого больной спал непрерывно 1,5 суток; профессора, его навещавшие, думали, что у него летаргический сон. Когда же больной проснулся и профессора его осмотрели, то сказали, что Хохлов совершенно здоров. Этот случай так поразил сына Хохлова, который это рассказывал, что с тех пор он сам приобрел непоколебимые веру, надежду и любовь к Богу.

О своем исцелении рассказывает К.А.Бельская. После какого-то потрясения она стала психически больной. Несмотря на лечение у лучших врачей-специалистов, недуг ее не только не уменьшался, но принимал все более и более опасную форму. Она совершенно перестала принимать пищу, лишилась сна и все время порывалась покончить с собой. Одним из пунктов помешательства был и какой-то (не помню) религиозный вопрос, неотступно ее преследовавший. Не получив помощи от врачей, опечаленная мать ее решила обратиться к о. Иоанну и послала ему телеграмму с оплаченным ответом. Не могу точно воспроизвести текста ответной телеграммы, хотя и сама читала ее, но в главном содержание сводилось к следующему: Чего вы ищете? Царствие Божие внутри вас есть; уединитесь, молитесь, и Бог пошлет вам исцеление. Уже за несколько часов до получения ответа больная почувствовала облегчение и после долгих мучительных бессонных ночей заснула тихим, спокойным сном. Ее отвезли в ближайший женский монастырь, и, пробыв в нем месяц, она настолько оправилась от своей болезни, что могла снова начать свою педагогическую деятельность.

О. Иоанн служил в церкви Леушинского подворья. Я стоял в алтаре. Вдруг в церкви поднялся шум; о. Иоанн вышел на солею; я пошел туда же. Через решетку перетащили женщину, дико кричавшую и отбивавшуюся. Когда о. Иоанн подошел к ней, она ударила его. Он громко и властно сказал: “Выйди вон”. На это послышался ответ: “Не выйду”. Тогда о. Иоанн повелительно сказал: “Нет, выйдешь”. И, положив ей епитрахиль и руки на голову, повелительно произнес: “Перекрестись”. Больная с видимыми усилиями перекрестилась. “Перекрестись еще”. Больная опять перекрестилась, но все же не совсем свободно. “Перекрестись еще”, — повторил о. Иоанн. Больная свободно перекрестилась. После этого о. Иоанн дал ей поцеловать крест

и сказал: "Ну, теперь молись и причастись Святых Таин". Больная спокойно отстояла службу и причастилась. Благоговейный ужас объял меня и присутствовавших.

Михаил Алексеевич Суворин рассказал: "Когда у сына моего сильно заболело горло, я пригласил известного в Петербурге детского доктора Русова, который, осмотрев больного, сказал мне: "Ну, батенька, у сына вашего дифтерит и уже началось почернение, нет никакого спасения!" Тогда я послал телеграмму о. Иоанну, прося его приехать. О. Иоанн приехал. Помолился об исцелении и стал гладить и ласкать дифтеритного ребенка и сказал: "Ничего, ничего, не беспокойтесь, будет здоров". И действительно, ребенок совершенно выздоровел.

В бытность митрополита Московского Макария епископом Томским архиепископ Сергий был миссионером среди алтайских язычников. Одна женщина на Алтае тяжко была больна. Родные ее послали в Кронштадт о. Иоанну телеграмму с просьбой помолиться об исцелении болящей. После этого больная рассказала, что у нее был священник в митре и ее благословил, после чего она совершенно выздоровела.

Вдова корпусного командира Попова, умершего смертью храбрых в бою с красными, рассказала, что муж ее, будучи поручиком, сошел с ума и помещен был в окружной Владикавказской психиатрической больнице, а она жила в Новочеркасске. Однажды к ней пришла знакомая монахиня и посоветовала послать письмо о. Иоанну с просьбой помолиться, и сказала, что она сама будет также молиться перед крестом, который о. Иоанн прислал в дар их монастырю. Сказано — сделано. Через несколько дней г. Попова получает письмо от директора больницы с просьбой приехать. Когда она приехала, то оказалось, что муж ее здоров и рассказывает, как, будучи привязан к постели, он увидел, что к нему явился о. Иоанн, который причастил его Святых Таин, после чего он почувствовал себя совершенно здоровым.

Дочь госпожи Каменской, будучи в Смольном институте, болела одновременно двумя тяжкими болезнями. Врачи признали положение больной очень тяжелым. Тогда мать послала о. Иоанну телеграмму с просьбой помолиться об исцелении дочери. Когда на следующий день пришла мать и спросила о здоровье дочери, то одна особа

из лазаретного персонала сказала, что дочери много лучше, а сама больная рассказала матери, что у нее был батюшка в митре и благословил ее. Персонал больницы утверждал, что никакого батюшки в лазарете не было. Дочь выздоровела.

В г. Вознесенске Херсонской губернии в немецкой семье Майш, лютеранского вероисповедания, девочка 8 лет заболела дифтеритом. Положение ее было очень тяжелое. Врачи ничем не помогли. Родители были в отчаянии. Кто-то из православных посоветовал им обратиться к о. Иоанну Кронштадтскому по телеграфу. Вечером послали телеграмму, а утром получили от о. Иоанна ответ телеграммой же, что он “все сделает, что только может”. Девочка, проснувшись, рассказала своим родным о том, что к ней приходил священник, которого никогда не видала, и описала его наружность.

Еще перед тем знакомые принесли им портрет о. Иоанна. Когда девочке показали этот портрет, то она воскликнула: “Вот этот же самый приходил ко мне, подошел к моей кровати и сказал: “Будешь здорова!”

И девочка действительно поправилась совершенно. Случай этот знали все в городе.

У одного отца семейства на Волыни умерли почти одновременно от какой-то болезни трое детей и остался один ребенок, тоже больной. Начальник по службе этого человека, соболезнуя его ужасному горю и предвидя неминуемую потерю последнего ребенка, посоветовал ему обратиться к о. Иоанну. Несчастный отец написал о. Иоанну, и что же?! В следующую же ночь жена его увидела видение — священник качает ребенка. Ребенок уснул и, к удивлению всех, проснулся здоровым.

Исцеление пьяницы

С.Цветков

Был в Петербурге довольно крупный серебряник. Он был человек семейный, и на 32-м году жизни, когда у него было четверо детей, жена и старуха мать, начал пить запоем. В это время дела его шли блестяще; он имел капитал, много выгодных заказчиков, и в мастерской работало до 25 подмастерьев, так что производство его можно было назвать почти фабричным.

Петр Ермолаевич, как звали N, человек был тихий, хороший семьянин, и хотя со слабым характером, но добрый и отчасти даже набожный. Пить он начал в компании приятелей, приучаясь постепенно просиживать целые вечера в трактирах.

По мере того как он делался постоянным гостем трактира, разрасталась его компания собутыльников, он приучался все больше выпивать, все меньше занимался своим делом в мастерской, скучал в своей семье, бывал дома зол и раздражителен, не стал следить за заказами и т.д.

Последствия обычные: фирма N потеряла репутацию аккуратной, исполнительной и добросовестной мастерской; число заказчиков быстро уменьшалось, отказались от службы лучшие подмастерья, словом, все пошло к упадку. Такие результаты озлили еще больше N, и вот он начал уже пить запоем, являясь домой бесчувственно пьяным, опохмелялся с утра полштофом и уходил в трактир, где высиживал целые дни. Мало-помалу дошло до закрытия мастерской; N пропивал вещи свои и чужие, бил без причины жену и детей, крал в семье даже необходимые предметы, которые продавал для выпивки. С трактира ему пришлось перейти на кабак, потому что в последнем водка наполовину дешевле.

В два с половиной года от достатка и приволья Петра Ермолаевича осталось одно воспоминание. Жене удалось как-то с детьми уехать на родину в деревню, а N сделался настоящим “золоторотцем” в рубище, ночуя сплошь и рядом под забором или, в лучшем случае, в ночлежном приюте.

В берлогах и отвратительных трущобах N встречал нередко таких же, как и он, голодных, оборванных забулдыг, которые жили когда-то не хуже его, в достатке, приволье, счастье, почти богатстве.

Лет пять считался N горьким пьяницей, пропивая всякий грош, который ему удавалось достать; он пробовал служить, но после первого жалованья исчезал; его встречали с подбитыми глазами, опухшим лицом, с трясущимися руками и ногами. Несколько раз попадал он в нищенский комитет, в больницы и раз даже его заподозрили в краже, хотя до преступления он все-таки не доходил. Казалось, N все потерял; из прежних собутыльников и знакомых никто его не узнавал, а внешний вид указывал, что этому человеку не остается иного, как просить у Бога прекращения страдальческой жизни... Еще в хорошие времена своей жизни N слышал об отце Иоанне Кронштадтс-

ком. А в одну из минут невольного (за отсутствием "пятачка") отрезвления он вспомнил о кронштадтском пастыре...

— И у меня точно упало что-то внутри, — рассказывает Петр Ермолаевич, — так стало весело, радостно на душе; за все время моего пьянства у меня не было такого приятного душевного ощущения... Я упал на колени, пробовал молиться — не мог, слова молитвы не шли на память... Я решил сейчас же идти пешком в Ораниенбаум, а оттуда как-нибудь пробраться в Кронштадт.

И N направился к Балтийскому вокзалу. Было лето, начинало смеркаться, и Петр Ермолаевич в ночь тронулся по шпалам в путь... Он шел бодро, на душе было легко, как не бывало с начала трактирного сидения, и все мысли, все надежды этого получеловека, почти потерявшего "образ и подобие", сосредоточивались на отце Иоанне, которого он никогда еще не видал и о котором никогда прежде не думал...

N миновал уже Петергоф и вышел на лесную тропинку, когда верхушки деревьев зазолотились лучами восходившего солнца. Наступало дивное утро; N почти не ощущал усталости и голода, на душе у него было легко и отрадно; он прилег под деревом на пригорке и незаметно заснул. Когда он проснулся, солнце уже было высоко; наступил жаркий день; в парке гуляло много дачников. Вероятно, у N был отчаянный вид, потому что дети и дамы спешили уйти от него подальше, а мужчины осматривали с ног до головы как-то вызывающе, точно хотели сказать:

— Как этот бродяга сюда попал, надо его отправить в полицию...

Вскочив с земли, Петр Ермолаевич нахлобучил на глаза свой рваный картуз и быстро зашагал к Ораниенбауму. Впервые ему стало стыдно своего положения, и он хотел в эту минуту провалиться сквозь землю, чтобы никто его не видел; он сам рассказывал мне приблизительно так свои душевные ощущения:

— Пять лет пьянства, запоя со всеми ужасными их последствиями встали так живо предо мною, что я припоминал каждую мельчайшую вещь и даже то, на что прежде вовсе не обращал внимания. Ах, какой это был ужасный кошмар! Душа разрывалась на части под тяжестью ужаснейших воспоминаний. За пять лет я ни разу не вспомнил о своих детях, жене, больной матери, а тут я готов был умереть, только бы раз взглянуть на них, услышать их голоса... Я не ел более суток, но забыл совершенно о голоде, и мои мозги сжимались при

одних воспоминаниях прошлого пережитого, давно прошедшего... Я не хотел думать о старом, надо было обсудить будущее, но мысли помимо воли приковывались к самым отвратительным эпизодам моей порочной жизни, и я чувствовал холодную дрожь во всем теле. Незаметно на глазах навернулись слезы, перешли постепенно в рыдания, и, скрывшись в лесу, я несколько часов просидел, обливаясь слезами... Выплакав горе, я почувствовал облегчение и бодрее продолжал путь...

Было около двух часов дня, когда N пришел в Ораниенбаум. Только здесь он вспомнил, что Кронштадт лежит на море, попасть в него нельзя, а гривенника за проезд на пароходе у него не было. Подаяний он не решался еще никогда просить, и хотя ему нередко приходилось выпрашивать на хлеб, а чаще на выпивку, обращался он только к знакомым. Как же просить у посторонних, первых встречных, да еще и дадут ли, и срам, позор нищенства придется пережить...

Невыразимая тоска охватила Петра Ермолаевича. Рядом с целью, почти у порога заветной надежды приходится расстаться с мечтами; он думал уже пуститься вплавь до Кронштадта, но это было бы безумием; протянуть руку за милостыней он не мог ни за что, а даром на пароход не пустят.

— Идти назад! Назад...

Это “назад” звучало для Петра Ермолаевича совершенно как “могила” или “смерть”. Возвратиться к пятилетней кабацкой жизни бездомного бродяги казалось для N гораздо большим несчастьем, чем лютая смерть под ножом убийцы. А между тем, вчера еще эту привольную жизнь он не променял бы на хоромы и считал себя в рубище счастливее, чем раньше в кругу семьи, довольства, честного труда...

В голове Петра Ермолаевича мелькнула уже мысль о самоубийстве, мысль, встреченная им не только без ужаса, но почти дружелюбно, как вдруг внимание его привлекла толпа народа, бежавшего по направлению к пароходной пристани.

— Верно, пароход отходит, — подумал он, — а я не могу ехать...

Он хотел было вернуться в Ораниенбаум, но какой-то внутренний голос заставил его смешаться с толпой и бежать на пристань...

— Отец Иоанн, отец Иоанн, — слышал он кругом.

Большого труда стоило N протиснуться в толпе так, чтобы взглянуть на своего “избавителя”, от которого теперь зависела вся его жизнь и будущность.

Петр Ермолаевич так сроднился теперь с мыслью о своем возрождении через о. Иоанна к новой жизни, что потерять эту надежду для него значило бы потерять все.

Тут он увидел приближавшегося пастыря, которого, казалось, толпа несла на своих плечах... Он увидел это ясное, с выражением великой любви лицо священника и весь задрожал от волнения, объятый каким-то благоговейным трепетом... Отец Иоанн в это время поравнялся с ним... Не помня себя от избытка чувств, охвативших его точно морским приливом, и не будучи в состоянии произнести ни слова, N упал на землю под ноги о. Иоанна. Рыдания сдавили грудь несчастного пьяницы, в глазах его потемнело, он лишился чувств...

Долго ли пролежал Петр Ермолаевич без сознания, он и сам не помнит, но очнулся он под кустом на берегу залива, в нескольких саженях от того места, где он увидел в первый раз о. Иоанна. По всей вероятности, кто-нибудь из толпы отнес или, вернее, оттащил бесчувственного N в сторону, и он пролежал там, принятый за пьяного. Как бы то ни было, но Петр Ермолаевич очнулся уже к вечеру. Двое суток прошло, как он ничего не пил и не ел. Смутно припоминая все происшедшее, он призадумался над своим положением; голод и усталость хотя и не особенно мучили его, но слабость была так значительна, что он с трудом держался на ногах; в кармане не было ни одной копейки, попасть в Кронштадт нельзя, да и что же было бы в Кронштадте?.. Отца Иоанна он увидел, но где теперь батюшка? Его окружала такая толпа, что ему, нищему-оборванцу, ни за что не удастся не только говорить с ним, но и увидеть близко...

Слезы неслышно катились по впалым щекам страшно истомленного лица пьяницы, прислонившегося к дереву и стоявшего истуканом.

— Вот оно дерево... Здесь, в стороне, заметят не скоро... Минута — и все кончено... Где мне жалкому, несчастному голышу... И как это я мечтал, надеялся...

Мысли, одна другой мрачнее, теснились в голове Петра Ермолаевича, и чем больше он думал, тем пессимистичнее делалось его настроение.

Солнце садилось, с залива понесло прохладой, начинало смеркаться... Мимо N проходили пассажиры, он слышал шум, разговор...

— Попробую! — почти вскрикнул он и пошел к пристани.

Пароход сейчас отходил. Петр Ермолаевич, шатаясь, подошел к капитану и, низко поклонившись, начал бессвязно что-то говорить.

— Иди, иди, проспись, куда лезешь в таком виде, ишь ведь нарезался, на ногах чуть стоишь. — Капитан проговорил это насмешливым тоном и сделал знак матросу.

— Уберите его...

— Проходи, проходи, нечего тебе здесь делать, а не то сейчас заберем в часть...

— Да я не пьяный, — проговорил чуть слышно Петр Ермолаевич, — а второй день не ел, пришел пешком к отцу Иоанну.

— Много вас тут шляется к отцу Иоанну. Проваливай... В Кронштадте и без тебя нищих много.

— Пожалуйста, позвольте, — пробовал просить N.

— Сказано, уходи, и ступай, если не хочешь в полицию. Чего тебе позволить?..

И Петр Ермолаевич, сопутствуемый матросом, пошел с пристани.

Смеркалось уже совсем, наступила тихая теплая ночь. Петр Ермолаевич продолжал бродить по ораниенбаумским пристаням без всякой определенной цели, и сам не отдавая себе отчета в своих скитаниях. Ушли последние поезда и пароходы, прекратилось движение пассажиров, Ораниенбаум опустел и замер в ночной тиши, но N не уходил от морского берега, все чего-то ожидая; он видел, что дежурные на станции не спали и слышал отрывочные фразы, из которых мог заключить, что ждут экстренного поезда с отцом Иоанном. Замечу, что отцу Иоанну раза три в неделю, а иногда и чаще, приходится ездить с экстренными поездами, и на Балтийской железной дороге имеется постоянно в запасе паровоз с вагоном 1-го класса на случай экстренного требования для о. Иоанна. Это, впрочем, нисколько не удивительно, потому что время кронштадтского пастыря слишком дорого, чтобы его стеснять расписанием железной дороги; когда постоянно приходится спешить к умирающим или страдающим, тогда нет возможности спешить к поезду...

Часы на станции пробили полночь, когда вдали показались три фонаря с яркими дрожащими огнями. Поезд мчался, и прежде чем N успел добежать до платформы, локомотив остановился, народу почти не было, но вагон, в котором сидел о. Иоанн, все-таки быстро окружила кучка человек 20 людей; откуда они взялись, N никак понять не мог.

Почтенный пастырь быстро вышел из вагона, наскоро благословил стоявших и пошел по платформе к пароходной пристани, где стоял

уже с разведенными парами экстренный пароход. Как и всегда, о. Иоанн был бодр, свеж, не чувствовал никакого утомления и на лице его светилась обычная приветливая улыбка.

— Батюшка, — простонал N, с трудом догоняя удалявшегося священника.

Отец Иоанн остановился и повернулся к бежавшему мелкими шагами оборванцу. Они встретились лицом к лицу... N почувствовал на себе взгляд батюшки; он не мог выдержать прилива чувств и упал в ноги, крепко ухватившись за рясу о. Иоанна.

— Встань, голубчик, — ласково, но твердо, почти повелительно, сказал пастырь, — пойдем на пароход.

N вскочил, как бы от действия электрического тока, и, не смея поднять глаз на священника, пошел сзади. На пути попадались встречные, подходившие под благословение, и N казалось, что они как-то враждебно на него смотрят, точно он провинился перед ними.

Вот и пароход. Отец Иоанн, не оборачиваясь, прошел по трапу.

— Пустят ли меня? — мелькнуло в голове N, но матрос, заметив его колебания, вежливо пригласил его:

— Пожалуйте. Вы с батюшкой?

— Да, с батюшкой, — повторил N и вошел на пароход.

— Отчаливай, — раздалась команда. Руль запенил тихую зеркальную поверхность залива, колеса загромыхали, завертелись, и пароход грузно поплыл по заливу... N остановился в углу кормовой части парохода и не смел не только идти в рубку, где поместился о. Иоанн, но не хотел и случайно попасться ему на глаза. Он стал теперь раскаиваться в своей смелости, его волновала мысль, что он скажет батюшке, что ему нужно, зачем он его окликнул, пошел за ним, а теперь едет в Кронштадт?

— Вы с батюшкой едете? — прервал мысли N матрос, очевидно разыскивавший его на пароходе.

— Я...

— Пожалуйте в рубку: вас батюшка просит.

Батюшка сидел в каюте, когда N вошел, едва передвигая ноги и низко опустив голову.

— Здравствуй, подойди ближе, — сказал отец Иоанн своим мягким голосом, — как зовут тебя?

— Петром, — прошептал N, не смея двинуться с места.

— Ну, подойди, Петр, сядь вот тут со мной...

Отец Иоанн указал место рядом с собой, и N машинально исполнил приказание, хотя сидеть рядом с батюшкой в его теперешнем состоянии он считал чуть ли не святотатством.

— Расскажи же мне свое прошлое. Как дошел ты до этих лохмотьев? Пил, верно?

— Пил, батюшка, — рыдая, повторил N.

— Ничего, ты успокойся. Помни, что любящим Бога все во благо... Если ты потерял все, но помнишь и любишь Бога, ты еще ничего не потерял. Мало хорошего дойти до этого рубища через кабак, но кто знает, какими путями ведет нас Господь к Себе. Может быть, иначе ты никогда и не вспомнил бы о Боге, о Славе Его, для которой мы должны жить. Всякое дыхание хвалит Господа, травка и та Его хвалит, а ты человек, отец семьи, быть может, хозяин многих рабочих, ты сам забыл Бога и другим мешал Его славить...

Чем больше говорил батюшка, тем легче становилось на душе N, сердце его билось с такой силой, точно хотело разорваться; все существо было переполнено каким-то радостным трепетом.

— Для человека страшно духовное рубище, а не тленное. В лохмотьях можно быть глубоко счастливым и уготовить себе жизнь вечную, а в нищете духа никакие сокровища земные не дадут человеку ни счастья, ни спасения...

— Батюшка, я не пришел просить у вас помощи в нужде, я прошу только излечить меня от пьянства, от слабости к вину...

— Излечи душу свою любовью к Богу и ближним, наполни сердце свое верою и любовью, а излечение от пьянства придет само собою. Просите прежде всего Царствия Божия и Славы Его, а все остальное приложится вам...

— Батюшка, я хочу только христианской жизни или кончины в мире с Богом и людьми...

— Проси у Бога помощи с верою твердою, непоколебимою и решись исправить жизнь свою по учению святой Православной Церкви...

Разговор продолжался в этом же направлении; N становился с каждым словом воодушевленнее; рыдания стихли, в голосе слышалась твердость, даже некоторая уверенность. Превращение из робкого, приниженного, забитого оборванца в человека с твердой волею, решимостью и почти восторженностью совершилось так быстро, что N недоставало только костюма, чтобы сделаться совершенно не-

узнаваемым. Об этом превращении N до сих пор вспоминает как о величайшей минуте в своей жизни. Он вырос в собственных глазах; он почувствовал в себе то человеческое достоинство, которое он обязан охранять пуще всего в жизни, и в душе своей ощущал наплыв небывалой еще радости. Когда пароход пристал к пристани, N не прятался уже в темноту и не опускал низко голову; напротив, он весь выпрямился, слегка откинув назад голову, и каждое движение сопровождалось такою уверенностью, точно его кто сейчас произвел в коммерции советника или наградил большим орденом...

— Ты найди себе ночлег где-нибудь и завтра приходи к ранней обедне в собор. Мы помолимся с тобою, потом ты исповедуйся, причастись Святых Таин и поезжай обратно в Петербург.

Отец Иоанн протянул руку N, и он почувствовал присутствие бумажек.

— Возьми, это тебе пригодится: тебе надо одеться и привести себя в порядок.

N хотел что-то сказать, протестовать, но на пароход хлынула уже толпа. Отец Иоанн в одну минуту оказался окруженным, и N не мог более до него пробраться.

Петр Ермолаевич нашел в руке 94 руб. Такой суммы он не имел уже несколько лет, но деньги нисколько не радовали его, и он совершенно равнодушно сунул их в карман своей дырявой куртки. Где-то на башенных часах пробило два; в Кронштадте все было закрыто и тихо, улицы пустынны. Начинало светать... N пошел бродить, отыскивая Андреевский собор. Ходить пришлось долго, пока на загоравшемся горизонте не обрисовался высокий купол и колокольня белого собора; обширная площадь, красивая железная решетка, безукоризненная чистота и мощный вид огромного, совсем нового, точно сейчас только выстроенного собора произвели на него отрадное впечатление.

Он поднялся по ступеням на паперть, стал на колени и принялся молиться. Долго простоял так оборванец в таком положении, но никак не мог сосредоточить свои мысли на Боге, не мог забыть все окружающее и отдаться молитве: услышит ли он шорох в стороне — сейчас подымает голову и начинает всматриваться; заметит ли городового или пешехода вдали — засуетится, ему делается неловко, он хочет уйти, скрыться; а то приходят в голову мысли о прошлом, о приятной веселой компании в трактире; теперь у него есть деньги,

он мог бы угостить всех, покутить как следует; начинает он обдумывать, спорить сам с собой, мечтать о будущем, а тут опять пешеход, крик какой-то вдали.

"Пойду пройтись по городу", — решил N.

Не успел он выйти на Соборную площадь, как его кто-то окликнул.

— Эй, ты, послушай...

N обернулся, его догонял какой-то оборванец, очень похожий с виду на него.

— Ты, любезный, из Петербурга, верно? — набросился он на него.

— Да, из Петербурга...

— Ну так вон отсюда! Сейчас уходи, а то я городового кликну...

— Да чего ты! Что я тебе сделал?

— Ничего не сделал, а только я тебе говорю — уходи отсюда добром...

— Зачем я пойду? Разве здесь нельзя ходить?

— Нельзя. Около собора наши места; мы тутошние, почитай десять лет побираемся на паперти...

— Да я вовсе не побираться пришел...

— Ладно. Знаем мы вас, питерских. Зачем ты из Петербурга явился, если не побираться? У нас своих хоть отбавляй, иной день есть нечего...

— Отстань, пожалуйста. Вон у меня сколько денег...

N высунул из кармана пачку кредиток, полученных от о. Иоанна.

— Ну, это другое дело. Извини, голубчик. Я думал, ты с нами на паперть стать хочешь. Очень уж у тебя вид такой... Точно не ел три дня...

— Я точно не ел третий день, а только в Кронштадте не думал идти побираться и отбивать у вас гроши.

— Ах, милый, если бы ты знал, сколько народу ездит сюда побираться! Иной одет франтом, а сам ловит батюшку, чтобы выпросить на нужду; и не узнаешь его, с какими намерениями...

— Разве батюшка всем подает?

— И... и... и... страсть! Посмотрел бы ты, какие купцы приезжают; в первом классе приедет, а не дай батюшка ему помощи, так назад хоть пешком иди... Да и нашего брата, нищих, несколько сот каждый день здесь ожидает. Выйдет это он, отец-то наш родимый, и начинает отсчитывать... Десять человек отсчитает — рупь, десять опять —

и еще рупь. Так всех оделит, а мы после рупь делим по гривеннику и живы сегодня... Случается, и с воли приезжие хорошо подают; Сенька хромой раз получил десятирублевку от барина. “Прими, — говорит, — помолись о здравии отца Иоанна. Дай ему Бог много лет здравствовать”... А как не молиться-то нам за него? И так молимся денно и нощно... Он, вишь, проиграл казенные деньги, хотел повеситься в гостинице. О. Иоанн его и выручил. Ну, теперь все вернул, нажил еще и приехал батюшку благодарить. А наш случай — попользоваться можно...

Петр Ермолаевич поинтересовался прошлым своего нового знакомца.

— Я посадский. Зовут меня Петром Левшой. Наших посадских здесь нищенствует тысячи полторы.

— И давно ты нищенствуешь?

— Годов без мала тридцать. Родители кой-как перебивались, а я сызмальства пошел нищенствовать...

— Что ж ты не работаешь?

— Какая же работа... У меня правой руки ведь нет, высохла в детстве еще, а в Кронштадте зимой и с двумя руками пятиалтынный в день заработаешь на своих харчах.

Нищий показал N свою крошечную, почти детскую руку, висевшую в правом рукаве...

— Разве места тебе никто не дал бы?

— Эх, милый человек, какие же места неграмотному калеке? Если бы я мастерство знал или, примерно, в артель бы вкупиться мог, а то какое же место? Вот, благодаря батюшке наших много пристроилось, кто в артель вкупился, кто торговлишкой промышлять стал, а мне куда уж... Лишь бы с голоду не помереть. И так, когда батюшка уезжает из Кронштадта, — совсем хоть помирай!

— Невесело...

— Какое ж веселье? Ну, милый человек, надо к собору идти; сейчас благовестить начнут...

— Пойдем вместе. На вот тебе, прими Христа ради.

N отдал нищему часть своих кредитных билетов, полученных от о. Иоанна, и обтер рукавом покатившуюся по щеке слезинку.

“Я здоров, силен, — думалось ему, — хорошо знаю мастерство, а этот несчастный на всю жизнь обречен нищенствовать и проблеска в будущем нет, ни выхода, ни надежды... А сколько таких несчастных...

Не стыдно ли нам, здоровым, умеющим работать, обкрадывать такую голь горемычную?"

Пономарь открыл церковную дверь. Совсем рассвело. Начался чудный летний день. Над горизонтом далекого залива всплыло солнышко. Быстро стал пробуждаться Кронштадт. Закипела жизнь на море и на берегу.

— Как хороша здесь природа, — любовался N, глядя на прекрасную панораму с пароходной пристани.

С первым ударом колокола потянулись к собору вереницей богомольцы. По всем улицам, примыкающим к собору, шла самая разнообразная публика: женщины с детьми, купцы, чиновники, офицеры, старики и молодые. N диву дался: точно в Светлое Христово Воскресение народ спешит к заутрени.

— И откуда это такая масса публики? — обратился он к Левше, который окончательно пришел в умиление, получив от такого же, как и он, нищего крупную милостыню.

— Кажинное утро то же самое, — отвечал нищий, — батюшка служит только раннюю обедню, а всегда столько народа; все знают, что с вечера приезжать надо, а то и не попадешь к о. Иоанну.

Часы перед Литургией читал сам о. Иоанн. N сейчас же узнал этот характерный голос, который трудно забыть, если раз его слышал. Каждое слово раздавалось отчетливо во всех углах храма. Сердце Петра Ермолаевича преисполнилось таким умилением, что он страстно хотел обнять весь мир, всех врагов своих, всех молившихся в этом храме... Глаза наполнились слезами, но это были слезы радости...

Литургию служил о. Иоанн без дьякона, сам выходя на амвон для провозглашения ектении. Движения иерея были порывисты, быстры, но проникнуты глубоким благоговением.

Когда кончилось богослужение, народ не "повалил из церкви", как всегда бывает при "шапочном разборе". Напротив, все остались на своих местах и только ближе столпились около амвона. Каждый ждал... Кто благословения, кто исповеди, кто имел просьбу к батюшке, словом, у всех было какое-нибудь дело.

— Где же тут мне увидеть батюшку, — думал N, — тысяча человек его ждет. Тут и протиснуться-то нет возможности. А батюшка велел прийти мне в собор.

N потерял уже было надежду получить благословение о. Иоанна, как увидел его на амвоне. Батюшка снял облачение и был в рясе с

большим крестом на груди. Он подошел к народу... К нему потянулись сотни рук... Благословив всех общим крестным знамением на все стороны, о. Иоанн наклонился к некоторым, сказал что-то и стал затем смотреть в толпу, как бы ища глазами кого-то. Устремленный на батюшку взор N встретился с его глазами, и N почувствовал приглашение.

— Иди сюда, — как бы говорили они.

Совершенно инстинктивно N пошел к левому приделу храма, миновал толпу и, подойдя к решетке, без труда нашел дверцы; но о. Иоанна успело обступить человек тридцать, прорвавшихся за решетку раньше N. Батюшка с ними вел разговор, переходя от одного к другому, и до N доносились отрывочные фразы.

— Хорошо, я зайду.

Или:

— Не могу, не могу: у меня решительно нет времени.

Слезы, мольбы, рыдания — все это перемешивалось, и о.Иоанн должен был, наконец, скрыться в алтарь, потому что толпа прорвавшихся за решетку все увеличивалась.

— Вас батюшка приглашал? — спросил N сторож, просивший посторонних удалиться с амвона.

— Приглашал...

— Пойдем, я тебя исповедую, а завтра за ранней обедней ты приобщишься Святых Таин (о. Иоанн в течение 35 лет ежедневно совершает Литургии: раннюю или позднюю), — сказал о. Иоанн N. Они отошли в сторону к аналою. N опустился на колени...

Исповедь сопровождалась продолжительным наставлением пастыря, после чего он стал на колени рядом с N и помолился. Благословив затем исповедника, батюшка сказал:

— Иди с миром и старайся не грешить. Не допускай прежде всего мыслей греховных: после мыслей придут дела худые, тогда труднее бороться; если почувствуешь тяжесть борьбы, что тебе не справиться самому со злом, беги к духовному отцу своему и проси приобщиться Святых Таин. Это великое и всесильное оружие в борьбе с пьянством. Не стыдись перед священником назвать свой грех настоящим именем и не скрывай в душе своей, иначе нельзя получить прощения и силы к борьбе. Православная Церковь никому из сынов своих не отказывает в Святых Таинствах, а Литургии совершаются у нас ежедневно. Ступай...

Впоследствии N много и охотно рассказывал о сильном душевном потрясении своем после исповеди. Это психическое состояние нашего героя всегда занимало меня больше, чем обстоятельства самого факта превращения забулдыги-пьяницы в трудолюбивого и набожного семьянина-гражданина. Я часто до сих пор беседую с ним относительно внутреннего его перерождения, но, к сожалению, как малоразвитый человек он не умеет дать себе отчета в чувствах...

Приведем подлинные слова N.

— До исповеди и молитвы о. Иоанна я находился все время в каком-то сомнении. Когда я получил деньги и бродил по Кронштадту, у меня на мгновение явилась мысль: "Не дурно бы с этими деньгами очутиться в трактире Сидорова с моими старыми приятелями... Чего бы мы натворили..." Я ужаснулся этой мысли, но... но будь это днем, когда открыты все кабаки и трактиры, я не поручусь, что вместо Андреевского собора очутился бы, может быть, в трактире за графинчиком. К счастью, была ночь. Даже при всем желании я не мог достать водки, страшную мысль я всячески гнал от себя, а тут и удар церковного колокола... Исповедь и благословение батюшки так переродили меня, что кабак потерял навсегда в моих глазах притягательную силу: за великое только наказание меня могут теперь послать в кабак, и если предложат на выбор: кабак или тюрьма — я без колебания предпочту последнее.

Мне немного остается прибавить о моем герое Петре Ермолаевиче N. На другой день он причастился Святых Таин, предварительно переменив свой внешний вид; в Кронштадте он купил себе белье, платье и вернулся в Петербург вполне приличным человеком. Первым делом он нанял небольшую квартирку, купил верстак и оставшиеся 12 руб. послал в письме жене, прося сейчас же ехать к нему вместе с детьми.

— Я, благодаря Богу и отцу Иоанну Кронштадтскому, сделался опять человеком, — писал он жене, — возвращайся ко мне, забудь и прости прошлое, я твердо уверен, что Святая Православная Церковь не будет иметь больше основания считать меня своим заблудшим, погибшим сыном. С помощью Божией, я надеюсь вести трудовую жизнь христианина.

N писал правду. На второй же день по возвращении в Петербург он без труда получил заказ для одного магазина. За аккуратное и безукоризненное выполнение и умеренные цены скоро завалили его

работой, так что он в первый же месяц нанял себе подмастерья. а через год имел уже опять собственную мастерскую. Жена тотчас исполнила требование своего мужа и ни разу впоследствии не сделала ему упрека, потому что поведение N не только не давало ей повода быть чем-нибудь недовольной, но, напротив, большей заботливости и предупредительности нельзя было и желать; каждое воскресенье и праздник семья ходила в церковь, каждый вечер посвящался чтению Св. Писания и молитве; подраставшие дети определены были в учебные заведения; ни один бедняк не получал у N отказа в помощи; но предметом особого его попечения была местная приходская церковь: он золотил ризы и церковную утварь, ремонтировал паникадила, покупал иконы, словом, делал все для украшения и благолепия храма.

— Церковь дала мне все; пожалею ли я чего-нибудь для нее? — говорил часто N.

Года через два Петр Ермолаевич открыл уже свой магазин, а недавно купил каменный дом; он ясно видел, что каждая его жертва на церковь, каждая помощь бедным возвращается сторицею в виде хороших заказов, выгодных работ, и поэтому не скупился на добрые дела. Чем больше он раздавал, тем больше приобретал, оправдывая слово Св. Писания — рука дающего не оскудеет.

Слепой певец

Дмитрий А. Агренев-Славянский
Ревель. 22 октября 1893 г.

Путешествуя по России десятки лет и всегда лелея идею осуществления народного театра и народных бытовых зрелищ, я наметил несколько уцелевших пока певцов с их примитивными мелодиями и инструментами, и один из них был слепец Иван, которого я нашел случайно в г. Белая Церковь Киевской губернии на улице, играющим на своей кобзе и поющим древние стихи духовного содержания.

Несчастный слепец, не более 27 лет от роду, сидел в рубище со своей кобзою, или лирою, недалеко от церкви и в числе других нищих выкрикивал духовные песни, привлекая тем внимание проходящей публики, которая иногда бросала копейку в небольшую деревянную чашку, которую держал в руках оборванный десятилетний

мальчуган, его вожак, и с умоляющим видом протягивал к проходившим.

Я позвал этого Ивана к себе в гостиницу, обещав его накормить и дать ему грошей. Не подымая своей обнаженной головы и не открывая глаз, Иван как-то странно улыбнулся и сказал мне: "Ладно, паночку; приду, спасиби".

Так началось мое знакомство с Иваном, который мне спел и несколько светских песен, и думок про казака Ивана Конопченко, и другие песни.

Вспомнив об Иване-кобзаре в данную минуту в С.-Петербурге, я поручил одному моему приятелю в Киеве отыскать его и немедленно выслать в С.-Петербург.

Перед отъездом моим из С.-Петербурга мне пришлось побывать в Кронштадте у отца Иоанна и попросить его отслужить молебен и благословить меня на новое артистическое мое далекое путешествие, которое я собирался совершить в эту зиму.

При посещении меня отцом Иоанном в гостинице, где я остановился, после молебна в разговоре с ним я высказал желание приехать в Кронштадт концертировать в пользу семейств погибшего экипажа броненосца "Русалка". Отец Иоанн одобрил мое желание и высказал, что желал бы послушать мой хор в церкви при совершении им Литургии. Я, конечно, был счастлив исполнить желание отца Иоанна, тем более , что так много слышал о его богослужении.

Первая обедня была пропета 22 сентября, и так понравилось наше пение отцу Иоанну, что я обещал еще раз приехать в Кронштадт, чтобы вторично участвовать с моим хором в богослужении его. Это состоялось 29 сентября, и я не могу описать того благоговейного впечатления, которое я, вся моя семья и все мои певчие вынесли из Андреевского собора. День этот останется для нас всех незабвенным днем.

После обедни я попросил отца Иоанна к себе, чтобы благословить мою семью и всех певчих. После молебна с водосвятием мы все подошли приложиться ко кресту и получить благословение, и в том числе я подвел к отцу Иоанну и своего слепца Ивана, сказав батюшке, что вот слепец просит благословить его и помолиться о нем. "А давно ты ослеп?" — спросил Ивана батюшка. "Да вот уже более 12 лет, с малолетства ничего не вижу". — "Отчего же это случилось? Ты был болен, что ли?" — "Да, золотуха была у меня, и я ослеп;

видно, бросилась на голову. Ходил к докторам — ничего не помогли: говорят, темная вода в глазах". — "Ну, ничего, — сказал, нежно улыбаясь, отец Иоанн. — Я сам был болен золотухою и плохо слышу. Давай помолимся Господу Богу". И при этих словах он взял ложкою освященную воду из сосуда и, налив на руку три раза, как бы промыл глаза Ивана, потрепал его по голове, приласкал, так сказать, и благословил, сказав: "Ну, Господь Бог помилует тебя, ступай с Богом!"

Вечером того же числа я давал концерт в зале кронштадтского коммерческого собрания, и перед началом концерта входит в мою уборную мальчик, певчий мой, которому было поручено водить Ивана, и, улыбаясь, говорит мне: "А ведь Иван-то видит!" — "Как видит? — спросил я, удивленный и не доверяя словам мальчика. — Приведи его сюда". Пришел Иван. "А что, Иван? Правда ли, что ты видишь?" Иван посмотрел на меня открытыми большими глазами и отвечал: "Да, барин, я вижу; только как будто в тумане". — "Ну, а ведь до сего дня ты ничего не видел, ничего положительно?" — "Нет, ничего не видел, я уже более двенадцати лет, с малолетства, ослеп". Сомневаться было невозможно: Иван стоял предо мною с открытыми глазами и весело улыбаясь. Прошло с тех пор более трех недель, и с каждым днем Иван все лучше и лучше стал видеть. В настоящее время он все видит хорошо и сам всюду ходит один. Из грустного, с опущенною головою и с закрытыми глазами, Иван стал веселым, разговорчивым, поднял голову и уже поет более веселые песни.

Капитан I ранга С.П.Бурачек: "В один из своих проездов из Петергофа в Кронштадт на корабль я, подходя к пароходу на Ораниенбаумской пристани, увидел чрезвычайное скопление народа и особенно на самом пароходе. Тут же я узнал, что едет отец Иоанн.

Считая неудобным навязывать свое общество человеку, и так уже утомленному преследованиями разных просителей, в каковых условиях постоянно находился этот удивительный и исключительный человек, я решил идти на свободный от людей мостик парохода, чтобы этим исключить возможность встречи, и каково же было мое удивление: навстречу мне шел батюшка, которого я так избегал, и с чувством любви и внимания преподал мне благословение Божие со словами: "Что ж ты, Степан, не приходишь ко мне, приходи к ранней обедне, как и отец твой раньше приходил".

Госпожа Е.Н., болезненная, слабая женщина, горя желанием построить храм Божий на одной из окраин России, при встрече с батюшкой просила его влияния на имущих людей для сбора пожертвований. Отец Иоанн благословил Е.Н. со словами: “Иди и строй!”

— Да как же, батюшка, я построю без всяких средств?

— Я тебе говорю: иди и строй, все будет хорошо, — строго и внушительно сказал батюшка.

Е.Н. побоялась пререкаться и послушалась, результатом чего, к большому удивлению Е.Н., храм действительно беспрепятственно был выстроен при неожиданно большом участии и сочувствии жертвователей.

Батюшка не переносил курения табака, называя это одной из страстей, пагубных для души человека, аналогично пьянству. Так он отучил моего отца, так отучил и меня. Будучи избалованным не только обстановкой жизни, но и самим собой, мне почти никогда не приходило в голову оставить эту удобную и симпатичную привычку, тем более что попытки бросить приносили всегда испорченное настроение и лишали того излюбленного комфорта “покурить”, который у меня длился в течение восемнадцати лет. Курил я много. И вот однажды во время случившихся со мной тяжелых переживаний, как сейчас помню, 9 декабря 1913 года я пришел на гробницу отца Иоанна, и молитва у меня была одна: “Да будет воля Твоя”. Через три дня я серьезно заболеваю двухсторонними нарывами в горле, стоившими мне чуть ли не жизни, появляется желание оставить любимую привычку курить, о чем я и сказал доктору профессору Богданову-Березовскому, последний с недоверием отнесся к этому желанию, узнав, что я уже восемнадцать лет подвержен этой страсти, улыбнувшись, он сказал: “Смотрите, поправитесь и закурите снова”.

Теперь прошло уже двадцать лет, как я совершенно легко оставил эту сильно владеющую людьми страсть.

Не только сам по себе описанный факт, но и мое личное создавшееся внутреннее убеждение привели меня к ясному заключению, что воля Божия, на которую я оперся в своей краткой, из глубины души исшедшей молитве, по святым молитвам праведника Божия батюшки отца Иоанна, избавила меня от сильно развитой страсти, которую мы, люди, из личного удобства и распущенности не любим видеть и признавать, предпочитая быть в этом отношении слепыми.

Про силу молитвы отца Иоанна мне пришлось слышать из многих случаев; вот случай исцеления бесноватой, которая ужасно поносила батюшку, не перенося даже его присутствия, ее держали несколько человек. Когда отец Иоанн стал на колени перед святыми иконами и, весь согнувшись, ушел в молитву, больная забилась в судорогах, посылая хулу и проклятия на него, издеваясь над Богом и им, но потом затихла и потеряла сознание. Когда отец Иоанн встал с молитвы, все его лицо и голова были покрыты потом, как водой, и подошел к больной, благословляя ее, то больная открыла глаза и, разрыдавшись, приникла к ногам батюшки, она была сильно ослаблена, но совершенно здорова. На присутствующих это ясное для всех происшедшее исцеление произвело потрясающее впечатление.

Счастлив свидетельствовать истинное, связанное со святой памятью современного нам большого праведника, на котором так ощутительно и для постороннего почила благодать Божия.

Помню случай, когда был болен мой брат. Отец Иоанн благословил яблоко и приказал брату съесть, и к вечеру, к удивлению всех, брат оказался совершенно здоров.

Отличительные черты отца Иоанна — это были произносимые слова молитвы; и в этих как бы дерзновенных возгласах, в движениях было столько веры, любви и искренности, что казалось, как будто не только сердцем, но и всей душой он обращается к безграничному милосердию Божию, прося помощи и заступления для слабых, маловерующих людей.

Батюшка сам говорил: “Чувствую часто, как легко поднимается молитва, а иногда — как тяжело по земле стелется и нелегко поднимается”, и в этих случаях говорил, жаловался словами: “Ох, как сатана борет”.

Отец Иоанн воистину избранник Божий, горевший верой в Бога, являя благороднейший пример человеческой жизни ради спасения людей.

И какой гнусной оказалась секта иоаннитов, напущенная на него как на светильник Божией благодати, чтобы своими извращенными, кощунственными пониманиями очернить его. Воистину и диавол существует и не дремлет, стараясь светлое очернить по возможности руками нашей же просвещенной интеллигенции, считающей часто Божественную Правду за предрассудок и старающейся развенчать ореол святости, видя в секте иоаннитов обвинение светлой памяти

почившего пастыря. Но Правда всегда восторжествует, хотя бы зло и могло временно победить.

Так и тут случилось: после всех ниспосланных нам испытаний в каком ореоле и святости горит светоч Православия в лице святой памяти отца Иоанна".

Отец Иоанн в огненном сиянии

Мой покойный отец Павел Степанович Бурачек, вице-адмирал в отставке, рассказал мне следующий случай. "Будучи молодым офицером, я имел обыкновение ходить к ранним обедням, которые служил о. Иоанн, и часто становился на клирос, читал и пел за псаломщика, но один раз поленился встать, к обедне не пошел и заснул опять, и во сне увидел, что на мое место, где я обыкновенно стоял в церкви, на клирос пришел отец Иоанн, стал читать и по мере чтения вокруг него стал разгораться огонь и наконец весь он стал окруженным огненным сиянием.

Каково же было мое удивление, когда при первой же встрече о. Иоанн обратился ко мне со словами: "Ну, что же ты, Павел, не пришел к обедне, а я за тебя почитал, помолился; нет, ты еще не понимаешь, не чувствуешь этих благодатных слов молитвы, ведь когда их читаешь, то весь, как в огне, горишь!" Пораженный этим, мой отец воскликнул: "Батюшка, а ведь я вас в это же время в огне и видел!"

Счастлив свидетельствовать эту истину.
Степан Павлович Бурачек.

Этот рассказ почтенного вице-адмирала о сновидении, которого его сподобил Господь, показывает нам, что Бог прославил о. Иоанна еще при жизни Своим Божественным Сиянием, подобно тому, как прославил святого преподобного Серафима Саровского Чудотворца, сияние которого удостоился видеть Мотовилов, друг преподобного Серафима.

Исцеление матушки

Митрополит Нестор (Анисимов)

Незабываемое впечатление произвела на меня встреча с известным в те годы протоиереем Иоанном Сергиевым. Произошла она вот при каких обстоятельствах.

В перерывах между учением я находился в г. Вятке, в одной семье. Однажды летом такое пребывание мое среди близких, любимых людей было омрачено тяжелой болезнью мамочки. По определению консилиума врачей, она была обречена на неминуемую смерть. Они сообщили об этом отцу и прекратили посещение больной. Мама таяла на наших глазах: болезнь печени не поддавалась лечению, и мама не могла уже даже говорить. В моем представлении тогда никак не увязывалась любовь сына с мыслью о возможности лишиться матери.

В это самое время пришло известие о том, что в Вятку едет протоиерей отец Иоанн Сергиев. Мне приходилось слышать о нем, как о молитвеннике огромной силы веры. Мысль о том, чтобы постараться увидеть его и попросить помолиться о здравии и спасении жизни моей мамы, не покидала меня. Не только в Вятке готовились к встрече о. Иоанна Сергиева, но и из окрестностей, из ближайших уездных городов и деревень в огромном количестве собирался народ. С присущей юношескому возрасту пытливостью я смотрел на богомольцев и скорее сердцем, чем сознанием, почувствовал, что это идет вдохновенная молитвой Православная Русь с добрыми намерениями, как бы подтверждая своим духовным обликом слова песнопения: Слава в вышних Богу и на земле мир, в человецех благоволение!

При виде этого множества верующих людей я подумал: как же мне, юноше, осуществить свое решение и пробраться к отцу Иоанну с заботой о моей болящей маме?

Я отправился к Вятскому викарному Владыке Филарету и попросил его помочь мне в свидании с о. И.Сергиевым. Архиерей посочувствовал моему горю. Он предложил перевезти маму в монастырский храм и положить там на случай, если отец Иоанн туда приедет. Однако она была уже настолько слаба, что ее нельзя было тронуть с постели. Мрачные мысли одолевали меня, когда я возвращался домой от Владыки Филарета.

Вдруг во мне созрело внезапное решение. Здесь, в участке, проживает недавно прибывший новый вятский полицмейстер К.К.Коробицын.

“А не обратиться ли к нему за содействием?” — подумал я и постучался в дверь.

Он принял меня довольно любезно и сказал, что о. И.Сергиев родом из Архангельска, его земляк. И с этими словами вручил мне свою визитную карточку с надписью о том, чтобы меня беспрепятственно пропустили всюду, где будет находиться этот знаменитый в те годы протоиерей.

В день прибытия о. Иоанна в Вятку несметные толпы верующих людей затрудняли движение по городу. Прямо с вокзала гость направился в семью Покребышевых. За несколько кварталов до их дома улицы были запружены народом. Даже с пропуском полицмейстера мне с трудом удалось пробиться к заветному дому в надежде увидеть отца Иоанна.

По предъявлении визитной карточки Коробицына мне открыли калитку и я прошел на открытое парадное крыльцо на втором этаже. Там в небольшой зале пред иконой стоял в епитрахили о. Иоанн Сергиев и служил молебен. Я был потрясен огромной силой духа и проникновенностью, с которой он произносил молитвы. Голос его при этом был преисполнен религиозного дерзновения.

Когда по окончании молебствия начали подходить ко Св. Кресту, я был в числе последних. Волнуясь, сдерживая слезы, я сообщил отцу Иоанну о смертельно опасной болезни мамочки. Он спросил у меня ее имя, перекрестился и сказал:

— Дай Бог ей здоровья!

Затем велел мне отвезти ей освященной воды. Я выполнил его указание, но, прежде чем уехать домой, наспех написал записку с именами членов нашей семьи и вручил ее старушке М.П.Медведевой для передачи на молитвенное поминовение отцу Иоанну.

На следующий день я отправился в Дом трудолюбия, где в церкви гость должен был совершить Божественную Литургию. И вот снова улицы заполнены народом. Я пробрался с трудом через двор в переполненный молящимися храм. Вскоре колокольный звон и гул голосов возвестили о прибытии о. И.Сергиева. Верующие люди подняли его на руки и сквозь толпу пронесли через двор по той же лестнице, где проходил и я.

Он узнал меня, приветливо посмотрел и сказал:

— Ты уже здесь! А как мама?

— Все в том же положении... безнадежном.., — ответил я.

— Будем просить у Бога здоровья, и Он услышит, спасет...

Описать восторгающую силу служения Божественной Литургии, совершенной отцом Иоанном, почти невозможно. Это от начала до конца — неугасимое пламя дерзновенной молитвы. Резкое, громкое, настойчивое, требовательное обращение в молитвах к Богу потрясало молящихся. В алтарь беспрерывно несли телеграммы и записки с просьбой к отцу Иоанну помянуть перечисляемые имена у Престола церковного.

На следующий день я вторично присутствовал на богослужении, совершаемом отцом Иоанном в Иоанно-Предтеченском храме. Туда было привезено много больных и одержимых. Под церковными сводами то и дело раздавались стоны, вопли и мольбы страждущих, чающих исцеления от недугов. А молитвенный голос отца Иоанна звучал так же, как и накануне: дерзновенно, уверенно, напоминая общение с Богом древних пророков. Опасаясь, что мама может умереть в мое отсутствие, я ушел домой до окончания богослужения. В этот же день, но несколько позже, я не вытерпел и на извозчичьих дрожках отправился на поиски местопребывания отца Иоанна. Но едва я успел завернуть за угол нашей улицы, как увидел, к удивлению своему, показавшийся мне бесконечным поезд экипажей. На первом из них сидела Матрена Петровна Медведева со священниками. Увидев меня, она замахала руками и закричала:

— Куда ехать-то? К вам отец Иоанн едет!

Я быстро вернулся домой и попросил отца и бабушку встречать гостя. А дворнику сказал, что ввиду тесноты нашего дворика в ворота пропустить только экипаж отца Иоанна. Сам же я быстро приготовил столик, воду для освящения и церковные свечи, каковые у меня были в запасе. Между тем, маму на кровати внесли в зал. К моменту начала молебна толпы верующих заполнили не только зал и прилегающие к нему комнаты, но и двор, а также улицу. Но вот вошел отец Иоанн и спросил:

— Где ваша больная?

Получив ответ, он благословил нашу семью и обратился ко мне:

— Ну, вот видишь, я приехал к твоей маме. Будем молиться, и Господь Бог вернет ей здоровье!

С этими словами он подошел к маме, лежавшей в бессознательном состоянии, обласкал ее, как малого ребенка, приговаривая:

— Бедная ты моя, больная Антонина...

Отец Иоанн положил ей на голову крест, бывший на нем, прочитал молитву и пригласил всех нас молиться о болящей, а у отца осведомился, чем мама больна. Затем, встав на колени перед столиком с Евангелием и крестом, отец Иоанн громогласно, дерзновенно просил Бога исцелить мать.

— Ради ее детей, Господи, — возглашал он, — яви Твою Божественную милость, пощади рабу Твою Антонину, верни ей жизненные силы и здоровье, прости ей все грехи и немощи! Ты, Господи, обещал просящим исполнить и дать просимое. Услыши же нас, Тебя молящих, и даруй здоровье болящей рабе Твоей Антонине!

Отец Иоанн произносил эти слова, обращенные к Богу, в совершенной уверенности в милости Всевышнего. По окончании молебна он снова подошел к матери, благословил ее и сказал твердо, повелительным тоном:

— Сейчас же позвать священника, он причастит болящую и она с Божией помощью будет здорова!

На прощанье отец Иоанн расспросил отца о нашей семейной жизни и, благословив нас, уехал. Когда он выезжал со двора, множество верующих, столпившихся на улице, окружили экипаж. Многие хватали руками колеса, иные пытались коснуться хотя бы края его рясы, некоторые бросали письма, пакеты с деньгами, записки о поминовении.

Когда мы, домашние, проводив отца Иоанна, вернулись к маме, она лежала как преображенная; кто-то из нас спросил у нее, сознает ли она, что сейчас происходило. Мама чуть слышно прошептала: "Оставьте меня одну..."

Мы выполнили ее просьбу, к тому же пришел вызванный мной священник. Перед началом исповеди мы простились с мамой и вышли, а когда после ее исповеди вернулись к причастию, увидели с радостью, что больная сидит на кровати, а после приобщения Св. Таин спокойно встала на ноги.

На следующий день она уже не ложилась в постель и быстро начала поправляться. После этого знаменательного для всей нашей семьи события мама прожила еще около тридцати четырех лет.

Во мне же, юноше, случай плодотворной силы веры и молитвы ускорил процесс моего духовного роста, укрепил мое стремление

посвятить свою жизнь Богу и служению на помощь и пользу страждущим.

Мне кажется, что сила веры в Бога и в Его чудесную помощь, дающие действительный, а не мнимый результат услышания сильного внутреннего, глубокого душевного и дерзновенно-настойчивого молитвенного прошения немощного человека у Всемогущего Господа Бога Творца, здесь ясно обнаружились. Это явление, каковых среди верующих множество, человечеством всегда определялось словом "чудо", чудесная помощь свыше, от Бога.

Силы природы повинуются о. Иоанну

Во время проезда отца Иоанна на родину на лошадях его просили помолиться о ниспослании дождя, так как была великая засуха. Отец Иоанн стал служить молебен. Только он успел кончить молебен, как полил такой ливень, что присутствовавшие едва успели укрыться по избам.

Однажды о. Иоанн, прибыв в церковь одного села, удивился, что храм почти пустой. Он спросил старосту о причине отсутствия народа. Ему ответили, что горят леса от засухи и все на пожаре.

Тогда о. Иоанн говорит: "Так давайте же молиться Господу о ниспослании дождя" — и стал служить. Когда о. Иоанн, окончив службу, выходил из храма, то дождь уже шел.

Свидетельствует М.М.Родзянко в письме от 29 декабря 1927 года. В 80-х годах была сильная холера на юге России, которая свирепствовала особенно в городе Новомосковске. Население по телеграфу обратилось к о. Иоанну с просьбой помолиться. Получен был ответ: "Молюсь за вас". И с того дня холера прекратилась.

Рассказ Владимира Васильевича Гумилевского.

В 1900 годах в г. Таганроге была азиатская холера. Приехал о. Иоанн, обошел больных, нисколько не опасаясь заразы. После его отъезда холера стала стихать и вскоре совершенно прекратилась.

О. Иоанн — провидец будущего

Домовладелица г. Орла Евдокия Николаевна Пастухова, проживающая ныне в г. Белграде в Югославии, рассказала мне следующий случай провидения отцом Иоанном будущего.

“Овдовев, я жила в г. Орле, где имела большой дом с надворными постройками.

Случилось, что одновременно пустовали 5 квартир.

Обстоятельство это причиняло мне полное разорение, ибо все равно приходилось исполнять требования полиции: о ремонте дома и построек, о починке мостовой и панели, об уборке и вывозке снега и т.п.

Наконец нашелся доктор, который стал вести переговоры о сдаче ему квартиры за 100 р. в месяц, что меня очень радовало, т.к. это был выход из тяжелого положения.

В это время случилось мне поехать в Кронштадт к о. Иоанну, у которого я многократно бывала и который останавливался у меня, когда бывал в Орле.

О. Иоанн спросил меня: “Как поживаешь?” Я подробно рассказала ему положение вещей с домом.

На это о. Иоанн сказал мне: “Откажи доктору”.

Я стала возражать: “Как же, батюшка, ведь это единственный выход из положения”. На это о. Иоанн опять сказал: “Нет, откажи!”

Я не осмелилась больше возражать. Вернувшись в Орел, я рассказала это брату, сказав ему, чтобы написал доктору отказ.

Брат мой начал со мною спорить и возражать. Я же, несмотря на это, послала доктору отказ. Доктор пришел сам, чтобы убедить меня сдать ему квартиру, но я осталась непреклонной. Поступила я так потому, что была убеждена: о. Иоанн повторил мне два раза, чтобы я отказала, не от себя, а будучи научен Духом Святым, обитавшим в нем.

Вскоре после этого, в день Святой Троицы, я сидела на скамейке в городском саду. Ко мне подсел городской голова Димитрий Семенович Волков и говорит: “В г. Орел пребывает на постоянное квартирование Можайский полк. Сюда прибыл начальник дивизии. Квартирная комиссия предполагает взять весь ваш дом со всеми надворными постройками под штаб и другие надобности полка, прошу вас пожаловать в городскую управу для переговоров”.

Я явилась в назначенное время в городскую управу и сдала свой дом с постройками Можайскому полку по контракту на 5 лет за хорошую плату, а полк принял на себя все расходы по ремонту построек, по исправлению и перестилке мостовой и панелей, по уборке и вывозке снега и т.п., так что я никаких расходов и забот по дому не

несла. Полк платил аккуратно в сроки и по истечении срока контракта возобновлял таковой на новый срок и прожил у меня четверть века, вплоть до большевистского переворота".

При сооружении Иоанновского монастыря делали пристройку жилого корпуса. Приехавший как-то о. Иоанн посетил постройку и сказал: "Прибавьте, прибавьте для Лесненских монашенок". Никто ничего не понял, но воля о. Иоанна была исполнена и пристройка была увеличена.

И что же, через несколько лет после кончины отца Иоанна, во время германской войны, после эвакуации Западного Края, где находился Лесненский монастырь, часть сестер его в числе 40 человек нашли себе приют в пристройке Иоанновского монастыря.

Тогда только вспомнили пророческие слова о. Иоанна и поняли, к чему он это сказал.

Это рассказ вышеупомянутой инокини Лесненского монастыря Параскевы П., находившейся в числе этих 40 сестер и прожившей в Иоанновском монастыре несколько лет.

Отсюда совершенно очевидно, что Дух Святый открыл о. Иоанну то, что должно было случиться через много лет.

Предсказание отца Иоанна о лютой смерти Льва Толстого

Я сам многократно слышал проповеди о. Иоанна, в которых он громил Льва Толстого и предсказывал ему лютую кончину, что напечатано также во многих местах творений о. Иоанна.

И действительно, люта была кончина Льва Толстого. Проживающий в Белграде, в Югославии, чиновник русской полиции рассказал подробности смерти Толстого, которые стали ему известны по службе в том районе, где жил и умер Толстой.

Как местная администрация, так и ряд посторонних любознательных лиц немедленно приступили к выяснению загадочных обстоятельств смерти Толстого.

Результат расследования дал следующие точные данные.

Граф со станции Козельск нанял ямщика и поехал к сестре монахине в Шамардин, женский монастырь, лежащий в 18 верстах от Оптиной пустыни и в 22 от г. Козельска. Сестра и все монахини были

поражены приездом графа, поэтому несколько близких монахинь пришли в келью сестры графа.

По словам келейницы и пришедших монахинь, граф рассказал сестре следующие ужасы. “Последнее время, — рассказывает граф, — мне не дают покоя ни днем, ни ночью какие-то страшные чудовища, которых я вижу, а другие не видят. Эти чудовища угрожают мне, и вид их приводит меня в ужас и трепет. Я пригласил к себе соседних священников. Двое отказались приехать ко мне, а третий приехал, но я его не успел встретить, так как домашние мои ему отказали, и он уехал, по этой причине я и бежал из дома тайком”.

Как сестра, так и другие старые монахини ему объяснили, что это дьяволы, которые, почуяв приближение его смерти, окружили его, чтобы завладеть его душой. Тут же все монахини советовали и просили его ехать в Оптину пустынь раскаяться в богоотступничестве и просить монахов принять его вновь в лоно Православной Церкви.

Увещания монахинь так подействовали на графа, что он расплакался и немедленно на тех же лошадях поехал в Оптин монастырь.

По словам коридорных монахов монастырской гостиницы, граф был бодр и из гостиницы свободно поднимался на высокую гору, где стоял монастырь.

Святейшим Синодом граф был отлучен от Православной Церкви, поэтому без благословения епископа монахи не рискнули принять его в лоно Православной Церкви, несмотря на убедительную просьбу о том, но послали запросы епископу, и граф решил ожидать в монастыре ответ.

Благоприятный ответ для графа пришел, но уже после отъезда графа из обители.

По поводу отъезда его монахи говорили так. Через два дня в обитель приехала с доктором дочь графа, и при первой встрече с отцом между ними, как слышно было в коридоре, произошла ссора.

Дочь кричала: “Зачем ты не сказавши уехал?”, а отец кричал: “Зачем ты приехала? Я домой не поеду и буду доживать свои последние дни в монастыре”.

Вскоре все стихло, и когда монах вошел в номер, чтобы взять остывший самовар, то увидел графа лежащим на койке с закрытыми глазами.

Через два-три часа дочь, доктор и граф уехали, причем графа до экипажа вели под руки и он казался очень слабым.

В то время многие высказывали предположение, что доктор дал графу успокоительное лекарство, но или старческое сердце не выдержало, или доза была велика, поэтому граф, до того времени бодрый, по дороге на юг умер на почтовой станции Остапово.

Многие лица как из Козельска, так и других мест писали в разные газеты о всем вышеизложенном, но ни одна газета присланных статей не поместила. Местное духовенство, несмотря на просьбы друзей, отказывалось служить панихиды, но из Москвы, как в то время говорили, привозили каких-то священников, очевидно старообрядцев-беглопоповцев, и они служили.

Высшее духовенство старообрядцев-окружников и противоокружников (в г. Сухиничах) запретило своему духовенству молиться о душе графа.

Монахи о кончине людей говорят так.

У великих грешников перед смертью является так называемое духовное зрение и они видят окружающих их нечистых духов, которые ожидают смерти, чтобы взять душу нечестивца и ввергнуть ее в ад кромешный.

Люди высокоблагочестивые, наоборот, перед смертью видят светлых духов, ангелов.

Магистр богословия Дьяченко в своих 4 обширных томах говорит о кончине людей так же, как и монахи. Следовательно, рассказ графа своей сестре об окружении его чудовищами — не галлюцинация, а действительность, и эти чудовища заставили его бежать из дома и искать спасения от них в святой обители.

Таким образом, пророчество Иоанново исполнилось, Бог не допустил Толстого вернуться в лоно Православной Церкви.

Почему же Господь так судил? Да потому, что Толстой был антихристом в полном смысле слова.

Святый апостол Иоанн Богослов в Первом соборном послании говорит, гл. 2, ст. 22: “Кто отвергает, что Иисус есть Христос, — это антихрист”; гл. 4, с. 3: “Всякий дух, который не исповедует Иисуса Христа, пришедшаго во плоти... это дух антихриста, о котором вы слышали, что он придет, и теперь есть уже в мире”. Во Втором соборном послании тот же апостол говорит еще более грозно, гл. 1, ст. 7: “Многие обольстители вошли в мир не исповедующие Иисуса Христа, пришедшаго во плоти: такой *человек* есть обольститель и антихрист”; ст. 10: “Кто приходит к вам и не приносит сего учения,

того не принимайте в дом и не приветствуйте его”; ст. 11: “Ибо приветствующий его участвует в злых делах его”.

В период отлучения Толстого от Церкви г-н Ярмонкин издал книжку, в которой были перечислены запрещенные дотоле к печати хуления и глумления Толстого над Господом нашим Иисусом Христом Богом-Словом Вседержителем и над Пречистой Богородицей.

Страшно повторить, но повторю, чтобы все знали, что Толстого Святейший Синод отлучил от Церкви за эти потрясающие ужасные хулы и за совращенную им массу людей.

Толстой писал, что Христос оттого и называл себя Сыном Божиим, что был незаконнорожденный, что он был нищий, которого высекли и повесили.

Я привел только это, а в книжке Ярмонкина было напечатано множество ужасных хулений, которые этот сын дьявола изрыгал.

Как жалко, что Святейший Синод не опубликовал всех или части этих хулений и глумлений, тогда бы никто не возмущался отлучением Толстого.

На севере России в водах огромного Ладожского озера (около 250 верст длины и 150 ширины) на скалистых островах расположен Валаамский монастырь. Острова эти из гранита, подобного которому нет нигде на земном шаре, и берега их в большинстве суть отвесные скалы. По мнению ученых, эти острова не что иное, как метеорные камни от какой-то развалившейся планеты, упавшие на землю.

В глубокой древности на диких островах Валаама был центр идолопоклонства и были языческие капища. Св. апостол Андрей Первозванный из Киева по водному пути “из Варяги в Греки”, т.е. по Днепру, Ловати, Ильмень-озеру, Волхову и Ладоге, приплыл на Валаам и водрузил там Крест Христов. При появлении святого апостола все капища и идолы Силою Божиею были повержены в прах и Валаам стал местом пребывания христианских проповедников и рассадником Православия. После революции Валаам отошел к Финляндии и правительство потребовало введения в монастыре нового стиля. Монахи, не пожелавшие признать новый стиль, были арестованы и увезены. Некоторые из них бежали в Югославию.

Один из них, прозорливый старец, поведал о виденном им на Валааме видении.

Однажды, когда он стоял на скалистом острове около храма, на озере поднялась страшная буря, и он увидел несущуюся по воздуху

массу бесов, впереди которой несся Лев Толстой и стремился к церкви, бесы старались преградить ему путь к церкви и наконец окружили его и увлекли с собою в пучину у самого обрыва скалы, на которой стоял храм. Старец впоследствии только узнал о смерти Толстого.

Пророчества О. Иоанна

В день блаженной кончины о. Иоанна епископ Иоанн Печерский в г. Белграде в Югославии 20 декабря 1936 г. предложил беседу об о. Иоанне, в которой поведал присутствовавшим следующее: "Двое мирян — князь Туркестанов и овдовевший капитан 2-го ранга Алексеев — под влиянием о. Иоанна поступили послушниками в Оптину пустынь. Однако, будучи по происхождению людьми великосветскими, они и в Оптиной Пустыни продолжали любить комфорт и некоторые светские развлечения, например, уносили в лес самовар и там устраивали чаепитие.

Хотя в подобных поступках и не было ничего предосудительного, но настоятелю Оптиной пустыни это не нравилось. Однажды настоятель призвал этих послушников и сказал им, что так как они люди образованные, то лучше бы было им поступить в Духовную академию и идти по ученой дороге.

Князь Туркестанов сразу согласился, капитан же 2-го ранга Алексеев сказал настоятелю, что так как он получил благословение идти в Оптину пустынь от о. Иоанна Кронштадтского, то и для выхода из нее должен предварительно испросить благословение от о. Иоанна. Настоятель с этим вполне согласился и благословил Алексеева ехать к Иоанну.

О. Иоанн благословил Алексеева поступить в Духовную академию и сказал ему пророческие слова: "Ты окончишь академию, достигнешь архиерейского сана и будешь на моей родине епископом Архангельским".

Пророчество отца Иоанна исполнилось в точности. Алексеев в 1892 г. окончил Московскую Духовную академию 46 лет и был епископом Архангельским, получив при пострижении в монашество имя Михея.

Закончив беседу, Владыка Иоанн Печерский обратил внимание присутствовавших на то, что из рассказанного случая нельзя не видеть наличие пророческого духа у о. Иоанна.

Со своей стороны, с грустью должен отметить, что после смерти о. Иоанна Владыку Михея с должности епархиального архиерея Архангельского перевели на должность епископа Сарапульского, викария Уфимской епархии, откуда он вышел на покой в ту же Оптину пустынь, где начал свою духовную жизнь.

Ни для кого не было секретом, что духовенство наше составляло замкнутую касту, которая всячески старалась оградить себя от проникновения в их среду лиц других сословий, а если таковые проникали, то старались не давать им хода.

Известно несколько таких случаев.

Будем надеяться, что в воскресшей России, после всего пережитого русским народом, этой замкнутости духовной среды больше не будет.

Одна госпожа рассказала, что когда она училась во 2-й женской гимназии в г. Варшаве, то в Варшаву приехал о. Иоанн Кронштадтский.

С вокзала он проехал прямо в собор, где ожидала его масса народу. Рассказчица пела в гимназическом церковном хоре и видела, что о. Иоанн очень быстро прошел от дверей собора к большой иконе Божией Матери и не опустился, а прямо упал на колени и, поднявши руки к Царице Небесной, воскликнул голосом, который заставил всех присутствовавших затрястись: *"Заступница усердная, Мати Господа Вышняго!"*

Быть может, пророческим взором своим в будущее о. Иоанн провидел разрушение собора и гибель России и хотел умолить Пречистую заступиться.

Отец Иоанн воскрешает умерших

Отец Иоанн в своих творениях сам скромно упоминает о воскрешении умершего. Он пишет, что был приглашен помолиться об исцелении больного ребенка, а когда приехал, ребенок уже был обмерший, но после его молитвы ребенок ожил.

Жена О-ва, вполне здоровая и видная женщина, уже имевшая троих или четверых детей, была еще раз беременна и готовилась стать матерью следующего ребенка. И вдруг что-то случилось. Женщина почувствовала себя скверно, температура поднялась до сорока, полнейшее бессилие и незнакомые ей дотоле боли нестерпимо мучили ее в течение уже многих дней. Были вызваны, разумеется, лучшие

врачи и акушерские светила Москвы, в коих, как известно, никогда не было недостатка в городе пироговских клиник.

"Не дай Бог, что творится у дяди! — сказал утром Саша Т., встретившись со мною как всегда в полковом манеже, на офицерской езде. — Лиза при смерти. Вчера был консилиум профессоров... Если сегодня не сделают какого-то кесарева сечения и не вынут из нее труп младенца — Лиза умрет. Дядя в отчаянии, мама сидит неотлучно у них, в доме — ужас и смятение..."

После окончания ежедневных занятий в полку мы с Сашей взяли первого попавшегося лихача и помчались к О. Уже по тому, как встретил нас в нижней прихожей дворецкий, было видно, что горе и ужас вместе царят в эти минуты в доме.

"Пока все по-старому... — шепотом сообщил нам старый слуга. — Барыня вся в жару и в бесчувствии... Только резать себя сегодня не дозволили... Просят сначала батюшку из Кронштадта. Послали телеграмму".

Вечером того же дня из Кронштадта пришла краткая депеша: "Выезжаю курьерским, молюсь Господу. Иоанн Сергиев".

О. Иоанн Кронштадтский уже и раньше хорошо знал семью О. и бывал у них в доме во время своих проездов через Москву. И, вызванный телеграммой, он уже на другой день около пополудня вошел в квартиру О. на Мясницкой, в которой к этому времени собралась целая толпа родственников и знакомых, покорно и благоговейно ждавших в большой гостиной, смежной с комнатой, где лежала больная.

"Где Лиза? — спросил о. Иоанн, обычной торопливой походкой входивший в гостиную. — Проводите меня к ней, а сами все оставайтесь здесь и не шумите".

О. Иоанн вошел в спальню умирающей и плотно закрыл за собою тяжелые двери. Потянулись минуты — долгие, тяжкие, сложившиеся под конец в целые полчаса. В гостиной, где собралась толпа близких, было тихо, как в могильном склепе.

И вдруг двери, ведущие в спальню, с шумом распахнулись настежь. В дверях стоял седой старик в пастырской рясе, с одетою поверх ее старенькою епитрахилью, с редкою всклокоченною седенькою бородкой, с необычным лицом, красным от пережитого молитвенного напряжения и крупными каплями пота.

И вдруг почти прогремели слова, казавшиеся страшными, грозными, исходившими из другого мира.

— Господу Богу было угодно сотворить чудо! — произнес о. Иоанн. — Было угодно сотворить чудо и воскресить умерший плод! Лиза родит мальчика...

“Ничего нельзя понять!.. — смущенно сказал кто-то из профессоров, приехавших к больной на предмет операции, спустя 2 часа после отъезда отца Иоанна в Кронштадт. — Плод жив. Ребенок шевелится, температура спала на 36,8. Я ничего, ничего не понимаю... Я утверждал и утверждаю сейчас, что плод был мертв и что уже давно началось заражение крови”.

Ничего не могли понять и другие светила науки, кареты которых то и дело подкатывали к подъезду. Тою же ночью г-жа О. благополучно и быстро разрешилась совершенно здоровым мальчиком, которого я много раз впоследствии встречал у Т. на Каретно-Садовой ул. в форме воспитанника Катковского лицея.

Евгений Вадимов.

Горе сомневающемуся

Сын мой Николай 11 лет — мальчик худощавый, но необыкновенно живой и веселый, был взят матерью моей, отправившейся на 3 месяца на южный берег Франции весною для поправления здоровья.

От матери было получено мною известие, что Кока болен с высокой температурой, врачи не определили болезни.

Я отправился в Кронштадт к отцу Иоанну и в алтаре Андреевского собора за проскомидией просил батюшку помолиться об исцелении сына.

Батюшка принял меня ласково, вынул частицу за сына и сказал мне нечто успокоительное, что именно я не помню. Через несколько дней получена была от мамы телеграмма, чтобы жена моя немедленно приехала.

В то время я наизусть знал Новый Завет и помнил Послание святого апостола Иакова, который говорит:

Гл. 1, ст. 5. “Если же у кого из вас недостает мудрости, да просит у Бога, дающего всем просто и без упреков — и дастся ему.

6. Но да просит с верою, нимало не сомневаясь, потому что сомневающийся подобен морской волне, ветром поднимаемой и развеваемой.

7. Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа.

8. Человек с двоящимися мыслями не тверд во всех путях своих.”

Помня это, я понимал, что если поеду второй раз в Кронштадт к о. Иоанну, то я буду как раз таким сомневающимся человеком, которому апостол говорит: “Да не думает такой человек получить что-нибудь от Господа”.

Однако маловерие заставило меня поехать вторично в Кронштадт к о. Иоанну, который опять совершал проскомидию. Он встретил меня сухо, но ласково, и спросил: “Вы откуда, вы из Москвы?” и на просьбу мою помолиться — промолчал.

Я был подавлен и озадачен вопросом “вы из Москвы?” Я был вполне уверен, что о. Иоанн меня хорошо знал. Я всегда надевал форменный судейский сюртук, чтобы псаломщики меня пропускали.

Сын мой умер.

Свидетельства об отце Иоанне

Иеромонах Никандр Валаамец

Мне самому лично пришлось видеть, когда я стоял в алтаре, а о. Иоанн служил соборне Св. Литургию, во время освящения Св. Даров видно было, как о. Иоанн углубился всецело во внутреннюю сердечную молитву, лицо его дивно приятно преобразилось, яркий румянец покрыл его, видно было, что он не замечал окружающих, даже замедлил возгласом. Молитва глубокая, пламенная привлекла его к Богу. Так бывало со многими святыми.

Если бы собрать все чудеса о. Иоанна, то, пожалуй, набралось бы несколько больших томов. Так дивно Господь наградил его богатством чудотворной силы.

Жил я в 1903 году в Софоньевской пустыни Курской губернии, был там параличный нищий, который не мог ходить, а лишь ползал. О. Иоанн приехал туда на освящение колокола в 1000 пудов, отлитого в честь его и с его изображением. Вот о. Иоанн и исцелил сего нищего, и я сам видел его ходящим.

Уже после войны, когда я вернулся с фронта на дорогой Валаам и ревностно взялся за подвиги иноческого жития, тогда враг навел не-

малое мне искушение: я стал терять доверие и расположение к своему старцу-руководителю, и тут мне помог дорогой о. Иоанн. Снилось мне, будто бы пришел ко мне о. Иоанн, и я с великой радостью принял его и угощал чаем, а затем достал свой дневничок и думал попросить о. Иоанна что-либо записать в него, вдруг он обращается ко мне и говорит: “Да, я знаю его, он человек хороший, ему надо верить”. Сразу же я понял, что он говорит о моем старце. Сон кончился, и я успокоился, искушение прошло. Но вот и еще раз на Валааме снилось мне, будто бы близ трапезной встретил я о. Иоанна, с радостью взял его благословение, а он дивно поучал меня, как надо хранить совесть от всякого греха, ибо она будет свидетельствовать о нас на Страшном Суде, а затем при прощании сказал: “Да я еще побуду у вас”. Проснувшись, я размышлял, что это такое он сказал “Я еще побуду у вас”? Вечером выяснилось, ибо в трапезе стали читать творения о. Иоанна.

Прошли годы великих скорбей, гонений и изгнания из родной Валаамской обители “правды ради”; до 40 человек братии, проживших там от 20 до 35 лет, были выброшены на берег суровой и угрюмой Финляндии, часть уехала в Сов. Россию, где почти все и пострадали, а часть в Богохранимую Сербию. И вот я иеродьяконом в беднейшем Мильковском монастыре. Бедно, голодно, но я спокоен и доволен. Смиренномудрый настоятель, тогда еще игумен Амвросий, объединил нас в молитве, служении и трудах. И вот снится мне там: стою я на правом клиросе и вижу в северной двери входит в алтарь о. Иоанн такой жизнерадостный, подходит к южной стороне и хочет как бы облачаться, вынул часы и показывает мне на цифру 8. Проснулся я и не знаю, что значит эта цифра 8.

За вечерней о. Амвросий зовет меня к себе на правый клирос и говорит: “Отче, давай послужим завтра”, а не моя и чреда-то была. Я сказал: “Что ж, благословите, а какой завтра праздник?” Он ответил, что завтра столетие рождения о. Иоанна. “А когда начнем?” — уже с волнением спросил я. “Да, пожалуй, в 8 часов”. Тогда я понял сон, и служил с великим умилением.

Прошли еще годы, умер о. Амвросий, подули ветры буйные, и Мильково заглохло совсем. Я устроился в чисто сербском женском монастыре: строгая дисциплина, уставное богослужение, но все-таки всегда чувствовалась оторванность, одиночество и бесправность иностранца. Как-то уж порядочно я приуныл, и вот вижу во сне о. Иоан-

на, ничего мне не говорит, а лишь показывает на столе свои рукописи. Проснувшись, я взял его книгу “Мысли христианина”, открылось “О Литургии”, и, прочитав, я сразу успокоился, умиротворился и умилился сердцем. Так дивно дорогой батюшка о. Иоанн помогал мне и утешал меня, немощного, “в минуту жизни трудную”...

И. Ястребов

В житейских невзгодах и несчастиях о. Иоанн всегда настаивал обращаться к Господу Богу с искренней верою. “Вера, — говорил он, — всему краеугольный камень”. После беседы с ним всякий уходил радостный и утешенный. По этой-то причине все так стремились к о. Иоанну.

Будучи строгим ревнителем православной веры, он проявлял неумолимую строгость в отношении лиц, открыто игнорировавших обряды Православной Церкви. В таких случаях о. Иоанн не стеснялся публично обличать подобных людей.

Однажды о. Иоанн после молебна давал присутствовавшим целовать крест. Один студент в форме к кресту не подошел, а отошел в сторону. О. Иоанн сильно взволнованным голосом во всеуслышание обратился к нему со следующими словами: “Вы кто, язычник, или магометанин, или сектант, что не считаете необходимым поцеловать Крест Господень?” Хозяин дома, желая предупредить о. Иоанна, сказал ему, что это репетитор его детей. Тогда о. Иоанн тем же взволнованным голосом сказал хозяину, что его детям не будет никакой пользы, кроме вреда, от такого репетитора, который не почитает Креста Господня, причем тут же советовал расстаться навсегда с этим репетитором и обещал со своей стороны об этом случае довести до сведения ректора Московского университета. При этом о. Иоанн так был взволнован этим инцидентом, что отказался даже пройти в столовую и откушать стакан чаю, а тотчас сел в карету и уехал. Хозяева были настолько ошеломлены этим случаем и не знали, что предпринять. Они, разумеется, тотчас отказали этому репетитору, а сами через некоторое время поехали в Кронштадт и там уже о. Иоанн их успокоил.

Из посещаемых о. Иоанном разных лиц заслуживает особого внимания Мария Павловна Дюгамель, жившая в своем особняке на Никитском бульваре, очень богатая женщина, нередко помогавшая день-

гами о. Иоанну в дни его юности, когда он, как известно, терпел большую материальную нужду. И вот в благодарность за это о. Иоанн считал Дюгамель одной из самых хороших своих знакомых и почитал долгом непременно в каждый приезд в Москву заезжать к ней — обедать. Действительно, это был во всей Москве единственный дом, где о. Иоанн хотя немного отдыхал душой и телом.

Дюгамель — вдова статского советника — хорошо образованная, начитанная и глубоко религиозная женщина старинных традиций эпохи Николая I. Единственным дорогим и всегда желанным гостем для нее был о. Иоанн. Несмотря на свой возраст (около 90 лет), она сохранила редкую ясность ума и память, отличаясь хорошим здоровьем и великолепным зрением (не знала очков). О приезде о. Иоанна она непосредственно от него дня за 2—3 получала телеграмму и ожидала его к обеду, который происходил обычно в 5—6 часов вечера. При входе к Дюгамель о. Иоанн прежде всего совершал молебен с водосвятием, после которого сейчас же садился к столу.

Стол для него всегда был рыбный, так как, за исключением бульона из куриных потрохов, ничего мясного он не ел. На особом столе обычно была приготовлена закуска из селедки, семги, отварной белуги и икры. Из вин о. Иоанн выпивал лишь 1—2 рюмки, для подкрепления, так называемого елисеевского хереса "Золотой кораблик". Вино это, ценою в то время 8 рублей за бутылку, рекомендовал ему петербургский его почитатель Елисеев как безусловно натуральное. После закуски следовал обед, состоявший из 4 блюд: горячего с пирожками, зелени, жареного — рыбного и сладкого. Из закуски любимым блюдом о. Иоанна была семга. В дни постные (среду и пятницу) обед изготовлялся на постном масле, а в дни великопостные — был исключительно грибной. Вообще он придерживался "уставной" пищи. Аппетит у о. Иоанна был весьма умеренный: 2—3 куска семги, несколько ложек супа и он был сыт, так что ко второму и третьему блюду он иногда даже не прикасался. Кроме о. Иоанна к обеденному столу приглашались С.Я.Бурхард со своей компаньонкой А.О.Горпинченко, священник церкви Ваганьковского кладбища И.Чанцев и автор настоящих воспоминаний. Во время обеда всегда велась беседа на разные темы политического и злободневного характера, причем я замечал, насколько о. Иоанн вообще интересовался всеми событиями в мире, высказывая и свой взгляд на тот или иной вопрос. По окончании обеда все направлялись в гостиную, куда

подавался кофе. Здесь о. Иоанн прежде всего приступал к чтению "Московских Ведомостей", издававшихся в то время под редакцией знаменитого В.А.Гринмута. О. Иоанн очень уважал последнего за его стойкое поддержание православия и направление газеты в духе православной веры. Тут же шла беседа на разные темы. Не знаю почему, но о. Иоанн как-то с особенным вниманием, быть может не заслуженным, относился ко мне, охотно выслушивал мои мнения, дебаты по светским вопросам и всегда почему-то оттенял характер службы по судебному ведомству (я служил тогда в этом ведомстве), указывая, что эта деятельность требует серьезной и трудной работы.

Пребывание в доме Дюгамель было особенно приятно о. Иоанну тем, что здесь его никто не беспокоил, а каждый из нас старался предоставить ему покой и отдых. И сам он это хорошо понимал и ценил настроение окружающих и потому очень любил пребывание в доме Марии Павловны (как звал он Дюгамель). Пребывание о. Иоанна в ее доме продолжалось не более 2 часов.

М.П.Дюгамель скончалась 10 сентября 1907 г. на 94-м году жизни. И замечательно: день ее смерти совпал с временем проезда через Москву о. Иоанна, возвращавшегося тогда из поездки в Астрахань. Узнав о кончине Марии Павловны, о. Иоанн тотчас приехал поклониться ее праху и отслужил по ней парастас (заупокойную всенощную).

Мне неоднократно приходилось быть очевидцем изгнания "бесов" по молитвам о. Иоанна. Далее, по его молитвам, у престарелой глухой няни, служившей у одной княгини, восстановился слух. Что касается его прозорливости, то у меня запечатлелся нижеследующий случай.

О. Иоанн ежегодно посещал благочестивую семью Энгель. В той комнате, где обычно о. Иоанн служил молебен, стоял орган с крупной надписью латинскими золотыми буквами: "Soli Dei gloria", что в переводе на русский язык значит: "Одному Богу слава". Никогда раньше о. Иоанн во время посещения Энгель не обращал внимания на этот инструмент. В одно из таких посещений Энгель пригласил к себе на квартиру своего начальника Г., который никогда ранее не видел о. Иоанна и очень желал принять его благословение. Г., придя к Энгель, прошел в гостиную и, в ожидании с другими гостями, между прочим обратил внимание на орган и вышеупомянутую латинскую надпись на нем, причем добавил, что, наверно, о. Иоанн при всей сво-

ей начитанности не поймет смысла этой надписи. Никто из нас не обратил внимания на это замечание Г. Вскоре приехал о. Иоанн. Всегдашней быстрой походкой прошел он в гостиную и, быстро подойдя к органу, вслух прочел слова "Soli Dei gloria", перевел на русский язык: "Одному Богу слава" и, быстро же повернувшись к г. Г., поздоровался с ним первым. Мы, все присутствовавшие, прямо оцепенели при этом. Сам Г. очень растерялся и, сильно сконфуженный, начал целовать руку о. Иоанна.

О. Иоанн всегда очень ценил и понимал тех лиц, которые и к нему питали особое сердечное уважение и любовь.

Лично для себя о. Иоанн не жил, и вся его жизнь, даже по мимолетным наблюдениям ее, была сплошным подвигом, особенно редким в наш век грубого эгоизма и материализма.

Нужно твердо верить и помнить, что о. Иоанн остался прежним, только незримым для нас, заступником и молитвенником перед Богом там, за рубежом его земной жизни.

Во время одной остановки нашей семьи в кронштадтском Доме трудолюбия я сообщила батюшке, что моя бедная мама очень болеет глазами от постоянного чтения Священного Писания при свете восковой свечи по ночам. Батюшка немедленно почерпнул своею рукою освященной воды из чаши и, брызнув, обтер матери глаза. Потом до самой смерти мать никогда больше не страдала глазами и прекрасно видела.

Кто-то спросил о. Иоанна Кронштадтского, можно ли придавать значение тем снам, где он фигурирует. Он ответил: если я приснюсь с крестом на груди, то это я, а если без креста, то это вражьи штуки.

Одна старушка, проживавшая у нас, сильно заболела, и доктора отказались ее лечить. О. Иоанн приснился ей, благословил ее, и старушка осталась жива. Значит, и на расстоянии и во сне он может утешать, помогать и исцелять.

О. Иоанн был у кого-то в Петербурге. В том же доме жил старик, разбитый параличом. Проходя мимо его квартиры, о. Иоанн вдруг туда вошел и прошел к больному, которого благословил и стал утешать. После этого рука больного, бывшая без всякого движения, стала понемногу двигаться.

Учащаяся молодежь в Кронштадте хорошо была осведомлена о подвижническом священнослужении о. Иоанна Сергиева. Вечерние

службы его в Андреевском соборе привлекали особенное внимание воспитанников Морского инженерного училища, называвшегося тогда Техническим училищем Мор. вед. По окончании его я был выпущен во 2-й Флотский Ее Величества экипаж.

Комната, в которой я жил, окнами выходила на улицу, где находился Дом трудолюбия, в коем помещалась просторная домовая церковь.

Как-то утром рано я был разбужен шумом народа, запрудившего всю улицу у Дома трудолюбия. С невероятным трудом я мог проникнуть в церковь, когда о. Иоанн с амвона взывал к народу помолиться вместе о несчастном слепце, поникше стоявшем перед Царскими вратами: "Вот слепой... он лютеранин... брат наш во Христе... помолимтесь все вместе за него..." В таком духе призывал всех батюшка. Начались моления всех с такой силой, что невозможно было не только расслышать, но и разобраться в общем смятении — что именно произошло?.. Затем, среди возгласов "прозрел, прозрел", — невидимое течение несло меня вниз к паперти... на улицу, где я только мог очнуться и прийти в себя от ошеломившей всех радости.

Генерал Ельшин

Протоиерей Иоанн Левицкий

В 1916 году в Кронштадте меня пригласили напутствовать Св. Тайнами болящую даму. Увидев на левой руке ее сильный шрам наискось верхней стороны кисти, я удивленно полюбопытствовал:

— Что это у вас было?

— Это дорогой батюшка исцелил мою разрубленную руку, — ответила спрошенная.

— Да как же и в чем дело было? — снова спросил я.

— А вот, за 2 месяца до смерти однажды батюшка за ранней обедней объявил, что кронштадтских никого не будет приобщать, а только приезжих. Я собиралась ехать на родину домой и с досадой подумала: "А я все равно причащусь, и другой — такой же священник, как и ты". И с этой мыслью пошла в Морской собор и причастилась. Придя домой, я взяла полено и топор, чтобы приготовить щепки. Как махнула топором, так прямо по верху левой кисти руки, которую глубоко разрубила. В больнице при перевязке мне сказали, что может

быть заражение, что разрублены жилы и потому завтра необходимо отрезать кисть левой руки. Я чувствовала, что наказана за мысленный укор батюшке, и смирилась. На следующий день родные мне советуют попросить молитв о. Иоанна, и Бог исцелит. Я долго не решалась, но наконец пошла на раннюю обедню в Андреевский собор, где служил всегда батюшка о. Иоанн.

Полон, как всегда, собор народа, не пробиться. Староста и полицмейстер отказались провести меня к алтарю за недоступностью. Вдруг раздался голос батюшки:

— Пропустите сюда женщину с больною рукой.

А руки-то моей он не видал — она была под ротондой, и повязка скрыта была. Я вынула руку с повязкой и моментально толпа раздвинулась; я свободно прошла к амвону, с которого батюшка причащал народ. Когда я подошла, он, взяв частицу Св. Таин из Чаши, сказал:

— Ну, приими.

Я в трепете причастилась. После причащения меня батюшка ушел в алтарь. Сейчас из алтаря вышел псаломщик, сказавший мне:

— Идите на двор к алтарной двери, батюшка вас благословит.

Я сейчас же вышла. Как только вышел батюшка, сейчас схватил меня за повязанную руку, да так больно, что я вскрикнула.

— Что это у тебя?

— Батюшка, я разрубила...

— Христос исцелит тебя.

Потом взял в руки свой наперсный крест и сказал:

— Вот этот Христос, который за нас умер и воскрес, тебя исцеляет, иди и усни.

Я пошла и уснула. Меня разбудили в 12 часов дня, чтобы идти в больницу на отнятие руки.

Я почувствовала, что опухоль прошла и боли в руке уже нет.

Когда в больнице развязали руку, то так и ахнули:

— Да кто это вам так сделал? Ведь рука-то будто месяц как зажила.

Я ответила:

— Дорогой батюшка меня исцелил.

Восемь человек медицинского персонала в больнице соглашались подписать корреспонденцию в газету, что явное чудо совершил о. Иоанн. Я спросила батюшку, можно ли написать. Батюшка ответил:

— Не надо.

10 Зак. 3001

Я потому с особым удовольствием сообщаю об этом чуде, еще не обнародованном.

У меня, лично молившегося с о. Иоанном, всегда в душе живет чувство глубокого благоговения и благодарности к этому великому праведнику — Солнцу земли Русской.

Паралич левой руки моей матери исцелен по телеграмме к о.Иоанну. Священство я получил по молитве и предсказанию о. Иоанна. Мое семейство и я более чем благополучно устроились во время беженства благодаря панихиде, отслуженной по о. Иоанну с этой целью после предписания властей об эвакуации. Дочь моя в беженстве получила лучшее место учительницы в Кронштадте, когда я обратился к нему, как к живому: принять ее под свое крылышко. Место с квартирой получила в Доме трудолюбия, построенном самим о. Иоанном, где и церковь домовая.

В заключение исповедую свою веру, что о. Иоанн — это второй Николай Чудотворец — Российский. О России он сказал в Стрельне, что “ощиплют ее, как курицу, но потом она поправится”.

Можно целую книгу составить описанием необнародованных чудес, совершенных при жизни и после смерти о. Иоанном…

Митрополит Вениамин (Федченков)

О чудесах

О чудесах его знали по всей России. Одна мать привела своего сына, страдавшего глазами. Она попросила меня провести их к отцу Иоанну. Батюшка принял их со мною. Мать рассказала ему о десятилетнем сыне. Отец Иоанн взял его, поставил между своих колен и начал, молясь внутренне, гладить по закрытым его глазам своими большими перстами. После, как говорила мать, сын никогда не жаловался на свои глаза.

Другой случай произошел в Париже в 1933 году, 2 апреля. В одно воскресенье назначено было совершить крещение взрослой еврейки. Она выразила желание, чтобы это было сделано после Литургии в пустом храме... Ушли все. Осталось лишь духовенство да восприемники. Кроме них я вижу еще двух женщин среднего возраста. “Вероятно, — думаю, — это знакомые крещаемой”. На всякий случай подхожу к ним и спрашиваю, не знакомые ли они этой женщины?

— Какой?

— А вот которую мы будем крестить сейчас.

— Мы даже и не знали об этом.

— Почему же вы остались?

— У нас есть свое дело к вам.

— Ну, в таком случае подождите до конца крещения.

Перекрестили. Назвали Евфросинией. Одели ее. Увели. Я подошел к двум женщинам. И вот что они сообщили. Одна из них была жена казачьего генерала О. А другая — жена полковника, фамилию ее теперь забыл. А она в эту ночь видела необычайный сон.

— Я прежде была верующей, когда училась в гимназии. А потом — высшие курсы, товарищество: я сделалась “неверующей” без особых оснований, так себе! Потом — замужество, революция, эвакуация: не до веры. И я просто перестала интересоваться всем этим. И не мучилась. Но вот ныне вижу сон. Является ко мне какой-то священник с золотым крестом на груди, а рядом с ним старичок, весь в белом. Священник грозно говорит:

— Я — отец Иоанн Кронштадтский, а это — отец Серафим Саровский.

Затем он строго сказал мне:

— Ты совсем забыла Бога. Это — грешно! Воротись к вере опять. Иначе тебе будет плохо! — и они исчезли. Я проснулась. Утром побежала вот к моей знакомой генеральше О. А она — верующая. И показала мне иконочку Серафима, а потом нашла и картинку отца Иоанна. Я их именно и видала во сне. Мы теперь просим вас прийти ко мне в квартиру и отслужить там молебен.

Я взял певца, бр. Г., и тотчас же исполнил их просьбу.

Кроме этих случаев, я слышал десятки подобных рассказов об отце Иоанне, но забыл их, а записать в свое время — не записал. Давно пришлось слышать рассказ, записанный самим отцом Иоанном в дневнике. Как известно, он возвращался из Санкт-Петербурга в Кронштадт поздно: иногда чуть не к полуночи. После молитв ложился спать.

— Если ты хорошо помолишься, — советовал он в дневнике, — то выгадаешь два-три часа хорошего сна.

Утром, не позже трех часов, он уже вставал, чтобы прочитать утреннее правило к причащению. Книжка эта — как и вообще все в небольшой квартирке его — была всегда в определенном месте. Но на этот раз она точно пропала куда.

— Долго я искал ее напрасно. И вдруг я заметил, что за все это время совсем забыл о Боге. И, остановившись, сказал в себе: “Господи! Прости меня, что я из-за твари позабыл о Тебе, Творце!” И тотчас книжка нашлась.

Больше и не буду выискивать в памяти моей чудес. Чудеса ведь совсем не главное свидетельство о высоте или святости человека. Апостол Павел говорит Коринфянам, что если я и чудеса творю, а любви не имею, — то я ничто. Так мне можно сказать: чудеса без святости — тоже ничто. Самое главное чудо — это был сам отец Иоанн! Пройти такую жизнь, благодетельствовать своими молитвами, жить непрестанно в Боге — это высшее чудо!

И притом как прожить! Будучи в Париже, я однажды посетил русскую библиотеку в католическом монастыре. И там попался мне дневник отца Иоанна. Начав читать его, я скоро наткнулся на запись его под новый 1898 год. Он пишет благодарения Богу за многое. А в конце написал слова, способные потрясти кого угодно: он благодарит Бога за непорочное житие свое!!! “За непорочное житие!”

“Боже, Боже! Кто из нас мог бы дерзнуть даже не только сказать, но и подумать подобные слова?! Буквально — никто. А он изрек и записал навеки... Сколько же ему тогда было лет? Уже семьдесят!.. Вот это — чудо! Дожить до старости в “непорочности”.

Чудо и его богослужение, особенно ежедневные Литургии. Дело даже не в том лишь, что он служил их ежедневно, а в том, что он возрос духовно до этой церковной высоты — до Литургии. Литургия есть вершина и средоточие всего христианства, Литургия есть полнота и завершение всех прочих богослужений. И если кто дошел до этой вершины и жил ею (а не служил только), тот, значит, дошел до вершины церковной жизни! Вот это еще более высокое чудо! Человек не только сохранился от грехов, но и дошел до высоты небесной, ибо отец Иоанн считал и называл Литургию “Небом на земле”.

И если бы мы не знали ничего больше об отце Иоанне, как лишь об этой высоте его Литургического богослужения, и тогда мы могли бы сказать о нем:

“Это был святой служитель Церкви Божией!”

...Вот я и записал, что помнил о нем. Как ни описывай, все же это не может дать о нем такого впечатления, как живые, подлинные слова самого батюшки...

Подвиг преподобничества

Не чудеса составляют самое высокое достоинство угодников Божиих, а их святая жизнь; чудеса же являются результатом и знамением — да и то не всегда, и обязательно — их святости. Поэтому и в отце Иоанне нас должно больше привлекать и удивлять его внутреннее совершенство, его духовные подвиги, или иначе: его святая жизнь. В этом — главное величие святых людей. Да и во всяком вообще христианине важно больше всего его внутреннее состояние.

Об этом говорит нам Евангелие. Когда ученики Христовы возвратились с проповеди, то "...с радостью и говорили: Господи! и бесы повинуются нам о имени Твоем" (Лк. 10, 17). Что же Господь? Он не порадовался с ними, а, наоборот, умерил их радость: "...тому не радуйтесь, что духи вам повинуются, но радуйтесь тому, что имена ваши написаны на небесах" (20), — то есть что они "записаны" в Книге жизни небесной как граждане Царства Небесного, или как спасенные. Слово "записаны" взято из земных порядков: граждане приписаны к какому-либо государству, городу, месту; и чем славнее это государство, тем славнее подданство гражданина. Во времена Спасителя и апостолов было почетным, важным и ценным иметь право "римского гражданина" (Деян. 22, 25—29). Но для верующего человека ценнее всего иметь право небесного гражданина. А если важно иметь и "власть наступать" на всю силу вражию (Лк. 10, 19), то опять лишь с той стороны, что это было свидетельством поражения сатаны, бывшего доселе "князем мира сего" (Ин. 12, 31): а теперь он "осужден" (16, 11) и "изгнан будет вон" (12, 31) и "из мира сего", как он был низвергнут прежде и "с неба". Потому Господь на слова учеников о власти их над демонами и сказал им: "...Я видел сатану, спадшего с неба, как молнию..." (Лк. 10, 18), после его духовного падения Господь низверг его. А теперь и люди — ученики — попирают бесов, впрочем, не своею силою, а "о имени" Христовом.

И тем не менее не об этом радуется Господь за Своих учеников, а о том, что им Отец Небесный открыл Сына Своего и дал веру в Него; а теперь, после чудес и над бесами, эта вера усилилась у них. Этому бы и нужно им радоваться, а не чудесам над бесами. Но ученики, как "младенцы", не оценили еще этого главного дара, данного им. А Спаситель "возрадовался" за них и вместо их благодарит Отца Своего именно за то, что Он определил их к Небесному Царству через Него,

Сына Своего. И в этом заключается их главное счастье, "блаженство". Потому, "обратившись к ученикам, сказал им особо" (не ко всем обратился, ибо иудеи еще не уверовали в него, а лишь к ученикам): "...Блаженны очи, видящие то, что вы видите!" (Лк. 10, 21—23), то есть Христа, Спасителя мира, с Которым они имеют общение теперь и будут иметь в Царстве Небесном. Вот это важно, а не чудеса. "Многие, — говорил Господь в Нагорной проповеди, — скажут Мне в тот день (суда): Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили? И тогда объявлю им: Я никогда не знал вас (как Своих); отойдите от Меня, делающие беззаконие" (Мф. 7, 22—23).

Поэтому святые люди старались скрывать чудесные события из своей жизни. Например, апостол Павел, когда против него восстали враги в Коринфе, защищая себя от них, говорил о скорбях своих и "хвалился своими немощами" (2 Кор. 11 и 12 главы). И только в заключение защиты вспомнил и о чудесах, да и то — против воли: "Не полезно хвалиться мне, ибо я приду к видениям и откровениям Господним" (12, 1). И рассказывает о восхищении своем "до третьего неба" в рай (4). "Но я удерживаюсь" от этих рассказов, "чтобы я не превозносился чрезвычайностью откровений"... Четырнадцать лет молчал он о своем видении (ст. 2). И лишь теперь, вынужденный нападками, сообщает Коринфянам о великом чуде откровения ему. Не этому радуется апостол Павел, а о другом: "Мы радуемся, когда мы немощны" (13, 9), то есть в искушениях, скорбях, в обидах, в нуждах, в гонениях, в притеснениях за Христа (2 Кор. 12, 10). Радуемся, когда "вы сильны" духовно; "о сем-то и молимся, о вашем совершенстве" (13, 9), а не о чудесах, — о чем он даже не упоминает им.

Таково воззрение слова Божия на значение чудес: не столько они важны, сколько спасение, совершенство, святость.

Здесь уместно мне вспомнить о словах святого Антония Великого. Еще в студенческие годы мне пришлось вычитать из "Отечника", собранного епископом-подвижником Игнатием (Брянчаниновым), следующее. Однажды собрались святые старцы к Антонию. И он задал им вопрос, до какой степени достигли они, подвизаясь долгое время? Один ответил, что он дошел до высот молитвы. Другой, что он удостаивается видеть Ангелов. Третий, что он творит чудеса. Потом спросили его слова. Он ответил:

— Истинно говорю вам, братия: не великое дело творить чудеса, не великое дело и видеть Ангелов. Великое дело видеть собственные грехи.

Признаюсь, что я тогда даже не поверил правдивости этих слов. Я заподозрил, что святой отец сказал так для того, чтобы из педагогических целей направить нас на путь смирения и на подвиг покаяния; а что на самом деле чудеса и видение Ангелов несравнимо выше зрения наших грехов.

Но впоследствии я понял, что в словах святого Антония — истинная правда. Действительно, для нашего спасения и совершенствования ни чудеса, ни видения не имеют такого значения, как зрение нашей греховности, ибо чудеса для нас — внешнее дело, а самозрение — внутреннее; чудеса не делают нас обязательно лучше, а зрение грехов непременно побуждает нас к внутренней, органической работе над собою; чудеса — дело не наше, а Божие, а борьба с грехом — наш прямой подвиг и путь к спасению.

Такой взгляд на чудеса и спасение есть воззрение вообще нашей Православной Церкви и, в частности, святых отцов. Они видят в чудесах духовную опасность славы и гордости даже для святых людей.

"Если некоторые из святых, — пишет епископ Игнатий в своих творениях, — приняли дарования, то приняли по требованию нужды или по причине (духовной) простоты своей; другие приняли по указанию Божественного Духа, действовавшего в них, а отнюдь не случайно, без причины". Но и при всем этом "истинные праведники постоянно помышляют, что они недостойны Бога. Тем, что они признают себя окаянными, свидетельствуется их истина".

Эти слова взяты епископом Игнатием из творений великого подвижника, святого Исаака Сирина. И дальше епископ Игнатий говорит: "После этого делается ясным, почему великие отцы — Сисой, Пимен и другие, — имея обильный дар исцелений, старались скрывать его".

А другим при этом даре посылались искушения и скорби, чтобы предохранить их от превозношения. Говорит преподобный Исаак Сирский: "Дарование без искушений — погибель для приемлющих его. Если твое делание благоугодно Богу и Он даст тебе дарование, то умоли Его дать тебе и разум: каким образом смириться тебе при даровании; потому что не все могут сохранить богатство безвредно для себя".

“Священное Писание, — пишет епископ Игнатий, — на всем пространстве своем свидетельствует, что Бог посылает различные скорби, а между ними и телесные недуги тем человекам, которых Он возлюбил. Священное Писание утверждает, что все без исключения святые Божии совершили земное странствие по пути узкому и тернистому, исполненному разнообразных скорбей и лишений”. “Без них невозможно стяжать душевной крепости”, — сказал святой Исаак. От искушений приходит человек в смирение; а “видение своего ничтожества и своей немощи”, а вместе с этим и “видение Бога”, Его величества, всемогущества и бесконечной благости возбуждает душу устремляться с молитвою к Богу. Вся надежда такой души сосредоточена в Боге”.

“Святые, все без исключения, несмотря на то, что раскрыли в себе вечную жизнь еще во время этой временной жизни, подвергались многим и тяжким скорбям и искушениям”, — говорит епископ Игнатий. Для чего же это? “Разрешается этот вопрос, по наставлению Священного Писания и святых отцов, следующим образом. Хотя греховность и побеждена в праведных человеках... присутствием в них Святого Духа, но им не предоставлена неизменяемость в добре на всем протяжении земного странствования; не отнята и у них свобода в избрании добра и зла, — как учит преподобный Макарий Великий. — Неизменяемость в добре — принадлежность будущего века. Земная жизнь до последнего часа ее — поприще подвигов произвольных и невольных...”

“Доколе христианин, хотя бы он был сосудом Святаго Духа, странствует на земле... греховность может снова объять душу и тело... — Самое чистое естество человеческое имеет в себе нечто гордое, — замечает преп. Макарий Великий. — Путь земной жизни для всех святых был путем многотрудным, тернистым”.

Были примеры, когда чудотворцы сами просили Бога отнять у них этот дар: “Некоторый из святых отцов, по причине чистоты своей, получил от благодати Божией дар провидеть приходивших к нему; но он просил у Бога, умолив и друзей своих молиться о том же, чтобы этот дар был взят от него”.

Но есть иные “невидимые благодатные дары, несравненно высшие видимых, как, например, дар — руководить души ко спасению и врачевать их от страстей”. Эти дары часто “не принимаются и не примечаются миром”, а между тем они полезнее чудес.

Все это я предпосылаю в начале главы о преподобническом подвиге, или — иначе сказать — о святости отца Иоанна, для того, чтобы правильно понять дальнейшее описание великого целожизненного подвига отца Иоанна.

Иные думают, что святые — это безгрешные люди, и потому, когда приходится слышать об искушениях их от диавола или от собственных грехов, то это простым, неопытным судьям представляется и непонятным, и недопустимым во святых. А на самом деле, как мы видели, им приходится испытывать особенно сильную борьбу от диавола и от собственных страстей и искушений. И это имеет весьма важное значение для них, да и вообще для всякого христианина: через это человек и смиряется; и начинает сильнее подвизаться; при этом опытно усматривает и нападение врагов, и явную нужду в помощи Божией; через это укрепляется вера и надежда на Бога; и постепенно, при великих трудах и духовной борьбе, подвижник достигает мало-помалу спасения, очищения, бесстрастия, освящения, святости — насколько это вместимо человеку.

Вот это подвижничество, когда всматриваешься в жизнь отца Иоанна, и поражает нас больше всего, значительно более, чем даже чудеса. И в самом деле: чудеса обычно занимают короткое время, а подвиг спасения — всю долгую жизнь; чудеса могут сопровождаться победным восторгом, а внутренняя борьба сопряжена с крестоносными скорбями, мукою: ее правильно именуют иногда добровольным мученичеством, а самый результат подвига — приобретение благодати Святаго Духа, или святости, — есть величайший дар Божий, конец и цель всей жизни христианской; наконец, самые чудеса, как много раз говорилось, есть уже плод и знамение святости.

И потому нам следует дивиться во святых больше всего их святому подвигу.

Вот это и мне, недостойному, далось ощутить явственно, когда пришлось служить впервые с отцом Иоанном Литургию: еще раз повторю об этом. Когда началась служба, то я, стоя на левой стороне и взглянув на него без всяких помыслов, вдруг узрел его духовную высоту и величие, что сформулировалось у меня в таких словах:

— Боже! Какой он гигант духовный!

Почему уж пришло мне это слово “гигант”, не знаю. Не знаю также и не понимаю доселе: каким именно образом я постиг, узрел, ощутил это? Ведь ничего внешнего я не увидел, — например, ни света,

как это бывает иногда вокруг глав святых; ни благодатного огня, окружающего их; ни иного чего-то особенного; но ощущение великого духовного состояния его было явственно. Впрочем, и все другие душевные свойства мы воспринимаем неким внутренним способом; например, добросердечный человек производит на нас отрадное, приятное впечатление; а злой — мучительное. Отец Иоанн произвел впечатление высокой святости и силы.

Правда, я опасаюсь теперь особенно верить своим чувствам, но факт огромного впечатления от него на меня был и остается несомненным. Мне даже стало тогда страшно стоять возле него! Таково было непосредственное действие от духа отца Иоанна. И если оно — истинное, то есть было от Бога, то я и тогда, и теперь воспринимаю его как действие святости, сущей в нем; подобно тому, как веяние благодати Божией в апостолах действовало и на соприкасавшихся с ними. "...Мы Христово благоухание Богу в спасаемых..." — говорит апостол Павел (2 Кор. 2, 15). От первых христиан и Апостолов "был страх на всякой душе", — говорится в книге Деяний (2, 43). "Из посторонних же никто не смел пристать к ним, а народ прославлял их" (5, 13).

Вероятно, и там тогда ощущалось "посторонними" некое особенное духовное впечатление от христиан. Подобным образом и от отца Иоанна исходило на людей благодатное непосредственное действие жившей в нем особой силы Божией: без чудес, без слов, без усилий со стороны их Дух Божий, как благоухание, шел от него на людей.

И думается мне, что церковный народ, это "тело Христово", непосредственно духовным ощущением воспринимает дух святости во святых людях, прежде чем обнаружится он в знамениях; почитает их, прежде чем совершится церковная канонизация их. Так было с преподобным Серафимом Саровским; так — и со многими местночтимыми святыми, которых народ церковный прославлял и которым молился задолго до официального прославления их по смерти, и чтил и стремился к ним еще и при жизни их.

Это было и с отцом Иоанном.

Но достиг этого он великими и беспрерывными подвигами всей жизни. Этим подвигам и дивишься в нем, когда читаешь его дневники; заранее можно сказать, что если бы мы не знали никаких чудес его, то он одним своим подвижничеством возбуждал бы и возбуждает удивление, благоговение в нас. И как-то само собою в душе явля-

ется ощущение святости его. Так, давно почувствовал в нем святого русский православный народ. А потом усмотрели в нем ту же святость и собратия священники, и архиереи, и писатели, и ученые, и миряне-интеллигенты...

Вот несколько свидетельств таких признаний.

В день юбилея пятидесятилетия священства его, 12 декабря 1905 года, среди многих речей было и приветствие от "Общества распространения религиозно-нравственного просвещения". Выдающийся талантливый проповедник, протоиерей отец Философ Орнатский, говорит прежде всего именно о святости отца Иоанна: "История духовной жизни народов созидается... исключительными личностями, сознательными носителями и яркими выразителями идей, около которых, как около знамен, собираются массы.

Не может быть сомнения в том, что к таким историческим личностям беспристрастный суд потомства отнесет и вас; ибо и теперь народ уже видит в вас личность исключительную и произносит имя ваше с благоговением... Какое же слово написано на том знамени, с которым пастырствуете вы, наш достойнейший и любимый представитель, живой образец современного пастырства, имя которого стало собственным именем "Батюшки", пастыря "Всероссийского"?

На этом знамени написано одно слово: "святость". И оно-то собрало около вас миллионы народа русского, православного, носящего идеал святости в тайниках души своей; всегда готового поклониться тому, в ком он видит воплощение этого идеала.

Ваша пятидесятилетняя пастырская деятельность была воистину непрерывным подвигом, служением спасению других...

Нужно бы добавить вначале: подвигом собственного спасения и совершенства. Пастыреначальник Христос явил вас "избранным сосудом" благодати (Деян. 9, 15). Ваша крепкая и сильная вера, пламенная... молитва, неисчислимые, беспримерные в наши дни дела милосердия и любви — вот всем ведомые плоды этой живущей в вас благодати и яркое проявление вашего служения идеалу святости.

Верующая Россия видит это и стремится войти с вами в общение".

Подобное же говорил в 40-й день по кончине отца Иоанна и другой проповедник, член того же "Общества..." протоиерей Павел Лахостский: "О. Иоанн был родным, своим всякой православно верующей душе; и потому-то эта душа так рвалась к нему.

Как ни обременен народ наш грехами.., но и в лице этих грешников сознает, что это не настоящая его жизнь, что это грех, беззаконие, отступление от Бога...

Стремясь со всех концов России к отцу Иоанну, народная душа как бы говорила ему: я — грешная, окаянная, погрязла в суете и пороке, но я не так хочу жить; я тоскую по иной жизни, по той, которой ты учишь и словом, и — главное — примером; и потому я благоговейно преклоняюсь пред тобой... Дай же мне частичку, искорку этой силы и этой жизни...

И отец Иоанн, по данной ему благодати, щедро раздавал всем от обильного источника духовной жизни, которая была в нем".

Да! Отец Иоанн был "представителем и ярким выразителем святости". "Этим именно и объясняется то несравнимое обаяние его в русском народе, какого не имел и не имеет за последнее полустолетие никто другой".

А вот и третий свидетель, тоже священнослужитель: все они лично знали отца Иоанна.

"Без какого-либо предварительного уговора или намерения, — мы видим, — сам собою совершается и произносится общий приговор над жизнью подвижника, сиявшего праведностью".

Дальше проповедник перечисляет разные виды подвигов: подвижников науки, благотворительности, семьи, общественных деятелей, храбрых воинов, патриотов.

"И все-таки есть подвиг — превыше всех перечисленных подвигов и заслуг человеческих; тот целожизненный подвиг, который приял и совершил батюшка отец Иоанн: это подвиг праведности, столь любезный русскому сердцу народному".

В отце Иоанне сочетались многие из этих подвигов. Но "подвиг праведности... все прочие подвиги поднимает, осмысливает, освящает... Только праведность... дает ту цельность и гармонию духа и жизни, которые так поражают в христианских святых. Более 50 лет на свещнице горел пред миром светом праведности и молитвы покойный батюшка отец Иоанн" (прот. И.Восторгов).

Архиепископ Антоний произносит большую проповедь в Санкт-Петербурге, где сравнивает отца Иоанна с другими праведниками мира: "Что всех влекло к нему? Что особенно привлекательного было в его душе и благочестии? Эти вопросы естественно возникают при мысли о той исключительной знаменитости и славе отца Иоанна при

жизни, какой не удостаивались другие праведные люди, подвизавшиеся в последние времена и — пожалуй — во времена древнейшие”.

И далее оратор сравнивает отца Иоанна с Николаем Чудотворцем. Но сравнивает не по множеству чудес, а по благодатному подвигу отца Иоанна: “Ему всегда был присущ дух радостного прославления Бога... Он больше радовался, чем скорбел: он, видимо, в молодости еще отмолил свои грехи; и в нем постоянно ликовала эта благодатная духовная победа над грехом, диаволом и миром. Видеть такого человека, слышать сего облагодатствованного христианина, молиться с этим великим пастырем Церкви Христовой составляло великое духовное наслаждение для русского народа. Отец Иоанн проходил в своей жизни пред нами как носитель веры побеждающей, торжествующей.

Вот почему люди так неудержимо тянулись к нему, так жаждали его. Каждый из них как бы так говорил себе: “Пусть я немощен и весь во грехах; но вот есть в мире праведник, который препобеждает нашу греховную природу, есть такая душа христианская, которая все победила и получила благодатную силу великого молитвенного дерзновения, которая только и торжествует о красоте Сладчайшего Иисуса”.

В словах этого оратора есть сомнительные мысли, будто отец Иоанн “в молодости отмолил грехи”, что он больше радовался, что “от него не было слышно покаянных воплей”: далее увидим, что это все очень преувеличено. Но что он был праведник, и именно больше торжествующего, победного духа, это — истинно.

В заключение повторим свидетельства высшей церковной власти, Святейшего Синода, об отце Иоанне и о почитании его: “В его лице угас яркий светильник Церкви... Весь русский православный народ чтил отца Иоанна как праведника, верил в его молитвы и предстательства пред Богом”.

Наконец, в своих письмах дает свое свидетельство о нем почти современный ему другой подвижник, епископ-затворник Феофан Вышенский. Примечательно, что сначала он с сомнением относился к о. Иоанну, так как совершенно исключительный пример подвижничества в миру, в суете, среди множества людей казался епископу Феофану подозрительным, небывалым, опасным. Потом начались и чудеса, и это заставляло епископа Феофана быть осторожным. Но

постепенно он изменил свое мнение, и на вопросы переписывавшихся с ним лиц стал свидетельствовать, что отец Иоанн — "воистину муж Божий", "избранный сосуд Божией благодати"; иначе и проще сказать: святой.

Целый "облак" этих свидетельств и общее почитание отца Иоанна именно как праведника настолько укоренились уже в сознании массы православного церковного народа, что в наши времена мы чтим его как святого и называем этим именем.

"Святость!" — в нашем обычном понимании это слово имеет чрезвычайно высокий смысл: святой — это уже совершенный, то есть безгрешный, человек. И обыкновенно этим именем мы называем прославленных уже Церковью или канонизированных ею в этом качестве "святых" людей. Поэтому к обычным христианам, даже к лучшим из них, мы не прилагаем иного имени, а называем их "благочестивыми" или "богоугодными", в лучшем случае называем "людьми праведной жизни", но даже не "праведниками": это слово у нас понимается уже почти как и слово "святой".

И такая осторожность в наименованиях похвальна: человек святой, или праведный, — это люди крайне редкие, исключительные, особенные, выделяющиеся по благочестивой жизни. Поэтому и мне, при написании данных строк, сначала было затруднительно поставить такой заголовок здесь и применить слово "святой" даже к отцу Иоанну казалось выше моих прав. Вследствие этой душевной боязни я и озаглавил весь этот параграф иначе: "Подвиг преподобничества", это слово более умеренное, осторожное.

Но, как мы видели, не только отдельные проповедники уже прямо говорили еще при жизни отца Иоанна о его "святости", но и высшая наша церковная власть назвала его "праведником".

Затем, чем более я вчитывался в его сочинения и всматривался в его духовный лик, я все более и более устанавливался в убеждении, что отец Иоанн действительно отвечал требованиям святого человека, как это мы и увидим далее.

Но еще более дает нам право называть его этим именем само слово Божие, а также и сочинения отца Иоанна.

В пасхальном Евангелии говорится, что "тем, которые приняли" воплотившегося Бога-Слова, "верующим во имя Его", Он "дал власть быть чадами Божиими, которые... от Бога родились" (Ин. 1, 12—13). Быть "чадами Божиими" не меньшее достоинство, чем быть святыми.

Апостол Петр пишет всем христианам, “рассеянным” по миру: “Не сообразуйтесь с прежними похотями, бывшими в неведении вашем, но, по примеру призвавшего вас Святаго (Бога), и сами будьте святы во всех поступках. Ибо написано: будьте святы, потому что Я — свят” (1 Пет. 1, 14—16). А этому учил Петра Сам Учитель, Господь Иисус Христос: “Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный” (Мф. 5, 48). Это сказано для всех, а не для исключительных лишь людей. Также и апостол Павел пишет: “...Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии... Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы — дети Божии” (Рим. 8, 14, 16). И под “мы” разумелись вообще истинные христиане. Поэтому в своих посланиях он нередко называет их святыми. Например, в том же Послании пишет: “...Я иду в Иерусалим, чтобы послужить святым, ибо Македония и Ахаия усердствуют некоторым подаянием для бедных между святыми (т.е. христианами) в Иерусалиме” (15, 25, 26).

Также называет христиан вообще святыми в Первом послании к Коринфянам (16, 1) и во Втором (1, 1). В конце этого Послания шлет привет от одних христиан к другим: “Приветствуют вас все святые” (13, 12). Иногда он различает слово “святой” от слова верующий или “верный” (Еф. 1, 1), указывая, что христиане должны быть святы, ибо Бог “избрал нас”, чтобы мы были “святы и непорочны”, “предопределив усыновить нас Себе чрез Христа Иисуса” (1, 5).

В Послании к Солунянам в заключение пишет: “Заклинаю вас Господом прочитать сие послание всем святым братиям” (5, 27). И к Евреям пишет: “Приветствуют вас Италийские (верующие)” (13, 24). Здесь отличаются рядовые христиане от наставников.

И вообще целью христианской жизни является исполнение воли Божией; а воля Божия, “благая, угодная и совершенная”, заключается в том, чтобы “представить” себя “в жертву живую святую” (Рим. 12, 1—2), или короче: “святость ваша”.

Вот каково истинное воззрение на христиан вообще: это люди, избранные для святости. Поэтому нам, христианам, не следовало бы дивиться не только имени “святой”, а и самому существованию действительно святых людей. Но так как мы ослабели в благочестии, то теперь святые, то есть истинные христиане, стали редкостью; и они выделяются среди нас как нечто необычайное, исключительное.

А по существу дела все христиане призваны к святости: в этом цель пришествия Спасителя.

Так именно смотрит и отец Иоанн.

В одной из проповедей перед праздником Рождества Христова, когда полагается читать Евангелие от Матфея о “родословной по человечеству Господа нашего Иисуса Христа”, он высказывает замечательную мысль, о какой ныне почти никто из проповедников уже не дерзает и говорить:

— Дивное чудо! Дивное смотрение благости Божией о падшем роде человеческом!.. Сын Божий делается Сыном человеческим, Братом человеков, Братом — скажу ближе — твоим, моим!

Какое “высокое, преблагородное родство наше с Богом!”

Об этом ныне побеседуем.

Мы, братия мои, называемся христианами, то есть Христовыми чадами, членами Его Святейшего Тела, как Апостол говорит: “уды (члены) есмы Тела Его, от плоти Его и от костей Его” (Еф. 5, 30), членами Церкви Его. Не видите ли, что мы приняты в самое близкое родство с Сыном Божиим чрез Его вочеловечение?! Скажите: какого благородства в мыслях, чувствах, желаниях, намерениях, в словах, в поступках требует от нас “Единородный Сын Божий, Сын в лоне Отчи” (Ин. 1, 18), совершенный Причастник святости Отца, бесконечная святость? Да, братия, родство наше с Сыном Божиим, Господом Иисусом Христом, требует от нас великого благородства, благонравия в жизни. Не лишнее скажу, если скажу, что христиане должны жить на земле, как Ангелы во плоти, и вот почему девство в христианском мире имеет высокое значение. Но чистота и целомудрие не единственная добродетель, требуемая от нас родством с Сыном Божиим. От нас требуется простосердечие.., требуется сердечная благость, смирение, незлобие.., требуется беспристрастие к земным благам.., требуется... повиновение, покорность христиан Церкви...

Видите, каких свойств требует от нас родство наше с воплотившимся нас ради Сыном Божиим! Будем дорожить своим родством со Христом и не станем считать ничего в мире дороже этого родства...

Позаботимся о стяжании святости, как говорил Господь: “Святы будите, якоже Аз свят есмь, Господь Бог ваш” (Лев. 19, 2); или, как говорил апостол: “Мир имейте и святыню со всеми, ихже кроме”, т.е. без коих, “никтоже узрит Господа” (Евр. 12, 14).

В Неделю святых отец о. Иоанн снова говорит о родстве нашем с Христом: “Бог соделался Братом нашим по вочеловечению”. За это от нас требуется “искреннее всегдашнее покаяние и исправление

жития, непорочная жизнь.., дела милосердия — вообще жизнь святая".

Итак, жизнь святая, святость, не есть — по учению отца Иоанна — только удел исключительных подвижников, а долг, цель и возможность для всякого христианина: для этого воплотился Сын Божий, для этого Он жил на земле; для этого он совершил Свой искупительный подвиг. Но эту мысль об общей святости христиан мы видим осуществленной особенно во святых, как в высших представителях Церкви Христовой. И потому отец Иоанн пользуется случаем открытия мощей святителя Тихона Задонского, чтобы еще и еще звать всех христиан к святости.

Поставив в заголовке своей проповеди слова Ветхого Завета: "Святи будите, якоже Аз свят есмь, Господь Бог ваш", он начинает вопросом:

— Можно ли оставить сегодняшний день без слова церковного?

"Много вер на земном шаре, но не все спасительны; а многие — прямо погибельны, например: магометанская, иудейская, языческая; много исповеданий христианской веры, но не все чисты, не все вполне богоугодны и спасительны. Одно наше, поистине православное, исповедание чисто, вполне богоугодно и спасительно. И желающий всем сердцем спасения вечного найдет в нашей Церкви спасение несомненное.

Доказательством тому служат все святые, жившие и Богу угодившие в нашей Православной Церкви, и новопрославленный святитель Христов Тихон: чудесное нетление его мощей; чудеса, совершающиеся при гробе над притекающими к нему с верою и любовию, — как Божия труба, громко, неопровержимо свидетельствуют о том, что святая душа его предстоит Престолу Божию и ликует на небе вместе... со всеми святыми и что ходатайство его о нас, грешных, пред Господом сильно и действительно...

Что же, братия, будем ли мы только праздными зрителями святости святых Божиих? Или будем ли только прославлять их вместе с Церковью, а о уподоблении им святостию собственного жития заботиться не станем, а о своем собственном спасении ежедневно помышлять не будем?

Нет, братия возлюбленные, такое прославление святых Божиих человеков — и Богу неугодно, и святым Божиим неприятно. Прославляя святых прославленных, мы сами должны уподобляться им

верою и добродетелию; сами должны стараться быть святыми". "Святи будите, — говорит Господь, — яко же Аз свят есмь, Господь Бог ваш", снова и снова повторяет эти слова Писания отец Иоанн.

И далее он произносит такие слова о святости, которые для нас, обычных христиан, представляются совсем необычными, но отцу Иоанну они не только были приемлемы, но, очевидно, отвечали самым глубоким его собственным стремлениям и затаенным личным воззрениям. Вот эти слова: "Неблагонадежный, неистинный тот христианин, который не хочет, не надеется и не старается быть святым, — как неблагонадежен и тот воин, который не хочет, не надеется и не старается быть победителем. Мы все, возлюбленные братия, можем и должны быть святыми! — не своею силою и заслугами пред Богом, — нет; а силою благодати Божией; а благодать "комуждо", — сказано, — "дадеся нам" (Еф. 4, 7), т.е. дана каждому из нас; и (можем) — заслугами Христовыми".

Необычайная и дерзновенная мысль! Иной из нас даже убоится такой смелости; но отец Иоанн, в душе которого эта мысль о святости была укоренена как основная движущая цель и сила, снова с настойчивостью повторяет ее тотчас же после предыдущих слов своих: "Да! Мы можем быть святыми; и действительно бываем уже святыми и в этой жизни — хотя ненадолго — тогда, когда достойно причащаемся Святых Пречистых и Животворящих Таин Христовых. О, тогда мы несомненно бываем святы святостию Христовою; и душа наша паче снега убеляется Кровию Христовою. Поэтому причащайся каждый чаще, причащайся достойно: и ты будешь часто возвращать теряемую святость; будешь часто обновлять растлеваемое грехом естество свое и мало-помалу сделаешься святостью и по собственному расположению, возбуждаемому и поддерживаемому благодатию Христовою".

Но отец Иоанн и повторным призывом всех к святости не насытился. После только что приведенных слов он в третий раз говорит то же самое, но еще более усиленно, уверенно: "Да, непременно сделаешься святым, — если не будешь жить в духовной дремоте и бездействии, а будешь деятельно воевать на страсти и на врага бесплотного, ежедневно усиливающегося поджигать нас страстями и пристрастиями житейскими".

За этим он высказывает именно ту самую мысль, которую мы доселе ищем в его творениях: "Святость не есть завидная доля одних

только апостолов, святителей, мучеников, преподобных и всех святых, — а прекрасная доля всех нас". Вот эти золотые слова его собственной святой души! И он подтверждает и подкрепляет их свидетельством Божественного Писания: "Апостол говорит, что Бог призвал всех нас не на нечистоту, а в святость" (1 Сол. 4, 7).

"Видите, что все мы и можем, и должны быть святыми; да в первые времена Церкви верующих во Христа и апостолы называли не иначе как святыми".

И дальше он приводит длинную выдержку из Послания к Колоссянам; я возьму оттуда лишь часть: "Итак, облекитесь, как избранные Божии, святые и возлюбленные, в милосердие, благость, смиренномудрие... Более же всего *облекитесь* в любовь, которая есть совокупность совершенства... И все, что вы делаете, словом или делом, все *делайте* во имя Господа Иисуса Христа, благодаря через Него Бога и Отца" (3, 12—17).

Вот какую высокую проповедь сказал отец Иоанн в праздник открытия мощей святителя Тихона Задонского. Дерзну заявить, что ни в этот день канонизации святителя, ни вообще в иной какой день никто не говорил так дерзновенно о святости нашей и никто не призывал к ней всякого христианина без исключения.

И к этом мысли, к этому призыву отец Иоанн возвращается очень часто. Вот он в день своего Ангела говорит проповедь в похвалу преподобного Иоанна Рыльского, болгарского великого святого. Прославляет его за любовь к Богу, за победу над грехами и диаволом, за отвержение мира, за святую жизнь и не преминет призывать к святости и нас, грешников: "Святая Церковь празднованием святого "хочет понудить и нас подражать его добродетелям, по силе каждого; потому что и нам повелено от Бога быть святыми. "Святи будите, якоже Аз свят есмь, Господь Бог ваш" (1 Пет. 1, 16).

Мы видим, как настойчиво повторяет он эти слова, сказанные еще в Ветхом Завете и приведенные апостолом в Новом: "будьте святы".

Или вот еще пример. Наступает Новый год. Отец Иоанн приветствует с ним всех. Но он совсем не говорит о "новом счастье", как это делаем обычно мы. Наоборот: он и тут говорит о духовном обновлении, о святости: "Братия и сестры! Если мы не обновились духом, если в нас остаются старые грехи и страсти (и далее он, как и всегда, перечисляет их), — то напрасно мы радуемся новому году: год-то новый, а мы — все старые грешники. А между тем, характер

(основа, дух) христианской веры, характер Нового Завета Христова есть именно обновление душ благодатию Святого Духа... "Кто во Христе, тот новая тварь" (2 Кор. 5, 17), — говорит апостол, — то есть новый человек с новым... сердцем, с новым состоянием искупления благодатию Христовою. Мы призваны во святость: свято во всем житии и поступать должны..." И снова, и снова звонит теми же словами Писания: "Святи будите!" А на этот раз добавляет и другие слова Писания о том же: "Вы — народ святой, царское (царственное) священство, люди обновления", "народ Божий" (см.: 1 Пет. 1—2).

Вот "когда мы обновимся через искреннее покаяние и добродетель и сделаемся "новою тварью", тогда с радостью поздравлю себя и вас с новым для себя и для вас годом. А теперь еще рано, мне кажется".

Да обновит же нас всех Дух Святый, очистив от всякого греха.

Епископ Арсений (Жадановский)

Время, проведенное мной у отца Иоанна в Ваулове, считаю дорогим, счастливым и исключительным в своей жизни. Здесь пришлось видеть великого пастыря в домашнем быту, изучать его характер и настроение. Прежде всего он отличался гостеприимством: за его обеденным столом располагались все приезжие гости. Меня отец Иоанн усаживал около себя и усердно угощал.

Однажды я сказал ему: "Батюшка, Ваш прием и ласка напомнили мне родной дом и родителей, недавно умерших. Бывало, приедешь к ним на каникулы после трудных экзаменов, и начнут они подкреплять тебя всякими яствами".

Батюшка приятно улыбнулся на это. Тут же мной было замечено его незлобие: по-видимому, он гневался иногда, но очень мимолетно, и скорей от горячности сердца и пламенной души, чем от злобного чувства. Между прочим, я пожаловался ему на болезнь желудка. Отец Иоанн посоветовал пить чай с лимоном, причем сам клал его мне в стакан и размешивал. Как-то раз, желая сделать мне удовольствие, батюшка попросил передать стоявший на противоположном конце стола лимон, порезанный на кусочки, со снятой кожицей.

Ему не понравилось такое приготовление, и он резко спросил: "Кто же так неумело подает? Позовите виновницу". Подошла смиренная послушница.

— Это ты нарезала? Кто тебя учил снимать кожицу?

— Простите, батюшка, я не знала.

— А, не знала? Ну, это другое дело, вперед же знай, что вся суть в кожице.

Слова: “Ну, это другое дело” — были сказаны батюшкой так робко и ласково, что, думается, провинившаяся рада была получить такой дорогой выговор.

За столом отец Иоанн по слабости сил оставался недолго. Закусит немного и, извиняясь, уйдет в свой кабинет.

“Вы сидите, — скажет, — и кушайте, а я устал, пойду к себе, отдохну”.

В течение дня он, помимо Нового Завета, прочитывал житие святого, службу ему по Минее, а в конце жизни особенно утешался Писаниями пророков.

По поводу последнего батюшка в беседе сообщил мне следующее: “Я теперь занят чтением пророков и немало удивляюсь богопросвещенности их. Многое относится к нашим временам, да и вообще хорошо развиваться словом Божиим. Когда я читаю, ясно ощущаю, как в нем все написано священными писателями под озарением Духа Святого, но нужен навык такому осмысленному чтению. Вспомнишь себя лет тридцать назад — нелегко мне это давалось. Берешь, бывало, Святое Евангелие, а на сердце холодно, и многое ускользало от внимания. Теперь духовный восторг охватывает мое сердце — так очевидно для меня в слове Божием присутствие благодати; мне кажется, что я при чтении впитываю ее в себя”.

“А что помогает пастырю сосредоточиться на Литургии?” — спросил я отца Иоанна на той же беседе.

“Необходимо, — сказал он, — с самого начала службы входить в дух Божественной Евхаристии. Посему-то я и стараюсь почти всегда сам совершать проскомидию, ибо она есть преддверие Литургии, и этого никак нельзя выпускать из виду. Подходя к жертвеннику и произнося молитву: “Искупил ны еси от клятвы законныя...” — я вспоминаю великое дело Искупления Христом Спасителем от греха, проклятия и смерти падшего человека, в частности меня, недостойного. Вынимая же частицы из просфор и полагая их на дискос, представляю себе на Престоле Агнца, Единородного Сына Божия, с правой стороны — Пречистую Его Матерь, а с левой — Предтечу Господня, пророков, апостолов, святителей, мучеников, преподобных, бессреб-

реников, праведных и всех святых. Окружая Престол Агнца, они наслаждаются лицезрением Божественной Славы Его и принимают участие в блаженстве. Это Церковь Небесная, торжествующая. Затем я опускаюсь мыслию на землю и, вынимая частицы за всех православных христиан, воображаю Церковь воинствующую, членам которой еще надлежит пройти свой путь, чтобы достигнуть Будущего Царства. И вот я призван быть пастырем, посредником между Небом и землей, призван приводить людей ко спасению. Какая неизреченная милость и доверие Господа ко мне, а вместе как велик и ответственен мой долг, мое звание! Стоят в храме овцы словесного стада, я должен за них предстательствовать, молиться, поучать, наставлять их... Что же, буду ли я холоден к своему делу? О нет! Помоги же мне, Господи, с усердием, страхом и трепетом совершать сию мироспасительную Литургию за себя и ближних моих! С таким чувством приступаю к служению и стараюсь уже не терять смысла и значения Евхаристии, не развлекаться посторонними мыслями, а переживать сердцем все, воспоминаемое на ней".

И батюшка отец Иоанн, добавлю я, действительно глубоко все переживал, что так заметно было по его молитвенному виду и тем слезам, которыми увлажнялись его светлые очи.

"Далее, для сосредоточенности при Божественной Литургии, — говорил он мне, — имеет значение самая подготовка к ней, в частности воздержание во всем с вечера, предварительное покаяние и вычитка положенного правила: чем внимательнее и воодушевленнее мы его выполняем, тем проникновеннее совершаем обедню. Не следует пропускать дневной канон; я его почти всегда сам читаю и через это как бы вхожу в дух воспоминаемых событий, а когда оставляю, чувствую всякий раз неподготовленность".

"Как предохранить себя от самомнения и превозношения?" — продолжал я спрашивать батюшку.

В ответ он взял с письменного стола Библию и прочитал раскрытую страницу из четырнадцатой главы Книги пророка Исаии, где говорится о низвержении с неба за гордость первого ангела.

Возвращая затем книгу на место, отец Иоанн сказал: "Часто я прибегаю к чтению сей Боговдохновенной речи и дивлюсь ужасному падению Денницы. Как легко чрез высокоумие ниспасть до ада преисподнего! Воспоминание о гибели предводителя бесплотных чинов весьма предохраняет меня от тщеславия и смиряет гордый мой ум и сердце".

Тогда же заметил я изношенность листка читаемой главы. Мне показалось даже, будто батюшка всегда держит на столе Библию раскрытой на указанном повествовании пророка, что произвело на меня неизгладимое впечатление.

"А как спасаться от дурных помыслов и чувств?" — осмелился я далее предложить вопрос великому пастырю.

"Это наша общая человеческая немощь, — сказал он. — Крепкая любовь к Спасителю и постоянное духовное трезвление предохраняют от нечистоты. Предохраняют, говорю, но не спасают; спасет же единственно благодать Божия. Вот и я — старый человек, а не свободен от скверны. Правда, днем, совершая Божественную Литургию и следя за собой, почти не испытываю ничего дурного, но за сон не ручаюсь. Иногда враг представляет такие отвратительные картины, что, проснувшись, прихожу в ужас, и стыдно мне делается". Так батюшка укорял себя, да и вообще, когда я ему исповедовался, считал мои немощи как бы своими собственными. Укажу грех, а он скажет: "И я тем же страдаю", затем уже предложит совет.

Во время нашей беседы отец Иоанн пожаловался, между прочим, на свою мучительную болезнь: "Трудно здоровому представить, как невыносима боль при моем недуге, — нужно большое терпение".

На прощание я просил батюшку благословить меня, что светильник Божий с любовью исполнил, истово оградив тем крестом, который был на моих персях, а затем подарил мне много своих вещей: подушку, одеяло, верхнюю рясу, смену белья, портрет с собственноручной подписью и последний выпуск дневника.

В свою очередь, я предложил ему на молитвенную память привезенные мною из книжной лавки нашей обители некоторые предметы. Между ними были деревянные ложки с надписью: "На память из Чудова монастыря".

Отец Иоанн стал выбирать; заметив на одной из них в слове "Чудова" неудачно написанную букву "ч", отстранил ее, сказав: "Не хочу брать, на ней надпись неясна — можно прочитать "Иудова" вместо "Чудова", а это неприятно". Здесь опять обнаружилось святое настроение батюшки.

По возвращении домой из Ваулова мне вспомнилось, как отец Иоанн благоговейно рассматривал Евангелие святителя Алексия и как он интересовался иметь хотя строчку, писанную его рукой. В благодарность за прием, оказанный мне, я заказал фототипию с назван-

ного памятника и послал ему. В ответ на это был осчастливлен получением от него следующего письма:

"Ваше Высокопреподобие, достопочтеннейший отец Архимандрит Наместник!

Сердечно благодарю Вас за великий и священный дар — Евангелие от Иоанна, Святым Алексием, митрополитом Московским, списанное и воспроизведенное способом фототипии. Дивный памятник трудов великого Святителя, который нашел время заняться этим трудом (переписки) среди многих других святительских занятий. Да воздаст он Вам за этот дар неоцененный! Теперь обращаюсь к Вам с просьбой: примите в стены Чудовской обители иеродиакона Мелетия, моего знакомого, человека скромного и трезвого, который, надеюсь, не причинит Вам никакого беспокойства и будет полезным членом братства. Желаю Вам сугубой благодати, обильного дара живого слова и доброго успеха во всех делах с добрым здоровием. Да хранит Вас Господь Иисус Христос и Святитель Божий Алексий.

22 сент. 1908 г.

Ваш почитатель Протоиерей Иоанн Сергиев".

Это письмо, полученное за три месяца до кончины батюшки, явилось для меня как бы последним завещанием. Пожелание "обильного дара живого слова" дало мне смелость чаще говорить в церкви поучения и воодушевило писать, по его примеру, духовный дневник. Что касается иеродиакона Мелетия, принятого мною в Чудов монастырь, то он действительно не причинил для обители никакого беспокойства, так как через несколько месяцев, отправившись на родину, умер.

Благодарю Господа, сподобившего видеть и знать отца Иоанна Кронштадтского в то время, когда я был еще молод и нуждался в духовной поддержке, живом примере. На примере отца Иоанна я убедился воочию, как служитель алтаря близок Богу и как неотразимо может быть его влияние на народ. Откровенно скажу, батюшка своим молитвенным вдохновением сильно действовал на меня, думаю, также и на многих, особенно при совершении Божественной Литургии.

Спроси себя каждый пастырь: всегда ли ты бываешь исполнен благоговейных чувств, всегда ли созерцаешь Небесное? Отец же Иоанн непременно проникался всем этим, что заметно было даже со стороны.

Служить с батюшкой являлось великим утешением. Причаститься из его рук значило получить наивысшую радость. И нужно было спешить, чтобы не потерять случая вкусить вместе с великим пастырем Небесной Трапезы. И если обычно требуется продолжительное говение, большое воздержание, то при его служении весь центр тяжести заключался в духовном воодушевлении, в духовной свободе. Таково уж свойство благодати Божией — изливаться не на внешнюю праведность, а на смиренное верующее сердце, кающееся и любящее Господа...

...Благодать прославила Кронштадтского пастыря и привлекла к нему сердца многих. С этой стороны он являлся не обычным человеком, а чудом Божиим, духовным сосудом, исполненным многих дарований, имевшим право говорить: "Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе" (Флп. 4, 13). Сам же батюшка, когда спрашивали его, каким образом он достиг такой известности, обыкновенно говорил: "Ничего другого я не имею, кроме благодати священства, которая получается всяким иереем при рукоположении; возгревай ее и будешь совершать еще большее и славнейшее". Итак, приосененный благодатию Божией, отец Иоанн прежде всего обладал исключительной верой. Мы к ней только приближаемся, только желаем иметь ее, но она не согревает сердца, не занимает всецело ума и, как говорится, "скользит" в нас. Отец же Иоанн, вне всяких сомнений и колебаний, верил в Спасителя и в Святое Евангелие: вера была его родной и вечной стихией, истинным ведением, а не простым холодным знанием. Он думал и говорил обо всем, относящемся к Божественному, не как о чем-либо стороннем, вне сознания его находящемся, но как о лично испытанном и виденном, говорил, как очевидец. Верой во Христа отец Иоанн был пропитан, как губка пропитывается водой, а потому мог смело говорить с апостолом: "...уже не я живу, но живет во мне Христос. А что ныне живу во плоти, то живу верою в Сына Божия, возлюбившего меня и предавшего Себя за меня" (Гал. 2, 20).

Вот излияния его души, записанные во множестве в дневнике, свидетельствующие о глубокой вере: "Троица Святая, Отец, Сын и Дух Святый для меня и для всех — дыхание и свет, жизнь, сила, оправдание, премудрость, святость, всякое богатство, помощь, исцеление от всяких болезней, молитвенный огонь, источник умиления, хранение, безопасность, всякое благо... Бьется ли радостию и трепетом твое сердце при воспоминании и произнесении святейшего Имени несозданн-

ной и создавшей, Всеблагой и Всеблаженной Троицы, Отца и Сына и Святаго Духа? О пречудное Имя! О пресладкое и всежизненное Имя! О прекрасная, существенная и вечная Троице, давшая неизреченную красоту всему созданному духовному и вещественному миру!.. Единственный и Единородный Сын есть только Сын Божий, и единственный животворящий Дух есть Дух Божий... Слава же Тебе, Господи, открывшему нам тайну Святой Троицы, елика подобаше. Аминь".

Второе, чем привлек отец Иоанн к себе благодать, — это самоотверженная любовь к Богу и ближним.

"Не может надивиться ум, — говорит он, — сколь благ, животворящ и всемогущ Творец и Художник их Господь Бог! Как возгорается желание любить Его, лобзать Его творческую руку, благоговеть пред Ним, поклоняться Ему, славословить Его, подобно трем отрокам в печи Вавилонской! О Творец мой! Все твари, сколько их ни есть, все возводят мой взор к Тебе, как Виновнику жизнерадости".

Особенно можно было наблюдать силу любви к Богу батюшки при совершении им Божественной Литургии. После пресуществления Святых Даров, когда на Престоле возлежит уже Сам Агнец Божий, вземлющий грехи мира, отец Иоанн не мог оторвать от Него своих глаз, исполненных благодатных слез благодарения. Один сослужитель батюшки по собору говорит, что отец Иоанн близко-близко и любовно склонялся над Агнцем, плакал и духовно ликовал, взирая на Него; он был в то время подобен ребенку, который ласкается к своей матери, поверяя ей детские радости и печали, зная, что родная мать выслушает его, не отгонит прочь от себя. Нельзя передать всей небесной красоты описанного момента, обаятельно действовавшего на сердце всякого верующего человека. Мы со своей стороны были счастливы видеть отца Иоанна именно в таком молитвенном состоянии, когда думалось невольно: "Как батюшка любит Господа, какой он святой, дорогой!.."

Третье, что было у отца Иоанна, — это непоколебимая преданность Святой Церкви и ее уставам. Много православных людей, но мало беззаветно любящих мать свою Святую Церковь. Отец же Иоанн ни в чем никогда не упрекнул ее, всецело подчинялся ей и всегда наслаждался духовным богатством, сокрытым в ее богослужении, таинствах, обрядах.

"Братия, други! — говорил он. — Любите Церковь: в Церкви — ваша жизнь или ваша живая вода, бьющая непрестанным ключом из

приснотекущего источника Духа Святаго, — ваш мир, ваше очищение, освящение, исцеление, просвещение, ваша сила, помощь, ваша слава, в ней все высочайшие, вечные интересы человека. О, какое благо Церковь! Слава Господу Церкви, изливающему на нее Свои дары в безмерном множестве! О, веруйте, веруйте не словами только, но делами во Святую, Соборную, Апостольскую Церковь..." .

Далее надлежит нам сказать о пастырской ревности отца Иоанна. Кто не знает, как он спускался в подвалы и вертепы, отыскивая несчастных и бедных людей? Кто не читал о его бесчисленных дальних и нелегких поездках по России к больным и ищущим духовного утешения? Кто не поражался его строительству обителей и разных благотворительных учреждений? Трудно пересказать, как многообразно и в каких видах проявлялась деятельность отца Иоанна.

Жить и трудиться для ближних, приводить их к Богу, ко спасению было целью всей его жизни; в этом отношении он не считался ни со своим покоем, ни с семейными, ни с другими обстоятельствами. На пастырство батюшка смотрел как на дело, врученное ему Самим Господом Богом, от которого не имел права отказываться и уклоняться.

Супруга батюшки еще в начале его священства замечала, что он совсем забывает семью и дом, но отец Иоанн отвечал: "Счастливых семей, Лиза, и без нас довольно, а мы с тобой посвятим себя на служение Богу".

Когда же домашние выражали опасение, как бы при щедрости батюшки не остаться им в крайней нужде, он приводил такой довод: "Я священник, чего же тут? Значит, и говорить нечего — не себе, а другим принадлежу".

Особым видом служения отца Иоанна ближним нужно признать ежедневное совершение им Божественной Литургии, на которой он всех звал к покаянию и причащению. Завещание Спасителя о вкушении Пречистого Тела и Крови Его для Жизни Вечной, к сожалению, ныне пришло в забвение и часто подвергается поруганию. Отец Иоанн оживил и восстановил этот завет Христов. Из Кронштадта раздался голос: "Со страхом Божиим и верою приступите к Чаше", приступите не мысленно только, как было доселе, а для действительного, реального соединения со Спасителем в Святых Тайнах. Весь исполненный любви, отец Иоанн не мог переносить холодного отношения верующих к столь великому Таинству. Он жаждал спасения духов-

ным чадам своим, а потому хотел, чтобы они всегда получали самое дорогое, самое драгоценное, самое необходимое, а именно: Святое Причащение.

Остается сказать еще о личной святости отца Иоанна. Он по настроению и жизни был человек праведный, чего достиг путем глубокого внимания к себе, непрестанным очищением своего сердца от всякой скверны плоти и духа. Свидетелями такой внутренней работы батюшки теперь являются для нас его дневники. Записывая ежедневно все переживания души как благодатные, так и греховные, он за все доброе благодарил Господа, и со злом усиленно боролся и заботился об изглаждении его через самоукорение, молитву и тайное покаяние. В последнем отец Иоанн приобрел необыкновенную удобоподвижность: всякое недоброе чувство, всякий дурной помысел непременно сопровождался у него сокрушением и взыванием ко Господу о прощении и помиловании. И за такое вольное и постоянное исповедание Спаситель обвеселял сердце великого пастыря, исполнял его миром, утешением, или, как выражался сам батюшка, “пространством”, вследствие чего господствующим состоянием отца Иоанна была бодрость духа и постоянная свежесть физических сил. Узнав на опыте, какое великое значение имеет тайное покаяние в деле нравственного созидания, он и другим ревнующим о благочестии советовал прибегать к тому же.

Да, удивительная внимательность была у отца Иоанна к своему внутреннему состоянию: всему он придавал значение, все старался осмыслить и оценить с духовной стороны.

Читал ли правило — глубоко вникал в каждое слово, оттого-то и в указаниях его мы встречаем много пометок, вроде следующих: подчеркнуто выражение “окаянную мою душу соблюди”, а на полях написано: “Действительно, как я окаянен”. Приходилось ли ему бывать среди природы, видеть звездное небо, заход солнца, море, горы, луга, красный цветок, тотчас же взор его переносился к Виновнику мира — Богу, творческую десницу Которого он созерцал во всех делах Его. Снилось ли что-либо, он и это запоминал.

Такую внутреннюю жизнь отец Иоанн проводил не год и не два, а более полувека, и достиг высокого духовного устроения — святости, так сильно поражавшей всех, кто имел счастье с ним встречаться и молиться. Самый внешний вид отца Иоанна был особенный, какой-то обаятельный, невольно располагавший к нему сердца всех: в гла-

зах его отображалось небо, в лице — сострадание к людям, в обращении — желание помочь каждому. Неудивительно, что к нему тянулись все болящие, страждущие душой и телом. Из бесчисленного множества примеров приведем хотя бы один.

Некто совсем сбившийся с пути, окончательно расстроивший свое здоровье пьянством, проходя по Петербургу мимо вокзала, заметил толпу, устремившуюся к подходящему поезду.

Простое любопытство заставило его спросить: "Куда народ так спешит?" Ему сказали: "Сейчас должен приехать отец Иоанн Кронштадтский".

"Вот чудаки, — подумал он, — стоит так толкаться, и что тут особенного? А впрочем, пойду и я посмотрю на этого священника, уж очень много о нем говорят". Идет...

Батюшка, несмотря на окружающее кольцо встречающих, обращает внимание на подошедшего, дерзновенно осеняет его крестом и ласково говорит ему: "Да благословит тебя Господь и да поможет Он тебе направиться на добрый путь, друг мой. Видно, много ты страдаешь!" От таких вдохновенных слов великого пастыря благодатная сила, как электрическая искра, проходит по всему существу несчастного. Отошедши в сторону, он почувствовал, что сердце его полно умиления и расположения к отцу Иоанну.

"И в самом деле, — невольно вспыхнула у него мысль, — как мне трудно жить, до какой низости я дошел, сделался хуже скота. Неужели можно подняться? Как было бы хорошо! Отец Иоанн мне этого пожелал, и какой он добрый, пожалел меня, непременно поеду к нему!" И затем едет в Кронштадт, исповедуется, причащается Святых Таин и с Божией помощью постепенно нравственно восстанавливается...

...Спал батюшка летом и зимой при открытой форточке, так как любил свежий воздух, а если чувствовал холод, одевался потеплее, даже в шубу. Ложась в постель, не снимал подрясника, как бы держа себя всегда наготове к встрече Небесного Жениха, могущего прийти во всякое время; ночью он выходил на прогулку, чтобы насладиться тишиной и полюбоваться звездным небом. Вообще отец Иоанн очень любил природу и особенно растения: остановится, бывало, над каким-нибудь цветочком и долго-долго размышляет, лобызая в нем творческую десницу Божию. Из всего окружающего он постоянно брал себе повод или тему для богомыслия...

Отец Иоанн каждую Литургию считал за правило говорить поучение, заранее его обдумав, а иногда и написав. Выходя же на амвон, непременно молился: “Господи, помоги мне сказать слово на пользу слушающим”.

Батюшка стремился всегда иметь святое, серьезное отношение к Богу и близким. Мы часто поверхностно рассуждаем о предметах веры, а к людям бываем неискренни и недоброжелательны; Кронштадтский же светильник горел духом ко Господу, а в человеке видел образ Его, и потому каждого ценил, уважал и любил.

Отец Иоанн обладал даром слез, которые часто наблюдались у него при совершении Божественной Литургии, тайном молитвенном покаянии и духовном созерцании. Слезы эти, как говорил он, не вредили его зрению.

“Ты, Господи, устроил то, что я не боюсь проливать пред Тобой слезы покаяния и умиления, ибо они не ослабляют, а очищают и укрепляют мое зрение.

Слезы мира сего — от печали мирской — ослабляют и совсем ослепляют человека, много плачущего, а слезы благодатные производят противное действие. За сие и за всеблагое — слава Богу”.

Батюшка часто в своих проповедях указывал на близкое Пришествие Спасителя, ожидал его и чувствовал, как сама природа готовится к сему великому моменту. Главным образом он обращал внимание на огонь, которым будет уничтожен мир, подобно тому как древний истреблен водой.

“Всякий раз, — говорил он, — как я смотрю на огонь и особенно на бушующую стихию его при пожарах и других случаях, то думаю: стихия всегда готова и только ожидает повеления Творца вселенной приступить к исполнению своей задачи — уничтожить все, что на земле, вместе с людьми, их беззакониями и делами”. А вот еще подобная запись: “Когда воды земного шара потеряют свое равновесие с подземным огнем и огонь пересилит водную стихию, непрестанно убывающую, тогда произойдет огненный потоп, предсказанный в Священном Писании и особенно в Послании апостола Петра, и настанет Второе Славное Пришествие Господа и суд всему миру. К тому времени нравы чрезвычайно развратятся. Верьте, что Второе Пришествие Господа Иисуса Христа со славою — при дверях”.

Отец Иоанн в поучениях, беседах и дневниках часто напоминал, что грех, беззаконие томит человека, вселяет в него тоску, терзание

совести, и, наоборот, свобода от страстей бодрит сердце и освежает весь организм. Здесь сказался духовный опыт батюшки, неусыпно боровшегося с греховной природой.

Любил отец Иоанн говорить о пространстве сердечном, коего сам постоянно искал и просил у Господа. А определял он это так: это состояние духа, когда не гнетет тебя ни уныние, ни скука, ни страх, ни какие-либо другие страсти. Оно открыто для восприятия духовных благ и переполняется ими. Ему противоположна туга душевная, происходящая от всякого рода скверны и удаления от нас благодати Божией.

Отец Иоанн восхвалял простоту, указывая на то, что Сам Господь есть Простое Существо. Вера, трудолюбие, обходительность, смирение, незлобие, тихость, покорность, послушание — все это, пояснял батюшка, возрастает на почве простой души.

Отец Иоанн во всем добивался совершенства. Так, признавал только сердечную глубокую молитву, а поспешную и рассеянную считал одним лишь воздухобиением. Придавал значение каждому своему слову, потому никогда не говорил ничего лишнего. Человеческая речь, объяснял великий пастырь, есть образ слова Божия, и как таковая она должна быть свята и справедлива. Отсюда не должно быть противоречия между словом и делом: что сказано и обещано, то и следует исполнять. На все члены организма смотрел как на чистые творения, долженствующие возбуждать только возвышенные чувства.

Все земное отец Иоанн переводил на святое, высокое, всемерно старался, если можно так выразиться, "раствориться небесным". Для него везде и во всем был только Бог; вся жизнь, все силы души его направлялись к этому. Иными словами, в духовном кругозоре батюшки земля сближалась с Небом, и чувства его являлись органом для восприятия не столько внешних, сколько духовных впечатлений.

Отец Иоанн не любил оставаться в долгу у кого бы то ни было, а в особенности у тех, кто ему оказывал услуги. Перед праздниками Рождества Христова и Пасхи им подписывались списки лиц, которым надлежало выдать так называемые чаевые. Сюда входили телеграфисты, почтальоны, полицейские чины и другие лица. Даже в последний год жизни, уже больной, батюшка не забыл своего обычая и торопился составлением списков, а то, говорил он, "не успею".

Перенесши в начале 1906 года болезнь, отец Иоанн, доселе бодрый, неутомимый и жизнерадостный, сразу осунулся, подряхлел и

стал чувствовать упадок сил, однако не прерывал своей жизненной задачи — ежедневного служения Божественной Литургии и посещения страждущих.

Последнюю обедню служил отец Иоанн 9 декабря 1908 года. С этого дня болезнь его приняла тяжелую форму, так что он был принужден прекратить прием посторонних лиц и почти все время полулежал в кресле при открытой форточке. Неосторожный выезд на прогулку 17 декабря в пролетке случайного извозчика еще более усилил нездоровье светильника Божия. Он весь ослаб и 19-го утром уже не мог выйти в переднюю для встречи священника со Святыми Дарами, как делал ежедневно. В предсмертные дни батюшка иногда стонал, что свидетельствовало о его тяжких страданиях, от всяких лекарств отказывался и пил только святую воду из источника преподобного Серафима Саровского.

Последнее распоряжение сделал отец Иоанн игуменье Ангелине об освящении храма-усыпальницы в Иоанновском монастыре. Ночь на 20 декабря прошла тревожно; в два часа ночи у него отнялись ноги, и он, видимо, стал угасать. Пришлось поспешить с Литургией — в четыре часа священник пришел уже со Святыми Дарами. Отец Иоанн мог принять только Святую Кровь. После причастия он сам вытер уста и на некоторое время успокоился; проговорив затем: "Душно мне, душно", впал в забытье. Дыхание становилось все тише... Пришедший иерей начал читать канон на исход души, и, когда по окончании подошел к батюшке, последний лежал неподвижно, с руками, сложенными на груди.

Послышалось еще несколько вздохов, и великий пастырь спокойно предал дух свой Богу. Глаза, доселе закрытые, чуть-чуть приоткрылись, и из них показались чистые, как хрусталь, слезинки. Это были последние слезы праведника. Умер батюшка в семь часов сорок минут утра 20 декабря 1908 года на восьмидесятом году от рождения. Во время болезни он был молчалив и крайне серьезен: очевидно, молитвенно готовился к переходу в Горний мир.

Отец Иоанн после великих жизненных трудов явился поистине спелым колосом на ниве Христовой, а потому уже не мог пребывать с нами, грешными. Вот почему последние слова его были: "Душно мне, душно", то есть душно в этой юдоли земной.

Похоронили батюшку в усыпальнице устроенного им в Петербурге Иоанновского монастыря.

Один из священников, присутствовавший при погребении отца Иоанна, ранее довольно критически относившийся к его пастырской деятельности, засвидетельствовал в печати следующее: "Когда я, едва пробираясь через несметную толпу народа, подошел ко гробу батюшки, то моему сердцу передалось сразу чувство, что здесь молятся не об умершем, а у раки уже прославленного угодника Божия, так как храм оглашался воплями и стонами людей, просивших всевозможной помощи у почившего, в чем, очевидно, сказался духовный инстинкт народа. Еще в большей степени пережил я это во время погребения. Полученное впечатление в корне изменило мой взгляд на Кронштадтского пастыря, которого я после этого оценил, полюбил, и молитвою его теперь только и живу".

Учения отца Иоанна

О Церкви

В богослужении нашей Православной Церкви всякому верующему и внимательному очевидна и живо чувствуется та мысль, что все верующие на земле — пастыри и паства, и на небе св. Божии угодники — начиная с Божией Матери — единая Церковь, единый дом Божий, одно тело, коего Глава — Сам Господь Иисус Христос, а душа — Сам Дух Святый, одушевляющий, просвещающий, очищающий и укрепляющий всех подвизающихся на земле членов сего великого Тела.

Вне Церкви нет спасения, нет духа благодати.

В Церкви выразился дух любви Божией к людям, в пастырстве, в отечестве и сыновстве (отцы духовные, чада духовные). Строго держаться надо этого духа пастырям и пасомым; не мы, пастыри, пасем, а Сам Отец Небесный через нас пасет; мы должны помнить свое отечество небесное, к которому должны стремиться и к коему должно приводить верующих церковное пастырство.

Господь пасет мя, и ничтоже мя лишит (Пс. 22, 1).

Всеобъемлюща, неотпадающа любовь Церкви, и за гробом пекущаяся о нас. Где это в других церквах неправославных? Немощь человеческая, слепота, ограниченность, страсти человеческие сейчас сказались в церквах отпадших. Лютеране не молятся об умерших, англиканцы тоже.

Усерднейше надо молиться животворящему Святому Духу, Утешителю, Кормчему Св. Церкви Христовой, да вдохнет духом любви в сердца всех христиан и озарит всех светом Своим, к познанию истины Божией и Христовой, к соединению взаимному, к отвержению всех ересей и расколов, к разорению всех партий общественных, друг другу противящихся.

Когда начинаешь молиться молитвою к Духу Святому, знай и помни, что Дух Святой вошел в мир по заслугам Господа Иисуса Христа, и действует в мире, наипаче в Церкви Своей, и совершает наше спасение. Святый Дух все таинства совершает, освящает, просвещает, укрепляет, возбуждает к молитве, производит умиление в душах, источает слезы покаяния, благодарения, славословия, обращает души,

спасает, животворит, возводя от смерти духовной к жизни, дарует мир, свободу духа, благодать сыноположения, вопия в сердцах верных из глубины души: *Авва Отче!* (Рим. 8, 15; Гал. 4, 6). Вот почему мы начинаем молитвы свои молитвою к Духу Святому. Слава Тебе, Всесвятый Душе, Источниче жизни нашея, равнодетельный Отцу и Слову!

Какое чудное духовное богатство в Церкви, богатство веры, упования и любви, богатство благости, милосердия, премудрости Божией, богатство чудес, очищения прегрешений, освящения, просвещения, утешения, мира и свободы духовной! О, если бы все верные и неверные знали и познали это, и помнили — и усердно притекали к Церкви!

Молясь святым или прославляя их, себе делаем величайшую пользу: ибо привлекаем к себе их ходатайство.

Молясь за умерших или за живых, себе делаешь великую пользу: ибо Бог приемлет как жертву приятную молитву любви; и мертвые, если имеют сами дерзновение перед Богом, молят о нас, молящихся о них, а живые, за коих молимся, располагаются к нам своим сердцем и любят нас.

Православная Церковь превосходит все церкви неправославные: во-первых, своей истиной, своим православием, соблюденным и завоеванным кровию апостолов, иерархов, мучеников, преподобных и всех святых; во-вторых, тем, что вернейшим образом руководит ко спасению (ровным, прямым и верным путем), что верным образом очищает, освящает, обновляет посредством иерархии, Богослужения, Таинств, постов; в-третьих, что наилучшим образом научает угождать Богу и спасать душу свою, наилучшим образом руководствует к покаянию, исправлению, молитве, благодарению, славословию. Где есть такие молитвы, славословия, благодарения и прошения, такое чудное Богослужение, как в Православной Церкви? Нигде.

Что значит веровать в Церковь? А вот что: видишь бедного, просящего милостыню, — признай в нем сердечно своего собрата, члена Христова, и подай ему милостыню с тою уверенностию, что Сам Христос в лице его принимает ее, и ты будешь верующий в Церковь. Гость пришел к тебе: прими его опять как члена Христова, с ласкою, побеседуй с ним искренно на пользу души его, угости его с радушием, и ты будешь верующий в Церковь. Видишь священника, признай от души, что это пастырь словесного стада Христова, от Самого Иису-

са Христа поставленный духовно рождать и воспитывать людей для вечной жизни; смотри на него, как на образ Самого Христа; веруй, что на нем почиет благодать Святого Духа и власть — учить, совершать Таинства и руководить верующих к животу вечному; веруй в право его благословения, исходящее от Самого Иисуса Христа, и принимай его, как Христово благословение, с уважением и покорностию; слушай его, когда он поучает, наставляет, обличает; Таинства принимай от него, как от Самого Христа; духовные наказания принимай, как от Самого Бога; чти в святителе образ Пастыреначальника Христа; признавай, что через него, после апостолов, исходит на верных благодать священства и вся благодать Христова; повинуйся ему, как Самому Христу, взирай на него, как на апостола, как на полного преемника его власти, а на священников и диаконов, как на помощников с благодатными правами, и ты будешь верующий в Церковь.

Далее: признай от души, что Пресвятая Дева Богородица есть *Начальница мысленного назидания* церковного, что Она всегда с нами, как Матерь, во едином доме Божием (Церкви), видит, слышит нас, печется, промышляет о нас, особенно о нашем духовном преуспеянии и спасении, как Царица царствует над нами, обличает, судит, наказует нас, вообще принимает деятельнейшее участие в нашей духовной жизни, особенно в жизни тех, кои Ее ведают, в Нее веруют, благоговейно Ее почитают.

Далее: признавай, что все святые — старшие братия наши во едином дому Отца Небесного, которые с земли перешли на небо, и всегда они в Боге с нами, и постоянно нас учат, руководят к жизни вечной, посредством составленных ими церковных служб, Таинств, обрядов, поучений, установлений церковных: как постов, праздников, и, так сказать, вместе с нами служат, поют, говорят, поучают, помогают нам в разных искушениях и скорбях. Призывай их как живущих с тобою под одним кровом; прославляй, благодари их, беседуй с ними как с живыми, и ты будешь веровать в Церковь. Стремись сам к водворению в небесных обителях, как достигли святые; очищай себя непрестанно от всякия скверны плоти и духа, призывая усердно и непрестанно Господа Иисуса Христа, принимай Таинства Церкви в очищение, подкрепление и руководство, и ты будешь веровать в Церковь. Еще, когда ты веруешь, что умершие наши праотцы, отцы, матери, родственники, друзья, знакомые, все христиане православные

живы и по смерти душами и, смотря по делам своим на земле, мучатся или предвкушают будущее блаженство, и молишься за них Богу, следуя за служителями алтаря, — молитва твоя имеет силу у Бога, в надежде, что Бог услышит молитву твою за них и может помиловать их: то опять ты веруешь в Церковь, потому что и умершие суть члены Церкви. Если ты молишься и за живых христиан, и прочих людей и веруешь, что молитва твоя за них тоже не бесплодна у Бога, то ты — верующий в Церковь. Если ты наблюдаешь времена праздников и постов, времена очищения от грехов и причащаешься Св. Таин и участвуешь в них всею душою своею с верою и благоговением, то ты верующий в Церковь. Вот что значит веровать в Церковь. Если ты на земле живешь жизнью церковною, если стараешься жить жизнью небожителей, свято, в мире, то ты веруешь в Церковь.

Не забывай ни один человек, что ты каждую минуту без числа должен Богу всем: и каждым глотком воздуха и влаги, каждым лучом солнца, согревающим, освещающим, оживляющим или к твоему же благу палящим и сожигающим, каждым куском хлеба, каждым плодом, съеденным тобою, каждым лучом небесной истины, или каждою доброю и святою мыслью, добрым святым чувством, каждым добрым делом, каждым внутренним действием благодати, избавляющим от зла, умиляющим, очищающим, освящающим, умиротворяющим, радующим твое сердце, помогающим тебе в борьбе со страстями и врагами бесплотными, в молитве, и во всех благих делах твоих. Но особенно ты должен быть благодарен Господу Богу за то, что ты приведен из небытия в бытие, получил от Него паки бытие, или паки рождение через крещение, присоединение к Церкви, усыновление Богу (величайшая честь), получил в миропомазании залог Духа Святаго (величайшая честь и блаженство, величайшее сокровище и богатство), сподобляешься Причастия Божественных, Пречистых и Животворных Таин (величайшая честь и величайшее блаженство), коими очищаешься от грехов, оживотворяешься, освящаешься, питаешься духовно, утверждаешься во всякой добродетели, в коих получаешь залог жизни вечной.

Святая Церковь — величайшее, святейшее, благостнейшее, премудрое, необходимое учреждение Божие на земле: это истинная скиния Божия, *юже водрузи Господь, а не человек*, — не Лютер, не Кальвин, или Магомет, или Будда, или Конфуций и другие подобные, грешные, страстные люди. Церковь — богоучрежденный союз людей,

соединенных между собою верою, учением, священноначалием и Таинствами: это духовное ополчение Христово, вооруженное духовным всеоружием против вооруженного бесчисленного полчища диавольского; ибо *“несть наша брань к крови и плоти, но к началом, и ко властем, и миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным”* (Еф. 6, 12). Это — духовная Врачебница, где немоществующее язвою греха человечество врачуется благодатными врачеваниями, данными от Бога, — покаянием и Причащением Святых Христовых Таин Тела и Крови Христовых, и — словом Божиим, наставлениями и советами, и утешениями пастырей словесного стада Христова; это — общая купель очищения, возрождения и освящения; это — святилище Божие, в котором все освящаются Духом Святым через крещение, миропомазание и прочие тайнодействия и богослужение; это — духовное солнце в мире, просвящающее и оживотворяющее всех во тьме и сени смертной седящих и умерщвленных грехами.

Бог един, вера едина и Церковь Божия едина, ибо Глава ее Христос — Бог и Кормчий, одушевляющий все тело Церкви, Дух Божий, животворящий, Который и всю вселенную наполняет и оживляет.

Без Главы Христа Церковь не Церковь, а сборище самочинное. Таковы — лютеране, раскольники русские, пашковцы и толстовцы.

“Аз с вами есмь во вся дни до скончания века” (Мф. 28, 20). Сам Господь всегда присущ Своей Церкви, для чего же наместник — папа? И может ли грешный человек быть наместником Господа? Не может. Наместник царя, наместник патриарха в каком-либо городе может быть и бывает, а наместником, заместителем Господа, безначального Царя и Главы Церкви, никто не может быть. Верно. Католики заблуждаются. Внуши им, Господи, яко нелепы суть тако утверждающии и гордостию обложены, как ожерельем.

Самое вредное дело в христианстве, в этой богооткровенной, небесной религии есть главенство человека в церкви, например папы, и его мнимая непогрешимость. Именно в его догмате непогрешимости и заключается величайшая погрешность, ибо папа есть человек грешный, и беда, если он возомнит о себе, что он непогрешим. Сколько погрешностей величайших, гибельных для душ человеческих выдумала католическая, папская церковь — в догматах, в обрядах, в канонических правилах, в богослужении, в мертвящих, злобных отношениях католиков к православным, в хулах и клеветах на Православ-

ную Церковь, в ругательствах, обращенных к Православной Церкви и к православным христианам! И во всем этом виноват непогрешимый якобы папа, его и иезуитов доктрина, их дух лжи, двоедушия и всяких неправильных средств ad maiorem Dei gloriam (к большей якобы славе Божией).

Папа сковал духовную свободу и совесть христиан-католиков.

Католики о папе ревнуют, а не о Христе, за папу воюют, а не за Христа, и их ревность по вере переходит всегда в фанатизм страстный, человеконенавистный, остервенелый, фанатизм крови и меча (костры), непримиримости, двоедушия, лжи, хитрости.

У протестантов — немцев и англичан — совсем извращено понятие о Церкви, ибо нет у них благодати законного священства; нет Таинств, кроме крещения и (самого главного) Причащения Тела и Крови Христовых; нет колена небесного — Церкви Небесной: не признают святых; нет и колена преисподнего — умерших не признают и не молятся за них, считая это ненужным. Слава Церкви Православной! Слава Христу Богу — святейшей Главе, единой Главе Церкви Божией на земле! Слава Богу в Троице, что мы не впали в хулу на Бога, не признали и не признаем во веки главою Церкви святой грешного человека!

Англиканам и лютеранам: вы хотите, чтобы не было образов, чтобы их не почитали! Да это нелепость, абсурд. Человек есть образ Божий, и вы почитаете его в лице отца, матери, начальников, Государя, благодетелей разных; а изображение Бога во плоти, Отца, Начальника веры, Царя, Спасителя, Благодетеля, или Пречистой Его Матери Девы, высшей Херувим и всей твари: пророков, апостолов, мучеников, иерархов, преподобных, — почитать не хотите? Ведь святые — други Его, храмы, члены Его, в коих Он почивает. *Не весте ли, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас?* (Кор. 3, 16). Да и все мы — *уди есмы тела Его, от плоти Его, и от костей Его* (Еф. 5, 30) сыны и дщери Его, рождие Его. Как же не чтить их изображений?

Христиане — члены Церкви, а Церковь есть Тело Христово с Главою Самим Христом и Просветителем Духом Святым. *"Христос возлюби Церковь, и Себе предаде за ню... да представит ю Себе славну Церковь, не имущу скверны, или порока, или нечто от таковых, но да будет свята и непорочна"* (Еф. 5, 25—27). Вы — святое и избранное стадо, вы — члены Св. соборной и апостольской Церкви. Что же от вас требуется?! Какая святость, правда! Какое внимание себе! Ка-

кое духовное созерцание и делание втайне! Какие нравы, добродетели, какая вера, какое упование, какая любовь! Какое воздержание, милосердие, забота друг о друге, подвизание друг друга к добродетели!

По сошествии Св. Духа на апостолов, описанном в книге их Деяний, часто вспоминается о всепромыслительном действии Духа Святаго в Церкви, о Его вседержавном руководительстве апостолами, их спасительною проповедью и действиями в Церкви. Это и есть *"иной Утешитель"* (Ин. 14, 16) всеблагий и всеистинный, Которого обещал послать апостолам Господь Иисус Христос. Слава Тебе, Душе Святый, Утешителю животворящий, действующий непрестанно и всюду в Церкви Христовой. Обрати, Господи, ими же веси судьбами, заблудшие народы — иудейские, магометанские, языческие, и в самом христианстве — еретические и раскольнические народы и племена; пороки обличи и искорени, на благочестие настави и просвети; христиан православных обличи в нечестии и развращении и на путь спасительный всех настави; юношество вразуми и руководи, отрочество соблюди, младенчество возрасти и руководствуй Ангелами-хранителями, мужей и старцев вразумляй, просвещай и подкрепляй и всех, и вся державою Твоею всеблагою, премудрою и всесильною укрепляй и наставляй на всякую добродетель, разгоняя, как мглу, греховные страсти ради Христа, Господа нашего, благоволением Отеческим. Аминь.

Сильно, всемощно ходатайство пред Богом Церкви Святой, облеченной в заслуги, силу, правду и великолепие Сына Божия, всеблагой и всемогущей Главы Своей. Ее ходатайству все возможно. Такой силы ходатайства не имеет ни одна инославная церковь как неправомыслящая, как безглавая.

Христос пришел обновить растлевшее грехом естество человеческое и вверил это величайшее дело Своей благости, милосердия, правды и премудрости Своей святой Церкви. Дух Святый, вошедший в мир и действующий в Церкви через священнослужителей, богослужение, проповедь, Таинства, совершает это обновление непрестанно. Только в Церкви заключается эта обновительная сила; вне Церкви ее нет и быть не может.

Кто избежит сетей диавола? Только твердо верующий в Христа и в Церковь.

Враг нашего спасения — диавол, зная всю спасительность нашего союза с Богом посредством веры и Церкви и благодати Божией,

всеми силами и коварствами старается порвать нашу связь с Богом через грех, через страсти плотские, пристрастия мирские. Крепко держаться надо всем союза с Богом и Церковью, соблюдая законы Господни.

Христианину православному нужна сильная поддержка свыше от Бога и от святых воинов Христовых, победивших врагов спасения силою благодати Христовой, и от Церкви земной Православной, от пастырей и учителей, потом — общественной молитвы и Таинств. Вот такая-то помощница человека христианина в борьбе с невидимыми и видимыми врагами есть именно Церковь Христова, к которой, Божией милостью, мы и принадлежим. Католики выдумали новую главу, унизив единую истинную Главу Церкви — Христа; лютеране — отпали и без Главы остались; англиканцы — тоже; Церкви нет у них, союз с Главою порван, помощи всесильной нет, а велиар воюет всею силою, коварством и всех держит в своей прелести и погибели. Погибающих множество в безбожии и разврате.

Сын Божий насадил на земле единую Церковь под Своим главенством и управлением Духа Святого и в ней дал все средства к восстановлению разрушенного союза с Богом через учение и Таинства, через руководство пастырей, дал крещение, миропомазание, покаяние, богослужение, поучение постоянное в Слове Божием. Теперь, кто хочет жить в святом союзе с Богом, будь в союзе с Церковию учащею, священнодействующею к святости и правде и Царствию Божию — и спасешься.

Святые оставили духовное наследие, искусство покаяния и спасения — Церкви Православной, сложив в нее, как в верную сокровищницу, все свое разумение, свое слово, свое усердие, свое искусство, свои опыты. У нее-то и будем учиться покаянию и спасению.

"Их же предуведе, сих и предустави" (Рим. 8, 29). Господь сподобил меня священнического служения, величайшего после царского служения Ему и людям Его, Создателю и Его созданию: служение священника есть служение ходатайственное, примирительное, просветительное, тайнодейственное, духовно-управительное, святительное, обновительное, совершительное, обожительное. Оно возвышает человека до небес и даже возводит выше небес, когда он совершает Тайну евхаристии, Тайну пречистого Тела и Крови Христовой; тут священник сам соединяется таинственно и существенно с Господом в Тайне причащения и соединяет людей с Богом, и служит посредником их обожения.

Чудный златой тройственный союз Церкви Христовой — небесной, земной и преисподней, имеющей единого Главу, всемогущего Творца и Царя Христа, Агнца Божия, вземлющего грехи мира: находясь в этом чудном, небесном союзе верою, молитвою, покаянием с добродетелью, я безопасен от врагов видимых и невидимых; благонадежен касательно своего спасения, блажен, ибо всегда, всякий день и час, испытываю в себе и на себе божественные, животворные силы, сохраняющие, защищающие, вспомоществующие, освящающие, обновляющие и утверждающие меня, просвещающие, руководствующие к нетленной жизни, обожению и Царству Небесному. Держась этого святого союза церковного, я каждый день нахожусь в живом общении с Богоматерью, с Ангелом-хранителем и со всеми небесными силами, с патриархами, праотцами, пророками, апостолами, святителями Христовой Церкви — преемниками апостолов, мучениками, преподобными, бессребрениками, праведными и всеми святыми; назидаюсь их житием, подвигами, писаниями, чудесами, от них происходящими, и непрестанно благодарю Бога, поставившего меня в таком чудном, святом и спасительном союзе. Глубоко скорблю, что этот святой союз порван на Западе и Западом, пресловутым римским католичеством, а в нем — лютеранством и реформаторством, а у нас расколами и сектами. Истинная Церковь пребывает и пребудет единою и нераздельною и единоспасающею, именно — Восточная Православная, доказательства чему мы и видим непрестанно в дивных, спасительных благодатных силах, являемых в Церкви, — в совершаемых таинствах, в богослужении, в чудотворных мощах, св. иконах, источающих чудеса исцелений, и в бесчисленных животворных божественных силах, преизливающихся от милосердия Божия на верующих.

Церковь Бога есть славный дом, твердый, несокрушимый, вечный! Это, по Духу Святому, есть столп и утверждение истины, несокрушимый адовыми вратами. Богослужение Православной Церкви есть изображение Церкви как дома Божия (проскомидия).

Дух Святый хранит Церковь незыблему и необориму никакими наветами вражиими, побеждает всех врагов, обличает ереси, расколы, секты.

Без руководства Церкви человек и с образованием, и с великими способностями спадает в величайшие пагубные заблуждения, как и наш русский писатель Лев Толстой.

Члены Церкви небесной — патриархи, пророки, апостолы, святители, мученики, преподобные, бессребреники, Христа ради юродивые и все святые — суть живые члены, имеющие живую, тесную связь с Церковью земною — со всеми иерархами, всем освященным собором и со всеми мирскими людьми православными. Они помогают нам своим представительством перед Богом, своими молитвами, своею многоразличною помощью, своими чудесами и часто своими личными явлениями.

Церковь есть чудное, премудрое, несокрушимое здание небесного Архитектора, Иисуса Христа, ипостасной Премудрости Отчей, премудро и всемощно создавшей мир и всю небесную и земную иерархию. Обратите внимание на состав церковного богослужения: какие несокрушимые связи церковные во всем его ходе! Везде в молитвах прежде всего является обращение верных к всемогущей Главе, Иисусу Христу, Которого она (Церковь) умоляет помиловать чад своих молитвами Начальницы мысленного назидания, Пресвятой Богородицы, затем предстательством честных небесных сил бесплотных, Предтечи, славных апостолов, святителей, мучеников, преподобных и всех святых. Какие крепкие связи членов с Главою, и каких членов! Поколеблется ли Предтеча в своих предстательствах, как трость, ветром колеблемая!? А Пресвятая Богородица: это — гора непоколебимая, на которую могут надежно опираться христиане верные! А апостолы и мученики непобедимые, непоколебимые всеми силами ада! А святители и преподобные: это столпы, неподвижные в вере и благочестии, поддержавшие веру Христову в гонениях от еретиков и соблюдшие ее целою и невредимою!

Святые и по смерти помогают благочестиво живущим на земле христианам как отдельным лицам, так и городам и царствам и видимо являются людям благочестивым со своим мощным заступлением. Сколько раз св. Николай Чудотворец являлся призывавшим его с верою на земле, на море, во всех странах, где с верою призывалось имя его. Сколько избавлено им людей от смерти. Сколько раз являлся с небесною помощью св. великомученик Георгий Победоносец или св. Сергий Радонежский, и множество святых! Святые как бы не умирали и живут с нами, в нуждах помогая нам.

Выписка из пророческой проповеди, произнесенной о. Иоанном в день св. Архангела Михаила 8 ноября 1902 года:

"Всеблагий и Всемогущий Владыка Церкви оградил ее бесчисленным множеством Своих огненных слуг — ангелов. Имея такое множество небесных предстателей, защитников и хранителей, во главе с Самим Господом, Церковь непобедима, и враги адовы, вся сила ада, со всеми клеветами дьявола на земле, особенно нечестивыми и безбожными писателями и сектантами, не одолеют ее, хотя и усиливаются всеми мерами одолеть и низложить ее и перьями и местными погромами. Но нам, служителям Церкви, нужно ревностно охранять ее достоинство и честь и словом, и делом. Будем вспоминать с любовью и благоговением древних и новых ревнителей и защитников Церкви: апостолов, святителей, мучеников, преподобных и прочих святых и их славную победу над всеми врагами веры и благочестия и сами будем подражать их святой ревности. Будем твердо вести вверенный нашему духовному руководству народ православный к животу и благочестию. Ныне времена не лучше, чем времена Ария и Македония, или целое столетие бывшей иконоборческой ереси, из-за которой славно и победоносно пострадали многие св. отцы Церкви, коих слава неувядаема и полна вечного торжества и радости. И мы не боимся нынешних лаятелей на Веру и Церковь, ибо Подвигоположник наш и всемогущий Глава Христос всегда с нами есть и пребудет до скончания века, и нынешнее смутное время послужит только к большей славе Церкви Божией. Святый же Архистратиг Божий не престанет предстательствовать за нас перед Господом. Аминь".

И послушались лучшие пастыри Церкви Российской заветов великого служителя Божия и смело пошли на мученичество. И исполнилось пророчество о. Иоанна — Церковь Российская просияла сонмом мучеников и вельми прославилась в них.

(Это последнее поучение о. Иоанна теперь, несомненно, приходится дополнить и его именем, ибо в главе о Силах Божиих, проявленных через о. Иоанна, описано множество исцелений, явлений и других чудес, им совершенных и совершаемых доныне.)

Ни одно исповедание христианской веры, кроме Православного, не может привести христианина к совершенству христианской жизни или святости и к совершенному очищению грехов и к нетлению, потому что другие исповедания неправославные *содержат истину в неправде* (Рим. 1, 18), примешали суемудрие и ложь к истине и не

обладают теми богодарованными средствами к очищению, освящению, возрождению, обновлению, коими обладает Православная Церковь. Опыты веков, история Православной Церкви и прочих церквей показали и показывают это с поразительною очевидностью. Припомните множество святых нашей Церкви, прежних и нынешних времен, — и отсутствие их, по разделении церквей, в других неправославных церквах, католической, лютеранской, англиканской.

На какую высоту святости, правды, обожения возведена природа св. угодников Божиих — Предтечи, апостолов, пророков, святителей, мучеников, преподобных, бессребреников и всех святых! Они, как звезды, блистают на небе святынею и обожением, благоухают, как цветы райские. Плотские люди не понимают их высоты и достоинства и считают их людьми обыкновенными, не заслуживающими поклонения и призывания на помощь (лютеране, пашковцы).

Доказательством истины, единства, святости, соборности, апостоличности, спасительности Церкви служит то, что она объемлет всех святых на небесах, живущих на земле и умерших, всех возглавляет во Христе, сообразно чему и самый храм разделяется на три части — на алтарь, означающий небо, церковь, означающую землю, и притвор, означающий преисподнюю. В этом божественном, мудром и спасительном устройстве все — божественно, премудро, спасительно, утешительно: члены Церкви друг другу помогают достигать спасения и блаженства в Боге; члены небесной Церкви — земным, земные, живущие — сущим на земле и умершим, — это самая полная, живая связь одних с другими, тогда как у лютеран эта связь порвана: там нет почитания святых и останков духовных животворных; нет благодарственной жертвы за святых, умилостивительной — за умерших; мертвые оставлены без помощи, не пользуются попечением и любовью церкви, брошены на произвол.

Лютеране и англикане смотрят на них, как на простых людей, и тем оскорбляют и Господа, их прославившего, и их самих.

Святость угодников Божиих есть великое Таинство их освященных душ, совершаемое и совершенное в них Духом Святым, источником святыни, в которой они вечно пребывают.

Лютеране не молятся об умерших, англиканцы тоже.

Лютеранство, прикрываясь именем христианской веры, есть в действительности отвержение веры, поблажка чувственности с отвержением постов, монашества или жизни девственной, посвященной

исключительно на служение Богу, поблажка лжеименному человеческому разуму с его философскими бреднями и его боготворение, отвержение божественного авторитета Вселенских Соборов и святых отцов, дерзкий разрыв со Вселенскою Церковью и ее Главою — Христом, — самочинное сборище, прикрывающееся именем церкви очищенной, реформированной.

Ненависть к Православию, фанатизм и преследование православных, убийства проходят красною нитью через все века жизни католичества. От плодов их познаете их. Таков ли дух заповедан нам Христом? Если кому, то католикам, лютеранам и реформатам можно всегда сказать: *"не весте, коего духа есте"* (Лк. 9, 55).

Причина всех фальшей римско-католической церкви есть гордость и признание папы действительным главою церкви, да еще — непогрешимою. Отсюда весь гнет западной церкви. Гнет мысли и веры, лишение истинной свободы в вере и в жизни, на все папа наложил свою тяжелую руку; отсюда — ложные догматы, отсюда — двойственность и лукавство в мысли, слове и деле; отсюда — различные ложные правила и постановления при исповедании грехов; отсюда — индульгенции, отсюда искажение догматов; отсюда фабрикование святых западной церкви и несуществующих мощей, не прославленных Богом; отсюда — "взимание на разум Божий" (2 Кор. 10, 5) и всякое противление Богу под видом благочестия и ревности о большей славе Божией.

Граф Л. Толстой посягнул на истину Евангелия и всего Святого Писания и исказил смысл Евангелия — непререкаемо важный и драгоценный для людей всех веков. Отвергся веры во Христа как Сына Божия, Искупителя и Спасителя мира и совратил многих вслед за собою и погубил их; отвергся Церкви, основанной Христом, попрал благодать крещения, миропомазания, покаяния, причащения и всех Таинств; себя по высокоумию считает судиею слова Божия и высшим критерием его, а не себя им поверяет. *Но горе, иже мудри в себе самих и пред собою разумни* (Пр. Исаия).

Толстовцы проповедуют изведение из храма детей, особенно школьного возраста, и введение в театр и в курс толстовского учения, якобы разрушающего суеверие, т.е. веру во все святое; и следующие толстовскому учению действительно перестают ходить в храм, к исповеди и причастию. Лютеране, сектанты, пашковцы, толстовцы, штундисты упрекают нас в почитании икон, в употреблении их.

Изображениям святых мы поклоняемся как изображениям славных и всехвальных добродетелей христианских — веры, упования, любви, самоотвержения, милосердия, кротости, смирения, незлобия, мужества и терпения, послушания, чистоты, непрестанной молитвы, душевного бодрствования. Вот кому и чему поклоняемся, поклоняемся в них Самому Богу, в них всельшемуся и в них действующему и совершающему чрез них благотворные чудеса исцелений.

Употребление св. икон в православных и во всех других христианских обществах необходимо потому — сверх прочих причин, — что Господь, Пресвятая Богородица, св. Ангелы и святые угодники недоступны нашему бренному зрению в небесной чудной славе, а в святых иконах они доступны, осязаемы, так сказать, а наша природа — двойственная: духовная и телесная — требует видимого, осязательного образа — самого Тела и Крови Христовых в Причащении под видами хлеба и вина. Потому Господь, снисходя к нашей немощи, Сам изобразил Себя на убрусе и предал Свой образ на поклонение благочестное, исцеление, утешение людям на все века; потому нам дал Пречистое Тело и Кровь, потому Миром печатлеет нас в миропомазании для видимого сообщения даров Святого Духа.

Чрез почитание св. икон Господа, Богоматери и святых всех представляется и неученым людям наглядно, воспоминательно и поучительно наша святая, высочайшая и всеспасительная вера; она, так сказать, реализуется, осуществляется чрез них (т.е. св. иконы), как и чрез богослужение, молитвы, чтение слова Божия, догматы, заповеди и церковные каноны.

О силе Креста Господня

Слава дивной силе Креста Твоего, Господи! Когда Господь наш Иисус Христос висел на кресте, пригвожденный к нему римскими воинами, тогда, — о, дивное и ужасное дело! — Христос и крест были одно, Христова Плоть и Древо крестное соединены были гвоздями в одно. Таким образом, Господь как бы обручился с крестом, и несколько часов висения Его на кресте соединили Его, так сказать, с крестом до скончания века; и вот почему крест имеет многоразличную силу, и будет иметь ее до скончания века; вот почему крест называется Христоносным и животворящим; вот почему Христос, крест и знамение креста одно и то же: Христос на кресте и крест

во Христе; вот почему всякое пренебрежение ко кресту есть пренебрежение к Самому Христу Спасителю. А как многоразлично пренебрегают крестом и знамением креста; как многие христиане небрежно крестятся и не хотят делать на себе порядочно знамение креста, как многие стыдятся креститься! Братия, орудия ли своего спасения, победного ли трофея Господа Своего — стыдитесь? Славы ли своей стыдитесь? Мне же хвалиться да не будет, токмо во едином Кресте Господа; "на нем же страдав, уби страсти, того ради и мы держим Крест Господень, яко хвалу, вси: есть бо нам спасительное сие Древо, оружие мира (им мы примирены с Богом), непобедимая победа, крест — образ Троицы".

Крестное знамение, изображенное нами на себе или на других, означает, что Христос в вас разве точию сим неискусни есте? Где крест, там и Христос; молясь Богу и изображая на себе крестное знамение, мы как бы говорим Отцу Небесному: "ради Сына Твоего возлюбленнаго, нашего Искупителя, пострадавшаго за нас и взявшаго на Себя грехи мира, а не ради нас, помилуй нас!"

О силе слов Евангелия

Братие, ловите слухом сердца каждое слово Спасителя в Евангелии и прилагайте к сердцу; это не слово человеческое, которое часто бывало лживо, пусто, бессильно, нелепо, а слово Божие, слово истины, слово всемогущее. Каждое слово Господа есть жизнь для нас и все сказанное устами Спасителя сбудется до йоты — ничто не прейдет.

О Причащении

Поучения свои отец Иоанн приписывал благодатной силе Св. Христовых Таин, которых он причащался.

В творениях своих он множество раз говорит о великой чудотворной и всепобеждающей силе Св. Христовых Таин.

Вот одно из таких наставлений о. Иоанна: "Если почувствуешь тяжесть борьбы и увидишь, что тебе не справиться самому со злом, беги к духовному отцу своему и проси его приобщить тебя Святых Таин. Это великое и всесильное оружие в борьбе". Вот другое поучение: "Господь, с Которым я ежедневно соединяюсь через Св. При-

чащение, подкрепляет меня. Иначе, где бы я мог почерпнуть силы для таких постоянных усиленных трудов, которыми стараюсь служить во славу Святого Имени Его и во спасение ближних моих".

А вот молитва о. Иоанна, в которой он, в назидание наше, просто, как апостол Павел, сам говорит о силах Божиих, обитающих в нем, и о ежедневно совершающихся чудесах через Св. Тайны.

"Везде прославило меня Имя Твое, Господи! И у трона царей, и у всех важных и сильных мира сего, и у богатых и небогатых, образованных и простых людей; всюду принесло Оно и приносит непрестанно отраду, мир, избавление, спасение, здравие, утешение, облегчение, победу над кознями вражиими. Сколько чудно Имя Твое, Господи! Как чудно, державно, властно влечет всех ко мне, убогому, благодать Твоя, во мне живущая и пребывающая, через частое причащение Святых Таин Твоих Пречистого Тела и Крови Твоея, Господи! Благодарю Тебя за чудеса Св. Таин, совершающиеся во мне и в народе русском *ежедневно*. Ты влечешь меня и его к Тебе чудною, всемогущею, непобедимою силой. Вся Россия православная влечется к Тебе. Влеки, влеки, Слове Божий, Творче наш, Избавителю наш, влеки к Себе всех и вся".

Привожу еще несколько поучений о. Иоанна о спасительности причащения Святых Христовых Таин и рассказы его самого об исцелении умиравших и безнадежно больных после причащения им этих лиц Святых Таин.

"Богочеловек дал всеблагий, премудрый, прерадостный завет Церкви Своей — до скончания века совершать всеспасительное и самонужнейшее Таинство — Тела и Крови Его и причащения верующих. И мы имеем блаженство причащаться Божественного Брашна весьма, весьма часто; и какое преискреннее, теснейшее общение! "Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь во Мне пребывает и Аз в нем. Ядый Мою Плоть и пияй Мою Кровь имать живот вечный. Но аще, — говорит Господь, — не снесте Плоти Сына человеческаго, не пиете Крове Его, живота не имате в себе" (Ин. 6, 53—56). Таково-то общение любви сначала и поныне!

Какое спасительное, боготворящее Таинство предал Господь рукам священников, поручив им совершать по благодати священства, силою Духа Святого Животворящего, Таинства пречистого Тела и Крови Своей! Сколь должны быть святы и блаженны лица, соверша-

ющие это пренебесное Таинство и часто причащающиеся его, делающие блаженными и радостными также множество народа причащающегося! Сколь светла и славна Церковь, имеющая в себе такие Таинства, преданные ей от Самого Господа — Саможивота всех, и содержимые ею непревратно и свято, от начала доныне!

Слава Господу Иисусу Христу и Животворящим Его Тайнам! Сколько мне приходилось видеть больных, истаявших, как воск, от болезней, совершенно расслабевших, погасавших, и когда я причащал их Божественных Таин, которых они требовали, или по моему совету, или по своему сердечному влечению, они дивным образом быстро поправлялись. Так, одного старика, с лишком 80 лет, живущего в бедности с семейством, я причащал два раза в разные времена, причащал тогда, когда он был отчаянно болен, изготовил завещание и благословил всех домашних, и он в оба раза, на второй или третий день вставал с постели и выздоравливал.

В гимназии один ученик низшего класса три месяца был нездоров воспалением живота, не имел аппетита и под конец весь исхудал до скелета, весьма был недалек от смерти. Я посмотрел его, советовал ему причаститься Св. Таин, возбудил в нем желание их; затем вскоре пришел причастить его: причастил и больной стал есть, пить и быстро поправляться, в скором времени он встал с постели и готов был идти в класс. Еще один купеческий мальчик болел 6 недель горячкою, но лишь был причащен Св. Тайнами, — выздоровел. Замечательно, что пораженные болезнями организмы как бы ожидают Божественного Тела и Крови, и по принятии их тотчас же оживотворяются и поправляются.

Это только три случая, которые я в скором времени мог припомнить. Но свидетельствуясь Богом и своею священническою совестью, что случаи быстрого выздоровления больных после причастия Божественных Таин — неисчислимы от множества. Жизнодавец, весь почивающий в Своих Животворящих Тайнах, пречасто дарил здравием и жизнью болящих, близких к смерти, от которых Он ожидал еще плодов благих. Как же после этого христиане боятся пригласить священника к больному, чтобы, как они думают, не испугать больного мыслью скорой смерти, и допускают его таким образом таять в своей болезни и оставаться без утешения христианского, без источника бессмертия, Св. Тела и Крови Христовой? О, маловерие! О, ослепление бесовское! Бояться Христа Жизнодавца и Его Животворя-

щих Таин! Бояться нашего Сладчайшего Спасителя! Не бояться надо св. Таин, а желать всею душою причастия их в самом начале болезни всякому больному и прежде всякого лекарства врачебного принимать это Божие врачевство! И самим так надо поступать и другим советовать так же делать; тогда болезни наши самые жестокие проходили бы очень скоро и не стали бы томить нас в постели; не стали бы нам надоедать многоразличными лекарствами, деньги на врачей и лекарства остались бы дома и могли бы быть употребляемы в пользу бедных людей или на наши необходимые нужды. Не отвергаю я врачей и естественных средств врачевания: нужны врачи; Господь даровал их и врачебные пособия Господь указал, но они должны быть употребляемы после принятия Животворящего Чудного Врачевства; вначале же тогда только должно употреблять лекарство, когда болезнь приключается вдруг и не терпит отлагательства во врачебной помощи.

Бедствие для души долго не причащаться Св. Таин: душа начинает смердеть страстями, сила которых возрастает по мере того, как долго мы не сообщаемся со своим Жизнодавцем.

Дивлюсь величию и животворности Божественных Таин: старушка, харкавшая кровью и обессилевшая совершенно, ничего не евшая, — от причастия Св. Таин, мною преподанных, в тот же день начала поправляться. Девушка, совсем умиравшая, после Причащения Св. Таин, в тот же день начала поправляться, кушать, пить и говорить, между тем как она была почти в беспамятстве, металась сильно и ничего не ела, не пила. Слава Животворящим и Страшным Твоим Тайнам, Господи!

Тело и Кровь Христовы столь всесильны, что могут простить, исцелить и спасти даже того, кто причащается без должной подготовки и несознательно".

Однажды, когда я с другом моим священником Гронским, приехали к о. Иоанну в Кронштадт и он угощал нас чаем, то о. Иоанн вышел в соседнюю комнату (его кабинет) и принес оттуда, как сейчас помню, книгу в красивом красном переплете, толщиною с палец и говорит нам: "Вот я недавно вычитал в этой книге всеми забытое Апостольское Правило, чтобы отлучать от церкви тех, кто 3 недели не был у Св. Причащения".

Это правило воистину всеми забыто, ибо даже в здешних монастырях монашествующие причащаются всего только 4 раза в год, вме-

сто минимальных 17—18 раз в год по означенному Апостольскому Правилу.

У интеллигенции нашей установился обычай исповедаться и причащаться один и максимум четыре раза в год и притом обычай этот настолько твердо укоренился, что тем, которые причащаются чаще, приходится выслушивать упреки и увещания, что так де не годится, так нельзя надлежащим образом подготовиться, так слишком привыкаешь к Таинству и недостаточно его ощущаешь.

Один чудак, недавно умерший, спрашивал меня: не ощущаю ли я после причащения Св. Таин подавленности и мрачного настроения духа? А я ведь именно и прибегаю к таинствам Исповеди и Св. Причащения, чтобы избавиться от мрачного, подавленного настроения духа и приобрести радостное, полное надежды и упования на Бога, миролюбивое, кроткое и смиренное.

Эти два Таинства суть очищение, омовение души и духа от скверны грехов. Поэтому откладывание этого омовения, несомненно, от лукавого, старающегося отвратить человека, под разными благовидными и неблаговидными предлогами, от очищения грехов и соединения через Причащение со Христом.

Мудрствование этих людей относительно вреда частого причащения подобны тому, как если бы кто-нибудь сказал: “Я не могу мыться каждый день, я должен ходить в грязи, чтобы основательно подготовиться к мытью, мне будет не по себе, если я буду чувствовать себя каждый день чистым”.

Здесь уместно будет вспомнить рассказ генеральши Марии Васильевны Масоловой, ныне монахини.

Вот что она мне рассказала:

В 1889 г. к о. Иоанну приехал Алексей Николаевич Юрьев, человек из высшего общества, бывший лицеист, и просил о. Иоанна помолиться об исцелении его сына 7 лет, который был болен спонделитом, т.е. костным туберкулезом, но о. Иоанн, как бы не слыша его просьбу, стал расспрашивать его самого о его жизни, спросил, давно ли он причащался, и, узнав, что четыре месяца тому назад, сказал, что ему необходимо исповедаться и причаститься теперь же, завтра у обедни. Юрьев ответил, что он приехал только на один день и что у него есть важные дела и он не может остаться до завтра. Но о. Иоанн стоял на своем, и Юрьев наконец согласился остаться, исповедался и причастился.

Вернувшись домой, Юрьев скоропостижно скончался.

Из приведенного рассказа возникает вопрос: как мог о. Иоанн предвидеть близкую кончину Юрьева? Ответ на это совершенно ясный и простой — Духом Святым.

Я уже привел выше яркие примеры того, как Дух Святый открывает будущее святым. Кроме того, из этого рассказа ясно, что о. Иоанн видел большую опасность в том, чтобы человек не умер без покаяния и причащения Святых Таин.

В Совдепии бывшая безбожная интеллигенция это хорошо поняла и еще с 1924 г. причащалась каждое воскресенье, так как справедливо опасалась, что в будущее воскресенье уже не удастся причаститься, — будешь расстрелян, или в тюрьме, или вообще прекратится принесение Бескровной Жертвы.

Рассказ инокини Марии, переданный инокиней Параскевой Леснинского монастыря.

Один молодой человек, почитатель о. Иоанна, однажды приехал к нему в Кронштадт. О. Иоанн сказал, что ему необходимо сегодня же причаститься. Тот возразил, что никак не может, так как пил уже кофе. “Это ничего, — говорит о. Иоанн, — а причаститься вам все же нужно”, и причастил его. В тот же день молодой человек погиб при крушении поезда.

Обыкновенно лица, кои сами редко причащаются и советуют другим причащаться реже, ссылаются на слова апостола Павла, который говорит, что причащающийся, не рассуждая, Тела и Крови Христовых, суд себе яст и пиет. Такие лица, выхватив означенные слова из поучений св. апостола Павла, замалчивают те обстоятельства, по поводу которых апостол говорит это. Чтобы всем было ясно, привожу целиком ст. 20—34, гл. 11 Первого послания к Коринфянам:

«20. ...вы собираетесь *так, что это* не значит вкушать вечерю Господню;

21. Ибо всякий поспешает прежде *других* есть свою пищу, *так что* иной бывает голоден, а иной упивается.

22. Разве у вас нет домов на то, чтобы есть и пить? Или пренебрегаете церковь Божию и унижаете неимущих? Что́ сказать вам? похвалить ли вас за это? Не похвалю.

23. Ибо я от *Самого* Господа принял то, что́ и вам передал, что Господь Иисус в ту ночь, в которую предан был, взял хлеб

24. И возблагодарив преломил и сказал: приимите, ядите, сие есть

Тело Мое, за вас ломимое; сие творите в Мое воспоминание.

25. Также и чашу после вечери, и сказал: сия чаша есть новый завет в Моей Крови; сие творите, когда только будете пить, в Мое воспоминание.

26. Ибо всякий раз, когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете, доколе Он приидет.

27. Посему, кто будет есть хлеб сей, или пить чашу Господню недостойно, виновен будет против Тела и Крови Господней.

28. Да испытывает же себя человек, и таким образом пусть ест от хлеба сего и пьет из чаши сей.

29. Ибо кто есть и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая о Теле Господнем.

30. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает.

31. Ибо если бы мы судили сами себя, то не были бы судимы.

32. Будучи же судимы, наказываемся от Господа, чтобы не быть осужденными с миром.

33. Посему, братия мои, собираясь на вечерю, друг друга ждите.

34. А если кто голоден, пусть ест дома, чтобы собираться вам не на осуждение».

Во времена апостола не было так, как теперь, т.е. что священник в церкви с ложечки подает причащающемуся Тело и Кровь Христовы, пресуществленные на Литургии из хлеба и вина Духом Святым. Христиане, современники апостола, собирались на “вечери любви”, принося с собою хлеб и вино, и нередко те, которые приносили много, не уделяли бедным и, не ожидая других, напивались пьяными. Конечно, тот, кто так ел и пил, — суд себе ел и пил.

Апостол нигде не говорит о том, что каждый приходящий причаститься может причаститься только тогда, когда он чувствует себя уже совершенно святым.

Да оно и понятно, если ждать святости для того, чтобы приступить к Таинству, то может случиться, что такого момента человек никогда и не дождется.

К Таинству приступают именно для получения этой святости.

Святые Дары заключают сами в себе великую силу, ибо суть Тело и Кровь Господа Бога-Слова Вседержителя Иисуса Христа, поэтому Они сами, без всякого участия причащающегося, его исправляют, исцеляют, освящают, будет ли он уверен в таком действии Св. Таин или нет.

И действительно, часто умирающие, ничего уже не соображающие, приняв Тело и Кровь Христовы, выздоравливали.

Для огрубевших людей, не хотящих в отношении причащения понимать его значения, приведу грубое сравнение:

Если человек выпьет много спиртного напитка, то он опьянеет потому, что спирт имеет силу опьянять, совершенно независимо от того, верит ли пьющий в то, что опьянеет, или об этом не думает.

Догмат искупления по учению о. Иоанна

Смысл и цель вочеловечения, страдания и смерти Сына Божия. Человек, созданный по образу и подобию Божию, и святости, и правде, чрез грех отпал от Бога и подчинился врагу Божию — диаволу, имеющему державу смерти, соделал свою природу доступной всякому злу и лукавству, подвергся проклятию, болезням и смерти. Связь с Богом нарушена, постоянное общение человека с Богом прекратилось. Восстановить это общение, эту связь твари с Творцом самому человеку было выше его сил, невозможно, ибо надо было восстановить святость в падшей природе, очистить ее от всякого лукавства, возродить, обновить, снять с ее проклятие и примирить человека с Богом, разрушив преграду между Богом и человеком — грех. А это мог сделать только чрезвычайный Ходатай, ни ангел, ни другой кто, а сам Бог. Для этого Ему нужно было воспринять на Себя совершенную безгрешную природу человеческую и ею исполнить всякую правду Божию, просветить Собою — Своим учением и жизнью — омраченное грехом естество человеческое, насадить в нем истинную веру и святость, исходатайствовать прощение грехов за веру и покаяние, и для сего пострадать за грехи человечества и умереть на древе крестном и тем принести выкуп за проклятое человечество — от греха, проклятия и смерти, и исходатайствовать благословение помилованному человечеству и все силы благодатные к животу и благочестию. Вот смысл и цель вочеловечения, страданий и смерти Богочеловека, добровольно, по единой благости, принесшего Себя Самого в жертву за человечество, чтобы снять с него проклятие праведное, дать благословение и открыть ему Собою доступ к Богу, через веру и покаяние, через удаление от греха и делание правды. Эти заслуги Сына Божия столь велики, искупление, совершенное Им, — столь богатое и щедрое, что его с избытком достаточно для искупле-

ния грехов всего мира, для помилования и спасения всего человеческого рода, если бы все человечество уверовало и покаялось. Но не у всех вера. Есть множество неверующих, лукавых, гордых, самомнительных, которые отвергают веру во Христа как Богочеловека, Искупителя и Спасителя или веруют холодным умом, но дел благих не имеют, не нудят себя на исправление и добрые дела, не творят дел покаяния и, как неплодная смоковница, — погибают. Много званых, но мало избранных!

Чтобы одолеть жало смерти, уязвившее род человеческий, и истребить проклятие за грех, надо было Самому Сыну Божию воплотиться и быть человеком и исполнить всю правду Божию, которую должны были исполнить люди и — не исполнили; надо было претерпеть казнь на древе креста за все грехи человечества и вкусить смерть безгрешным, пречистым Богочеловеческим Телом, чтобы истребить осуждение смерти нашей и даровать воскресение всему человеческому роду; вознестись на небо по человечеству, чтобы отверзть нам небо, и воссесть одесную Бога-Отца, чтобы побеждающих грех и миродержца посадить с Собою на престоле славы. Дивны дела, дивно смотрение Твое, Господи, о роде человеческом!

Слово о. Иоанна в Великий пяток 26 марта 1904 г.

Господь Иисус Христос есть добровольная жертва за грехи всего мира, за грехи каждого из нас. Слушайте, что предрек о Нем пророк Исаия: *Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; Он язвен был за грехи наши и мучен за беззакония наши; наказание мира* нашего было *на Нем и ранами Его мы исцелились*. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу, и Господь (т.е. Отец Небесный) возложил на Него грехи всех нас. Он истязаем был, но страдал добровольно и не открывал уст Своих; как овца веден был Он на заклание, и, как Агнец, пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих. От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? Ибо Он отторгнут от земли живущих; за преступления народа претерпел казнь. Ему назначили гроб с злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха и не было лжи в устах Его. Но Господу угодно было поразить Его, и Он предал Его мучению; когда душа Его принесет жертву умилостивления, Он узрит

потомство долговечное и воля Господня благоуспешно будет исполняться рукою Его (Ис. 53, 4—10).

Доселе пророк богоглаголивый Исаия.

Но, как же, вы спросите, мог так ужасно пострадать от злых людей Сам Господь, всемогущий и праведный Судия всей земли? Почему Он не воздвиг всемогущую силу Свою и не поразил злобных врагов Своих? Ведь Он Господь, Которому повинуются легионы и миллионы святых Ангелов? На это отвечу, что Господь страдал не Божеством Своим, которое не подвержено страданию, а человечеством, человеческою душою и телом, и не потому пострадал, что будто бы не мог избежать страданий, а потому, что восхотел пострадать, потому что и пришел в мир для того, чтобы пострадать и умереть; Сам Он говорил, что для того Он и пришел, чтобы пострадать. *Сего ради приидох на час сей* (Ин. 12, 27); потому что без добровольных страданий и смерти Его за мир, мир погиб бы, т.е. род человеческий. Вот в чем сила, бесконечная цена и заслуга перед Отцом Небесным Его добровольных страданий и смерти; вот в чем наибольшее проявление любви и милосердия Божия к миру, погибавшему в грехах: Его страданиями и смертью была удовлетворена вечная правда Божия, искупились грехи человечества, грехи самих распинателей, если бы они, эти распинатели, искренно покаялись в своем злодействе и заблуждении.

Правда Божия требовала полного исполнения правды закона: и Господь Иисус Христос, совершенный Бог и Человек, исполнил всю правду, удовлетворив праведному Отцу за человечество неправедное; правда Божия требовала вечного праведного проклятия и вечной казни преступников: Иисус Христос принял на Себя добровольно и проклятие, и казнь, чтобы избавить от них человечество, при условии веры в Него людей, покаяния и послушания Ему. Чтобы избавить людей от смерти и разрушить ад и вывести из него души, чаявшие Его пришествия и избавления, Ему нужно было Самому умереть человеческим естеством, победить всеродную смерть и Победителем снизойти в ад, разрушить его силу, силу сатаны, державшего в плену души всех людей умерших, коими он думал обладать вечно и радоваться страшным злорадством их мучениям вечным. Он, Господь наш, разрушил ад, врата медные сокрушил и вереи железные сломил, воскрес со славою Божества из мертвых, и мертвых воскресил, и они вышли из гробов по воскресении Его, и явились многим. Таким образом через страдание и смерть Христа Спасителя смерть

наша побеждена и обещано воскресение мертвых всему человеческому роду; и мы светло предначинаем общее воскресение мертвых в Начатке воскресения — Господе нашем Иисусе Христе; *ибо Христос воста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. 15, 20).

Вот плоды страданий и смерти Господа; вот неотложная и вседовлеющая потребность их для спасения мира: без Его страданий и смерти не было бы прощения грехов, не было бы спасительных крещения, покаяния, причащения животворящих Таин Тела и Крови, примирения нашего с Богом, обновления, освящения, — не было бы церкви Божией, св. Таинств церковных, богослужения, песнопения церковного, — иерархии церковной, так как благодать священства есть, так сказать, преемство и олицетворение священства Самого Христа, Первосвященника во век по чину Мельхиседекову.

Итак, все прославим сердечно страдания и смерть Христа, Бога нашего, ибо только Его страданиями мы избавляемся от грехов и страстей наших, и Его смертью будем избавлены от муки вечной за веру и покаяние с делами, достойными покаяния. Аминь.

О смирении

“*Смирение*, что может ему противиться, какая злоба его победит, какая сила пойдет против него?.. Когда остановишься перед преградой легкой и задашь себе вопрос, как сломить ее, — силой или смиренной любовью, всегда отвечай себе: возьму смиренной любовью — и победишь”.

Иоанн Кронштадтский

Да, велика сила кротости и смирения, я испытал это на себе. От природы я человек вспыльчивый и очень часто мне случалось вспылить из-за пустяков, не стоивших выеденного яйца или прошлогоднего снега. Однажды, когда я вспылил на жену, она мне кротко сказала: “Теперь ты можешь меня обижать сколько хочешь, — папа мой умер и защищать меня некому”. Слова эти больно кольнули меня в сердце. Тесть мой только что умер, я очень любил его, но, к сожалению, виделся с ним лишь один месяц в жизни, так как он служил в Туркестане, где и скончался. Я решил воздерживаться от вспышек и, как только во мне начинало закипать раздражение, я тотчас уходил в свой рабочий кабинет, повторяя про себя несколько раз: “Господи, помилуй”, или мысленно произносил молитву Господню и раздра-

жения тотчас, как не бывало. И так продолжалось 15 лет. Вот как всесильна кротость!

Несколько месяцев тому назад некто, годящийся мне в сыновья, без всякого основания и без какого-либо повода с моей стороны, публично надо мной поиздевался. Я хотя и вспылил жестоко, но возбужденная кротостью моей жены привычка заставила меня прочитать "Отче наш". И, о чудо! Раздражение мгновенно исчезло бесследно, я вспомнил, что человек этот неоднократно оказывал мне исключительную сердечность, — злоба заменилась любовью к нему, и я, в самом благодушном настроении духа, сел заниматься своим делом.

Поучение о. Иоанна о чудесах

Чудо с иконою Божией Матери, бывшее 8 марта в Курском Знаменском монастыре, поразительное во всех отношениях, обрати себе, каждый православный христианин, в урок и назидание. Дивно хранит Свой пречистый образ и чрез него нас всех русских Пресвятая Богородица; Она не дала Себя и нас в посмеяние нечестивцам; да посрамятся и исчезнут сами нечестивые все, если не раскаятся и не обратятся всем сердцем ко Господу. Кто эти нечестивые? Пашковцы, толстовцы... Господь взыщет их, и посрамит, и накажет, а чтущих Богоматерь и Ее св. икону вознесет, и прославит, и от всех бед избавит, и Царствия Небесного сподобит. Слава Богу! Слава Матери Божией!

Церковь христианская богата св. человеками высоких умов и смыслов, возвышенных, самоотверженных душ адамантовой твердости в вере и благочестии, мужества непоколебимого, дел поразительно великих, любви неиссякаемой. К таковым, между бесчисленным их множеством, особенно принадлежит св. Николай, которому присвоено преимущественно пред всеми имя Чудотворца.

Так Св. Церковь прославилась мужами и даже женами дивной святости и превеликих чудес. Пусть после этого говорят близорукие сыны века сего, что будто не было и нет чудес, или что будто чудеса можно объяснить естественными причинами, которыми, впрочем, невозможно их объяснить никоим образом. Эти чудеса свидетельствуют громко и непререкаемо о всемогуществе, благости и правде Начальника нашей веры и Совершителя Иисуса. Приди и виждь! Можем мы сказать всякому неверующему, указывая на бесчисленные

чудеса святых как древних, так и новых, и не буди неверен, как Фома, но верен, как он же по осязанию ребер и ран Господа воскресшего.

Пророчества о судьбах России и русских людей

В 1890 году одно благочестивое купеческое семейство города Кунгура Пермской губернии приехало в Кронштадт за благословением к о. Иоанну.

Во время личного с ними собеседования батюшка, узнав, что они приехали к нему из Пермской губернии, сказал им: *"Над Пермью висит черный крест"*, — уклонившись при этом от всяких объяснений сказанных им сих таинственных слов.

Кунгурские паломники поняли слова о. Иоанна в том смысле, что городу Перми угрожает какое-либо тяжкое бедствие, но после тех ужасных событий, которые произошли на Урале в 1918 г., когда Крест тягчайших, воистину Голгофских страданий и мученической кончины прияли: праведный Царь Николай II со своей супругой и детьми, а также и с прочими членами императорской фамилии, то становится ясно, что батюшка о. Иоанн за 28 лет провидел это небывалое в истории мира злодеяние, совершенное в пределах Пермской губернии, и прикровенно говорил о нем.

Незадолго до блаженной кончины своей о. Иоанн часто любил служить обедню в подворье Леушинского монастыря, что на Бассейной улице в Петербурге. Мы с женою постоянно посещали эти службы и многократно отец Иоанн в проповедях своих грозно пророчествовал и громогласно взывал: *"Кайтесь, кайтесь, приближается ужасное время, столь ужасное, что вы и представить себе не можете!"* Он не говорил, а кричал, подымая руки кверху. Впечатление было потрясающее, ужас овладевал присутствовавшими и в храме раздавались плач и рыдания. Игуменья Таисия, 80-летняя старица, спросила отца Иоанна: "Когда же, батюшка, это время будет?" О. Иоанн ответил: "Мы с тобою, матушка, не доживем, а вот они, — указал он рукою на монахинь, — доживут".

В слове на день рождения Государя Императора Николая Александровича 6 мая 1902 г. о. Иоанн говорит: "...Да, чрез посредство державных лиц Господь блюдет благо царств земных и особенно благо мира Церкви Своей, не допуская безбожным учениям, ересям и расколам обуревать ее, и величайший злодей мира, который явится в

последнее время — антихрист, не может появиться среди нас по причине самодержавной власти, сдерживающей бесчинное шатание и нелепое учение безбожников".

В другой проповеди о. Иоанн говорит, что *"когда возьмется от земли удерживающий* (Самодержец), *тогда придет антихрист"*.

Множество пророчеств о. Иоанна напечатано в творениях его, изданных задолго до войны и революции. Отец Иоанн умер в 1908 г., т.е. за 6 лет до войны. Вот некоторые из них: "Господи, Ты истинный Господь тварей! Что замышляют против России и против Святой Церкви Твоей немцы, поляки и финляндцы, исказившие Евангелие Твое, отпадшие от Церкви Твоей! Господи, что они замышляют! Они хотят до конца поглотить нас и разорить Церковь Твою, храмы Твои, богослужение Твое, уставы Твои, постановление св. апостолов и св. отцов Вселенских и поместных Соборов! До чего мы дожили!"

В 1907 г. в период затишья о. Иоанн грозно прорекает: "Царство Русское колеблется, шатается, близко к падению. Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвергнуты праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония. Виновно и высшее правительство, потворствовавшее беспорядкам... Безнаказанность в России в моде, ею щеголяют. А оттого непрестанные у нас аварии с морскими и даже императорскими судами... Везде измена, везде угрозы жизни и государственному имуществу. Так и впредь будет при слабом управлении. **Бедное отечество, когда-то ты будешь благоденствовать? Только тогда, когда будешь держаться всем сердцем Бога, Церкви, любви к Царю и Отечеству и чистоты нравов... И чем бы мы стали, россияне, без царя? Враги наши скоро постарались бы уничтожить и самое имя России, так как Носитель и Хранитель России после Бога есть Государь России, Царь самодержавный, без него Россия — не Россия".**

"Россия мятется, страдает и мучится от кровавой внутренней борьбы, от неурожая земли и голода, от страшной во всем дороговизны, от безбожия, безначалия и крайнего упадка нравов. Судьба печальная, наводящая на мрачные думы".

"Но Всеблагое Провидение не оставит Россию в этом печальном и гибельном состоянии. Оно праведно наказует и ведет к возрождению. Судьбы Божия праведные совершаются над Россией..."

“Россию куют беды и напасти. Не напрасно Тот, Кто правит всеми народами, искусно, метко кладет на свою наковальню всех подвергаемых Его сильному молоту. Крепись, Россия! Но и кайся, молись, плачь горькими слезами перед твоим небесным Отцом, Которого ты безмерно прогневала!..”

“Господь, как искусный врач, подвергает нас разным искушениям, скорбям, болезням и бедам, чтобы очистить нас, как золото, в горниле.

Душа, закосневшая во грехах всякого рода, нелегко поддается чистке и врачеванию, но с большим принуждением и терпкостью, и только через долгий опыт терпения и страданий осваивается с добродетелью и начинает горячо любить Бога, Коего была чужда, научившись всяким грехам плотским. Вот цель бед и скорбей, посылаемых нам Богом в этой жизни. Они нужны как отдельным лицам, так и целому народу, погрязшему в нечестии и пороках.

Русский народ и другие населяющие Россию племена глубоко развращены, горнило искушения и бедствий для всех необходимо и Господь, не хотящий никому погибнуть, всех пережигает в этом горниле”.

Великий пророк Божий Иоанн Кронштадтский совершенно ясно и определенно говорит, что все, что пережила Россия и русские люди, есть праведная кара Божия за великие грехи и что Бог не хочет окончательной гибели России и русских раскаявшихся, но пережигает нас, как золото в горниле, что Россию куют беды и что Всеблагое Провидение, т.е. Господь Вседержитель, не оставит Россию в этом печальном и гибельном состоянии, но ведет к возрождению.

Кроме приведенных выше пророчеств о. Иоанна, сохранились и специальные пророчества об эмиграции.

Приводим целиком содержащее это пророчество письмо из Франции: “Из советского рая получаю от детей письма. Жена с детьми жила в тестевом доме, а теперь живет на квартире. Место, на котором было нажитое родителями добро, заросло бурьяном. В 1900—1903 годах учился я в г. Ораниенбауме в Офицерской стрелковой школе, куда часто приезжал покойный протоиерей Иоанн Кронштадтский, который говорил, что уже близко время, что разделится народ на партии, восстанет брат на брата, сын на отца и отец на сына и прольется много крови на Русской земле. Часть русского народа будет изгнана из

пределов России, изгнанники вернутся в свои родные края, но не так скоро, своих мест не узнают и не будут знать, где их родные похоронены.

Я покойнику протоиерею не верил. Но теперь вспоминаю его слова. Да! Когда придется кому вернуться в свой родной край, то действительно многие не узнают своих мест и не узнают, где похоронены их родные.

9.02.1934 г. *П.М.*"

Мы все хорошо знаем, что исполнились пророчества Иоанновы о том, что народ разделится на партии, что восстанут дети на родителей и брат на брата, что прольется много крови и что часть народа будет изгнана из пределов России. Мы уже знаем также, что когда изгнанники вернутся в Россию, то своих мест не узнают и не будут знать, где похоронены их родные.

Пророчества о. Иоанна о мировой войне, о революции и о спасении России с востока

В одно из воскресений осени 1916 г. в Петербургском Иоанновском монастыре, где собирались почитатели о. Иоанна, Литургию совершал Московский митрополит Макарий. После обедни в покоях настоятельницы монастыря игуменьи Ангелины собрались несколько духовных лиц, а также и военных. Митрополит Макарий прочел собравшимся одно место из дневника о. Иоанна Кронштадтского, в котором были описаны его видения и предсказания, касавшиеся России... Оказывается, что о. Иоанн за много лет до мировой войны совершенно точно занес в свой дневник и участников войны и ее исход. Военные неудачи царской России и связанную с ними революцию о. Иоанн также предсказал. Он указал на продолжительность господства революционных идей, на бесчисленные жертвы революции, на потоки крови, на горе и на несчастья всего населения. Освобождение России от красного ига о. Иоанн предсказал с "востока".

Этот дневник, хранившийся тогда в Иоанновском монастыре, был оригинальный экземпляр, писанный рукою самого о. Иоанна. Посторонним лицам дневник этот не показывался, потому о предсказаниях, отмеченных в дневнике, в литературе об о. Иоанне Кронштадтс-

ком не упоминается. Дальнейшая судьба сего замечательного дневника не известна.

Пророчества 3 прозорливых старцев о судьбах России

В начале 1918 г. в усыпальнице о. Иоанна раннюю обедню отслужил прозорливый старец протоиерей о. Михаил Прудников. Один из двух ожидавших его почитателей сказал ему: “Отец Михаил, Россия гибнет, а мы, дворяне, ничего не делаем, надо что-нибудь делать!” На это о. Михаил ответил резко: “Никто ничего поделать не может до тех пор, пока не окончится мера наказания, назначенного от Бога русскому народу за грехи; когда же окончится наказание, назначенное от Бога русскому народу за грехи, тогда Царица Небесная сама помилует, а что помилует — я знаю!”

В конце 1924 г. в Москве к прозорливому старцу протоиерею о. Алексею Мечеву пришел незнакомый ему господин, сославшийся на рекомендацию своей тетки, хорошо известной о. Алексею, и просил принять его. О. Алексей был болен сердечною болезнью и лежал в постели, но тем не менее принял его. Господин этот собирался законным образом с семейством выехать из Москвы на свою родину, отошедшую в пределы другого государства, и пришел просить у о. Алексея благословения на этот шаг. О. Алексей охотно благословил его и совершенно неожиданно сказал ему резко: “Вы не воображайте, что ваше дело спасать Россию, — это совсем не ваше дело. Когда придет время, то Бог пошлет нужных людей, которые это дело сделают и уничтожат большевиков так, как буря ломает мачтовый лес”.

Эти слова очень поразили пришедшего, так как он ни о чем с о. Алексеем не беседовал, а между тем голова его была полна мыслями о том, что как только он выедет за границу, то сейчас же начнет читать на трех языках лекции и писать книги о том, что делается в России.

Прозорливость старца была так ясна, что господин тот оставил политику и занялся другим делом.

Находящаяся в монастыре в Иерусалиме монахиня Варвара, дочь директора одного из банков Москвы, рассказывала, что в Москве жил известный всей Москве прозорливый старец схимонах, имя которого

я не удержал в памяти, он говорил, что Германия оправится от революции и, по повелению Божию, немцы войдут в Россию и спасут ее, но в России не останутся и уйдут в свою страну. Затем в течение 5 лет Россия достигнет благоденствия и могущества больше прежнего.

Обличения о. Иоанном русского народа

Из проповеди, произнесенной 6 декабря 1900 г.

В России ныне более чем когда-либо появились глашатаи ложного просвещения, выросшие на русской почве; иные наши ученые и писатели хотят по-своему переучить юношество, совсем не на почве истинного христианства, а на почве лжеверия и ложного свободомыслия; омрачают и оскверняют умы и сердца юношества ложными понятиями и мировоззрениями — сочиняют, так сказать, свои законы жизни, пишут свое евангелие, вместо Христова, и самодельною нравственностью развращают совершенно нравы юношества. Известный, боготворимый многими, писатель гр. Толстой усиливается извратить все христианство и перевернуть наизнанку всю жизнь русских людей своими бессмысленными, дерзкими писаниями; почва усердно подготовляется, и русский вольнодумец и кощунник над Православною Верой и Церковью имеет многих поклонников и подражателей себе, поставивших его на пьедестал бога, преподающего направо и налево новую, им измышленную, веру, нечестие и анархию; своим льстивым языком и пером он до того увлек наше интеллигентное юношество, мужское и женское, что оно считает его лучшим современным человеком, который открыл глаза юношеству и возмужалому поколению, и они думают, что избранные должны следовать ему. Но безумие Толстого становится более и более явным для всех здравомыслящих. Нужно молить Бога, чтобы Он открыл глаза всем русским и они увидели бы этого развратителя веры и нравов во всем его безумии и перестали следовать за ним и боготворить его. Аминь.

Из проповеди от 14 сентября 1902 г.

Мир прелюбодейный и грешный поднял гордо свою голову на Церковь и ныне в лице мудрствующих лукаво писателей, во главе с графом Толстым и его обожателями и последователями, — и учит крещеный народ не веровать в учение Христа, не веровать в личное существование и бессмертие души, в воскресение мертвых, в Страшный Суд Христов, и жить по своей плотской воле, исполнять все похоти плоти — не уважать брачных святых уз, не почитать родителей, начальства, прелюбодействовать, пьянствовать, обманывать, красть, грабить, убивать или самих себя насильственно лишать жизни.

Из проповеди, произнесенной в Великий пяток 1902 г.

Бесконечно великая Жертва за безмерные грехи человечества и безмерно великая неблагодарность людей за безмерную милость Богочеловека.

Большинство — с полным пренебрежением, в меньшей степени — с равнодушием, а то многие даже вооружаются ненавистью и хулою на Св. Церковь и служителей ее; а живописное художество, по мысли и внушению известного богоотступника и богохульника Льва Толстого, дерзнуло изобразить Христа на картине во весь рост не Богочеловеком, а простым человеком, и выставляло ее на позорище для всех: точно как на Голгофе Иудеи повесили Христа, пригвожденного на крест. Каково же современное русское интеллигентство, отрекшееся от Христа вместе со своим лжеучителем? Не есть ли это новое голгофское поругание, современное нам, и можно ли ввиду голгофской Жертвы воздержаться от публичного обличения современных богохульников и отщепенцев от Христа и от Церкви, покушающихся на ниспровержение и престолов царских, и церквей Божиих, и на убиение верных слуг царских, на преданных сынов Церкви и отечества? И мы смело обличаем это безверие и безумство, это современное бешенство неистовой и буйной молодежи, именуемой образованною, но нимало не воспитанною в правилах веры и христианского благочестия и гражданской чести и доблести. *Господь видит все совершающееся в нашем отечестве, как и на всей земле, и уже скоро изречет праведный суд Свой на дерзких и вероломных, дышащих злобою и убийством на всех честных служителей Церкви, Царя и Отечества.*

Господи! Да возопиет кровь Твоя против всех крамольников, и да воздаст им Господь праведным отмщением! Но если они способны еще к вразумлению, вразуми их: *не видят бо, что творят*. Аминь.

В 1907 г. о. Иоанн обличает:

"Кто посаждает на престолы царей земных? Тот, Кто Один от вечности сидит на престоле огнезрачном, и один, Один в собственном смысле, царствует всем созданием — небом и землею, со всеми обитающими на них тварями. Царям земным от Него единого дается царская держава; Он венчает их диадемою царскою. Он один поставляет царей и преставляет (сменяет, по слову Писания); посему царь, как получивший от Господа царскую державу от Самого Бога, есть и должен быть Самодержавен.

Умолкните же вы, мечтательные конституционалисты и парламентаристы! Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн: потому что думаешь не о том, что Божье, но что человеческое (Мф. 16, 23), сказал Господь Петру — прекавшему. Отойдите и вы, противящиеся Божию велению. Не вам распоряжаться престолами царей земных. Прочь, дерзновенные, не умеющие управлять и сами собою, но препирающиеся друг с другом, и ничего существенно полезного для России не сделавшие. От Господа подается власть, сила, мужество и мудрость царю управлять своими подданными.

Но да приблизятся к престолу достойные помощники, имеющие Божию, правую совесть и страх Божий, любящие Бога и Церковь Его, которую Он Сам основал на земле, и да бежат от престола все, у коих сожжена совесть, в коих нет совета правого, мудрого и благонамеренного, как это было недавно еще с первым министром — предателем.

Вникните в слова пророка и царя Давида вы, особенно собирающиеся в третью Государственную Думу и готовящиеся быть советниками Царю, держава которого занимает шестую часть света, и изучите всесторонне ее потребности, нужды, болезни и раны родины, ее бесчисленные сокровища земли и воды, коими так много пользуются иностранцы, по непредприимчивости русских, — и будьте правою рукою Его, очами Его, искренними и верными, деятельными доброжелателями и советниками Его, при этом богобоязливыми и неизменными Вере и Отечеству.

Бог призывает вас к этому великому делу — благоустроения и умиротворения Отечества. При этом помните, что отечество земное с его Церковью есть преддверие Отечества Небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить, чтобы наследовать жизнь вечную там.

Отче наш, говорим мы, *иже еси на небесех*. Видите, где пребывает во всей славе вечной Отец наш Господь Бог? На небесах; там и отечество наше. Кто верен Богу, тот верен и Царю.

Напомню вам еще слова псалмопевца пророка и царя: *с небес призирает Господь, видит всех сынов человеческих; с престола, на котором восседает, Он призирает на всех, живущих на земле: Он создал сердца всех их и вникает во все дела их* (Пс. 32, 13—15). Следовательно — всех и судить будет строго. Аминь".

"Научись, Россия, веровать в правящего судьбами мира Бога Вседержителя и учись у твоих святых предков вере, мудрости и мужеству". "Господь вверил нам, русским, великий спасительный талант Православной веры... Восстань же, русский человек!.." "Кто вас научил непокорности, мятежам бессмысленным, коих не было прежде на Руси?.. Перестаньте безумствовать! Довольно! Довольно пить горькую, полную яда, чашу — и вам и России".

"Цари земные, окруженные блеском вашего сана, приидите мысленно в Вифлеем, наклоните свои венценосные главы к этим яслям, в коих возлежит истинный и вечный Царь царей, и сложите ваши венцы к подножию их, смиритесь и признайте, что и вы сложены из праха и в прах обратитесь, и исповедуйте пред ним, смиренным Младенцем, что от Него вам дана держава и власть над народами, что вы — Его помощники, и Им держатся ваши престолы, что без веры в Него вы и престолы ваши — трости, ветром колеблемые. Что без веры в Него и правители ваши — расщепившиеся рожны, на которые нельзя опереться вам.

Ученые мира сего, разглагольствующие с кафедр в высоких учреждениях государства и во всяких других, вы — учащие и учащиеся, особенно в высших учебных заведениях, но для Бога самых последних и отверженных по духу мятежа и непокорности властям, — посылаю и вас к яслям Вифлеемским, отбросьте вашу гордость перед вашим Творцом и Спасителем и единственным истинным Учителем, и смиритесь перед Тем, Кто принес на землю мир от Отца Небесного и благоволение человекам, Кто повиновался земному кесарю. Не забудьте, что Он говорил о мятежных гордецах, что Он есть камень*, и тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит"* (Мф. 21, 44).

Вы с высоты ваших кафедр презрительно относились к Господу Богу-Слову Вседержителю, не замечая, что погибель ваша не дрема-

ла. Вы разбились об Него и Он вас раздавил, да так раздавил, что неизвестно, где и кости ваши валяются.

В эмиграции тоже немало именующих себя профессорами, которые учат молодежь, что Христос — мифическая личность, что Его вовсе не было.

Я не пророк, но предупреждаю вас, что и вы все будете стерты с лица земли правосудием Божиим. Берегитесь, чтобы “мифическая личность” Христос не повелел бы ангелам своим относительно вас, как Он сказал в Евангелии от Луки, гл. 19, ст. 27: “Врагов же моих тех, которые не хотели, чтобы Я царствовал над ними, приведите сюда и избейте предо Мною”.

О воле Божией в отношении целых народов

В книге “Моя жизнь во Христе” отец Иоанн говорит: “История избрания и отвержения евреев показывает ту истину, что Бог верных ему превознесет и возвеличит, а неверных и неблагодарных унизит и отвергнет; еще ту истину, то Он верен в своих обетованиях и угрозах”. Эти слова о. Иоанна в точности исполнились над Россией: пока цари и народ были верны Православию, Россия восходила из силы в силу, когда же отступили от Православия и благочестия, сделались неверными и неблагодарными и приписывали себе все могущество и богатство России, тогда Бог все отнял и продолжает еще отнимать и унижать.

Как произошло, что Святая Русь забыла Бога?

В конце царствования Императора Александра III Россия достигла неслыханного внешнего могущества при полном внутреннем порядке и спокойствии. Экономическое благосостояние было очень велико и быстро росло и весьма многие жили в богатстве.

В начале царствования Императора Николая II богатство страны продолжало увеличиваться, но при слабом управлении нравственность стала падать с головокружительной быстротой.

Про Бога забыли, говорили: “Бога нет, мы и без Бога хорошо проживем”.

От бывшего в России со времен Владимира Святого и до конца царствования царя Алексея Михайловича благочестия, когда в каж-

дой избе читали “Четьи-Минеи”, не осталось и следа. Царили полная беспринципность, пьяный разгул и разврат.

Откровение св. Иоанна: так говорит Сын Божий (гл. 3, ст. 17): “...Ты говоришь: “я богат, разбогател и ни в чем не имею нужды”; а не знаешь, что ты несчастен, и жалок, и нищ, и слеп, и наг”. (Ст. 10): “...Година искушения... приидет на всю вселенную, чтобы испытать живущих на земле”. Видя все это, Господь Вседержитель и послал в погрязшую в грехах Россию верного раба Своего Иоанна Кронштадтского проповедовать покаяние и пророчествовать. 54 года проповедовал пророк Божий устно и писаниями своими, при подкреплении слова последующими знамениями. Господь ждал полвека, не покаются ли люди от обличений пророка.

Однако люди не только не покаялись, но стали хулить Духа Святого, действовавшего через пророка. И покарал их Бог неслыханными ужасами и истреблением десятков миллионов народа. Пророк же Божий отошел ко Господу, оставив обезумевшему народу письменные предсказания тех ужасов, которые постигли русский народ.

Наставление о. Иоанна о том, как не бояться приближения смерти

Добрая старушка, около 70 лет от роду, была прикована болезнью к кровати и печалилась о расставании с жизнью, до крайности боясь смерти. Она всю свою жизнь боялась взглянуть на мертвеца или услышать о похоронах. В своем беспокойстве она просила своего сына пригласить о. Иоанна в надежде, что по его молитве ей будет продлена жизнь. Прибыв, он вошел в ее комнату с радостным приветствием и доброй, приятной улыбкой.

— Ну, (назвав ее), — сказал он, благословляя ее крестным знамением, — я принес вам благословение Божие. Как вы себя чувствуете?

Старушка по обыкновению начала свои длинные жалобы. Он внимательно слушал, когда она окончила, он начал спрашивать ее: сколько ей лет, сколько времени прожила она со своим мужем, сколько у нее было детей, каким образом они были подняты на ноги, вышли в люди и стали ей утешением, радостью? После этого, взявши ее за руку, он сказал:

— О, NN, сколько даров, сколько великих милостей было ниспос-

лано вам! Цените ли вы все это? Возблагодарим же Бога, будем славить Бога всем сердцем нашим и всею силою нашею.

Затем в превосходной молитве, сказанной без предварительного приготовления, он развил все то, что было ею сообщено ему, согрел сердца всех присутствовавших и вознес души их превыше этого мира, исполнив дух умирающей женщины благодарением, верою и любовью; после того он продолжал:

— Это еще не все, что сделал для вас Господь. Он освобождает вас от уз всех грехов ваших, прощает их вам ради Иисуса Христа. Он уготовал вам обитель на небесах, близ Себя и близ всех любимых вами, прежде отошедших отселе.

Еще до его отъезда старушка успокоилась и перестала думать о смерти с ужасом, желая одного только, чтобы воля Божия совершилась и Его имя прославлялось и в жизни и в смерти; она желала только, чтобы о. Иоанн приехал к ней снова и причастил ее Св. Таин, что он и сделал, хотя для этого пришлось ему приехать снова из Кронштадта. Последние несколько дней до смерти она была покойна и весела.

Предостережения о. Иоанна

Отец Иоанн часто предостерегал русских людей о возможном гневе Божием за равнодушие к вере. Теперь мы видим, что слова батюшки оправдались. Основной закон жизни общества и народа, дух ее — это Богопочитание. Уклонение от него приводит к нарушению всей жизни народа, как нарушение питания организма — к его заболеванию.

Русская катастрофа — это логический катаклизм, к которому привела жизнь русских людей и особенно интеллигенции. А между тем и зарубежное общество русское, может быть, пребывает в успокоительном неведении, что оно ни в чем неповинно. А между тем чистого Православия у нас нет, и это прискорбно.

Но надо иметь в виду, что слова о. Иоанна о неверии, хотя и сказаны откровенно, но они смягчены той жалостью и любовью к людям, которые не сознают этого.

О. Иоанн понимал, что увлечение житейскими наслаждениями отодвинуло в сторону религиозные эмоции души.

Потребность к молитве и посещению церкви Божией стала глохнуть.

ПРОПОВЕДИ О.ИОАННА

Слово в день памяти преподобного отца нашего Иоанна Рыльского 19 октября 1899 года

Дней лет наших — семьдесят лет,
а при большей крепости —
восемьдесят лет (Пс. 89, 10)

Сегодня мне, Божиею милостию, исполнилось семьдесят лет жизни, благодати священства, воспринятой мною от Господа, — почти сорок четыре года. Почитаю справедливым и должным для себя оглянуться на прожитое время и воспомянуть милости Божии ко мне. Велика милость Божия, что я дожил до таких лет. Истинно *сила Божия в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Кто из знавших меня в младенчестве мог думать, что я доживу до восьмого десятка лет, который, по пророку, составляет крайний предел жизни человека, земного странника. Рос я болезненным, слабым, и в самом младенчестве тяжкая болезнь — оспа — едва не свела меня в могилу, на волосок был от смерти, по меткой молве человеческой. Господь сохранил мне жизнь: я оправился и стал возрастать. Приспело время учиться — я отвезен был в школу. Наука была темна для меня, я не был подготовлен дома; самому надо было доходить до разумения и познания; сознавал и чувствовал я свою беспомощность, ревниво смотрел на успехи товарищей и стал просить помощи и разумения у Бога, дающего всем просящим *просто и без упреков* (Иак. 1, 5), по выражению апостола Иакова, и открыл мне Господь разум: я озарился светом Божиим; грамота стала ясна для меня, и стал я успевать в соответствующих возрасту и воспитательной цели науках. Но и тогда, во время учения, сколько я перенес тяжких болезней!

При слабых физических силах прошел я три образовательные и воспитательные школы: низшую, среднюю и высшую, постепенно образуя и развивая три душевные силы: разум, сердце и волю как образ тричастной, созданной по образу Святой Живоначальной Троицы, души. Высшая духовная школа, коей присвоено название Духовной академии, имела на меня особое благотворное влияние. Богословские, философские, исторические и разные другие науки, широко и глубоко преподаваемые, уяснили и расширили мое миросозерцание, и я, Божиею благодатию, стал входить в глубину богословского созерцания, познавая более и более глубину благости Божией, создавшей все премудро, прекрасно, благотворно, подчинившей все создания твердым жизненным гармоническим законам; особенно пленил мой ум и сердце премудрый, дивный план спасения погибающего рода человеческого чрез Божественного Агнца Божия Иисуса Христа, *вземлющего грехи мира* (Иоан. 1, 29); во мне развилось и окрепло религиозное чувство, которое было в меня вселено еще благочестивыми родителями. Прочитав Библию с Евангелием и многие творения Златоуста и других древних отцов, также и русского златоустого Филарета Московского и других церковных витий, я почувствовал особенное влечение к званию священника и стал молить Господа, чтобы Он сподобил меня благодати священства и пастырства словесных овец Его. Размышляя о чудном, любвеобильном домостроительстве Божием в спасении рода человеческого, я проливал обильные и горячие слезы, сгорая желанием содействовать спасению погибающего человечества. И Господь исполнил мое желание. Вскоре по окончании высшей школы я возведен был на высоту священнического сана.

И вот сорок четвертый год прохожу это звание, принося Богу *молитвы, моления, прошения, благодарения за вся человеки, за царя и за всех, иже во власти суть* (1 Тим. 2, 1, 2) и принося почти ежедневно бескровную жертву, примиряя тварей с Творцом, ибо Господь дал священникам *служение примирения* (2 Кор. 5, 18), через которое и сам я примиряюсь ежедневно с Праведным Судиею, мною прогневляемым ежедневно, и людей примиряю, отвращая праведный Его гнев, движимый на нас ради грехов наших, отводя их от кривых, погибельных путей и указывая пути правые. Благодарю Господа, подавшего мне возможность и удобство через частое совершение богослужения изучить весь круг наших богослужебных книг, познать их мудрый

состав и богатство содержания и образы величайшего спасительного покаяния грешных и милосердия Божия к кающимся, всю глубину богословия, всю сладость славословия Божия и дивные хвалы Божией Матери, любовь к Богу и различные подвиги бесчисленных святых.

Благодарю Господа, что Он удостоил меня родиться и воспитаться и быть священником в Святой Соборной и Апостольской Церкви и членом ее, хотя и недостойным, и удостоиться ходатайства ее пред Богом, на которое и надеюсь, что оно не посрамит меня, ибо не надеюсь на свои дела, которых не имею, а на заслуги Господа Иисуса Христа, искупившего меня Кровью Своею от греха, проклятия и смерти, на молитвы Божией Матери, святых Ангелов и всех святых. Они умолят за меня Господа, и Он введет меня в Царствие Свое Небесное.

Дорогие братия, иереи, и сопастыри словесного стада Христова! Нам вверено от Бога величайшее служение. Мы облечены благодатию священства, мы уполномочены благодатию вседействующего и всеосвящающего Духа Божия совершать величайшие Тайны Божии в Церкви возрождения и освящения грешного человечества, обновления, примирения себя и его с Богом, мы предстоим Престолу Вседержителя лицом к Лицу, беседуем с Ним, умоляем Его, прославляем и благодарим Его, непрестанно обращаемся к Нему как ближайшие Его слуги и строители Таин Его (1 Кор. 4, 1). Какая требуется от нас вера, какое благоговение, какое внимание к себе непрестанное, какая чистота сердца, какое бесстрастие, какое упование на Бога, какая любовь к Богу и ближнему, какое дерзновение, какая мудрость и простота, какое отрешение от всякого зла, какое милосердие и сострадание к людям, погрязающим во грехах!

Священник, живя на земле, должен быть небесным, *горняя мудрствующим, а не земная* (Кол. 3, 2), и весь предан Богу и спасению человеков. Где нам взять все это, откуда почерпнуть такую обильную благодать? Бог дал нам всякую благодать. Мы должны непрестанно испытывать себя, пробуждать себя от усыпления, которым враг старается непрестанно обкрадывать нас; должны *возгревать дар благодати Божией* (2 Тим. 1, 6), данный нам при рукоположении, должны быть день и ночь на страже и себя и своих паств. Мы облечены благодатию священства, благодатию ходатайства за народ и за весь мир, благодатию совершать великие христианские Тайны, которые сильно могут содействовать и нашему спасению, умудрению, укреплению духа и тела и спасению наших ближних. Святые были подобо-

страстные нам люди, но спаслись и сами и спасли многих-многих послушных им людей.

Спасемся и мы сами и других спасем, если будем ревнительны, *ибо Сам Дух Святой ходатайствует о нас воздыханиями неизглаголанными* (Рим. 8, 26).

И слава Богу! Пастыри ныне горячо взялись за свое святое дело пастырства, возбуждаемые и поощряемые своими архипастырями. Училища в духе церковном умножаются и растут, плоды учительства видны всюду; народ просвещается. И это необходимо. Ныне шаткое, мятежное, бурное время. Сектанты и раскольники усердно сеют плевелы ложных учений в народе, стараясь отторгнуть от Церкви простодушный народ, но благодать Божия сильнее вражьих козней, *больше Тот, Который в нас*, то есть Господь, *нежели тот, который в мире*, то есть дух лести и злобы (1 Иоан. 4, 4).

Господь положил *вся враги Своя под ноги Свои* (1 Кор. 15, 25). А мы будем усердными Ему споспешниками, как говорит апостол: *Богу бо есмы споспешницы* (1 Кор. 3, 9).

Сорок четыре года я Божиею милостию священствую, да поможет мне Господь и еще священствовать во славу Его и во спасение людей Его, и да сподобит Он меня и вас достигнуть возможно совершенства в деле спасения нашего *в меру возраста Христова* (Еф. 4, 13), желаю этого от души всем сопастырям, желаю и всем людям Божиим быть беспорочными и святыми. Аминь.

О Страшном суде Божием

16 апреля 1907 года

В понедельник, 16 апреля, протоиерей Иоанн Ильич Сергиев служил Преждеосвященную Литургию в устроенном им Иоанновском женском монастыре при участии монастырского причта. Большой монастырский храм был полон богомольцев, собравшихся помолиться за службой высокочтимого пастыря и получить его благословение к достойному провождению святых дней Страстной седмицы, из которых каждый издавна называется Великим. И подлинно, дни эти велики по чрезвычайным событиям, в них происходившим. Посему-то Св. Церковь в первый из этих дней оглашает слух наш особенным воззванием, обращая его к нам от лица Самого Господа: “Грядый Господь к вольной страсти, апостолам глаголал на пути: се, восходим во

Иерусалим, и предается Сын Человеческий, как о нем писано есть. Приидите и мы очищенными мыслями сопутствуем Ему и сораспнемся, и будем ради Его мертвы житейским страстям, да с ним и оживем, и услышим Его вопиющаго: Я уже более не восхожу в земной Иерусалим для страданий, но к Отцу Моему и Отцу вашему и Богу Моему и Богу вашему, и возвышу вас с Собою в Горний Иерусалим, в Царство Небесное" (Стихира в Вел. понед.).

Мы привели здесь эту священную песнь, потому что в ней содержатся возвышенные увещания к тому, чтобы христиане на эти великие дни умертвили свои житейские страсти и очистили от них ум свой; ибо как очами, исполненными праха, нельзя хорошо видеть самых великих и явственных предметов, так с умом, наполненным нечистыми мыслями о земных благах, невозможно созерцать Божественного величия страданий Христовых. Далее в этом песнопении слышится призыв к тому, чтобы мы соединились в духе веры и любви с Господом и бодренною мыслию шли за своим Спасителем, внимая Его словам, разделяя Его чувства, усердною молитвою, постоянным трезвением и строгим воздержанием усвояли себе Его спасительные страдания. Ввиду такого назидательного содержания этой стихиры батюшка несколько раз пропел ее особенным трогательным напевом; а потом и другие стихиры.

В Евангелии этого дня (Мф. 24) говорится о втором страшном пришествии Спасителя. На эту тему в конце Литургии батюшка произнес слово, сущность которого кратко мы передаем здесь.

— Господь говорит в Евангелии о будущем своем славном и страшном пришествии для суда над родом человеческим; при этом указывает и признаки приближения этого пришествия: разорительные войны, глады, моровые поветрия, землетрясения, охлаждение любви во многих людях по причине умножения беззаконий и такие страшные бедствия, во время которых не спаслась бы никакая плоть, но ради избранных сократятся те дни. Господь щадит еще мир ради избранных Своих, которых знает; хотя мы уже ясно видим в современной жизни исполнение многих признаков близости Страшного суда. В последнее время люди так развратились, что потеряли всякий стыд и совесть; всевозможные беззакония у всех на виду: зависть, ненависть, клевета, богохульство, гордость, всякое невоздержание, грабежи, убийства свидетельствуют об охлаждении христианской любви. Люди не признают, что они ответственны за свои грехи, не признают души,

созданной по образу Божию и по подобию, и сделались мертвецами духовными, трупом, смердящим всякими грехами. "А где труп, там соберутся орлы", говорит Спаситель (Мф. 24, 28). Какие это орлы? Это демоны, а также люди, исполняющие их злую волю и соблазняющие малых сих на всякие преступления и пороки. Все духовные мертвецы неизбежно становятся добычею диавола и ангелов его.

Поэтому всем надо трезвиться, бодрствовать, чтобы всегда быть готовыми к страшному суду, чтобы великий день Господень не застал нас духовными мертвецами. И Св. Церковь в эти дни возбуждает нас от сна греховного таким возвышенным воззванием: "Се, Жених грядет в полунощи, и блажен раб, его же обрящет бдяща; недостоин же паки, его же обрящет унывающа. Блюди убо, душе моя не сном отяготися, да не смерти предана будеши и царствия вне затворишася; но воспряни зовущи: свят, свят, свят, еси, Боже, Богородицею помилуй нас". Аминь.

Верую в Господа Иисуса Христа, грядущего со славою судити живым и мертвым

(7 чл. Символа веры)

Так кто говорит? Так говорит всякий христианин. Но если всякий христианин, то, без сомнения, и я и каждый из вас. И так, братия и сестры, вы сердечно веруете, что Иисус Христос, Праведный Судия всех земнородных, придет судить всех людей живых и мертвых, которые все оживут или для вечного блаженства, или для вечного осуждения? Вы готовы встретить Всемирного Судию и ответить на страшном суде Христовом во всяком деле и слове? Добрые дела есть с вами? Зачем спрашивать больше? Из жизни и поступков христиан ясно видно, что о Праведном Судии, о Страшном суде, о вечной жизни они забыли и с каждым днем стремительно несутся к вечной погибели, которой и не воображают. Они спешат восприять утешение свое на земле, чтобы лишиться его навеки на небе. О том и забота, как бы убить драгоценное время, как бы провести его приятно, а о том, чтобы провести его с пользою для души, чтобы готовить на исход дела свои (Притч. 24, 27), никто не заботится.

У нас земные радости почти непрерывны. Многие у нас живут так, как будто не придется умереть и отдать отчет в своей жизни. Что

это значит? Не от того ли это происходит, что думают покаяться только пред смертию и получить полное прощение? Конечно, Бог не отвергает и во единдесятый час пришедших к Нему, то есть обратившихся к Нему всем сердцем. Но если сердце ваше было далеко от Бога в самую большую часть вашей жизни, то думаете ли, что его легко можно подвигнуть к Богу, возбудить в нем чувства покаянные пред смертию? Нет, братия, христианская кончина бывает наградою истинным христианам. Кайтесь, по возможности, всю жизнь, и вас встретит мирная кончина с искренним покаянием.

Итак, готовьтесь на суд, на суд страшный, на суд праведный, на суд единственный и окончательный, после которого будет или вечное блаженство, или нескончаемое мучение. Не удивляйтесь, что говорю так решительно: ведь мы очень недалеко от вечного огня, а многим, может быть, *в сию нощь душу твою истяжут от тебе* (Лк. 12, 20); и ты — во аде, в муках... во пламени сем. Итак, готовьтесь на суд с сегодняшнего же дня: *делайте добрые дела дондеже есть; приидет нощь смерти, егда никто же может делати* (Ин. 9, 4). Довольно мы работали суете. Пора взглянуть на бедную душу очами испытания. Посещайте церковь, вздыхайте о грехах своих; ожидайте с нею со страхом великого дня судного. У Церкви постоянно мысль о суде: и утром, и днем, и вечером; каждый день, и рано, и поздно напоминает она чадам своим об этом великом дне, решающем судьбу всего человеческого рода, а у чад ее мысли заняты тем, что на несколько минут приятно кружит им голову, веселит сердце, страстное до радостей земных. Господь, Истина, Жизнь гремит гласом Своим о имеющем непременно совершиться Суде Своем, повелевает бдеть и молиться во всякое время духом (Мк. 13, 33; Лк. 21, 36), чтобы сподобиться нам избежать страшной участи осужденных; апостолы уверяют, что Судия пред дверьми (Иак. 5 и 9), а мы как будто и слышать о том не хотим. Иные думают и даже говорят: какой Страшный суд! Господь милосерд: Он помилует; ведь мы грешим больше по немощи, а не по злобе, что только *милостивии помиловани будут* (Мф. 5, 7); что суд без милости будет не сотворившему милости (Иак. 2, 13). Где же у вас дела милости, когда, очевидно, вы заботитесь только о себе?

Братия, не дай Бог никому явиться там, где оказался богач, веселившийся светло на всяк день. Если же окажемся там, то поздно будет оттуда просить себе капли воды для прохлаждения языка своего,

поздно будет посылать оттуда к своим родным, чтобы и они не пришли туда же (Лк. 16, 19-31).

Бдите, яко не весте дне ни часа, в онь же Сын Человеческий приидет (Мф. 24, 42). Аминь.

Слово о Втором пришествии Господа нашего Иисуса Христа

Второе пришествие Господа нашего Иисуса Христа обыкновенно называется Страшным судом, и справедливо, потому что на нем будут судимы живые и мертвые. Страшен суд, ибо устрашит всякое создание небесное и земное, невидимое и видимое. Страшен будет небесным тварям: ибо силы небесные подвигнутся. Страшен земным: ибо земля будет колебаться в самых основаниях своих. Во Второе славное пришествие Христово на землю услышан будет всеми громкий глас Архангела и Божией трубы; этот звук или, лучше, гром огласит всю вселенную: мертвецы восстанут, услышавши его, и потекут на суд.

Здесь, во-первых, будет великий страх грешным, когда глас трубный повелит каждой душе войти в свое тело — в то тело, которое, обратившись некогда в прах, теперь, Божиим повелением, получит опять свой состав и свои члены.

Ибо, как семя, посеянное в землю, хотя и истлевает, но в свое время прозябнет и возвращает сначала траву, потом колос и плод приносит, по слову Господню: аще зерно пшенично, пад на земли, не умрет, то едино пребывает; аще же умрет, мног плод сотворит (Ин. 12, 24); так и тело человеческое, умершее и истлевшее, и сделавшееся прахом, в один миг приемлет растительную силу от трубного гласа и сделается опять телом и в минуту оживотворится своею душою.

В то время, говорю, будет страх грешной душе, отпущенной из темниц ада к телу для соединения с ним; потому что когда она приступает к телу своему, то увидит его совсем не таким, каким оно было прежде в этой жизни: оно было благовидно, красиво, приятно, а тогда будет безобразно, мерзко, отвратительно, как страшилище какое; и прежде, чем оно ввержено будет в ад, уже будет носить в себе начатки вечных мук и само будет, как живой ад. Грешная душа, увидевши все это, будет ужасаться тела своего, как огненного места мучения; будет гнушаться им, как нестерпимою мерзостью, и не захочет войти в него.

Потом возьмет грешника другой страх — от обнаружения всех скверных, греховных дел его и от неописуемого стыда; так как, по восстании грешника из гроба, тотчас обнаруживаются все грехи его, и явно, перед всем миром, покажутся все те скверные его дела, которые он сделал прежде тайно от всех в скрытном месте, в темноте ночной. Тогда самым делом исполнятся слова Евангелия: *ничто же бо покровенно есть, еже не открыется, и тайно, еже не разумеется и в явлении приидет; еже глаголасте к уху, проповестся на оровех* (Лк. 12, 2, 3). Говорил к уху вор вору, блудник блуднице, советуясь на грех; а тогда эти скверные слова протрубятся, как в громогласную трубу, во услышание всей вселенной! О, какой стыд будет нам, грешным! Но особенно постыдят нас те, которые, быв в этой жизни подобными нам грешниками, потом исправились истинным покаянием и сподобились быть во святых, между тем как мы остались без покаяния. А что сказать о тех, которые в этой жизни почитаются добрыми, правдивыми и святыми, а других осуждают? Не крайне ли они будут постыжены, когда тех, коих они осуждали и над коими смеялись и считали за грешников, увидят во славе, как праведников, а себя — пристыженными и, как антихристов, низверженными в бездну, потому что всяк, осуждающий брата своего, есть антихрист.

К страху, имеющему произойти от обличения и крайнего стыда, присоединится новый страх, когда грешники увидят тех, коих они в этой жизни ненавидели, гнали, опечаливали, оскорбляли, били, мучили, убивали!

Они услышат, как эти последние вопиют на них Богу: суди, Господи, обидящих нас, отмсти, Господи, Судья Праведный! Воздай им за зло, которое они сделали нам! Всякий праведник скажет тогда обидчику или убийце своему: за что ты обидел меня; за что ты гнал, мучил меня и убил меня без милосердия!

С горьким раскаянием и стенанием скажут тогда грешники: *се тии, ихже имехом некогда в смех и поношения, како вменишася в сынех Божиих, и в святых жребий их есть* (ср. Прем. 5, 1-5). Сверх всего этого особенный и сильный страх наведет на грешников лицо Господа нашего Иисуса Христа, Праведного Судии и Страшного Мстителя, лица гнева Его кто постоит? И кто сопротивится во гневе ярости Его? (Наум. 1, 6).

От такого гневного и страшного лица что ждем услышать мы, грешники? Не иное что как этот глас, который страшнее всех громов и

молнии, именно: *отыдите Мене проклятии во огнь вечный, уготованный диаволу и ангелам его* (Мф. 25, 41).

За всем этим приступят и повлекут грешников темные бесы, которых самый вид страшнее всякой муки. Приступят и повлекут в адскую бездну, огнь вечный и в тартар и в неусыпающий червь вечный бесконечный.

Будем же мы, грешные, всегда иметь в уме этот страх и ужас, имеющий постигнуть нас в день судный, и убоимся муки, от коих страх не может выговорить никакой язык, не может постигнуть никакой ум.

Убоимся Страшного суда Его, убоимся и перестанем грешить. Будем чаще вспоминать последнее наше: смерть, ад, суд, чтобы не грешить. Умилостивим Страшного Судию слезами, покаянием, милостынями прежде исхода нашего, чтобы избавиться нам участи осужденных и быть причтенными к оправданным. Аминь.

Изгнание Адама и Евы из рая

Мир с родоначальниками горько да восплачет: снедию сладкою падший с падшими
(Заглавный стих Синаксаря).

Два слова первым человекам — слово Бога Творца и слово сатаны — и их последствия для человеческого рода.

Сегодня Св. Церковь воспоминает плачевное изгнание из рая Адама и Евы за непослушание их Слову Творца и за доверие ложному слову Его врага-диавола. О, слово, слово, сколь ты важно, сильно и действенно по своим последствиям! Вот одно слово Творца все изводит из небытия в бытие — бесчисленный мир светлых, умных, святых, благих, сильных крепостию и блаженных, бессмертных духов; затем, необъятный пространством, мыслию, воображением и зрением — мир вещественный или, правильнее, бесчисленные светлые солнечные и звездные миры, в том числе и наш малый мир — Землю со всеми ее стихиями, со всеми царствами природы, наконец человека — разумно-чувственное животное, по образу и подобию Божию, правое, радостное и блаженное, царственное для всей земли; насаждает для него, для этого земного царя твари, рай сладости, обещает блаженное бессмертие и по телу с тем условием, чтобы он сохранил только одну заповедь, исполнил верно и беспрекословно одно слово

Творца — как Царя и Жизнодавца, — не касаться плодов древа познания добра и зла, чтобы за повиновение и смирение, за верность и праведность Его воле святой получить в награду вечное благоволение и бессмертие.

Казалось бы, следовало только охотно и с радостью исполнить легкую заповедь Творца и Благодетеля уж из одной благодарности к Нему, и тем более что Творец оградил заповедь угрозою за неисполнение ее, что они умрут.

Является лукавый искуситель, позавидовавший блаженству человеков, падший гордостию злой дух, Денница, и говорит свое лукавое слово Еве: "Вы не умрете, но вы будете сами, как боги, зная добро и зло; не верьте Богу — вкусите запрещенный плод". И какое же действие произвело на Еву льстивое слово? Она сочла ложным слово Творца и верным слово диавола; вкусила запрещенного плода и вместе с тем вошла в нравственный союз и сочетание, содружество с врагом Божиим, приняв в себя яд греха и смерти, склонила к преслушанию Адама, передав ему всю свою греховную заразу, — и они объявили вражду Богу и вместе с тем лишились Его благодати, света, жизни, мира. Яд, мерзость греха заразили все существо первых людей. Они стали непотребны для Бога и недостойны сопребывания с Ним. Правда Божия требовала изгнания преступников из светлого, блаженного жилища райского и из сожития ангельского, и грозный Ангел Божий изгнал их, вселив их прямо рая оплакивать свое легкомысленное падение. Да восплачет горько с родоначальниками весь мир: снедию сладкою падший с падшими. Словесные твари, человеки, я обращаюсь ко всем вам как член человеческой семьи с вопросом, что значат эти два слова: слово и заповедь Творца первым человекам, и слово ложное, искусительное человекоубийцы-диавола?

Заметьте последствия для людей того и другого слова. Каковы они по существу? Одно слово живое, зиждительное, жизнерадостное; другое льстивое, мечтательное, омрачающее, мертвящее. Что было и доселе бывает последствием послушания людей слову врага или последования человека-грешника всем внушениям врагов бесплотных и всяким страстям? Не смятения ли всякие в мире — неверие, безбожие, безначалие, своеволие, зависть, крамолы, убийства, татьбы, хищения, пьянство, сквернодейство, всякое насилие, взаимная неприязнь народностей, идолопоклонство, бесчисленные несогласия в верах и самые нелепые заблуждения?

А какие бывают последствия послушания человека верующего слову Божию, заповедям Божиим, Евангелию и святой богоучрежденной Церкви Христовой? Вера, всяческая правда, всякий порядок общественный, кротость, послушание, воздержание, мудрость, мужество, благость, милосердие. Послушание слову Божию ведет к тишине, миру, всякому порядку в мире семейном, политическом и экономическом, к повиновению властям духовным и гражданским.

Этим двум словам — слову Божию и слову врага бесплотного — все мы доселе повинуемся: слушаем или того или другого. Послушавшись человекоубийцы-врага вначале и доныне повинуясь ему, род человеческий впал в бесконечное безумие, он променял жизнь на смерть, свет на тьму, красоту на безобразие, мудрость на безумие, нетление на растление, мир на постоянный мятеж страстей, правду на ложь, мужество на постоянную боязнь, богатство на бедность, ибо человек вначале был богат Божеством, а, лишившись Бога, лишился всего и обнищал нравственно хуже всякого нищего, будь он царь или простолюдин, вельможа или простец, богатый или бедный, священник или мирянин, ученый или невежда, купец или земледелец, мужчина или женщина. Через грех все лишились славы Божией; все обнищали, все совлеклись одежды правды, все ниспали от нетления в тление, все расслабели душой и телом; все облеклись в мрак страстей бесчисленных; все повинны пред Богом; все подвержены суду Божию праведному, нелицеприятному, ожидающему всякого из нас, и все должны смиренно взывать: *милостиве Господи, помилуй мя, падшаго. Аминь.*

Царства земные колеблются и падают от безверия и беззакония. 6 мая 1907 года

Мы, приемля царство непоколебимое (Церковь), да храним благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом. Потому что Бог наш есть огнь поядающий (Евр. 12, 28).

Россия и Церковь торжественно празднуют сегодня рождение венчанного Богом царя на царство всероссийское и молят Царя царей о благополучной державе, победе, т.е. долгоденствии, мире, здравии,

спасении его, земного царя нашего, и о том, чтобы Господь благопоспешил и пособил ему во всем и покорил под ноги его всякого врага и супостата.

Не в мирное, а беспокойное и крамольное время мы живем, время безначалия и безбожия, время дерзкого попрания законов Божеских и человеческих; во время бессмысленного шатания умов, вкусивших несколько земной мудрости и возмечтавших о себе чрез меру: ибо знание кичит, по слову Божию, а любовь назидает. Для всех очевидно, что царство русское колеблется, шатается, близко к падению.

Отчего же столь великое, бывшее столь твердым, могущественным и славным прежде, царство русское ныне так расслабело, обессилело, уничтожилось, всколебалось? Оттого, что оно сошло с твердой и непоколебимой основы истинной веры, и в большинстве интеллигенции отпало от Бога, Который один есть непоколебимая во веки вечные Держава, Коим столько веков твердо держатся в дивной гармонии небо и земля. Вот отчего царство наше колеблется; и одно ли русское царство, занимающее шестую часть земли, колеблется от безбожия и анархии? Нет, колеблются и трясутся все царства земные, оставившие веру истинную; а некоторые царства и города, бывшие до Христа и после Христа, сошли совсем с позорища мира за неверие и беззаконие. И чем дольше существует мир прелюбодейный и грешный и преуспевает в беззакониях, тем он больше и больше слабеет, дряхлеет и колеблется, так что к концу мира он совсем сделается трупом и дымящеюся головнею, которая совсем истлеет от последнего страшного, всеобщего огня: ибо земля и все дела на ней сгорят, по Апостолу, и мы чаем нового неба и новой земли, по обетованию Божию, на которых живет правда (2 Петр. 3, 10; 13).

Мы, русские, православно верующие, как чада Церкви христианской, по принятии таинства Крещения, “приступили к горе Сиону и ко граду Бога живого, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и Церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства, и к Ходатаю нового завета Иисусу, и к Крови кропления (Христовой Крови), говорящей лучше, нежели Авелева. Смотрите, — говорит Апостол в Послании к Евреям, — не отвратитесь и вы от говорящего. Если те (древние евреи, бывшие при Моисее), не послушавши глаголавшего на земле, не избегли *наказания*, то тем более *не избежим* мы, если отвратимся от *Глаголющего* с небес, Которого глас

тогда поколебал землю, и Который ныне дал такое обещание: "еще раз поколеблю не только землю, но и небо". Слова "еще раз" означают изменение колеблемого, как сотворенного, чтобы пребыло непоколебимое. Итак мы, приемля царство непоколебимое, будем хранить благодать, которою будем служить благоугодно Богу, с благоговением и страхом, потому что Бог наш есть огнь поядающий" (Евр. 12, 22-29).

Я привел указанные слова Павла из Послания к Евреям потому, что они относятся и к нам, русским людям, отступившим от Бога и от Нового Сиона, Церкви Христовой, основанной на несокрушимом Камне-Христе, "на Который кто упадет, разобьется, а на кого Он упадет, того раздавит" (Мф. 21, 44). Несомненно, что все отпадшие от веры и Церкви русские разобьются, как глиняные горшки (сосуды скудельные, Пс. 2), если не обратятся и не покаются, а Церковь останется непоколебимою и до скончания века, и монарх России, если пребудет верен Церкви православной, утвердится на престоле России до скончания века.

Держись же, Россия, твердо веры своей и Церкви, и царя православного, если хочешь быть непоколебимою людьми неверия и безначалия и не хочешь лишиться царства и царя православного. А если отпадешь от своей веры, как уже отпали от нее многие интеллигенты, то не будешь уже Россией или Русью Святою, а сбродом всяких иноверцев, стремящихся истребить друг друга. Помните слова Христа неверным иудеям: *отымется от вас Царство Божие и дастся языку* (народу), *творящему плоды его* (Мф. 21, 42-43). Аминь.

На день священного миропомазания и венчания на царство великого Государя Императора Николая Александровича

Господне есть царство, и Он Владыка над народами (Пс. 21, 29).

Божие ли царство — Россия?

Из года в год Церковь и Россия благодарно воспоминают и светло торжествуют день священного миропомазания и венчания на царство благочестивейшего Государя нашего Императора Николая Александровича и прославляют Господа, возложившего на него честь и величие, по выражению царя-пророка, и на главу его венец из чистого золота (Пс. 20, 4-5).

Миропомазание царское есть знамение излияния благодати Духа Святого, Господа Животворящего на лицо помазуемое, и мудрости и силы для управления подданными. Этот священный обряд есть Божие установление. О Давиде, помазанном на царство Самуилом Пророком, сказано в Бытописании, как он был запечатлен елеем, стал носиться над ним Дух Божий. Сам царь Давид вот что говорит о благодатном действии на него священного помазания и силы Божией, сообщенной через него. *Бог препоясывает меня силою и устрояет мне верный путь; делает ноги мои, как оленьи, и на высотах моих поставляет меня; научает руки мои брани, и мышцы мои сокрушают медный лук. Ты дал мне щит спасения Твоего, и десница Твоя поддерживает меня, и милость Твоя возвеличивает меня. Ты расширяешь шаг мой подо мною, и не колеблются ноги мои. Я преследую врагов моих и настигаю их, и не возвращаюсь, доколе не истреблю их; поражаю их, и не могут встать, падают под ноги мои, ибо Ты препоясал меня силою для войны и низложил под ноги мои возставших на меня; Ты обратил ко мне тыл врагов моих, и я истребляю ненавидящих меня... Я разсееваю их, как прах пред лицем ветра, как уличную грязь попираю их. Ты избавил меня от мятежа народа, поставил меня главою иноплеменников; народ, которого я не знал, служит мне; по одному слуху о мне повинуются мне; иноплеменники ласкательствуют предо мною; иноплеменники бледнеют и трепещут в укреплениях своих. Жив Господь и благословен Защитник мой! Да будет превознесен Бог спасения моего, Бог, мстящий за меня и покоряющий мне народы, и избавляющий меня от врагов моих! ...За то буду славить Тебя, Господи, между иноплеменниками и буду петь имени Твоему, величественно спасающий царя и творящий милость помазаннику Твоему Давиду и потомству его во веки* (Пс. 17, 33-51).

Видите, какую силу имело для царя Давида священное помазание, или, точнее, излияние елея на главу его, и чем был Бог для него, как царя народа избранного. Бог управляет, так сказать, всеми шагами, всеми действиями Давида, чрез него царствовал Сам над Израилем; царство Давида было поистине Господне царство. Но и Давид был царь *по сердцу Божию* (Деян. 13, 22), как засвидетельствовал о том Сам Бог, и был истинным пастырем народа еврейского как царь и вместе Пророк, научая его непрестанно правой вере и строгому благочестию знаменитыми своими боговдохновенными псалмами и стройным богослужением; он вел частые войны с внутренними и

внешними врагами, победил всех их и доставил преемнику своему Соломону мирное царствование.

Можно ли сказать о нашем отечестве настоящего времени, что оно есть Господне царство и Господь есть Владыка русского народа? По правой вере христианской, апостольской, неповрежденной мудрованиями человеческими, по православному чину богослужения и таинств, по силе знамений и чудес, совершающихся от мощей прославленных угодников Божиих и чудотворных икон, и вообще по бесчисленным знамениям милости Божией, совершающимся доныне над верными христианами, и по доброму, благочестивому житию немалого числа истинных христиан между русскими, Россию можно назвать царством Господним. Это, впрочем, только с одной стороны.

С другой же — по причине безбожия и нечестия многих русских, так называемых интеллигентов, сбившихся с пути, отпадших от веры и поносящих ее всячески, поправших все заповеди Евангелия и допускающих в жизни своей всякий разврат, русское царство есть не Господне царство, а широкое и раздольное царство сатаны, глубоко проникшее в умы и сердца русских ложно ученых и недоучек и всех, широко живущих по влечению своих страстей и по ложным, превратным понятиям своего забастовавшего ума, презирающего Разум Божий и откровенное Слово Божие. И потому смотрите, что творится в нем в настоящее время: повсюду забастовки учащихся и рабочего в разных учреждениях люда; шум партий, имеющих целью ниспровергнуть настоящий, установленный Богом монархический строй, повсюдное распространение дерзких безумных прокламаций, неуважение к авторитету власти, Богом постановленной, ибо *несть власть, аще не от Бога, сущия же власти от Бога учинены суть*, по Апостолу (Римл. 13, 1); дети и юноши вообразили сами себя начальниками и вершителями своей судьбы; браки потеряли для многих всякое значение, и разводы по прихоти умножились до бесконечности; многие дети покинуты на произвол судьбы неверными супругами; царствует какая-то бессмыслица и произвол. Это ли царство православное, это ли царство Господне? Наконец, допущен безнаказанный переход из православия в какую угодно веру; между тем как Тот же Господь, Которого мы исповедуем, в Ветхом Завете *определил смертную казнь отвергшимся закона Моисеева* (Евр. 10, 28).

"Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет, — говорит Господь, — *и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не*

устоит" (Мф. 12, 25). Если в России так пойдут дела, и безбожники и анархисты-безумцы не будут подвержены праведной каре закона, и если Россия не очистится от множества плевел, то она опустеет, как древние царства и города, стертые правосудием Божиим с лица земли за свое безбожие и за свои беззакония (Вавилонское, Ассирийское, Египетское, Греческо-Македонское).

Да воскреснет Бог и расточатся врази Его, и да бежат от лица Его ненавидящии Его. Яко исчезает дым, да исчезнут; яко тает воск от лица огня, тако да погибнут грешницы от лица Божия, а праведницы да возвеселятся (Пс. 67, 1-4). Аминь.

По поводу ухода некоторых лиц из лона Православной Церкви в католичество или другое инославное вероисповедание

Сознают ли лица, бывшие по рождению, крещению и воспитанию в Церкви Православной и уходящие или ушедшие в католичество и другое какое-либо неправославное вероисповедание, или же в штунду, пашковщину и толстовщину, — сознают ли они все то, что они оставляют, и то, что принимают, и до какой крайности и до какого лишения они доходят?

Установим определенную точку зрения на Православную Церковь и на другие вероисповедания и секты. Что же? Неужели Церковь и вера православная есть одно только название без исторического значения и без полной силы истины и жизненности или же это есть твердое и непоколебимое здание Небесного, Вечного, Премудрого и Всемогущего Архитектора-Бога, как гора, великая и чудная, на которой и в которой живет и действует непрестанно ко спасению всех верных Сам Господь и Глава Церкви — Иисус Христос?

Имя ли одно — Церковь Православная, без действительного православия и без величайшей, неописанной силы, непобедимой никакими силами ада? Разве ей не присуще непрестанное торжество над всеми кознями видимых и невидимых врагов и над человеческими ухищрениями и нелепыми баснями?

Разве Церковь Православная одиноко стоит в мире, без славных и громких свидетелей ее истины и православия, ее чудной животворности и спасительности, даже до нашего времени? Разве не за нас непрестанно стоит Сам Всеистинный и Всемогущий, Всеспасающий

Глава Церкви — Христос, исполняющий ее славою и спасением и непобедимою силою Своею? Разве не с нами всегда Пресвятая Владычица Богородица, источающая непрестанно чудеса милости православным верующим и усердно молящимся? Разве не за нас и не с нами все апостолы и пророки со своими боговдохновенными писаниями, чистого смысла коих мы не нарушили ни на йоту? Разве не с нами и не за нас все мученики, добре веру сохранившие и подвиг окончившие и увенчанные от Подвигоположника Христа венцами славы и нетления? Разве не за нас и не с нами вселенские великие учители и святители — Василий Великий, Григорий Богослов, Григорий Чудотворец, Григорий Нисский и Златоустый Иоанн? Разве не с нами и не за нас адаманты православия — преподобные отцы Антоний Великий, Афанасий Афонский, Павел Фивейский, Исаакий Далматский, златая струя православных писаний и медоточивых песней Иоанн Дамаскин, и наши русские преподобные отцы Антоний и Феодосий Печерские, Сергий Радонежский, Зосима и Савватий Соловецкие, Варлаам Хутынский и все другие чудные преподобные отцы наши? Знают ли лица, отрекающиеся от Православия, и те интеллигенты наши, которые считают безразличной всякую веру, даже магометанскую и буддийскую, — знают ли они, каковы были столпы Православия все наши благоверные святые князья: равноапостольный Владимир, избравший из всех христианских вер православную, особенно же св. благоверный князь Александр Невский, обличитель латинства, Даниил и Роман Галицкие, св. Михаил Черниговский и Михаил, благоверный князь Тверской? Разве пустое зрелище — недавнее прославление новоявленного святителя и чудотворца Феодосия Черниговского? Разве не славны доселе у Бога и у людей нетленно почивающие святители всероссийские: Петр, Алексей, Иона и Филипп — московские чудотворцы, и все множество прославленных Богом русских святителей и угодников: Никита, Иоанн, Моисей и Евфимий Новгородские, Димитрий Ростовский, Митрофан и Тихон Воронежские и прочие? А Серафим Саровский, прославленный Богом еще при жизни явлениями Господа и Богоматери, стоящий на очереди к открытому прославлению, — разве он не свидетель об истине и спасительности нашей веры и церкви? Наконец, скажу: разве не за нас вся история Церкви от начала и доныне? Какая иная вера может похвалиться столь многочисленными свидетелями истины? Но кто отрекается от Православия, тот отрекается от общения со всеми

святыми, которые, между прочим, потому и называются святыми, что сохранили свято догматы веры и показали ее на деле; отрекающийся от православной веры по этому самому отрекается и от общения с Самим Главою Церкви — Христом. Спрашиваю еще всех и каждого колеблющегося в св. православной вере: разве мы покинуты чудодейственною и спасительною силою Божиею? Разве мы не спасаемся постоянно в нашей св. вере и Церкви. И кто же из православных, разумных и просвещенных, дознавших на опыте спасительность своей веры и ее удовлетворение всему существу нашему, оставит свое Православие и перейдет в другую какую-либо веру? Только одна истинная и всеспасительная в мире вера — вера православная; она такова по истории, по своей истине, по самому существу, полному света и жизненной силы, — чего о других вероисповеданиях сказать нельзя; ибо в них истина перемешана с ложными человеческими мудрованиями, установлениями и правилами, противными Откровению и сильно затрудняющими спасение душ. "Небо и земля прейдут, словеса же Мои не прейдут", — говорит Господь. Между тем, в инославных вероисповеданиях многие слова Господни извращены (о Духе Святом, об обоих видах причащения, о главенстве Церкви).

Будем же твердо держаться Св. Церкви и своей православной веры. Только православная Церковь есть столп и утверждение истины, ибо в ней почивает вечно дух истины, свидетельствующий непрестанно и громко сему миру об истине ее.

О кончине мира и Страшном суде Божием

Совершив Божественную Литургию в Иоанновском женском монастыре, глубокочтимый пастырь о. протоиерей Иоанн Ильич Сергиев (Кронштадтский) предложил богомольцам беседу на дневное Евангельское чтение (Лк. 9, 23-27).

Если кто хочет идти за Мною, — говорит Господь, — *пусть отвержется себе и возьмет крест свой и последует за Мной. Ибо кто хочет душу свою* (т.е. душу ветхого человека) *сберечь, тот потеряет ее, а кто погубит душу свою* (т.е. жизнь тленную, полную страстей) *ради Меня, тот обретет ее. Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир* (или, напр., завоюет его, как Александр Македонский или Наполеон), *а душе своей повредит, себя погубит. Ибо*

кто постыдится Меня и Моих слов, того постыдится Сын Человеческий, когда придет во Славе Отца Своего со св. ангелами. Говорю вам, что есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие.

Евангельское чтение нынешней Литургии изображает свойства истинного последователя Христова.

Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, т.е. своих страстей: самолюбия, лукавства, гордости, осуждения, зависти, блуда, невоздержания, пьянства, корыстолюбия, честолюбия, лицемерия, жестокосердия. Отвергнуться всего земного, нечистого и греховного, отрешиться пристрастий житейских — задача нелегкая, но за то велика будет награда небесная, вечная, вечная награда вечной славы, царства мира, духовного богатства, лицезрения вечной красоты Божией.

Кто последует Христу — тот наследует вечное блаженство небесное и сподобится видеть неизреченную красоту Божию, которой не могут насытиться все ангелы Божии.

Отвергнуться себя нелегко человеку плотскому, мирскому; он и не решится на это, а скорее решится следовать своей плоти и крови, до конца пить чашу наслаждения земного. Господь и предупреждает: если хочешь спастись, хочешь блаженствовать на небе со всеми святыми, не живи по своей воле и по внушению страстей своих, откажись от своей воли грешной и неустойчивой и во всем подчинись воле Божией, всегда святой и благой. Тогда ты всецело сочетаешь себя Христу, потому что нельзя соединиться Христу, источнику благости, с человеком злым, недоброжелательным, неправедным, лицеприятным; какое общение света со тьмою, у Христа с сатаною (2 Кор. 4, 14-15)? Никакого.

Поэтому Христос-Спаситель объявляет наперед, что кто думает сберечь свою душу, избегая самоотвержения, тот потеряет ее. О какой душе здесь идет речь? А о той, которая сама себя блажит, ласкает, лелеет, холит, нежит, увеселяет играми, роскошью, богатством, удовольствиями всякого рода. Что здесь значит сберечь душу? Значит не трогать страстей души, оставлять их в покое, давать им жить и крепнуть. И все, что человек выдумывает приятного, веселого и роскошного в жизни, все это служит к его погибели: его душа умирает от богатства и роскоши, влекущих ее к самоуслаждению, к тщеславию, гордости, любочестию, потому что в ней оскудевает вера, благодать и все, что составляет истинную жизнь. Напротив, сбережет, сохранит

свою душу для вечности тот, кто будет воевать против страстей и прочих наклонностей и умрет ради правды. Таковы, например, мученики, которые для Христа, для сохранения веры в Него и любви к Нему погубили жизнь свою для земли и приобрели ее для другой жизни: получили вечные награды от Господа Бога.

Здесь под погублением души разумеется погубление страстей и умерщвление греха в себе и всех греховных похотей. Тяжело искоренять их, глубокие корни они пустили в нас: тяжело пьянице расставаться с пьянством, гордецу — с честолюбием, похотливому — с любодеянием, сребролюбцу — с деньгами, а надобно расстаться, иначе нельзя сделаться истинным последователем Христовым — последователем не на словах только и по имени, но и на самом деле. Господь усиливает речь свою и говорит, что нет никакой пользы для человека даже в обладании целым миром, если он погубит душу свою: благами всего мира он не выкупит своей души от вечной гибели. Какая была слава у Александра Македонского, у Наполеона и др., и все исчезло, как дым, все прошло, как сон, потому что душа погибла у одного в пьянстве, у другого — из-за ослепленной гордости, в отвержении Бога. *Кто постыдится Меня и Моих слов*, — говорит Господь, — *того постыдится Сын Человеческий, когда приидет во Славе Отца Своего со святыми ангелами*.

Какое страшное возмездие стыдящимся Христа за их ложный, преступный стыд! Что ожидает в будущем тех, кто устами, делами и всею жизнию отрекаются от Него к погибели? И Христос Спаситель отвергнется их пред святыми ангелами и пред Лицом Самого Отца Небесного, когда явится Судиею мира с силою и славою многою, чтобы *воздать комуждо по делом его*. Такому сраму подвергнутся все отступники от истинной веры и Церкви Православной, которые позволяют себе посмеиваться над всем, что говорит нам Св. Евангелие, что запечатлено и утверждено крестною смертию Сына Божия.

Я вам говорю, что есть некоторые из стоящих здесь, при жизни которых наступит среди людей Царство Божие и которые увидят Второе и страшное пришествие Христово. Здесь разумеется св. Апостол Иоанн Богослов, который чудесным образом прославлен и живет доселе на земле и на небесах; это награда ему за любовь и преданность ко Христу и мучения, которые терпел ради Христа.

Итак, для всех последователей Христовых нужно самоотвержение: отвергнуться своего “я”, — своих страстей: зависти, лукавства,

гордости, ссор, осуждений, невоздержания, пьянства, лихоимства, нерадения, лености, непокорности; надобно искоренять их в своих сердцах, и особенно вам, дорогие послушницы, которые взяли крест и последовали за Христом. Примите в назидание Евангельское чтение нынешней Литургии. Терпеливо несите крест свой, отвергайтесь себя, присвояйтесь Христу, будьте Христовы, будьте мудры во Христе, знайте, что душа — драгоценнейшее сокровище и дорожите этим сокровищем; не увлекайтесь земными благами, веря в награду на небесах. Аминь.

Слово на текст из дневного Евангелия

"Царство Небесное подобно закваске, которую женщина, взявши, положила в три меры муки, доколе не вскисло все" (Мф. 13, 33). Это — притча; в ней Господь Иисус Христос изобразил ту великую духовную силу христианства, которая может преобразить и усовершить грешного человека. Дело в том, что душа и тело человека, будучи созданы вначале чистыми и праведными — по образу Божию и по подобию, впоследствии получили ужасную закваску — гордости, зависти, лукавства, непослушания, нерадения, корыстолюбия, властолюбия и всякой нечистоты. Но Господь Бог, по Своему неизреченному милосердию, дарует нам благодать Свою, при помощи которой каждый человек может сделаться опять близким к Богу, святым. Это и раскрывает нам Господь в притче о закваске.

Кто здесь разумеется под образом женщины? Разумеется, Св. Церковь Христова, в которой, по изволению Божию, живет и действует Дух Святой и сообщается всем христианам чрез таинства и молитвы, освящая и оживотворяя верующих. Что означают три меры муки, в которые женщина положила закваску? Означают три душевные силы: разум, сердце и волю. Все эти силы заражены, проникнуты грехом, как бумага, пропитанная маслом. В таком виде душа противна Богу; она не Божия, а диавольская. Обратите внимание, что бывает в душе, проследите за собою: много ли окажется святых мыслей, чистых желаний и добрых намерений? Мало, очень мало. А грехов увидите многое множество, ибо падший человек грешит каждый день, каждый час маловерием, самолюбием, гордостью, завистью, корыстолюбием, чревоугодием, нетерпением, раздражением, озлоблением, непокорностью, своенравием, блудными грехами, унынием и малоду-

шием. Судите сами о себе, как глубоко грех пустил свои корни бесчисленные во все существо человеческое. Впрочем, я не говорю, что все люди таковы. Есть, конечно, люди, заботящиеся о спасении, которые вырывают из душевного поля всякую сорную траву, всякие страсти. Не о них речь. Я говорю вообще о людях. И я грешный человек, хотя старающийся достигать святости, насколько Господь поможет.

Итак, три душевные силы наши дурно заквашены, а надо заквасить их благодатию Духа Святого; *плод же Духа — любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5, 22). На святых угодниках можно видеть пример того, как Церковь положила в них эту закваску. Вот преподобный Серафим Саровский. Он был человек грешный, но при содействии Божией благодати вся дурная закваска в нем удалена; он сделался святым, скорым помощником и молитвенником о душах наших. Подлинно, в Церкви Святой полнота и обилие средств к благотворному воспитательному действию на человека. Духовная закваска — Божественная благодать, сообщаемая христианину чрез Таинства, молитву, чтение слова Божия, имеет великую силу. Она может довести всякого верующего христианина до высокой степени совершенства.

И вы, дорогие сестры, старайтесь принять в себя эту добрую закваску и, имея пред собою пример преподобного Серафима и других святых, не ослабевайте в трудах для своего спасения. Возрождение и полное претворение ветхого человека в нового духовного не может совершиться без борьбы, ибо много зависит и от воли человека. И женщина, упоминаемая в притче, терпеливо ожидала *доколе не вскисло все*. Закваска действовала, но не проявляла такой силы, чтобы три меры муки немедленно же закисли. И вы будьте терпеливы, не ослабевая в своем добром подвиге. Ведь дай волю ветхому человеку, распусти духовные вожжи, тогда буря страстей зальет и потопит тебя. Посмотрите на людей, преданных различным страстям: они делаются жалкими рабами врага-человекоубийцы. Опять говорю это не для осуждения, а для общего назидания, чтобы предостеречь вас от подражания людям неверующим. Жалки такие люди. При встрече искушений, лишений, неприятностей они бедствуют, как корабль в море в сильную бурю, и погибают, если не покаются и не обратятся всею душою к Господу Иисусу Христу, ибо *Он научает руки наши на ополчение и персты наши на брань* (Пс. 143), и для победы над врагом даровал нам Имя Свое, крест Свой, благодать и силу Свою.

К Нему, нашему Спасителю, будем прибегать в трудных обстоятельствах жизни и во всякое время; к подножию креста Его понесем бремя грехов наших; взирая на пример Его святейшей жизни, будем поучаться проходить свой жизненный путь; тогда и среди скорбей и лишений душа наша будет покойна, ибо так говорит Господь: *приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы; возьмите иго Мое на себе и научитеся от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим* (Мф. 11, 28-29). Аминь.

Слово в день восшествия на всероссийский престол Государя Императора Николая Александровича. 21 октября 1907 г.

С небес призирает Господь, видит всех сынов человеческих с престола, на котором восседает, Он призирает на всех, живущих на земле; Он создал сердца всех их и вникает во все дела их (Пс. 32, 13-15).

Веруете ли вы, дорогие братия, в это несозданное, всевидящее, вечное, страшное Око, Которое создало два глаза всем живым созданиям, чтобы видеть ими не вдвойне все близкое или отдаленное и располагать свободой движений снискивать пищу, избегать опасности для своей жизни и радоваться жизненною радостью?

Вот это-то всевидящее, страшное Око, создавшее свет, солнце и всякие светы, всякие очи тварей, непрестанно день и ночь взирает на всех людей во вселенной и на каждого человека в особенности и вникает во все помышления и чувства и во все дела их — в дела царей и подданных, начальствующих и подчиненных, ученых и простых, богатых и бедных, добрых и злых. Не дремлет и не спит Страж Израиля, разумею нового, т.е. христианского Израиля, или Церковь Христову и Россию, содержащую веру Христову православную.

С престола, на котором возседает Он, призирает на всех, живущих на земле, и правыми мерами судит всей вселенной. Все дадим ему отчет, — говорил св. Апостол Павел. Кому дано много, с того много и взыщется, а малые достойны снисхождения, как неведующие. Сегодня мы вспоминаем и празднуем торжественно восшествие на всероссийский престол нашего Государя. Кто посаждает на престоле царей земных? Тот, Кто Один от вечности сидит на престоле

огнезрачном, один в собственном смысле царствует всем созданием — небом и землею со всеми обитающими на них тварями. Царям земным от него Единого дается царская держава; Он венчает их диадемою царскою. Он один поставляет царей и преставляет (сменяет, по слову Писания); посему царь, как получивший от Господа царскую державу, есть и должен быть самодержавен.

Умолкните же вы, мечтательные конституционалисты и парламентеры! *Отойди от Меня, сатана! Ты Мне соблазн: потому что думаешь не о том, что Божье, но что человеческое* (Мф. 16, 23), сказал Господь Петру — прекавшему. Отойдите и вы, противящиеся Божию велению. Не вам распоряжаться престолами царей земных: прочь, дерзновенные, не умеющие управлять и сами собою, но препирающиеся друг с другом, и ничего существенно полезного для России не сделавшие. От Господа подается власть, сила, мужество и мудрость царю управлять своими подданными.

Но да приближатся к престолу достойные помощники, имеющие Божию, правую совесть и страх Божий, любящие Бога и Церковь Его, которую Он Сам основал на земле, и да бежат от престола все, у коих сожжена совесть, в коих нет совета правого, мудрого и благонамеренного, как это было недавно еще с первым министром-предателем.

Вникните в слова Пророка и царя Давида вы, собирающиеся в Третью Государственную Думу и готовящиеся быть советниками Царю, держава которого занимает шестую часть света, и изучите всесторонне ее потребности и нужды, болезни и раны родины, ее бесчисленные сокровища земли и воды, коими так много пользуются иностранцы, по непредприимчивости русских, и будьте правою рукою его, очами его, искренними и верными, деятельными доброжелателями и советниками его, при этом богобоязливыми и неизменными вере и отечеству. Бог призывает вас к этому великому делу — благоустроения и умиротворения отечества. При этом помните, что отечество земное с его Церковью есть преддверие отечества небесного, потому любите его горячо и будьте готовы душу свою за него положить, чтобы наследовать жизнь вечную там.

"Отче наш, — говорим мы, — иже еси на небесех". Видите, где пребывает во всей славе вечной Отец наш Господь Бог? На небесах; там и отечество наше. Кто верен Богу, тот верен и Царю. Напомню вам еще слова псалмопевца, Пророка и царя: *С небес призирает Господь, видит всех* сынов человеческих; с престола, на котором восse-

дает, Он призирает на всех, живущих на земле; Он создал сердца всех и вникает во все дела их (Пс. 32, 13-15). Следовательно, всех и судить будет строго. Аминь.

О посте и молитве

Премудрость построила Себе дом (нашу обитель и храм в ней), вытесала семь столбов его, заколола жертву, растворила в Чаше Своей вино свое и приготовила у Себя трапезу; послала слуг Своих (апостолов и священников) с высокою проповедью: "*кто неразумен, обратись сюда!" И скудоумному она сказала: "идите, ешьте хлеб Мой и пейте вино, Мною растворенное; оставьте неразумие и живите, и ходите путем разума.*" (Притч 9, 1-6).

Эти слова сказаны за тысячу лет до пришествия в мир Спасителя. Премудрый царь Соломон, сын Давидов, умудренный Духом Божиим, предсказывает в них о нашем великом благополучии, великом счастии и сокровище — о Причащении Св. Таин Христовых. Ветхозаветные цари, праотцы, пророки не имели такого счастия, чтобы самолично видеть Господа Иисуса Христа, а мы имеем это счастие, эту неизреченную милость Божию, потому что сами мы (священники) совершаем это чудное Таинство, сами причащаемся и вас причащаем после искреннего вашего покаяния. Вот как Премудрость Божия измыслила спасать нас через Чашу, в которой наше очищение, наше обновление, наша жизнь, наше спасение, великое счастие и блаженство.

Замечательно, что премудрость Божия устами Соломона всем дает такое наставление: *кто неразумен, обратись сюда* (ко Мне), и скудоумным она сказала: *идите, ешьте хлеб мой и пейте вино, мною растворенное; оставьте неразумие и живите, и ходите путем разума.* Скудоумием одержимы все грешники. Возьмем пьяницу, или ленивого, блудного, собирателя богатств, возьмем какого угодно грешника, как все они безрассудны, глупы, потому что непрестанно работают страстям своим и умирают в страстях. Для них крайне необходимо вкушать Пречистое Тело и пить Животворящую Кровь Христову, которые научат нас бегать лукавства и всякого греха, и жить в простоте, правде и во всякой добродетели. Поэтому уже премудрый Соломон говорит: *все приступайте к Святой Чаше, оставляйте всякое неразумие и ходите путем разума.*

Теперь объясним слышанное сегодня Евангелие (Лк. 5, 33-39). Однажды сказали Иисусу Христу: почему ученики Иоанновы постятся

часто, а Твои едят и пьют? Но как же им можно было не есть и не пить, они были великие труженики, притом Господь, посылая их на труды благовестия, не велел им брать с собою ни сумы, ни хлеба, ни сапог... Иисус Христос говорит, что ученики Его не постятся, пока с ними Жених, но придут дни, когда отнимется у них Жених, тогда они будут поститься. Господь предуказывает здесь среду и пятницу, установленные для поста с самых первых дней христианства; среда — в воспоминание предания в этот день Иисуса Христа на страдания и пятница — в воспоминание страшных страданий, крестной смерти Спасителя в этот день; а также для того, чтобы очистить наши мысли и сердца и сделать их более способными к пониманию своей духовной бедности и зависимости от Бога. По этому поводу Господь сказал притчу: "Никто не приставляет заплаты к ветхой одежде, отодрав от новой одежды; а иначе и новую раздерет и к старой не подойдет заплата от новой". Под ветхою одеждою Господь разумеет здесь учеников Своих, которые были ветхи, пока не обновились сошествием Святого Духа. "И никто не вливает молодого вина в мехи ветхие, а иначе молодое вино прорвет мехи и само вытечет и мехи пропадут (на востоке виноградное вино сохраняют в мехах). Но молодое вино должно вливать в мехи новые; тогда сбережется и то и другое"; т.е. учение Христово во всей его глубине апостолы уразумеют тогда, когда совсем обновятся, когда сойдет на них Дух Святой, а теперь они нуждались в снисхождении относительно поста и молитвы ради великих трудов своих по благовестию Св. Евангелия. Они, конечно, молились и постились и теперь, но менее учеников Иоанновых, которые не несли тяжелых трудов апостольских, а потому удобнее могли отдаваться подвигам поста и молитвы.

Нам, христианам, как новым людям заповедан пост, поэтому мы не должны много заботиться о питании чрева, излишества в пище и питии, о лакомствах, потому что все это препятствует достижению Небесного Царствия. Наш долг приготовляться к небесной жизни и заботиться о духовной пище, а духовная пища есть пост, молитва, чтение слова Божия, особенно же Причастие Святых Таин. Когда мы нерадим о посте и молитве, тогда преисполнены всяких грехов и страстей, когда же питаемся духовною пищею, тогда очищаемся от них и украшаемся смирением, кротостию, терпением, взаимною любовию, чистотою душевною и телесною. Аминь.

Слово на день св. Архистратига Божия Михаила и прочих небесных Сил бесплотных. 8 ноября 1907 г.

Непрестанно прославляем Тебя, Христе, премудро соединившего небо с землею и составившего одну Церковь из ангелов и человеков (Стихира на малой вечерни).

Празднуем, дорогие братия, светлый праздник молниевидного Архангела Михаила и прочих небесных Сил бесплотных.

История установления Церковью этого праздника длинна, и мы не будем рассказывать ее; желающие знать ее пусть прочитают о ней в церковной книге "Четьи минеи", а теперь побеседуем о духовном бесчисленном мире ангельском, о их свойствах, о их чиноначалии и о безмерной благости Божией, причислившей нас, христиан православных, к этому ангельскому Собору и составившей одну Церковь из ангелов и человеков, а затем о нашей обязанности чтить их по достоинству и подражать им по силе как будущим нашим согражданам в небесном отечестве, о чем и молим усердно Господа Бога, общего нашего Творца.

Св. Кирилл Александрийский говорит (см. богословие Макария об ангелах): если наша земля, эта как бы одна точка между мирами, носит на себе такое бесчисленное множество людей и всяких существ, то во сколько раз больше имеет в себе обитателей невещественное небо, великое и не объятое никаким умом?

Ангелы имеют духовную, невещественную, тонкую, бессмертную природу, свободную от всякой тли, но ограниченную, не такую, как Сам Господь, Дух — всюду сущий и единый, безначальный и все наполняющий. Он привел ангелов из небытия в бытие, словом Своим освятил и за непреклонность к злу утвердил их непадаемо Духом Святым (т.е. они уже не могут впасть в грех); природа их полна чудного, немерцающего света, святости, благости, красоты, премудрости, силы, бессмертия, пламенной любви к Творцу, и друг к другу, и к людям, коих спасению они радуются и желают иметь их своими вечными гражданами в стране вечного света и нетления, мира и радости. Св. Дионисий Ареопагит, ученик Апостола Павла, восхищенного Духом Святым до третьего неба, услышал от него таинственное уче-

ние о мире ангельском, записал его и передал Церкви (Дионисий Ареопагит. О Небесной Иерархии).

Ангельский мир разделяется на десять порядков, а эти — каждый на три чина. Первые и световиднейшие ангелы (Михаил и Гавриил), как светлая заря Безначальной Троицы, предстоят непосредственно пламенеющему престолу Божию, просвещаются неприступным светом Его и подают просвещение и ведение тайн Божиих следующим за ними чинам и низшие чины управляются премирно высшими. Такое небесное гражданство, такой премирный, святой, пресветлый, благостный Собор небожителей называется Небесной Иерархией, в соответствие земной иерархии или иерархии Церкви православной.

Подивимся Божию всеблагому и премудрому промыслу, безмерной благости Его, предназначавшей нас к бесконечному соводворению и блаженству вместе с ангелами в будущем нашем отечестве и составившей одну Церковь из ангелов пресветлых и нетленных и человеков избранных и достойных. Какое неизобразимое никаким языком блаженство ждет верных Богу христиан, если они до конца пребудут верными своему христианскому званию. Чтобы удостоиться вечного сожития и блаженной жизни вместе с ангелами на небе, должны стараться чтить их, подражать их святости, смирению, любви и всецелой преданности Богу, возвышенности помыслов, воздержанием, молитвою и постом, милосердием и сочувствием друг к другу, горячею взаимною любовию.

Священные боговдохновенные зрители тайн Божиих и ангельских видений, пророки и евангелисты, видели ангелов в таинственном видении дружественно обращающими лица свои друг к другу и согласно воспевающими Св. Троицу. Это научает и нас относиться друг к другу с горячею любовию и жить в единомыслии, служа усердно общему всех Творцу.

Слава безмерной благости Божией, приготовившей нам царствие вечное, царство света немерцающего, мира и блаженства непоколебимого, вместе с безчисленными соборами ангелов.

Употребим малое здешнее время на преуспеяние в христианской добродетели, чтобы наследовать это бесконечное блаженство, которого да и сподобит Господь всех нас благодатию, щедротами и человеколюбием Своим, ходатайством Пречистой Богоматери и предстательством честных небесных сил бесплотных, особенно светозарных, молниевидных Михаила и Гавриила и святых ангелов, хранителей наших. Аминь.

Слово на день преславного Рождества по плоти Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. 25 декабря 1907 г.

Пойте Господу рожшемуся от Девы, воспойте песнь воинства небесная земнородные, восплещите руками: ибо Бог в человецех (Стихира малой вечерни)

Да не покажется странным, если в нынешнее безбожное время я предложу сегодня всем такой вопрос: кто из христиан, интеллигентов называемых, живо интересуется, с духовной точки зрения, нынешним великим праздником Рождества Христова? А ведь событие, которое совершилось близ 2000 лет тому назад, было единственное по своему величию и спасительности для рода человеческого, единственное, говорю, в судьбах Божиих и в истории человечества: только однажды Бог вочеловечился, однажды приходил на землю для нашего спасения и второй раз придет уже судить живых и мертвых.

Задаю я всем такой вопрос потому, что ныне многие, многие перестали интересоваться этим событием (а интересуются только ради праздности). Мы, служители веры, искренно верующие и пользующиеся спасительными плодами веры Христовой, и должны воскрешать и пробуждать высокий интерес веры в это событие и в Виновника его, Господа нашего Иисуса Христа. Неверие людское не упразднит и не поколеблет еще ревностнее к ней и к защите ее от неверующих. Оно пробуждает в нас безмерное удивление к неверным и бесконечную жалость о их легкомыслии, тупоумии, бесхарактерности и развращении. Человек-христианин, получивший с рождением в сердце своем семя веры в Бога и воспитанный в вере, никогда не отпадет от веры, сладость которой он испытал на себе тысячекратно.

И так повторяю вопрос: кто из христиан искренно интересуется нынешним праздником Рождества Христова? Земля сегодня удостоилась принять на себя Бога воплотившегося; Пречистая Дева родила по плоти Предвечного Творца неба и земли, содержащего всесильною рукою всю тварь — видимую и невидимую, родила Иисуса Христа, Спасителя человеческого рода, Агнца Божия, принявшего на себя грехи мира.

Но чем знаменуется на земле рождение безмерно великого, несозданного Существа? Безмерным смирением и безмерною нищетою в обличение человеческой гордости. Гордостию пал Денница, гордостию пали Адам и Ева, возмечтавшие быть богами и дерзновенно пре-

слушавшие заповедь Божию. Иисус Христос как Всемогущий Врач падшего гордыней человеческого рода чрез самые обстоятельства своего рождения в убогих яслях от чистой, но бедной Девы царского рода, хочет исцелить нас от недуга гордости и преподать урок смирения. Да и всею Своею жизнью Он поучил нас смирению и самоотвержению. Он пеленается не златоткаными или легкими одеждами, а рубищем, которое могла приготовить бедная Дева. Он водворяется в яслях, а не в великолепных чертогах, свойственных царям земным. О, вольное убожество, о добровольная нищета Того, Кто обладает всеми сокровищами земли, всеми светилами неба, Кому с трепетом предстоят на небе ангельские Соборы! Вот чем и как врачует Врач человечества нашу злейшую болезнь — гордость, начало всякого греха.

Цари земные, окруженные блеском вашего сана, приидите мысленно в Вифлеем, наклоните свои венценосные главы к этим яслям, в коих возлежит Истинный и Вечный Царь царей, и сложите ваши венцы к подножию их, смиритесь и признайте, что вы сложены из праха и в прах обратитесь, и исповедуйте пред ним, Смиренным Младенцем, что от Него дана вам держава и власть над народами, что вы Его помощники и Им держатся ваши престолы; что без веры в Него и правители ваши *расщепинившиеся рожны*, на которые нельзя опереться вам.

Ученые мира сего, разглагольствующие с кафедр в высоких учреждениях государства и всяких других; вы, учащие и учащиеся, особенно в высших учебных заведениях, но для Бога самых последних и отверженных по духу мятежа и непокорности властям, посылаю я и вас к яслям Вифлеемским, отбросьте вашу гордость пред вашим Творцом и Спасителем и единственным Истинным Учителем и смиритесь перед Тем, Кто принес на землю мир от Отца Небесного и благоволение человекам, кто повинен земному кесарю. Не забудьте, что Он говорит о мятежных гордецах, что Он есть Камень, на Который кто упадет, того раздавит (Мф. 21, 44).

Кто вас научил непокорности и мятежам бессмысленным, коих не было прежде в России и в других государствах?

Возвратитесь к смиренной вере, к Евангелию мира, к Церкви, от коих вы безумно отпали, как некогда сатана с падшими ангелами от Бога.

Горе мятежникам и непокорным, как Горею, Дафану и Авирону.

К вам обращаю мою священническую речь, хотите слушайте, хотите не слушайте, — но я говорю вам как искренно верующий собрат. Перестаньте безумствовать. Довольно! Довольно пить горькую, полную яда чашу — и вам, и России. С праздником! Аминь.

СЛОВО.

В одной из утренних молитв к Богу Всетворцу мы читаем: *и спаси нас и введи в Царство Твое вечное, ибо Ты мой Творец и всякого блага Промысленник и Податель*. Я сегодня на утренней молитве обратил на эти слова особенное внимание. В них заключаются важные и весьма поучительные и утешительные мысли.

Все мы грешны, не имеем свободы от грехов, все мы, как и все вещи и существа в мире, и тела наши тленны и скоропреходящи, исчезновенны; между тем душа наша вечна и хочет вечного существования и старается чем-либо увековечить себя; верующие и благочестивые души имеют стремление к вечной жизни и считают здешнюю жизнь за сон и мечту скоропреходящую. Мы, христиане, из книги Евангелия, которое есть Слово истины вечной и непреходящей, научены веровать в вечную жизнь и каждый день говорим в себе: *чаю воскресения мертвых и жизни будущего века*. Христос Бог наш есть воскресение и жизнь. Он даровал нам жизнь вечную. *Христос воскресе из мертвых, смертию смерть поправ, и всем сущим во гробах жизнь даровав*. Так, дорогие братья и сестры, есть царство вечного света, вечной жизни, вечной любви, вечной правды, вечного мира, вечной красоты, вечного, нескончаемого и невообразимого блаженства для приготовивших себя к будущему веку. Это истина непреложная. Но также несомненная истина есть и то, что к этому царству мира, правды и любви мы должны здесь приготовиться. Этому приготовлению учит нас Евангелие, учит Церковь. Мы должны обучить себя здесь правой вере и всем христианским добродетелям: любви, простосердечию, кротости, смирению, благости и милосердию, непамятозлобию, воздержанию и началу и концу всякой добродетели - молитве всегдашней. Без молитвы христианин, как рыба без воды, жить не может.

Будем же, дорогие братья и сестры, готовиться к вечному царствию верою, молитвою и добродетелью. Аминь.

Слава Богу!

Молитвы святого праведного Иоанна Кронштадтского

Кому хочешь молиться, того прежде молитвы попроси в сердце, чтобы удостоил тебя принести ему сердечную молитву, похвалу или благодарение, ибо мы только при укреплении от Духа Святаго можем молиться, при укреплении от тех св. угодников, чрез которых хотим молиться Спасителю. Вознеси к Нему, прежде молитвы и славословия, сердечный глас, чтобы Он даровал тебе благодать искренней молитвы, чтобы иго Свое благое и бремя Свое легкое возложил на сердце твое, чтобы дьявольское кичение и противление ума и сердца рассеял. Если хочешь молиться Владычице — к Ней воззови от сердца, чтобы Она сподобила тебя нелицемерно всем сердцем принести Ей моление или похвалы и благодарение. Если Ангелу — воззови к Господу, да сподобит тебя достойно принести ему молитву или воспеть его благодеяние, светлость и благость его природы; если святому — воззови к Духу Святому, Коего святостью они освящены, да достойно призовешь его или воспоешь ему хвалы и благодарение.

Когда получишь исцеление от какой бы то ни было болезни, воздай благодарение Господу:

Слава Тебе, Господи Иисусе Христе, Сыне Единородный Безначального Отца, едине исцеляяй всякий недуг и всяку язю в людех, яко помиловал мя еси грешнаго и избавил еси мя от болезни моея, не попустив ей развиться и умертвить меня по грехам моим. Даруй мне отныне, Владыко, силу твердо творить волю Твою во спасение души моей окаянной и в славу Твою со Безначальным Твоим Отцем и Единосущным Твоим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Если видишь брата гордого и строптивого, горделиво с тобой или с другими обращающегося, молись о нем, чтобы Бог просветил его ум и согрел его сердце огнем благодати Своей, говори:

Господи, научи раба Твоего, в дьявольскую гордость впадшего, кротости и смирению, и отжени от сердца его мрак и бремя сатанинской гордыни!

Если видишь сребролюбивого и жадного, говори:

Сокровище наше нетленное и богатство неистощимое! Даруй рабу Твоему сему, сотворенному по образу и подобию Твоему, познать лесть богатства, и яко вся земная — суета, сень и соние. Яко трава дни всякого человека, или яко паучина, и яко ты един богатство, покой и радость наша!

О завистливом молись:

Господи, просвети ум и сердце раба Твоего сего к познанию великих, бесчисленных и неисследимых даров Твоих, ихже приял от неисчетных щедрот Твоих, во ослеплении бо страсти своея забы Тебе и дары Твои богатые, и нища себе быти вмени, богат сый благами Твоими, и сего ради зрит прелестне на благая рабов Твоих, имиже, о, пренеизглаголанная Благостыня, ущедряеши всех, коегождо противу силы его и по намерению воли Твоея. Отыми, всеблагий Владыко, покрывало дьявола от очию сердца раба Твоего и даруй ему сердечное сокрушение и слезы покаяния и благодарения, да не возрадуется враг о нем, заживо уловленном от него в свою его волю, и да не отторгнет ею от руки Твоея.

Когда видишь пьяного, говори сердцем:

Господи, призри милостиво на раба Твоего, прельщеннаго лестию чрева и плотскаго веселия, даруй ему познати сладость воздержания и поста и проистекающих от него плодов духа.

Так молись о всех согрешающих и не дерзай никого презирать за грех его или мстить ему, ибо этим увеличились бы только язвы согрешающих; исправляй советами, угрозами и наказаниями, которые служили бы средством к прекращению или удержанию зла в границах умеренности.

Молитва за ближнего

Господи! возможно Тебе сделать то и то рабу Твоему сему; сотвори ему это, ибо имя Тебе — благий Человеколюбец и Всемогущий. Аще мы, лукави суще, умеем даяти даяния блага не токмо чадам, но и чужим, кольми паче Ты даси всевозможные блага просящим у Тебе.

Славословия и молитвенные обращения ко Господу

Слава Тебе, Спасителю, Сила всемогущая! Слава Тебе Спасителю, Сила вездесущая! Слава Тебе, Утроба преблагосердая! Слава Тебе, Слух присноотверзающийся на услышание молитвы мене окаяннаго, во еже миловати мене и спасати от грех моих! Слава Тебе, светлейшия Очи, выну на меня зрящии любезно и прозирающии вся моя сокровенности! Слава Тебе, слава Тебе, слава Тебе, сладчайший Иисусе, Спасе мой!

✧

Что я принесу Тебе, Господи, за вся благая Твоя, ими же непрестанно меня ущедряеши? — Единую веру мою, ибо дел не имам оправдающих мя, ничтоже бо благо сотворих пред Тобою. Но и вера моя есть твой же дар; обаче Твоя от Твоих приносимое Тебе приими. Ибо все — Твое, и все мы — Твои; Ты совершеннейший Первообраз наш, мы образы неизреченной Твоей славы, аще и язвы носим прегрешений, ущедри же Твое создание, Владыко, и очисти нас Твоим благоутробием и вожделенное отечество подаждь нам, рая паки жителей нас сотворяя; отыми от нас страсти плотские, да плотския похоти вся поправше, духовное жительство пройдем, вся ко благоугождению Твоему и мудрствующе и деюще.

✧

Слава Тебе, Господи, Отче наш, премудрый Испытателю любви моей к Тебе и к ближнему моему. Не оставляй меня без искушений, аще премудрости и правде Твоей угодно и благопотребно будет, ни единого дня живота моего; да насадится, да утвердится, да очистится и возвысится любовь моя к Тебе и к ближнему моему, и да не явлюся на суде Твоем тощ пред лицем Твоим.

✧

О Ты, Всемогущий Владыко, Коего манию единому все повинуется, весь мир видимый и невидимый, даруй мне прославляти Тя не-

престанно простотою веры моей в Твое бесконечное могущество. Даруй мне веру непостыдную, надежду твердую, любовь к Тебе и к ближнему нелицемерную!

✧

Даждь мне, Господи, благодать отвергнуться себя — этого дьявола, которым я сделался по преемству от Адама. Новый Адам, Господи Иисусе, претвори меня, новым человеком соделай меня, облеки меня в Тя.

✧

Не попусти, Господи, ни на мгновение, чтобы я творил волю врага Твоего да моего — дьявола, но чтобы я творил непрестанно волю Твою единую, Бога и Царя моего: Ты един, истинный Царь мой, Имже цари царствуют, даждь мне повиноваться Тебе, благоговеть пред Тобою всегда искренно и твердо. Приидите поклонимся Цареви нашему Богу, да работаем Ему со страхом и радуемся Ему с трепетом.

✧

Когда согрешишь в пятидесятый и сотый раз в день и тобою овладеет крайнее дьявольское уныние и отчаяние в Божием милосердии, скажи от глубины души с Метафрастом:

Знаю, Владыко мой, что беззакония мои превзыдоша главу мою, но безмерно множество щедрот Твоих, неизреченна и милость незлобивой Твоей благости, и нет греха, побеждающаго Твое человеколюбие. Удиви же, пречудный Царю, незлобиве Господи, и на мне грешном милости Твоя, покажи благости Твоея силу, и яви крепость благоутробнаго милосердия Твоего и прими меня, обращающагося к Тебе грешника. Прими меня, как принял Ты блуднаго, разбойника, блудницу; прими меня, безмерно согрешившаго и словом и делом, похотию безместною и помышлением безсловесным, и не обличи меня праведным судом Твоим и не накажи меня в праведном гневе Твоем. Помилуй меня, Господи, ибо я не токмо немощен, но и Твое создание. Ты утвердил страх Твой на мне, а я лукавое пред Тобою сотворих. Я уповаю на Тебя, Боже мой! Если есть для меня надежда спасения, если человеколюбие Твое без числа превышает множество беззаконий моих, буди мне Спаситель, и по щедротам Твоим и милостям Твоим ослаби, остави мне все, в чем я согрешил пред Тобою, ибо множеством зол наполнилась душа моя, и нет во мне надежды спасе-

ния. Помилуй мя, Боже, по великой милости Твоей и не воздай мне по делам моим, и не осуди меня по деяниям моим, но обрати, заступи, избави душу мою от совозрастающих ей зол и лютых восприятий; спаси мя, ради милости Твоея, чтобы там, где умножился грех, преизобиловала благодать Твоя, и восхвалил бы и прославил бы я Тебя всегда, вся дни живота моего, ибо Ты Бог кающихся и Спас согрешающих.

✧

Господи! научи меня подавать милостыню охотно, с ласкою, с радостью и верить, что, подавая ее, я не теряю, а приобретаю бесконечно больше того, что подаю. Отврати очи мои от людей с жестоким сердцем, которые не сочувствуют бедным, равнодушно встречаются с нищетою, осуждают, укоряют, клеймят ее позорными именами и расслабляют мое сердце, чтоб не делать добра, чтоб ожесточить и меня против нищеты. О, Господи мой! Господи, исправь дело милостыни! Господи, да идет всякая милостыня моя в пользу, а не во вред! Господи, приемли Сам милостыню в лице нищих Твоих людей!

О даровании любви

1. Сколь Ты благ, Господи мой, и сколь Ты близок к нам, — так близок, что с Тобою можно всегда беседовать и Тобою утешаться, Тобою дышать, Тобою просвещаться, в Тебе мир иметь, в Тебе пространство сердечное обретать. Господи! научи меня простоте любви к Тебе и к моему ближнему, да всегда буду с Тобою, да всегда мир имею в Тебе. Господи! не даждь ни на мгновение мне любодействовать с премерзким и всезлобным врагом — дьяволом, ни злобою, ни гордостью, ни завистью, ни скупостью, ни любостяжанием, ни чревоугодием, ни блудными помыслами, ни хулою, ни унынием, ни ложью, ничем греховным. Да буду я всегда весь Твой!

2. Господи! се сосуд Твой есмь: наполни мя дарованиями Духа Твоего Святаго, без Тебя я пуст всякаго блага или паче — полн всякаго греха. Господи! се корабль Твой есмь: исполни мя грузом добрых дел. Господи! се ковчег Твой: исполни его не прелестию сребролюбия и сластей, а любовию к Тебе и к одушевленному образу Твоему — человеку.

СОДЕРЖАНИЕ

Список использованной литературы:

Сурский И.К. Отец Иоанн Кронштадтский. Т. 1-2. М., 1994.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях самовидцев. М., 1997.

Святой праведный Иоанн Кронштадтский в воспоминаниях современников. М., 1998.

Митрополит Вениамин (Федченков). Встречи со святыми. М., 1999.

Религиозное издание

Святой праведный Иоанн Кронштадтский

Жизнеописание, чудеса и наставления

Сборник

Ответственный за выпуск *И.В.Новиков*
Художник-оформитель *А.В Кораблев*
Компьютерный набор *Т.В.Кушнер*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.10.2001 г. Формат 60x84/16.
Бумага газетная. Печать офсетная. Печ. л. 25. Тираж 7100 экз.
Заказ № 3001.

Налоговая льгота - Общегосударственный классификатор Республики Беларусь
ОКРБ 007-98, ч.1; 22.11.20.600.

«Лучи Софии». Лицензия ЛВ № 205 от 20.03.2001 г.
220072, Минск, проспект Ф.Скорины, 66, п. 78.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательство "Белорусский Дом печати"».
220013, Минск, проспект Ф.Скорины, 79.

24.

21 июля-07

520

ЛУЧИ
СОФИИ

Святой Праведный Иоанн Кронштадтский